Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

2
2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226

Учредители:
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая ассоциация

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http:// soziologi.ru

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 30.04.2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
А.И. Антонов, С.А. Барков, В.П. Васильев, Ю.Г. Волков, В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев, Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова, С.О. Елишев, С.Г. Ивченков, В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак, А.А. Осеев, В.Н. Петров, Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Аносов С.С. Эффективность консолидации: социальная политика государства..... 5
Кудрявцев В.А., *Грудина Т.Н.* Религиозные детерминанты общественной жизни: социологическое наследие С.Л. Франка и его применимость к современности..... 21
Хомякова К.Л. Москва – глобальный город: особенности развития и социальные проблемы 30
Гомцян О.А. Криминальная субкультура: специфика, причины привлекательности и влияние на подростков и молодежь..... 36
Ковалева А.В. Институт семьи в современном российском обществе 41
Тамицкая Е.Н., Цихончик Н.В. Факторы риска межэтнической напряженности в молодежной среде регионов Российской Арктики 45
Шкурупей О.В. Социальная поддержка молодежи в «постковидном» мире 54

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего..... 60
Попова М.В. Современные российские миграции из города в село..... 68
Волков Ю.Г., Гаврилов П.С. Иностранные студенты в образовательном пространстве российских вузов: проблемное поле и потенциал социологических исследований 75
Коркия Э.Д. Социальное одиночество как атрибут урбанистических практик в контексте вынужденной самоизоляции 81
Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире 87
Ху Юэ, Цзо Ци. Применение современных цифровых технологий в борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае 93
Конобейская А.В. Особенности самосохранительного поведения студентов технических специальностей в период самоизоляции (социальное исследование в условиях пандемии COVID-19)..... 101
Нагиева М.К., Салихова Л.Б., Басирова К.К. Исследование электоральных предпочтений дагестанской молодежи с учетом ее материального и социального положения в обществе..... 112
Полякова Н.В. Проблема сакрализации власти в «Основах социальной концепции РПЦ» 120
Пугацкий М.В., Романова Н.М. О пограничных состояниях человека и социума в психологии и о социальном конструировании..... 130
Хлопов О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии 136

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Коньков А.Т., Бакунов А.В. Корпоративная социальная ответственность как стратегия минимизации рисков в деятельности зарубежных нефтегазовых компаний 146
Водопетов С.А. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое положение иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации..... 153
Галлямова Э.М. Доказательная государственная политика: возможности и ограничения 158
Погребной Д.Н., Осипенко Э.Б. Теоретико-методологические основы изучения служебного поведения в отечественной научной литературе второй половины XX века..... 163
Филясова Ю.А., Потемкин В.К. Социальные предпосылки перфекционизма преподавателя университета 169

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Мамараев Р.М., Лысенко Ю.М., Гарунова Н.Н. Политическая культура дагестанской молодежи и её электоральные установки на современном этапе развития 180
Якимова С.И. Книга очерков Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932) в контексте творчества писателя 188

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Извекова Т.Ф. Познавательная традиция Гераклита: главное античное решение проблемы о соотношении веры и знания ... 196
Сафронов А.В. Метод достраивания реальности и каузальный дуализм: молитва как метод 205
Сизинцев П.В. Представления о личности в творчестве русского мыслителя епископа Августина (Гуляницкого) 216
Чернышев В.П., Хабарова О.Л., Белкина Н.В., Бачурина Ю.В., Покусаева Н.В. Окультуренные формы физической активности как средство формирования приватной зоны личности 223

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Беломыцев А.А. Проблематика социальной деструктивности в философской мысли второй половины XX в..... 228
Данилова М.И., Васильева А.С., Кобякова И.И. Динамическая онтология: проблема предмета и метода исследования 238
Гаврилова Ю.В., Кононов С.В., Шевченко М.С. Концептуализация сущности представлений о социальной безопасности регионов российско-китайского приграничья в отечественном научном дискурсе 245
Хвастунова Ю.В. Постгендеризм в парадигме трансгуманизма на примере идей экстропианства..... 253
Чжан Цзе. Феномен китайской «полуурбанизации» и его влияние на сельское образование..... 263
Емельянова Е.В., Силенков В.И., Шабанов Л.В. Философско-религиозные концепции профилактики наркомании в социальном пространстве современного человека 269
Шеремет А.Н. Журналистика в социальных учениях российских просветителей: историко-социологический аспект..... 278

Эффективность консолидации: социальная политика государства

Аносов Сергей Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматривается особенности социальной политики государства, направленной на уменьшение бедности и увеличение процессов конъюнкции и солидарности в разных социальных группах. Выявляются основные тенденции и перспективы изменения уровня социального воспроизводства и социальной солидарности российского общества.

Ключевые слова: социальная политика, государство, консолидация, единство, развитие.

Совершенно очевиден и не нуждается в дополнительной аргументации факт, что социальная солидарность общества формируется в значительной степени за счет защиты им своих наиболее уязвимых или попавших в трудную жизненную ситуацию членов; а также за счет создания относительно равных и справедливых условий жизни и деятельности всех социальных групп. Без такого реального «сбережения народа» и поддержания социальной справедливости всякая провозглашаемая солидарность будет пустым сотрясанием воздуха, и именно этот аспект социальной консолидации формируется, наряду с прочими, в вертикальном конъюнктивном потоке – от власти к обществу и обратно. Власть не должна ограничивать свои усилия по формированию «единства нации» идеологической риторикой и заявлениями. Эффективная социальная политика – основа социальной консолидации. По словам канадского исследователя Д. Белана, государственная «социальная политика – это, преимущественно, программы, направленные на поддержку бедных, борьбу с неравенствами, содействие гражданской солидарности, снижение зависимости от рынка и защиту работников и их семей перед лицом особых экономических рисков» [27].

Вообще государство, реализуя социальную политику, создает лояльное общество, укрепляет свою легитимность, формирует электоральную поддержку, минимизирует возможности социальных конфликтов на экономико-социальной почве, демонстрирует свое неравнодушие по отношению к обществу, которым оно управляет, и поддерживает представление о более или менее справедливом распределении валового внутреннего продукта между членами общества, с использованием ресурсов которого этот продукт и производится. Конъюнктивное значение

всех этих аспектов очевидно, и чаще всего государство отдает себе в этом отчет.

В.Г. Федотова считает, что социальное демократическое государство есть «исторически определенный тип государства, реализованный западными социал-демократиями в индустриальную эпоху для поддержания классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер» [23]. Другими словами, направления, характер, степень и прочие характеристики социальной защиты выступали в западном мире предметом согласования и договоренностей четырехстороннего дискурса. В результате, в западных обществах удалось сформировать общественные отношения, изначально построенные на принципе солидарности, дополняемом в случае необходимости субсидиарным подходом. Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, то есть способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага.

Вместе с тем, американское «государство всеобщего благоденствия» (welfare society) – это не то же самое, что «социально-капиталистические» государства Европы. Прежде всего, степень защиты наемных работников в двух контекстах сильно отличается, что связано с особенностями сложившихся здесь социально-статусных систем. Э. Лоуренс объясняет это положение вещей следующим образом: «…в то время как ранний американский антимонопольный закон чаще применялся против американских профсоюзов (как “трудовых картелей”, чья деятельность “препятствовала свободной торговле”), нежели против бизнеса, европейское законодательство карало только бизнес. На самом деле, главная причина, по которой работодатели и суды в Германии были менее склонны клеймить профсоюзы как трудовые картели, в отличие от их американских коллег при всякой забастовке, заключается в том, что кодетерминация доказала в Германии свою высокую эффективность в комбинировании представительства работников с корпоративным управлением» [30].

Напомним, что под «кодетерминацией» (codetermination) в европейских (прежде всего – германском) обществах понимается участие работников компаний в коллективном управлении, благодаря членству в совете директоров и через создание трудовых комитетов на каждом предприятии. Кодетерминация возникла в 50-х годах прошлого века в Германии и получила законодательное оформление в виде «Закона о кодетерминации» (Mitbestimmungsgesetz) от 4 мая 1976 г.

В Соединенных Штатах ничего подобного нет. Однако менее всего права работников защищены все же не в США. Практически бесправны они, согласно Лоуренсу, прежде всего, в России, Китае и Сингапуре: «Нисколько не удивляет то, что работники имеют преимущества перед собственниками главным образом в демократических, а не в авторитарных контекстах. Примеры России, Китая и Сингапура убедительно свидетельствуют в пользу того, что сильные государства, способные жестко обеспечивать условия социального контракта, вполне способны и нарушить эти условия».

Европейская социально-капиталистическая модель привлекает в последнее время все большее внимание, в том числе, со стороны американских ученых-экономистов и других обществоведов, и тематика конъюнкции в этом интересе занимает одно из главных мест. В частности, Н. Гилберт утверждает: «Социальная солидарность – это термин, традиционно использовавшийся в связи с понятием государства благоденствия, особенно среди ученых и политиков Западной Европы. Термин относится к интегративным связям – чувству при-

надлежности – соединяющим индивидов через создание групповой лояльности, доверие и взаимные обязательства, которые облегчают коллективные действия. Термин связан, естественно, и с понятием социального капитала. Однако если солидарность есть связь, производящая социальный капитал, как эта связь формируется в развитом индустриальном обществе? Один из ответов: … солидарность формируется на основе социальных прав граждан» [28]. Другими словами, Гилберт уверен, что в современном обществе солидарность неотделима от социальной функции государства как гаранта определенного уровня благосостояния. Следовательно, конъюнктивные процессы будут эффективны только в том случае, если общество, в котором они разворачиваются, обеспечивает определенный уровень справедливости, или приемлемый уровень материального расслоения и неравенства. Ученый формулирует «гипотезу конвенциональной солидарности», которая трактуется им следующим образом. Признание социальных прав граждан на общее обеспечение (пусть даже обусловленное уровнем дохода) соответствует представлениям о том, что щедрое государство благоденствия, твердо отстаивающее права на такое обеспечение, увеличивает социальную солидарность.

В свою очередь, С. Хилл убежден, что именно европейский путь развития, с его повышенным вниманием к проблемам социального консенсуса может предложить наиболее адекватное направление общественного развития в наши времена. Исследователь утверждает: «Волшебный эффект таких вещей как ”кодетерминация“, ”наблюдательные советы” и ”рабочие комитеты” обеспечили европейской экономике очевидное превосходство над американской, в чем мы окончательно убедимся уже в ближайшие годы, по мере усиления глобального капитализма. Эти несомненные европейские преимущества являются, возможно, самыми значимыми изобретениями в мировой экономике, начиная с создания современной корпорации как таковой» [29]. Он уверен, что социальная консолидация занимает центральное место в общих конъюнктивных процессах европейских стран, в силу того что представляет собой одну из ключевых, базовых ценностей общественного устройства, в какой бы стране оно не рассматривалось. Совершенно естественная конъюнктивная функция государства находит здесь свою реализацию и через рефлексивную социально-экономическую политику, или практику «социального капитализма» в различных жизненно важных сферах общества, включая социальное обеспечение, здравоохранение и образование, что рассматривается большинством людей в качестве важнейшего элемента внутреннего скрепления и интеграции европейских обществ.

Разумеется, и в этих благоприятных для формирования и поддержания солидарности условиях не удастся обойтись без вызовов со стороны реалий современности. Очевидно, что одними из самых серьезных испытаний такого рода стали для Европы мощные миграционные волны с Ближнего Востока и из Африки, пережитые европейскими странами с началом «арабской весны» – цепи освободительных революций в данных регионах, освободивших более чем достаточное количество желающих перебраться в благополучную Европу. «Все более усложняющееся общество делает поддержку солидарности все более трудной задачей», – писал В. Бос, бывший депутат нидерландского парламента и бывший лидер левоцентристской Рабочей партии. По его мнению, солидарность процветает на почве общих интересов и общих ценностей. Трагедия некоторых западных европейских обществ, и совершенно точно – Нидерландов, заключается в том, что эти основания солидарности сегодня подрываются миграцией и неудачами в попытках интегрировать вновь прибывших в наши общества. Граждане-налогоплательщики могут задать вполне резонные вопросы, почему они должны стараться ради людей,

которых не знают, не понимают, и которые ведут себя совершенно не так как они. У нас проблема, и мы должны что-то предпринять, чтобы решить ее

По мнению Я. Келлера, социальное государство являлось «…переходным историческим компромиссом между хищническими силами рынка и обязательством социальной ответственности общества за своих членов[12]. Как итог, уверен Келлер, социальное государство «создает среду, в которой постоянный рост расходов экстернализированных сетей должен покрываться постоянным снижением объема ресурсов».

Ф.-К. Меррион анализирует социальную ответственность государства и крупного бизнеса с референцией к социальной политике, проводимой Мировым Банком (The World Bank). Как доказывает исследователь, политика социальных гарантий постоянно «проигрывает» рыночным ценностям и целям в современном мире, чему данное специфичное подразделение ООН способствует в высокой степени. Одной из таких настойчиво внедряемых и проводимых в жизнь ценностей является тезис о том, что «общество состоит не из классов, а из индивидов. Впрочем, это не исключает различные критерии масштабов богатства и влияния, да и поляризации между богатыми и бедными, между людьми привилегированными и угнетаемыми. Политика достижения благосостояния, проводимая общественным сектором, должна помочь угнетаемым в достижении ими автономии, между тем как другие группы общества страхуются на добровольной основе. Политика помощи неимущим и жертвам должна проводиться в основном новыми глобальными организациями, которые являются наиболее легитимными представителями гражданского общества» [17]. Таким образом, социальная солидарность совершенно не гарантирована от посягательств со стороны узкокорпоративных сил, заинтересованных, скорее, в ее сокращении и локализации в ограниченных профессиональных сообществах, нежели расширении до социума в целом, и тем более – до международного уровня, на котором основные и крупные «игроки» современного глобального капитала чувствуют себя совершенно свободно.

Тем не менее, даже самые серьезные вызовы глобализации солидарность способна выдержать, коль скоро она поддерживается и укрепляется адекватной социальной политикой государства. Именно об этом говорит бывший комиссар Европейского Союза по торговле П. Мандельсон, проанализировавший данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 20 лет. Выводы были сделаны недвусмысленные: «…государства с сильной социальной ориентацией, которые обеспечивают гибкость рынка рабочей силы, высокий уровень образования и переподготовки, помогают женщинам и пожилым людям продолжать работать, лучше подготовили себя к глобализации, чем страны со слабой социальной политикой. Наиболее конкурентоспособные страны ОЭСР также направляют большие средства на общественные блага и избавляют людей от страхов в отношении самих серьезных экономических рисков, особенно потери работы и отсутствия медицинской страховки» [16].

Таким образом, социальная солидарность демонстрирует достаточно высокий уровень живучести даже в современных условиях глобального капитализма, не располагающих к чрезмерной заботе о людях труда, при наличии, повторимся, внятной и адекватной социальной политики. Говоря словами А.Ф. Храмцова, «Эмпирические факты недвусмысленно свидетельствуют, что разговоры о кризисе, упадке социального государства, неотвратимости под влиянием глобализации действия факторов его изменчивости имеют под собой не слишком веские основания. … Резкое расширение диапазона социально-политических действий в рамках социального государства, превращение практически всего населения в объект социальной политики настоль-

ко расширяют его функции, что это означает не количественное, а качественное изменение ситуации… А значит – и это важнейший урок для России – что факторы его устойчивости продолжают крепнуть, а возможности подрыва основ социального государства с течением времени сокращаются [24].

Усвоила ли Россия этот урок? Увы, как с точки зрения социальной защиты уязвимых слоев населения, так и с точки зрения поддержания справедливого перераспределения общественного продукта и национального дохода, мы должны ответить на этот вопрос отрицательно.

Сравнительный анализ пенсионного обеспечения, социальной политики в отношении семьи и детей, программ в области обеспечения жильем, политики в отношении инвалидов, и других направлений социальной защиты оказывается, к сожалению, далеко не в пользу нашей страны (Е.В. Зорина; И.В. Новоселова; Е.Ш. Мусалимов; В. Роик; Е.Н. Сочнева). Более того, это верно не только в сравнении с развитыми странами Запада, но и в отношении наших бывших союзников по социалистическому блоку и даже по СССР. Наша страна проигрываетпо степени социальной защищенности населения даже нашим партнерам по союзному государству – например, братской Беларуси. В этой связи, петербургские социологи, осуществившее компаративное исследование тринадцати стран бывшей социалистической ориентации, отмечают: «Россию и Беларусь в пространстве посткоммунистических стран Европы можно рассматривать как случаи реализации полярных ситуаций – [социального] неравенства и равенства, соответственно» [8].

Роль социального неравенства, достигшего критических значений, для социальной дизъюнкции трудно переоценить, и в этом среди исследователей наблюдается редкое единодушие. По словам Н.Л. Русиновой, «Углубление неравенств, сопровождающееся формированием соответствующей институциональной среды, обслуживающей интересы правящих групп; “институциональной жестокостью”, проявляемой в отношении простых граждан; и неизбежной интенсификацией процессов эксклюзии, приводит к увеличению числа индивидов и групп, не имеющих доступа к механизмам интеграции, в результате чего их связи с обществом ослабевают, а в худшем случае разрываются. Для каждого отдельного индивида это означает ограниченность возможностей социального участия или полную социальную изоляцию; для общества в целом, как социальной системы, выпадение целых сегментов общества из социального обмена создает крайне неблагоприятную социально-психологическую атмосферу в обществе, характеризующуюся настроениями враждебности, конфликтности, недоверия; и уж никак не способствующую общественной консолидации [21]. Вывод исследователя, помимо своей справедливой критичности, вновь недвусмысленно указывает на факторную интерференцию: социальная эксклюзия и институциональная жестокость прямым образом ответственны за специфичное социально-психологическое самочувствие граждан. Неконструктивное и несправедливое перераспределение национальных богатств может способствовать только дизъюнктивным процессам в обществе.

Одним из сдерживающих внутренних факторов для достижения единства российского общества и развитого чувства государственно-гражданской идентичности является недостаточный уровень социального благополучия основной части населения и неудовлетворенное чувство социальной справедливости. Существует также общественный запрос на иной, чем есть в реальности, уровень законности и порядка. В современных условиях нужны изменения в экономической и социальной политике государства в интересах основной массы населения и создание таких условий, при которых люди могли бы гордиться и тем, что они являются представителями конкретных этнических общностей, и своей граж-

данской принадлежностью [20]. Таким образом, автор также делает вывод о критической значимости социально-экономической составляющей для дела социальной консолидации, включая межэтническую интеграцию.

В.В. Локосов напрямую рассматривает связь социально-экономических факторов и социальной консолидации. Ученый оперирует результатами прикладных исследований: «…уровень тревоги по поводу неравенства, расслоения на богатых и бедных растет: с 13 (2007 и 2009 гг.) до 23% (2011 г.). На вопрос о том, между какими социальными группами сложились наиболее напряженные отношения, респонденты на 1–2-е места (в сравнении с оценками отношений между людьми разных национальностей, вероисповеданий, коренными и приезжими) ставят **отношения между богатыми и бедными** (выделено мною – *С.А.*)» [13]. Другими словами, людей не столько волнуют этнические, религиозные, региональные – одним словом, социокультурные – отличия, сколько имущественная дифференциация, представляющаяся по своим масштабам неприемлемой.

В этой связи совершенно логичным становится вопрос: как проблема социальной консолидации может быть решена через различные федеральные целевые программы, типа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», без решения проблемы несправедливого перераспределения национального дохода в российском обществе? Первый ответ среди вероятных вариантов – никак. Эти программы, носящие исключительно номинальный и формальный характер и наполненные аналогичными мероприятиями, по итогам реализации которых органами местного самоуправления создаются такие же отчеты, возможно, имели бы смысл в качестве своеобразной «надстройки», дополнительного «украшения» или изыска, призванных придать этнокультурный шарм созданным базовым параметрам, отвечающим требованиям социальной справедливости, социальной включенности, равенства возможностей, отсутствия совершенно невероятных диспропорций в экономическом благосостоянии и пр. Пока эти базовые проблемы не решены, все программы по «укреплению единства» обречены остаться просто «изыском» – декларацией солидарности, оглашаемой над глубоко дезинтегрированным обществом.

В.В. Локосов приводит данные шести фокус-групп, проведенных в Кирове и Тюмени среди молодежи (18–29 лет), респондентов среднего (30–55 лет) и старшего (более 55 лет) возраста, которым был задан вопрос о главных причинах, по которым «…сегодня объединяются или разъединяются жители нашей страны. Социальное неравенство было одной из основных причин разъединения людей в ответах респондентов» [14].

Трудно не согласиться с выводом исследователя о том, что развитие российского общества будет оставаться крайне затрудненным, если разрыв между богатством и бедностью не станет сокращаться. И здесь вновь проявляется факторная обусловленность, связь материального и сенсуального, экономического и психологического. Для массового сознания населения остается актуальной социальная травма, связанная с приватизацией общенародной собственности. Материальный достаток человека часто объясняется его асоциальным поведением и связями, а не талантом и честным трудом [19]. Положительные изменения уровня и качества жизни, как правило, не получают ожидаемого резонанса, так как в общественном мнении сложился стереотип о крайне несправедливом механизме перераспределения ресурсов, когда эти изменения в лучшем случае воспринимаются как частичное возвращение долгов народу.

Научный факт материального расслоения, являющегося одной из основных причин социальной дизъюнкции российского общества и обладающего социально-психологическими коррелятами, поднимается в работах цело-

го ряда исследователей. В частности, С.Г. Максимова, изначально ставившая задачу изучения «образа России» в представлениях населения, обнаружила, что «Среди опрошенных жителей приграничных регионов 56% считают, что народное единство в России скорее есть; 32% ответили, что его скорее нет и 12%[1] не дали определенного ответа. Характерно, что многонациональный характер нашего государства подавляющее большинство опрошенных не считают фактором, который влияет на разобщенность людей в современном российском обществе. Важнейшие причины этого, по их мнению, кроются в глубоком материальном неблагополучии и высоком социальном неравенстве, а также нравственно-психологических деформациях» [15].

Г.В. Еремичева также на основании эмпирического исследования отмечает: «Углубляющуюся социальную дифференциацию и резкие проявления социального неравенства респонденты связывают, прежде всего, с неэффективностью и “бездействием” представителей всех ветвей власти. Многие жизненные ситуации … иллюстрировали “нечистоплотность” чиновников и использование ими служебного положения в своих целях, примеры взяточничества и коррупции. Все это противопоставляет представителей властных структур и простое население, усиливает неверие в правильность действий администрации. Обсуждение почти всех проявлений социального неравенства велось в лексике резкого противостояния населения и власти: “они там, а мы здесь”» [8]. Таким образом, мы фиксируем достаточно частотное появление в работах различных авторов феномена факторной интерференции, при которой социально-экономическая фактичность сопрягается с сенсуальной сферой и обусловливает комплекс аффективных «ответов» индивида и группы.

Естественно, что это факторное сопряжение не может не влиять на состояние социальной консолидации. По словам Г.В. Еремичевой, современный уровень социального неравенства, диспропорции в распределении богатых и бедных, нерешенность насущных социальных проблем большинства крайне затрудняют процесс консолидации. В условиях, когда слой людей, чьи интересы заняты, прежде всего, выживанием, составляет большинство населения страны, трудно говорить о возможности его сплочения, прежде всего, во взглядах на справедливое распределение собственности и доходов, условия проживания и занятости, что особенно актуально для групп с низкими доходами.

Вместе с тем, данные приводимых исследований относятся, прежде всего, к мнениям, то есть субъективному измерению некоего объективного положения вещей. Каковы, однако, его конкретные показатели, соответствуют ли они столь драматичному восприятию?

Согласно докладу МОТ[2] «Заработная плата в мире в 2016–2017 гг. Неравенство в оплате труда на предприятиях», средняя месячная зарплата в России на 2015 г. составляла 33 981 руб., или 608 долл. США ($)[3]. Для сравнения: в США она составляла 3746 $, в Германии – 3351 $, в беднейшей стране Европы – Португалии – 1344 $, в Китае («ключевом партнере» – В.В. Путин) – 807 $ [9].

По данным МОТ, падение заработной платы в РФ в 2015 г. составило –9,5%. Характерно, что в указанном году снижение заработной платы в европейских странах показали только четыре государства. Кроме России, это Украина (–20,2%), Казахстан (–2,4%), Беларусь (–2,3%). Остальные 48 стран Европы (расширенный список) показали положительную динамику, с наибольшим ростом зарплат в Болгарии (9,9%), Таджикистане (7,7%), и Тур-

[1] Проценты округлены нами до целых.

[2] Международная организация труда.

[3] В докладе МОТ представлены суммы в номинальном выражении, то есть, в национальной валюте. Нами произведен пересчет в доллары США для удобства сопоставления по курсу ЦБ на 26.01.2018 г. Доклад опубликован в 2017 году с верифицированными данными за 2015 г. В 2017 г. средняя заработная плата составила в России 35 843 руб., или 642 долл. США ($).

ции (5,6%). В Китае зарплата выросла на 6,9% [9].

В 2010–2015 гг. …в странах Содружества независимых государств (СНГ) заметно резкое сокращение ВВП и всплеск инфляции: так, в Российской Федерации темпы роста ВВП снизились с 4,5% в 2010 году до –3,7% в 2015 году на фоне стремительного взлета инфляции с 6,9 до 15,5%.

Одним из наиболее валидных считается децильный показатель неравенства. И здесь ситуация в России недвусмысленная. В европейских странах разница между доходами 10% наиболее оплачиваемых работников и работниками, входящими в нижний дециль (10% наименее оплачиваемых), составляет: для стран Скандинавии – 4–5 раз, а в среднем – 8 раз. В России он составлял на момент представления доклада (2017 г.) 12 раз. Одновременно необходимо заметить, что в случае России, МОТ не пользуется сведениями, предоставляемыми государственным органом статистики – Росстатом. МОТ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭП-ВШЭ), проводимого ГУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапелл-Хилл, США), и Института социологии РАН. Тем не менее, независимые расчеты децильного коэффициента для российского общества дают 30–32-кратную разницу в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан.

Для количественной оценки неравенства используется целый ряд инструментов, и результаты во всех случаях, мягко говоря, не самые вдохновляющие. Как убедительно показывают экономические исследования, и анализ динамики децильного коэффициента, и коэффициента Джини, и оценка состояния социального неравенства с помощью метода Лоренца демонстрируют значительное социальное расслоение в современной России [10].

Мало того, что драматичное социальное неравенство способствует социальной дизъюнкции, в результате исследований зависимости криминальной обстановки от величины децильного коэффициента, осуществленных учеными-медиками в нескольких регионах страны, было установлено, что «численность людей, пострадавших от преступных посягательств, а также число убийств и покушений на убийство тем больше, чем выше значение децильного коэффициента, то есть, чем выше социальное неравенство населения в субъектах Российской Федерации [6]. Авторы доказывают, что в России децильный коэффициент следует снизить до шести пунктов законодательно, что, по их мнению, не только оздоровит криминальную обстановку в стране и улучшит общественное здоровье, но и сократит потенциальную социальную базу для «цветных» революций. И создаст подлинные и серьезные основания для полноценной социальной конъюнкции, добавим мы.

Необходимо также заметить, что в тех случаях, когда ученые-экономисты разрабатывают и применяют метод проверки качества официальных статистических сведений по душевым доходам при помощи ряда косвенных показателей, они получают альтернативные официальным данным оценки среднедушевых доходов населения в регионах страны. В частности, А.В. Янцен в результате своего исследования данных за 2013–2014 гг. пришел к выводу, что «в ряде регионов официальная статистическая оценка доходов, вероятно, существенно (более чем на 20%) искажена» [26].

Одним из показателей относительной приемлемости действующей практики перераспределения национального дохода являются, разумеется, принципы принятого в обществе налогообложения. Как известно, система налогообложения должна отвечать трем основным критериям – рациональности, эффективности и справедливости. Как показывают объективные экономические исследования, и подсказывает элементарный здравый смысл, в российском обществе этим критери-

ям не отвечают ни плоская шкала налогообложения доходов, ни регрессивная шкала ставок единого социального налога. Совершенно не отвечающим критериям справедливости и того же здравого смысла является и соотношение прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, о чем также давно и много говорят ученые-экономисты [14].

Более того, как доказывал в докладе «Российская бедность – возможно ли ее преодоление?» директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН профессор А.Ю. Шевяков, плоская шкала налогообложения в нашем обществе вообще является мифом. «С работающего человека налог берется дважды – ЕСН (26%)[4] и подоходный налог (13%) – и равен он почти 40%. Те люди, которые живут на дивиденды и прочие доходы от собственности платят максимум 13% (с дивидендов – 9%, а если они живут на проценты с банковских вкладов – то платят до 13%). 13%, как ни крути, меньше 40%» [18].

Экономические процессы, включая имущественное неравенство, могут выглядеть «объективными» и даже стихийными, но не для ученых-экономистов. Авторы доклада МОТ предпослали ему характерную цитату известного британского экономиста и исследователя социального неравенства Э. Аткинсона. Ошибочно видеть в сегодняшнем высоком уровне неравенства результат действия неподконтрольных нам сил. Что же касается частнособственнического интереса, то, по словам не менее известного французского экономиста Т. Пикетти, «…система цен не знает ни пределов, ни нравственности» [31]. Очевидно, что сложившуюся в российском обществе практику перераспределения общественного продукта необходимо менять, и конкретные меры в этом направлении предлагались и не раз, в том числе – ведущими отечественными экспертами. Увы, они до сих пор не услышаны, а ряды их, к сожалению, редеют…

Между тем, как сказал А.Ю. Шевяков, «Отсутствие продуманной системы выравнивания доходов и имущественного положения различных групп населения приводит и будет приводить в дальнейшем к углублению разрыва между наиболее обеспеченными и беднейшими слоями населения. Это хорошо видно на динамике относительных показателей бедности, которые растут в регионах вместе с ростом ВРП, и это показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, что нарушается даже естественная логика снижения относительной бедности по мере экономического роста» [25].

Сколько же все-таки граждан России может быть отнесено к категории «бедных»? Как следует из эмпирических данных различных источников, вопрос не так прост. По результатам исследований Института социологии РАН 2011 г., в России жили в бедности 59% населения, причем, до прожиточного минимума не дотягивали 16% из этого массива, а 43% относились к категории малообеспеченных, то есть, каждый пятый россиянин находился за чертой бедности [14]. Однако спустя всего два года, в 2013 году, видимо, несколько скорректировав методологию подсчета, тот же Институт социологии РАН «потерял» 50% найденных им ранее бедных россиян: «…будет оправданным отнести к бедным “по доходу” только тех респондентов, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых ниже, чем официально установленный в соответствующих регионах прожиточный минимум. Таковых в массиве проведенного исследования оказалось 9%. Хотя это в 2,5 раза меньше, чем представляют себе россияне “черту бедности”. При этом она практически совпадает с данными Росстата, который оценил численность бедных в стране по состоянию на конец 2012 г. в 8,8% населения или 12,5 млн человек» [2]. О причинах столь радикального изменения числа бедных

[4] Доклад А.Ю. Шевякова был сделан в 2008 г. В 2017 г. совокупный ЕСН составлял 30%, так что суммарный налог достигает 43%.

в исследованиях ведущего социологического центра России остается только догадываться.

В мониторинге социально-экономического положения и самочувствия населения Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС 2017 г. приводятся данные Росстата, согласно которым, уровень бедности в России достиг максимума за последние шесть лет, составив 13,1% населения. Впрочем, там же приводятся и данные опросов ВЦИОМ и РОМИР, где, согласно первым, сегмент бедности составляет 20% населения, согласно вторым – 21% [7]. Эти данные вызывают серьезное сомнение у других специалистов. Так, по мнению главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Е.Ш. Гонтмахера, «…даже научно обоснованная черта бедности у нас занижена в два раза». Причина в том, что «…никто не считает у нас минимальный потребительский бюджет». По убеждению исследователя, если в России перейти на подсчет числа бедных не по прожиточному минимуму, а по минимальному потребительскому бюджету, как это делают в Европе, «…мы получим не 13% бедных по стране, а 30–35%». Причем, в этом случае мы увидим, что в данной категории «довольно много работающих людей, особенно тех, кто имеет так называемую семейную нагрузку» [3].

Последние показатели представляются нам наиболее близкими к реальности. Опосредованно они корреспондируются с тем, что, например, согласно опросам Фонда «Общественное Мнение» (ФОМ) 2017 г., подавляющее большинство россиян – 70% – вообще не имеют банковских вкладов[5], а уровень зарплаты, которая, с точки зрения россиян, позволит достичь высокого качества жизни, составляет 50 тыс. руб. (медианное значение)[6] – сумма, которой, фактически, может хватить разве что на покрытие текущих расходов среднестатистической российской семьи из трех-четырех человек.

Социальная консолидация может состояться там и тогда, где и когда обнаруживаются индивиды, группы и сообщества, близкие по строю мысли и образу жизни. Столь разительная социально-экономическая дифференциация российского общества не создает возможностей для такой подлинной солидарности, оставляя место разве что для партикулярных конъюнкций, больше похожих на сговоры и клики, нежели на искреннюю и эффективную консолидацию по горизонтали и по вертикали общественных отношений.

Впрочем, степень российского социального неравенства не мешает некоторым исследователям обнаруживать в социально-экономической сфере и конъюнктивные феномены, которым даже приписывается социетальное, то есть, относящееся ко всему обществу, значение. Один из таких «обнаруженных» феноменов – **отечественный средний класс** или то, что под ним подразумевается.

Наличие среднего класса – широкого и материально обеспеченного социального слоя, сумевшего достичь собственного благополучия, и оказывающего поддержку другим слоям и группам, используя множество связей, которыми он соединен с «остальным» обществом – постулируется в качестве явного конъюнктивного феномена. Напомним: о важности «средних» для социальной стабильности и социальной конъюнкции вел речь еще Аристотель, когда утверждал, что «те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве» [1].

Н.Е. Тихонова, в свою очередь, утверждает: «Материально поддерживая и помогая в решении самых разных вопросов представителям менее благополучных слоев, с которыми они со-

[5] См. официальный сайт ФОМ: http://fom.ru/Ekonomika/13732

[6] См. официальный сайт ФОМ: http://fom.ru/Ekonomika/13815. Отметим, что претензии россиян подросли – восемью годами ранее для «высокого уровня жизни» россиянам требовались 42 тыс. руб. (согласно исследованию Росгосстраха 2009 г. / См.: http://dengi.161.ru/text/ business/123187.html.

хранили контакты, средний класс способствует тем самым снятию социальной напряженности. Это еще один важный аспект поведения среднего класса, в силу которого можно говорить о нем не только как о консолидирующей общество силе, но и как о стабилизаторе общественной жизни, способствующем снижению в нем «градуса» склонности к применению насильственных мер и на микроуровне способствующем сглаживанию наиболее острых противоречий социально-экономического характера» [22].

Заметим, что данное мнение встречает серьезную оппозицию. Далеко не все ученые смотрят на средний класс и его роль в формировании солидарного российского общества столь радужно. Например, по убеждению Н.М. Великой, «…политический центр и средние слои в России – явления совершенно различного порядка. У нас нет и не может быть социального центризма не в смысле отсутствия некоей “срединности” относительно бедности и богатства, а по причине отсутствия собственников – мелких и средних – которые и заинтересованы в стабильности экономической и политической системы. Средние слои в современной России – это отнюдь не доминирующая производительная и общественная сила, а обслуживающий персонал тех, кто все контролирует: и власть, и собственность. Это средний класс сервисного, зависимого характера. Он формируется на стыке колоссального богатства и тотальной нищеты, поэтому более маргинален, особенно по своим ментальным параметрам, чем даже находящиеся за пределами бедности» [4].

Более того, даже само наличие среднего класса в российском обществе остается по-прежнему дискуссионным. Большинство стратификационных исследований в России преследует тождественные цели, выполняет общие идеологические задачи и использует для этого средства социологической науки. Что же касается своеобразия этих исследований, то его нельзя отрицать, но оно не выходит за рамки формы и масштабов. Вряд ли кто-либо сочтет серьезным различие между двумя исследованиями, которое выразилось в том, что [в одном из них] величина среднего класса превышает его численность [в другом], примерно на 5%. Тем более, что класса в действительности нет.

В стратификации, «обнаруживающей» средний класс в современной России, по мнению Беленького, изначально заложена некорректная критериальность: «К среднему классу [некоторые исследователи] относили всех тех, кто более-менее успешно вписался в рынок, но не могут быть отнесены к высшему классу. Вот главный критерий, но о нем умалчивают. Причем такое избирательное умолчание, связано, по словам красноярского ученого, с сознательно внедряемым искаженным представлением об обществе, в котором мы живем. Многолетняя упорная шумиха вокруг среднего класса по своей сущности есть насаждение социальной иллюзии».

В свою очередь, О.А. Кармадонов и В.В. Кобжицкий также считают, что иначе, как соответствующим заказом на определенную социальную стратификацию российского социума, сложно объяснить «столь же неутомимые, сколь и малопродуктивные поиски отечественными обществоведами “среднего класса” в социальной структуре российского общества. Казалось бы, ситуация достаточно проста: мы не можем выделить российский средний класс по социально-статусным или имущественным характеристикам, но можем условно сделать это по социально-профессиональным признакам, включив в него все те группы, которые признаются средним классом в классической модели. Однако та же модель определяет и уровень благосостояния, который практически не соотносится с российскими реалиями. Следовательно, мы имеем профессиональные группы, которые традиционно включаются в средний класс, но которые в наших условиях таковым не являются в силу своего материального статуса и, соот-

ветственно, не имеют возможности влиять на что-то в своем обществе. Попытки обнаружения среднего класса в России и периодическое приписывание данного статуса тем или иным группам озадачивают и в силу того, что согласно общеизвестной истине, средний класс, уже по определению, должен являться самым массовым в социальной структуре общества. Если социологи не видят этой "массовости" и приписывают качества среднего класса периферийным группам в социальной структуре – как правило, относящимся к нижним слоям высшего класса – следует … усомниться в объективности и беспристрастности их "научного" анализа» [11].

Тем самым, определять наличие среднего класса в качестве серьезного конъюнктивного фактора, на наш взгляд, не представляется возможным в условиях современного российского общества. Последнее, разумеется, не отменяет тот принцип, что чем более широким будет социальный слой достаточно обеспеченных людей в социуме, тем большую стабильность в социум он будет привносить, и тем более действенный эффект на социальную консолидацию российского общества он будет оказывать.

Выводы

Таким образом, со стороны бизнеса социальная солидарность реализуется в форме социальной ответственности, а со стороны государства – в форме социальной политики. Существенным отличием данных векторов конъюнктивной деятельности является соотношение ее формальности и спонтанности. В случае государства эта активность, строго говоря, является его функционалом, формальным содержанием его повседневного функционирования. Никто не может принудить государство к той или иной форме, тому или иному объему, той или иной адресности социальной политики – все эти особенности оно определяет практически монопольно и реализует с бездушностью механизма.

В случае с бизнесом, конъюнктивная активность носит частично формальный, частично спонтанный характер. Первый является результатом принуждения со стороны государства, второй – результатом собственной доброй воли, осознанного движения в сторону создания более справедливого и гармонично устроенного общества.

Вместе с тем, уровень социальной ответственности отечественного бизнеса явно недостаточен, что означает, что его субъекты не используют тот значительный конъюнктивный потенциал, которым они обладают, что, в свою очередь, может быть связано с подавляющим доминированием стремления к максимизации прибыли и общим отчуждением от общества, благодаря ресурсам которого эта прибыль извлекается. Партикулярные конъюнкции в сфере бизнеса не выходят за пределы узкокорпоративных солидарностей и служат таким же узким интересам, тем самым укрепляя и воспроизводя социальную дизъюнкцию.

В свою очередь, уровень социальной политики российской власти, направленной не просто на поддержку наименее защищенных слоев населения, а на создание условий для достойной жизни всех членов общества, слишком низок. Это означает, что государство не проявляет по-настоящему волю к формированию консолидированного общества, продолжая сохранять социальное неравенство, социальную эксклюзию и институциональную жестокость в крайних пределах, а, значит, также воспроизводя социальную дизъюнкцию, несмотря на всю риторику о необходимости сплочения народа и «единстве нации».

Факторы социально-психологического порядка – доверие, отчуждение, алчность, равнодушие – играют существенную роль в определении специфики и характера отношений всех субъектов социально-экономической сферы.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.

2. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Ин-т. социологии РАН, 2013. – 167 с.
3. Бедных все больше [Электронный ресурс] / Круглый стол Политклуба Росбалта. 20.12.2017. – URL: https://www.levada.ru/2017/ 12/20/ bednyh-vse-bolshe/ (дата обращения: 30.01.2018).
4. Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти / Н.М. Великая // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 60–71.
5. Доклад А.Ю. Шевякова был сделан в 2008 г. В 2017 г. совокупный ЕСН составлял 30%, так что суммарный налог достигает 43%.
6. Дулина Т.Р. Пути преодоления социального неравенства – ведущего фактора риска для устойчивого развития страны / Т.Р. Дулина [и др.] // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения» (Эл № ФС77–28654). – 2015. – № 2 (42). – URL: http://vestnik.mednet.ru/con-tent/view/659/30/lang, ru/ (дата обращения: 24.01.2021).
7. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – ноябрь 2017 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. – 2017. – 71 с.
8. Еремичева Г.В. Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси) / Г.В. Еремичева [и др.] // Петербургская социология сегодня: сб. науч. статей – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 145–171.
9. Заработная плата в мире в 2016–2017 гг.: Неравенство в оплате труда на предприятиях [Электронный ресурс] / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2017. – 164 с. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—-dgreports/—-dcomm/—-publ/documents/publication/wcms_544096.pdf (дата обращения: 25.01.2021).
10. Ибрагимова У.И. Социальное неравенство в России: современные тенденции [Электронный ресурс] / У.И. Ибрагимова, Н.С. Расторгуева, М.В. Собко // Молодой ученый. – 2015. – № 18. – С. 263–269. – URL: https://moluch.ru/archive/98/22009/ (дата обращения: 24.01.2021).
11. Кармадонов О.А. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме / О.А. Кармадонов, В.В. Кобжицкий. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. – 184 с.
12. Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? / Я. Келлер // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 48–53.
13. Локосов В.В. Основания консолидации современного российского общества. Социологические аспекты / В.В. Локосов, В.Л. Шульц. – М.: ИСПИ РАН, 2008. – 167 с.
14. Локосов В.В. Социально-экономические факторы консолидации российского общества: региональный аспект / В.В. Локосов // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 74–82.
15. Максимова С.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов / С.Г. Максимова, А.Г. Морковкина // Siberian Socium. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 76–83.
16. Мандельсон П. Открытость и социальная политика [Электронный ресурс] / П. Мандельсон // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/poli-tics/2008–06–17/3_kartblansh.html (дата обращения: 26.01.2018).
17. Мерриен Ф.К. Новая социальная политика Всемирного Банка: пенсии / Ф.К. Мерриен // Международный журнал социальных наук. – 2002. – № 36. – С. 157–174.

18. Оукен А. Регрессивная шкала, или Бедность – не порок. Повышение уровня жизни в государстве вовсе не гарантирует счастливого общества [Электронный ресурс] / А. Оукен // IQ HSE.RU. Научно-образовательный портал IQ. – URL: https://iq.hse.ru/news/177681177.html (дата обращения: 26.01.2018).
19. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества / О.А. Полюшкевич // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 6 (130). – С. 3–18.
20. Полюшкевич О.А. Философия благодарности / О.А. Полюшкевич // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 67–74.
21. Русинова Н.Л. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества / Н.Л. Русинова, Л.В. Панова / Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. тр. СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 164–218
22. Тихонова Н.Е. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества / Н.Е. Тихонова // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 38–61.
23. Федотова В.Г. Социальное государство и рынок / В.Г. Федотова // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 7. – С. 78–94.
24. Храмцов А.Ф. Социальное государство в контексте глобализации: суждения и факты / А.Ф. Храмцов // Россия реформирующаяся / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2015. – Вып. 13. – С. 113–132.
25. Шевяков А.Ю. Социально-экономическая дифференциация: состояние и пути преодоления существующих диспропорций / А.Ю. Шевяков / Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации: мат-лы Росс. науч. экон. собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.). – М: Научный эксперт, 2008. – С. 153–162.
26. Янцен А.В. Альтернативные оценки доходов населения в регионах России / А.В. Янцен // Пространственная экономика. – 2017. – № 1. – С. 52–70.
27. Béland D. What is Social Policy? Understanding the Welfare State / D. Béland. – Cambrige: Polity Press, 2010. – 199 p.
28. Gilbert N. Transformation of the Welfare State: The Silent Surrender of Public Responsibility / N. Gilbert. – New York: Oxford University Press, 2002. – 208 p.
29. Hill S. Europe's Promise: Why the European Way is the Best Hope in an Insecure Age / S. Hill. – LA: University of California Press, 2010. – 472 p.
30. Lawrence A. Recasting Workers' Power: Social Democracy, Institutional Change, and Corporate Governance Worldwide / A. Lawrence // Comparative Politics. – 2010. – P. 351–370.
31. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / T. Piketty. – Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2014. – 686 p.

CONSOLIDATION EFFICIENCY: SOCIAL POLICY OF THE STATE

Anosov S.S.
Irkutsk National Research Technical University

The article examines the features of the state's social policy aimed at reducing poverty and increasing the processes of conjunction and solidarity in different social groups. The main trends and prospects of changes in the level of social reproduction and social solidarity of Russian society are revealed.

Keywords: social policy, state, consolidation, unity, devel.

References

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Works: in 4 volumes – T. 4. – M.: Mysl, 1983. – P. 376–644.

2. Poverty and Inequality in Contemporary Russia: 10 Years Later. Analytical report / ed. M.K. Gorshkov. – M.: Inst. Sociology RAS, 2013. – 167 p.
3. There are more and more poor people [Electronic resource] / Round table of the Rosbalt Political Club. 12/20/2017. – URL: https://www.levada.ru/2017/ 12/20 / bednyh-vse-bolshe / (date of access: 30.01.2018).
4. Great N.M. Problems of Consolidation of Society and Power / N.M. Great // Sociological Research. – 2005. – No. 5. – P. 60–71.
5. Report by A. Yu. Shevyakov was made in 2008. In 2017, the total UST was 30%, so the total tax reaches 43%.
6. Doulina T.R. Ways of Overcoming Social Inequality – the Leading Risk Factor for the Country's Sustainable Development / T.R. Dulina [et al.] // Electronic scientific journal "Social aspects of population health" (El No. FS77–28654). – 2015. – No. 2 (42). – URL: http://vestnik.mednet.ru/con-tent/view/659/30/lang, ru/ (date of access: 01.24.
7. Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population: 2015 – November 2017 / Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; ed. T.M. Maleva. – 2017. – 71 p.
8. Eremicheva G.V. Social inequality in the post-Soviet countries (comparative analysis of the situation in Russia and Belarus) / G.V. Eremicheva [et al.] // St. Petersburg sociology today: collection of articles. scientific. articles – SPb.: Nestor-History, 2009. – S. 145–171.
9. Wages in the world in 2016–2017: Pay inequality in enterprises [Electronic resource] / Technical Support Team on Decent Work and the ILO Office for Eastern Europe and Central Asia. – M.: ILO, 2017. – 164 p. – URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—-dgreports/—-dcomm/—-publ/documents/publication/wcms_544096.pdf (date accessed: 25.01.2021).
10. Ibragimova U.I. Social inequality in Russia: modern trends [Electronic resource] / U.I. Ibragimova, N.S. Rastorgueva, M.V. Sobko // Young Scientist. – 2015. – No. 18. – P. 263–269. – URL: https://moluch.ru/archive/98/22009/ (date of access: 01.24.2021).
11. Karmadonov O.A. Transformation and adaptation: strategies for survival in a crisis society / O.A. Karmadonov, V.V. Kobzhitsky. – Irkutsk: Publishing house of ISU, 2009. – 184 p.
12. Keller J. Modernization – Humanization of Society or Corrosion of Life? / J. Keller // Sociological research. – 2002. – No. 7. – P. 48–53.
13. Lokosov V.V. Foundations for the consolidation of modern Russian society. Sociological aspects / V.V. Lokosov, V.L. Schultz. – M.: ISPI RAN, 2008. – 167 p.
14. Lokosov V.V. Socio-economic factors of consolidation of the Russian society: regional aspect / V.V. Lokosov // Economy of the region. – 2014. – No. 3. – P. 74–82.
15. Maksimova S.G. The image of Russia in the perceptions of the population of modern border regions / S.G. Maximova, A.G. Morkovkina // Siberian Socium. – 2017. – T. 1. – No. 1. – P. 76–83.
16. Mandelson P. Openness and social policy [Electronic resource] / P. Mandelson // Nezavisimaya gazeta. – URL: http://www.ng.ru/poli-tics/2008–06–17/3_kartblansh.html (date of access: 26.01.2018).
17. Merrien F.C. New social policy of the World Bank: pensions / F.K. Merrien // International Journal of Social Sciences. – 2002. – No. 36. – P. 157–174.
18. Okun A. The regressive scale, or Poverty is not a vice. An increase in the standard of living in the state does not at all guarantee a happy society [Electronic resource] / A. Oaken // IQ HSE.RU. Scientific and educational portal IQ. – URL: https://iq.hse.ru/news/177681177.html (date of access: 26.01.2018).
19. Polyushkevich O.A. Social Empathy: Issues of Consolidation of the Russian Society / O.A. Polyushkevich // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2015. – No. 6 (130). – S. 3–18.
20. Polyushkevich O.A. Philosophy of gratitude / O.A. Polyushkevich // Humanitarian vector. – 2017. – T. 12. – No. 1. – P. 67–74.
21. Rusinova N.L. Social inequalities and limited resources of social capital as obstacles to the consolidation of the Russian society / N.L. Rusinova, L.V. Panova / Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: collection of articles. scientific. tr. SI RAS / otv. ed. A.V. Duka, I.I. Eliseeva. – SPb.: Nestor-History, 2010. – P. 164–218
22. Tikhonova N. Ye. The middle class as a guarantor of stability and a basis for the consolidation of Russian society / N. Ye. Tikhonova // Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension. – M.: New Chronograph, 2010. – P. 38–61.

23. Fedotova V.G. Social state and market / V.G. Fedotova // Free Thought – XXI. – 2002. – No. 7. – P. 78–94.
24. Khramtsov A.F. Social state in the context of globalization: judgments and facts / A.F. Khramtsov // Reforming Russia / otv. ed. M.K. Gorshkov. – M.: New Chronograph, 2015. – Issue. 13. – S. 113–132.
25. Shevyakov A. Yu. Socio-economic differentiation: state and ways of overcoming existing imbalances / A. Yu. Shevyakov / Problems of modernization of the economy and economic policy of Russia. Economic doctrine of the Russian Federation: materials of Ross. scientific. econom. collection (Moscow, October 19–20, 2007). – M: Scientific expert, 2008. – P. 153–162.
26. Yantsen A.V. Alternative estimates of the population's income in the regions of Russia / A.V. Janzen // Spatial Economics. – 2017. – No. 1. – P. 52–70.
27. Béland D. What is Social Policy? Understanding the Welfare State / D. Béland. – Cambrige: Polity Press, 2010. – 199 p.
28. Gilbert N. Transformation of the Welfare State: The Silent Surrender of Public Responsibility / N. Gilbert. – New York: Oxford University Press, 2002. – 208 p.
29. Hill S. Europe's Promise: Why the European Way is the Best Hope in an Insecure Age / S. Hill. – LA: University of California Press, 2010. – 472 p.
30. Lawrence A. Recasting Workers' Power: Social Democracy, Institutional Change, and Corporate Governance Worldwide / A. Lawrence // Comparative Politics. – 2010. – P. 351–370.
31. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / T. Piketty. – Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2014. – 686 p.

Религиозные детерминанты общественной жизни: социологическое наследие С.Л. Франка и его применимость к современности

Кудрявцев Владимир Александрович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladikudr@mail.ru

Грудина Татьяна Николаевна,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tngrudina@gmail.com

В статье предпринимается попытка рассмотреть позицию Семена Людвиговича Франка (1887–1950), одного из выдающихся представителей русской философской и социально-политической мысли, на проблему социального познания через призму духовных основ общества, в первую очередь сферы морали. На основании анализа основных идей мыслителя, рассматриваются некоторые особенности религиозных принципов устроения общества, их обоснование и применение с точки зрения истории и современности.

Ключевые слова: С.Л. Франк, философия религии, право, духовная жизнь, религиозная концепция, общество, нравственность, свобода

В рамках современной социологической науки усиливается интерес к социологическому содержанию русской религиозно-философской мысли в контексте осмысления современных проблем общества и построения прогнозов их дальнейшего развития. Вместе с тем, до сих пор значительный вклад представителей этого направления мысли в социологию не достаточно оценен и осмыслен. Более тщательному изучению необходимо подвергнуть исследовательские методы и подходы, с помощью которых мы получили ту прогностическую точность и силу мысли, которая обеспечила глубокий анализ социальных процессов. Именно так обстоит дело в трудах С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Е.Н. Трубецкого и других мыслителей указанного направления [1,4, 5].

Специфика социального познания русских религиозных философов заключается преимущественно в поиске ими глубинного духовного смысла общественных процессов и явлений. Здесь следует отметить, что главной особенностью русской социологии в целом является ее особый интерес к социальному познанию через призму духовных основ общества, в первую очередь сферы морали [5, 10]. Этикоцентризм и панморализм русской классической социологической мысли отмечается многими исследователями.

Рассматривая методы социального познания, разработанные в трудах С.Л. Франка[14, 15, 19], следует напомнить о его трехуровневой модели проникновения в сущность изучаемого социального явления: 1) поверхностный уровень – осуществляется с помощью познания внешней стороны явления (фактов, событий, действий людей и пр.); 2) средний уровень – посвящен изучению исторических корней и по-

следствий данного явления; 3) наиболее глубокий уровень, суть которого – в познании «религиозного», духовного смысла данного явления. На этом уровне, по Франку, происходит наиболее полное и цельное познание того или иного социально-исторического явления. Отметим, что в своих трудах русские религиозные философы Серебряного века основное внимание уделяют именно третьему уровню социального познания, т.е. выходят за рамки чистой социологии в историософскую сферу [3].

В настоящее время уже нет необходимости доказывать заслуги этого мыслителя – мировое признание его труды и взгляды обрели уже давно, а среди всей когорты великой религиозных философов именно он, наряду с Н.О. Лосским, по мнению серьезных исследователей, является наиболее глубоким и последовательным разработчиком философской теории в метафизическом, онтологическом и гносеологическом аспектах. Нужно упомянуть, что в последние годы появилось достаточно много исследований, которые посвящены жизни и творчеству Франка [4,8,9]. Как и для русских социологов-субъективистов и неокантианцев, для него интерес представляли многие проблемы, относящиеся в различным отраслям гуманитарного знания (философская антропология, этика, психология, социология и др.). В интересующей нас области социологического знания его больше привлекала общая социология на стыке с социальной философией. По мнению Франка-метафизика, в качестве важнейшей задаче социальной науки выступает «… познание необходимых свойств и условий коллективной человеческой жизни, вытекающей из духовной природы человека» [14, С. 125]. Он считал что «… это и есть не эмпирическое усмотрение того, что лишь фактически существует, и не произвольные мечты о том, чего нет и что только должно быть, – это постижение сверхвременной, и в этом смысле абстрактной природы общества, вытекающей из духовной природы человека и лежащей в основе многообразия реальных форм общественной жизни» [14].

Специфической особенностью социального познания русских религиозных философов, в отличие от социологов-позитивистов России, состоит в поиске ими прежде всего духовного смысла всех явлений и процессов в обществе. Ответ на вопрос «Что составляет бытие общества?» слишком многовариантен, в зависимости от исходной установки исследователя. Во многом этот «ответ» зависит от той парадигмы, которую мы используем для обоснования общества, основных принципов его функционирования. С.Л. Франк, признававший первичность идей в истории, под важнейшей задачей социальной мысли понимал «… познание необходимых свойств и условий коллективной человеческой жизни, вытекающих из духовной природы человека» [14]. При изучении принципов и основ развития общества он исходит из того, что необходимо рассматривать «самобытие человека», которое, по его мнению, связано «… с вопросом, что такое есть человек и каково его истинное назначение» [14, С. 15]. Это чистая антропологическая философская установка, по преимуществу персонального толка. Для того чтобы понять суть общества и специфику его развития, следует обратиться к сущностным характеристикам человека, изучить их соотношение. Причем, для изучения различных социальных проблем основополагающей, по его мнению, должна выступать идея личности как носителя и творца духовных ценностей, через осуществление которых в общественно-исторической жизни общества через конкретного человека происходит наполнение культуры ее содержательными основами.

Можно констатировать также, что Франк никогда не был «философом одной идеи» [9, 17, 18]: на протяжении всего своего творческого пути им велась параллельная работа одновременно в рамках нескольких направлений. В частности, достаточно большое внимание мыслитель уделял темам фи-

лософии религии и политики, которым посвящены как отдельные научные публикации, так и множество работ публицистического жанра [17]. В области социальной философии С.Л. Франк «… ставил себе задачей сформулировать социально – нравственную позицию христианина в мире: отношение христианина к себе как к человеку, к обществу и злу, которое владеет и человеком, и обществом» [5, с. 298]. Как и у Бердяева, антропология Франка ориентирована на проблему теодицеи, без которой невозможно понять и описать противоречивость человеческой натуры [2].

В своих работах С.Л. Франк достаточно широко анализирует вопрос о внутренних основаниях общественной жизни, соединяя философию религии со сферой политики на основе идеи соборности, куда, конечно, включается и юридический аспект – теория естественного права и пр. С помощью категорий «духовная жизнь» и «соборность» в его трудах исследуется целый спектр состояний общественного бытия [5, 15]. Соборность в общественной жизни выражается сквозь призму семейной, религиозной, бытовой жизни, анализируется единство судьбы в человеческих переживаниях. Рассмотрение данного феномена осуществляется через концепцию социального: «что есть общество и какое значение оно имеет в жизни человека» [16].

Важное значение придается Франком нравственно-правовым проблемам общества. Франк считает, что нравственность, как и право, пронизывают все стороны жизнедеятельности человека и межличностных отношений, затрагивают в том числе экономику и политику [7, 8, 13]. Ученый исходит из той позиции, что и нравственность, и право неразрывно связаны между собой, происходят из глубин совести, а обязывающая сила этих двух категорий происходит из чувства долга. Двойственный характер нравственности заключается в том, что она является как результатом свободного выбора человека (внутренне), так и нормой внешнего поведения, оформленной в виде законов (внешне). Конечно, нравственные постулаты основания общества и право воспринимается мыслителем по-разному [19, 20]. Франк, как религиозный мыслитель, отмечает, что нравственный закон всегда продиктован свыше, проявляется через конкретную жизнь человека, является источником познания нравственного долга. Переходя в социальную плоскость, долг, так или иначе выраженный в сознании отдельной личности, как бы проецируется на общественные отношения. «Планы будущего идеального устроения общества заслуживают внимания, лишь если они учитывают весь исторический опыт человечества и строятся на понимании имманентного существа общественной жизни» [14, С. 25].

Идя по пути кантовского трансцендентально субъекта и выражая принцип единства всего человечества, Франк утверждает, что в любых общественных отношениях «… скрывается…сила соборности, внутреннего человеческого единства» [14, С. 57], благодаря чему отдельные индивиды и становятся обществом. В полной мере изучить политику, государство, а также сущность национальных вопросов, экономики, хозяйственной жизни общества с помощью эмпирического познания крайне сложно: «…этого вообще нельзя усмотреть в видимом мире физического бытия, это можно узнать лишь через внутреннее духовное соучастие и сопереживание невидимой общественной действительности» [14, С. 65]. Сквозь призму духовной жизни человечества разворачивается вся человеческая история, политика, экономика и пр., происходит построение общества, в том числе и современного, тогда как основой общества, по мнению Франка, являются традиционные христианские мировоззренческие принципы и идеи, поскольку «… общественная жизнь по самому существу духовна, а не материальна» [14, С. 66]. Таким образом, для проведения в обществе политических, экономических и пр. реформ и преобразований необходимо закла-

дывать в их основу религиозные ценности и мораль, а политикам, как считает Франк, необходимо принимать во внимание личную и общественную «нравственную волю» [14, С. 101], поскольку именно воля (а не разум и не чувства) коренным образом преображает общественную жизнь.

В плане духовно-нравственного кризиса современности необходимо отметить следующее. В работе «Религиозные основы общественности» Франк в рамках своей социальной философии обращает внимание на то, что «… человечество переживает в настоящее время один из тягчайших и глубочайших идейных кризисов, когда-либо им испытанных. Старые верования пришли в упадок, и не имеют власти над сердцами; новой веры не видно – человечество не знает больше, к чему оно должно стремиться, для чего жить, какие начала оно должно воплощать в жизни» [15]. Что касается общества и его функционирования, Франк отмечает, что «… всякое общество по самому своему существу должно опираться одновременно и на солидарность, на внутреннее единство, и на внутреннюю же свободу индивидуального «я»; оно должно быть истинным, исконным целым (и не только мнимым целым, извне и механически слагаемой суммой частей), и целым, состоящим из самодовлеющих, изнутри себя живущих и действующих целых» [15]. Здесь явно видно влияние «философии всеединства» Вл. Соловьева[11].

Закономерно, что определенной константой в философии религии выступает категория «абсолютного Единства» [21]. Здесь имеется ввиду не горизонтальная, социальная сфера, а вертикальное, метафизическое восхождение личности к идее единства. Сама религиозность по своей сущности «… есть не что иное, как раскрытие замкнутой, изолированной в других отношениях человеческой души с абсолютным началом и абсолютным Единством» [14, С. 59]. «В религиозном сознании человек живет уже не внутри своего отдельного замкнутого существа…Религиозное чувство есть чувство сопринадлежности или отношения к такому абсолютному началу, которое лежит в основе – вселенской соборности бытия. И, с другой стороны, человеческая соборность, чувство сопринадлежности к целому, которое не извне окружает человеческую личность, а изнутри объединяет и наполняет ее, есть, по существу, именно мистическое религиозное чувство своей утвержденности в таинственных, охватывающих нашу личность глубинах бытия» [14, С. 59]. Здесь основа самой социальности рода человеческого (соборность) обосновывается трансцендентно, метафизически, а не выводится и самой общественной жизни. Это основывается на самих основаниях религиозно-нравственного сознания.

С позиции именно таких, аксиологических оснований, Франк кладет универсальную религиозную установку сознания человека в основу социальной жизни: «При всем разнообразии религиозных воззрений, религия всегда означает веру в реальность абсолютно ценного… Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей…» [14, С. 105]. Отсюда понятно, что и сама социальность, и ценности, на которых стоит любое общество, имеют трансцендентный источник своего происхождения. Стоит отметить также, что, по Франку, полноту и глубину религиозного чувства извне невозможно ни засечь, ни понять, ни тем более описать. Это свойство человеческой души, сходное с понятием «экзистенции» в философии существования, можно охарактеризовать через понятие богообщения – общей установки русских религиозных философов [5]. Решающим здесь является внутренний опыт как такой, глубина и полнота которого у каждого своя, а его внешнее языковое обозначение может сильно разнится. Единство здесь проявляется благодаря религиозным действиям и осуществляется (через опыт трансценденции) как связь с первопричиной бытия. Такого рода религиозные переживания, как уже было указано выше, по-разно-

му проявляются для каждого индивида: они могут быть и достаточно долгими, а могут быть весьма краткими[16]. Отметим только, что под влиянием многовековой секулярной инерции мышления эти переживания могут замутняться в потоке обыденного сознания, или вовсе отсутствовать в адекватной традиционной форме. В этой связи, общественная жизнь, выступает в качестве того поля, в рамках которого и функционирует основная форма религиозности, проявляется соборное единство во всей своей полноте. Например, семья и брак как «ячейка общества» и его основа существуют не только как совместное ведение хозяйства и средство для продолжения рода, но и как духовная реальность в виде связи мужа, жены и их детей. Хотя нынешний социологический и социально-психологический дискурс таков, что склонен смотреть только на внешние, феноменальные отношения членов семейно-брачной общности. По мнению же ученого, их бытие, сам факт их существования, является доступным только живому внутреннему знанию, «… в котором реальность сама раскрывается внутри нас» [14, С. 73], и в которой мы сами являемся непосредственными участниками происходящих событий и перемен. Следует отметить, несмотря на то, что духовный смысл любой общности заключается в проявлении воли, сознания, физического достоинства тех ее членов, которыми она образуется, этим он не исчерпывается. Так, связь между двумя людьми может привести к дружбе или созданию семьи не только в силу образовавшихся между ними отношений симпатии и любви. Люди реализуют подобные формы существования в обществе, связующие их, только тогда, когда признают идеи брака, дружбы или союза. Здесь идея как таковая предшествует всему[16, 18]. Вместе с тем, эта идея требует и субъективного утверждения, – чтобы стать реальной, необходимо ее осуществлять и притворять в жизнь путем объединения как проекции внутреннего единства. Люди должны договориться о том, какие общности являются для них значимыми, наделить их определенным смыслом и значением, и воспроизводить их как предмет такого коллективного договора. Социальные общности владеют человеком постольку, поскольку человек верит в них и служит им (семье, браку, дружбе и пр.). С точки зрения Франка, такого рода социальные общности (семья, армия или политическое содружество и тд.) порождаются самим человеком, является продуктом его истории, как «объективная сверхчеловеческая идея» [14, С. 53], причем, всегда выраженная в конкретной национальной, культурной форме. Главный источник общественной жизни, ее сущность, согласно Франку, заключается в служении – служении Богу, ближним, правде. Именно в таком порядке. Понятно, что специфика философии религии и концепция общества Франка разворачивается в русле христианской теологии: основными ее вопросами являются бытие Бога, отношение человека и Бога, познание Бога, теодицея [1, 12, 16].

Благодаря категории соборности, Франк описывает религиозное отношение к жизни как «чувство родства между человеком и Богом» и предлагает рассматривать присущий всем культурам и религиям культ предков как «первичную форму религиозной веры» [14, С. 59]. Точно также, как вся социология понимания Макса Вебера[6. рассматривается многими исследователями как социология религии, вся социально-историческая концепция Франка есть развитие одной из главных идей, идущей в русле русской философии, когда история общества представляется в определенном смысле как история религии, как «…драматическая судьба Бога в сердце человека» [14, С. 75]. В последующих, особенно в поздних своих работах Франк проецирует эту идею, рассматривая её в соотношении с парными категориями «церковь» и «мир», «закон» и «благодать» в общественной жизни [19, 20]. Таким образом, в социальном измерении религиозного опыта полюс «духовной жизни» фактически отождествляется с «со-

борностью» как идеалом социальности, а более широко – как разворачивание во времени некоей изначальной религии. При этом Франк понимает, что такая историософская, метафизическая установка осуществляется в связи с противоположным полюсом, под которым он понимает нечто вроде «феноменального мира» Канта, – всю сферу «эмпирического существования» человека, т.е. «общественность» с присущей ей отчужденностью и формализмом,. Сюда входят и понятие «мир» в целом, и «церковь» как социальный институт.

В плане ключевой интенции фактически любой социальной теории – стремлению к справедливости и к социальному идеалу, С.Л. Франк пытается решить проблему раскрытия смысла общественного идеала в его вечном несоответствии с реальной жизнью в условиях отчужденного существования. Пытаясь сделать выводы из трагической истории России, Франк предупреждает: «Когда человек запутался и зашёл в тупик, он … должен остановиться … задуматься над тем, к чему он, собственно стремиться и, значит, в чём его истинное существо и назначение. Но именно этот вопрос в применение к совместной, общественно исторической жизни людей и есть проблема социальной философии, философского осмысления общего существа общественного бытия» [9, С. 78]. И здесь на первый план выходит идея долга – политического, правового, административного, научного, обществоведческого. Как и у И. Ильина, в политической философии Франка особое место уделяется религиозно-нравственной идее служения в её тесной связи с русским словом и понятием «правда». Подлинное служение всегда подразумевает поиски правды как в личном, так и в общественном плане бытия. Франк, в плане постоянной корректировки взглядов и избегания новых заблуждений, призывает не только искать правду, но и по-хайдеггеровски вслушиваться в неё, соизмерять с ней все осуществляемые на практике политические решения, а в случае необходимости – пересматривать их. Постоянная соотнесенность с идеалом делают политические решения и служение более адекватными. «Всякое требование и притязание, любой человеческий инстанции должно быть сначала взвешено на весах правды, должно сперва оправдать себя, доказать свою правомерность, т.е. свое соответствие той абсолютной правде, исполнение которой есть обязанность и отдельного человека, и общества» [14, С. 109]. В связи с этим, «… высшей и подлинно первичной категорией нравственно-общественной жизни человека» [14, С. 109] является не конкретный закон, вся система права, а долг повиноваться прежде всего нравственным нормам поведения. В соответствии с этим право, вполне в ключе с общей установкой русской социологии и социальной философии, рассматривается как отражение, нравственная проекция долга человека. Правда выше закона, долг выше права, более того, именно нравственный долг, по Франку, «запускает закон в действие». Здесь речь, несомненно, идет об оправдании и смягчении формального и бездушного исполнения закона, что сегодня особенно характерно. Потому что, по Франку, «… сознание современного человека отличает раздвоенность: с одной стороны, реалии сегодняшнего дня формируют прагматичные, рациональные установки, а с другой стороны, сохраняется присущая русской ментальности склонность рассматривать социальные проблемы исходя из понятия справедливости» [15]. А это понятие всё дальше уходит из социальной реальности в условиях тотального эгоцентризма и атомизации общественных отношений. Поэтому уже в свое время Франк отмечал наметившуюся тенденцию – всё более громкому звучанию в обществе идеи так называемых «врожденных» прав человека. Философ, задавая высокий нравственный идеал как необходимое условие нормального общественного строя, особо отмечает, что подобного рода права также являются производными, поскольку вообще-то «…все человече-

ские права вытекают в конечном счете – прямо или косвенной – из одного-единственного «прирожденного» ему права: из права требовать, чтобы ему была дана возможность исполнить его обязанности», и таким образом «служить добру» [14, С. 109]. В нынешней общемировой ситуации, когда на наших глазах обрушается вся традиционная система права, как международного, так и внутригосударственного; когда все сильнее проявляется рост личного, группового, национального и государственного эгоизма, что только жирно подчеркнуто реалиями коронавирусной пандемии, призывы русской дореволюционной и эмигрантской социальной мысли с её нравственной константой к «служению добру», выглядят несбыточной мечтой и всего-навсего благими пожеланиями классиков отечественной социологии [10].

Тем не менее, исходная, присущая русской философской классике метафизическая установка сознания, вытекающие из неё исследования социального смысла и форм осуществления в жизни принципов религиозной веры, вытекающей из такой установки, должны быть продолжены и развиты отечественной социальной мыслью, даже в условиях современного кризиса будущего и упорно продолжающегося влияния на умы обществоведческого корпуса позитивистских и экономико-материалистических идей. Это можно считать исследовательским завещанием русской классической социологической мысли. Так, по мнению Франка, в истоках самой социальности человека кроются духовно-ценностные основы совместной жизни людей [14]. Внутренняя структура политической жизни, по мысли философа, должна включать в себя вопросы духовности, морали, религиозных ценностей, вопросы поиска смысла человеческой жизни, разработку теории политической культуры и процессов политического участия в решении общественно значимых проблем человечества[12].

Теоретические заслуги С.Л. Франка в данной сфере мысли несомненны и требуют дальнейшей разработки. Некоторые современные исследователи даже обращают внимание на то, что «С.Л. Франк является создателем уникального в истории отечественной социальной мысли, нового, не имеющего прямых аналогов на европейской арене мировоззрения» [3]. Многие высказанные им мысли и идеи не просто не потеряли своей актуальности, но формируют важнейшие методологические установки для развития социологической науки в XXI веке.

Литература

1. Антонов К.М. Проблематика философии религии в «большой трилогии» С.Л. Франка: «Предмет знания», «Душа человека», Духовные основы общества//Сб. научных статей. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 12–22.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971.
3. Борисов Б.П., Коршунов К.В. Религиозные принципы и начала общественной жизни в социальной философии С.Л. Франка (по его статье «Религиозные основы общественности») // Universum: Общественные науки: электрон.научн. журн. 2017. № 6(36). URL: http://7universum.com/ru/ social/archive/item/4927 (датаобращения 03.02.2021).
4. Буббайер Ф.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950// Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
5. Валеева Г.В. Духовные ценности в контексте русской философской мысли XIX–XX вв. и современного общества // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 4 (16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-v-kontekste-russkoy-filosofskoy-mysli-xix-xx-vv-i-sovremennogo-obschestva (дата обращения: 11.02.2021).
6. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Ве-

бер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
7. Грудина Т.Н. Константы религиозного и политического учения С.Л. Франка: социально – философский анализ // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 11 (63). – С. 3075–3088.
8. Дементьева Л.С. Социально-политические идеи С.Л. Франка в контексте его метафизической системы. Автореф. дис. канд. философ. наук. Хабаровск, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sotsialno-politicheskie-idei-sl-franka-v-kontekste-ego-metafizicheskoi-sistemy (дата обращения: 11.02.2021).
9. Доброхотов А.Л. Аксиомы веры и теоремы права: философия власти С.Л. Франка//Сб. научных статей. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 76–87.
10. Кудрявцев В.А. Идейные и теоретические основы процесса институционализации социологии в дореволюционной россии. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019;25(2):7–29.
11. Нижников С.А. Философия всеединства Вл. Соловьева и ее критики [Электронный ресурс] / С.А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Т. 12. – Вып. 2.
12. Оболевич Т., Цыганков А.С. Философия религии С.Л. Франка в свете новых материалов // Философский журнал. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2017_10(1)/99%E2%80%93115.pdf (дата обращения 03.02.2021)
13. Соловьев Э. С.Л. Франк – от тьмы к свету // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 123–126.
14. Франк Л.С. Духовные основы общества. М., 1992.
15. Франк С.Л. Религиозные основы общественности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://predanie.ru/book/219066-religioznye-osnovy-obschestvennosti/ (дата обращения: 11.02.2021)
16. Элен П. Что связывает общество в самой глубине? К основному вопросу социальной философии С.Л. Франка//Сб. научных статей. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 168–194.
17. Boobbyer P.A. Russian Version of Christian Realism Spiritual Wisdom and Politics in the Thought of S.L. Frank (1877–1950)\\ The International History Review. (2015).
18. Ehlen Peter. Zur Ontologie und Anthropologie Simon L. Franks // Simon L. Frank. Die Realität und der Mensch. Eine Metaphysik des menschlichen Seins. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2004. S. 11–121.
19. Frank S.L. Das Unergründliche. OntologischeEinführung in die Philosophie der Religion, übersetzt von A. Haardt, V. Ammeru.a., herausgegeben und eingeleitet von A. Haardt. Freiburg; München: K. Alber, 1995.
20. Frank S.L. Spiritual Foundations of Society: An Introduction to Social Philosophy / Trans. from the Russian by B. Jakim. Athens Ohio, 1986.
21. Frank S.L. Das Absolute // Idealismus. Jahrbuch für idealistische Philosophie. 1934. Bd. 1. S. 147–161.

RELIGIOUS DETERMINANTS OF SOCIAL LIFE: THE SOCIOLOGICAL HERITAGE OF S.L. FRANK AND ITS APPLICABILITY TO MODERNITY

Kudrjavcev V.A., Grudina T.N.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article attempts to consider the position of Semyon Ludvigovich Frank (1887–1950), one of the outstanding representatives of Russian philosophical and socio-political thought, on the problem of social cognition through the prism of the spiritual foundations of society, primarily the sphere of morality. Based on the analysis of the main ideas of the thinker, some features of the religious principles of the organization of society, their justification and application from the

point of view of history and modernity are considered.

Keywords: S.L. Frank, philosophy of religion, law, spiritual life, religious concept, society, morality, freedom

References

1. Antonov K.M. The Problems of the Philosophy of Religion in the "Big Trilogy" by S.L. Frank: "The subject of knowledge", "The human soul", Spiritual foundations of society // Sat. scientific articles. – M.: Publishing house PSTGU, 2015. – S. 12–22.
2. Berdyaev N.A. Russian idea. Paris, 1971.
3. Borisov B.P., Korshunov K.V. Religious principles and the beginning of social life in the social philosophy of S.L. Frank (according to his article "Religious Foundations of the Public") // Universum: Social Sciences: Electronic Science. zhurn. 2017. No. 6 (36). URL: http://7universum.com/ru/ social / archive / item / 4927 (date of access 03.02.2021).
4. Bubbayer F.L. Frank: Life and work of a Russian philosopher. 1877–1950 // Per. from English – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001.
5. Valeeva G.V. Spiritual values in the context of Russian philosophical thought of the XIX–XX centuries. and modern society // Gumanitarnye vedomosti TSPU im. L.N. Tolstoy. 2015. No. 4 (16). [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-tsennosti-v-kontekste-russkoy-filosofskoy-mysli-xix-xx-vv-i-sovremennogo-obschestva (date of access: 11.02.2021).
6. Weber M. About some categories of understanding sociology / M. Weber // Selected works. – M.: Progress, 1990.
7. Grudina TN Constants of the religious and political doctrine of S.L. Frank: social – philosophical analysis // Questions of political science. – 2020. – T. 10, No. 11 (63). – S. 3075–3088.
8. Dementyeva LS Socio-political ideas of S.L. Frank in the context of his metaphysical system. Abstract of thesis. dis. Cand. philosopher. sciences. Khabarovsk, 2005. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.dissercat.com/content/sotsialno-politicheskie-idei-sl-franka-v-kontekste-ego-metafizicheskoi-sistemy (date of access: 11.02.2021).
9. Dobrokhotov A.L. Axioms of faith and theorems of law: philosophy of power S.L. Frank // Sat. scientific articles. – M.: Publishing house PSTGU, 2015. – S. 76–87.
10. Kudryavtsev V.A. Ideological and theoretical foundations of the process of institutionalization of sociology in pre-revolutionary Russia. Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2019; 25 (2): 7–29.
11. Nizhnikov SA Philosophy of all-unity Vl. Solovyov and her critics [Electronic resource] / S.A. Nizhnikov // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. – 2016. – T. 12. – Issue. 2.
12. Obolevich T., Tsygankov A.S. Philosophy of religion S.L. Frank in the light of new materials // Philosophical journal. 2017. No. 1. [Electronic resource]. – Access mode: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2017_10(1)/99%E2%80%93115.pdf (date of treatment 02/03/2021)
13. Soloviev E. S.L. Frank – from darkness to light // Sociological research. – 1994. – No. 1. – S. 123–126.
14. Frank L.S. Spiritual foundations of society. M., 1992.
15. Frank S.L. Religious foundations of the public [Electronic resource] – Access mode: https://predanie.ru/book/219066-religioznye-osnovy-obschestvennosti/ (date of access: 11.02.2021)
16. Helen P. What connects society at its core? To the main issue of social philosophy S.L. Frank // Sat. scientific articles. – M.: Publishing house PSTGU, 2015. – S. 168–194.
17. Boobbyer P.A. Russian Version of Christian Realism Spiritual Wisdom and Politics in the Thought of S.L. Frank (1877–1950) \\ The International History Review. (2015).
18. Ehlen Peter. Zur Ontologie und Anthropologie Simon L. Franks // Simon L. Frank. Die Realität und der Mensch. Eine Metaphysik des menschlichen Seins. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2004. S. 11–121.
19. Frank S.L. Das Unergründliche. Ontologische Einführung in die Philosophie der Religion, übersetzt von A. Haardt, V. Ammer u.a., Herausgegeben und eingeleitet von A. Haardt. Freiburg; München: K. Alber, 1995.
20. Frank S.L. Spiritual Foundations of Society: An Introduction to Social Philosophy / Trans. from the Russian by B. Jakim. Athens Ohio, 1986.
21. Frank S.L. Das Absolute // Idealismus. Jahrbuch für idealistische Philosophie. 1934. Bd. 1. S. 147–161.

Москва – глобальный город: особенности развития и социальные проблемы

Хомякова Кристина Львовна,
тьютор кафедры современной социологии, социологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: k.gribova@inbox.ru

В статье рассматриваются основные показатели развития Москвы и ее соответствие ключевым свойствам глобальных городов. Автором проанализировано содержание основополагающих концепций мировых и глобальных городов, на основании которых были выделены свойства «глобальности». Рассмотрена стратегия развития Москвы, положение столицы в международных рейтингах, выявлены ключевые направления развития, обозначены специфика и комплекс социальных проблем, отличающих столичный регион.

Ключевые слова: Москва, мировой город, глобальный город, глобализация, миграция, социальное неравенство.

Москва сегодня является одним из крупнейших финансово-экономических и политических центров современной глобальной системы и демонстрирует высокие темпы роста по ключевым мировым показателям. Ежегодно столица России укрепляет свои позиции в престижных международных рейтингах, что характеризует город как перспективный, динамично развивающийся и конкурентноспособный. Так в 2020 году Москва заняла пятое место из ста в рейтинге лучших городов мира Best Cities международной консалтинговой компании Resonance Consultancy, уступив Лондону, Нью-Йорку, Парижу и Токио [1]. Среди показателей, по которым Москва лидирует среди многих других городов, эксперты выделили доступную городскую среду, развитую инфраструктуру, обеспеченность города достопримечательностями, экономическое развитие и другие. Все это обусловливает возрастание интереса к Москве как со стороны общественности, так и со стороны научного сообщества, представители которого стремятся выявить ключевые характеристики данного типа городов и концептуализировать их, используя для этого специфические понятия.

Одним из таких понятий, находящимся сегодня в центре внимания многих исследователей [2, 3, 4 и другие], является «глобальный город». Глобализация, цифровизация и сопутствующие социально-экономические трансформации конца XX – начала XXI века обусловили необходимость разработки новых подходов к анализу современных городов и соответствующего понятийно-категориального аппарата, позволяющего выявить специфику их функционирования в рамках системы отношений ключевых глобальных субъектов. Сегодня понятие глобального города часто используется исследователями для описания подобных процессов

и явлений, однако на данный момент в социологической теории не сложилось его общепринятого определения.

Так современные исследователи определяют глобальный город как «форму территориальной и социальной организации, являющуюся результатом экономических и культурных изменений второй половины XX века» [5. P. 5] и связывает ее возникновение с постиндустриальным обществом. Некоторые ученые анализируют «глобальные города-регионы», которые включают в себя «любую крупную метрополию или несколько метрополий вместе с прилегающими территориями, которые характеризуются интенсификацией политических и экономических отношений с транснациональными субъектами» [6. P. 814]. На основании многообразия сложившихся определений и дискуссий можно сделать вывод о том, что в той или иной мере все исследователи подчеркивают значимую роль глобальных городов в поддержании функционирования мирового порядка и сосредотачиваются на проблеме соотношения «локального», «национального» и «глобального» уровней взаимоотношения субъектов.

Рассматривая историю формирования понятия глобального города, исследователи отмечают значение гипотезы мирового города, разработкой которого занимались С. Хаймер [7], Дж. Фридман [8], П. Нокс, П. Тейлор [9] и другие, обращая внимание на то, что введение в научный оборот понятия мирового города знаменовало собой «возникновение нового способа задавать вопросы о городах, помещая их в контекст развития глобальной экономики» [10. С. 816]. Особенно значимыми представляются тезисы американского исследователя Дж. Фридмана, в рамках которых мировые города рассматривались как важнейшие центры сосредоточения мирового капитала, реализующие функции глобального контроля и управления, являющиеся местом пребывания внутренних и внешних мигрантов, а также характеризующиеся глобальными социальными проблемами [8. P. 72]. Данные показатели послужили основой разработки концепции глобальных городов, которая сегодня является одним из инструментов анализа взаимосвязи глобализации, урбанизации, сетивизации и других значимых процессов современности.

Цель статьи – охарактеризовать Москву с точки зрения ее соответствия ключевым свойствам глобальных городов, определить ее основные тенденции развития и социальные проблемы.

Ключевой в рамках раскрытия заявленной темы является концепция глобальных городов современного американского социолога С. Сассен, которая в 1990-е годы обратила внимание научного сообщества на трансформацию роли городов в условиях глобализации, обозначила отличия между понятиями мирового и глобального городов, а также сформулировала целостное представление о городах как о командных центрах глобальной системы.

Американский социолог определяет глобальные города как стратегические центры, «узлы» глобальной сети финансово-экономических и социально-политических отношений, которые концентрируют наиболее значимые в мировом масштабе материальные и нематериальные ресурсы. Именно глобальные города, по мнению С. Сассен, представляют собой пространства, в рамках которых реализуются важнейшие специализированные стратегические функции, а именно – финансовые, юридические, бухгалтерские, управленческие и другие [11. P. 175]. Логику взаимосвязи между городами в условиях глобализации американский социолог описывает через понятие «транснациональные сети глобальных городов» [11. P. 53], посредством которых осуществляется поддержание ключевых современных глобальных процессов.

Следует отметить, что концепция глобальных городов С. Сассен послужила основой для формирования ряда значимых с точки зрения перспектив развития городов рейтингов. Так, например, американский социолог явля-

ется членом исполнительного комитета по оценке Global Power City Index *(далее* – GPCI*)* – индекса, в соответствие с которым осуществляется ранжирование крупнейших городов мира «в соответствии с их “магнетизмом”» [12] для людей, капитала, бизнеса и инвестиций по шести показателям (экономика, научные исследования и разработки, культурное взаимодействие, благоустройство, окружающая среда и доступность).

В 2020 году в тройке лидеров в данном рейтинге остаются Лондон, Нью-Йорк и Токио (с результатами индекса 1661.1, 1514.9 и 1386.5 соответственно). Москва в данном рейтинге находится на 30-м месте (963.0), демонстрируя высокие результаты по показателю «культурного взаимодействия», который включает в себя количество международных научных конференций и культурных мероприятий, туристическую привлекательность, количество музеев, театров, стадионов и прочее.

Среди других влиятельных рейтингов необходимо отметить Global Cities Index, результаты которого ежегодно рассчитываются исследовательской компанией Kearney [13]. Следует отметить, что в 2020 году в данный индекс (наряду с такими традиционными показателями, как поддержание «глобальная городская связанность», «общественные пространства» и другие) были включены две новых метрики: наличие стартапов, а также большое количество медицинских университетов, что во многом обусловлено влиянием пандемии COVID-19. В данном рейтинге Москва находится на 20-м месте, занимая лидирующие позиции по метрикам «развитие здравоохранения» и «сотрудничество между безнисом и университетами».

На базе комплексного анализа теории глобализации С. Сассен автором были выделены ключевые свойства, в той или иной мере характерные для большинства глобальных городов. А именно:

- сокращение объема промышленного производства и развитие экономики, ориентированной на специализированные услуги производителей;
- широкое внедрение цифровых технологий;
- сосредоточение большого числа иностранных фирм на территории города;
- включенность в международный рынок недвижимости;
- концентрация большого объема экспертных знаний и участие в производстве инноваций [14. P. 104–107].

Данный перечень свойств не является исчерпывающим, однако позволяет представить общую характеристику глобальных городов, выделить их ключевые черты и проанализировать современные города с точки зрения их включенности в глобальный контекст. Актуальным представляется анализ соответствия Москвы выделенным показателям, результаты которого позволят сделать вывод об особенностях развития столицы России как глобального города и о ключевых социальных проблемах.

В стратегии развития города Москвы «Умный город 2030» закрепляются цели и задачи, свидетельствующие о «глобальности» города и стремлении обеспечить комплексное развития по ключевым направлениям. Так в рамках оценки потенциала современной городской экономики акцент делается на необходимости трансформации промышленного производства на базе новейших технологий и внедрения широкого спектра цифровых услуг. Основными показателями в данном случае могут служить «доля экспорта товаров и услуг цифровой экономики в экспорте Москвы; доля государственных услуг, по которым осуществляется проактивное (предикативное) автоматическое формирование предложений на их получение для юридических лиц; доля государственных контрактов, заключенных с использованием цифровых технологий (смарт-контракты и иные технологии) с обеспечением полностью безбумажного документооборота при их исполнении» [15] и другие. При

этом в данной программе делается акцент на комплексном развитии всех составляющих экономики как на базе повышения эффективности и модернизации производственных мощностей, так и на развитии сектора услуг.

Эксперты отмечают, что на сегодняшний день промышленный сектор Москвы является одним из ведущих в рамках национальной экономики. Так на долю производства реального продукта в обрабатывающих, газовой и строительной отраслях приходится около 21% ВРП Москвы [16], что, в свою очередь, генерирует рабочие места. Вместе с тем ряд исследователей акцентируют внимание на негативных последствиях размещения предприятий тяжелой промышленности в черте города, указывая на образование «ржавого пояса Москвы» (территории вдоль Московского центрального кольца) [17]. Отдельные его площадки включены в программу редевелопмента (перепрофилирования и изменения функционала промышленных территорий).

В качестве одного из приоритетных направлений трансформации промышленных зон столицы глава департамента инвестиционной и промышленной политики Москвы А. Прохоров отмечает создание кластеров, то есть «промышленных комплексов, объединяющих в себе как производителей, так и университеты и сопутствующие сервисы (финансирование, юридическое сопровождение, инфраструктура и прочее)» [17], что сегодня, по его словам, составляет глобальны тренд развития всех городов.

Итак, в отношении переориентации тяжелого промышленного производства, а также перехода к экономике услуг, построенной на цифровых технологиях, положение Москвы является неоднозначным. С одной стороны, широкое внедрение передовых информационно-коммуникационных технологий во все сферы экономической деятельности свидетельствует о статусе «глобальности» Москвы. С другой – промышленный комплекс также остается значимым для развития города и вносит весомый вклад в его экономику.

Среди свойств, характеризующих столицу как глобальный город, следует отметить концентрацию большого числа иностранных фирм на ее территории. По данным ИАС МКР города Москвы, за период с 2017 по 2020 годы в эксплуатацию было введено 735 тыс. кв.м. офисных зданий [18]. Однако в отношении включенности столицы в международный рынок недвижимости и ее и инвестиционной привлекательности все не так однозначно.

По результатам европейского исследования PwC Emerging Trends Europe в 202 году Москва заняла 31-е место в рейтинге инвестиционно-привлекательных городов, опустившись на одну позицию по сравнению с прошлым годом [19]. Подобная динамика может быть связана с введением санкций, нестабильностью национальной валюты и ситуации экономической и политической нестабильности, характерной для глобальной системы отношений между ключевыми субъектами.

Следует отметить, что несмотря на соответствие Москвы ключевым показателям глобальных городов, выделяемых современными исследователями, столица имеет свою специфику. Так исследователи акцентируют внимание на высокой степени социально-пространственной поляризации, характерной для российской территории в целом, что обусловливает невозможность другим городам составить Москве конкуренцию (за исключением Санкт-Петербурга). Анализируя основные показатели развития столицы, доктор географических наук (Лейпциг, Германия) И. Браде описывает Москву как «экономические ворота в Россию» [20. P. 71] для глобального капитала, что и является ее стратегической функцией. Как отмечает ученый, в 2000 году на Москву приходилось более трети (37%) всех прямых иностранных инвестиций России, что является следствием концентрации финансово-экономических операций и соответствующей бизнес-инфраструктуры [20. P. 72].

Вместе с тем для Москвы как для любого глобального города характе-

рен ряд социальных проблем, среди которых особенно значимыми являются проблемы транснациональной миграции и социального неравенства. Так глобальные города, характеризующиеся сверхконцентрацией ресурсов, становятся центром притяжения мигрантов, которые занимают низкоквалифицированные рабочие места и проживают крайне бедно. Данные процессы необходимо учитывать при разработке стратегий и программ развития Москвы как ведущего современного финансового-экономического и инвестиционного центра.

Таким образом, Москва является важнейшим участником транснациональной сети глобальных городов и соответствует большинству показателей, свидетельствующих о ее статусе «глобальности». Вместе с тем, социально-историческая специфика развития города, а также национальные особенности свидетельствуют об определенной специфике Москвы и необходимости поиска собственного пути развития с учетом мирового опыта.

Литература

1. Best cities 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.bestcities.org/rankings/worlds-best-cities/ (access data: 15.02.2021).
2. Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.
3. Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Том 13. № 1. С. 203–226.
4. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.
5. Abrahamson M. Global Cities. New York, Oxford: Oxford University Press, 2004. 192 p.
6. Scott A. Global city-regions and the new world system // European Planning Studies. 2001. Vol. 9. № 7. P. 813–826.
7. Hymer S., Cohen R. The Multinational Corporation. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 420 p.
8. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. P. 69–83.
9. Knox P., Taylor P. World Cities in a World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 348 p.
10. Alderson S., Beckfield J. Power and position in the world city system // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 109. № 4. P. 811–851.
11. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Pine Forge, Sage, 1994. 424 p.
12. Global Power City Index 2020. [Электронный ресурс] URL: http://mori-m-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml (access data: 17.02.2021).
13. Kearney 2020 Global Cities Index: New priorities for a new world. [Электронный ресурс] URL: https://www.kearney.com/global-cities/2020 (access data: 17.02.2021).
14. Хомякова К.Л. Концепция глобального города в современной социологии // Вестник Московского университета. 2020. Серия 18. Социология и политология. Том 26. № 2. С. 94–110.
15. Москва 2030. [Электронный ресурс] URL: https://www.mos.ru/city/projects/2030/ (дата обращения: 17.02.2021).
16. Москва – «тяжелая столица». [Электронный ресурс] URL: https://m.lenta.ru/articles/2019/07/31/hardmsk/amp/ (дата обращения: 17.02.2021).
17. Очищая «ржавый пояс». Журнал «Эксперт». [Электронный ресурс] URL: https://expert.ru/expert/2019/18/ochischaya-rzhavyij-poyas/ (дата обращения: 17.02.2021).
18. ИАС МКР Москвы. [Электронный ресурс] URL: https://ehd.moscow/index.php?show=inds&source= –365 (дата обращения: 17.02.2021).
19. PwC Emerging Trends Europe. [Электронный ресурс] URL: https://

www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/asset-management/emerging-trends-real-estate/europe-2020.html (access data: 17.02.2021).
20. Brade I. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas // Area. 2004. Vol. 361. № 1. P. 69–80.

MOSCOW – A GLOBAL CITY: FEATURES OF DEVELOPMENT AND SOCIAL PROBLEMS

Gribova K.L.
Lomonosov Moscow State University

The article deals with the main indicators of Moscow's development and its compliance with the key properties of global cities. The author analyzes the content of the fundamental concepts of world and global cities, on the basis of which the properties of «globality» were identified. The article considers the development strategy of Moscow, position of the capital in international rankings, identifies the key areas of development, identifies the specifics and complex of social problems.

Keywords: Moscow, world city, global city, globalization, migration, social inequality.

References

1. Best cities 2020. URL: https://www.bestcities.org/rankings/worlds-best-cities/ (access data: 15.02.2021).
2. Vershinina I.A. Localization of the global economic system in global cities // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2017. Vol. 23. № 3. P. 58–76. (In Russ.)
3. Sluka N.A., Karyakin V.V., Kolyasev E.F. Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. Vol. 13. № 1. P. 203–226. (In Russ.)
4. Khanna P. Connectography. The Future of Global Civilization. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 432 p.
5. Abrahamson M. Global Cities. New York, Oxford: Oxford University Press, 2004. 192 p.
6. Scott A. Global city-regions and the new world system // European Planning Studies. 2001. Vol. 9. № 7. P. 813–826.
7. Hymer S., Cohen R. The Multinational Corporation. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 420 p.
8. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. P. 69–83.
9. Knox P., Taylor P. World Cities in a World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 348 p.
10. Alderson S., Beckfield J. Power and position in the world city system // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 109. № 4. P. 811–851.
11. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Pine Forge, Sage, 1994. 424 p.
12. Global Power City Index 2020. URL: http://mori-m-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml (access data: 17.02.2021).
13. Kearney 2020 Global Cities Index: New priorities for a new world. URL: https://www.kearney.com/global-cities/2020 (access data: 17.02.2021).
14. Khomyakova K.L. The concept of the global city in modern sociology // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2020. Vol. 26. № 2. P. 94–110. (In Russ.)
15. Moscow 2030. URL: https://www.mos.ru/city/projects/2030/ (access data: 17.02.2021). (In Russ.)
16. Moscow – «heavy capital». URL: https://m.lenta.ru/articles/2019/07/31/hardmsk/amp/ (access data: 17.02.2021). (In Russ.)
17. Cleaning the «rust belt». The «Expert» Magazine. URL: https://expert.ru/expert/2019/18/ochischaya-rzhavyij-poyas/ (access data: 17.02.2021). (In Russ.)
18. IAS MKR of Moscow. URL: https://ehd.moscow/index.php?show=inds&source= –365 (access data: 17.02.2021). (In Russ.)
19. PwC Emerging Trends Europe. URL: https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/asset-management/emerging-trends-real-estate/europe-2020.html (access data: 17.02.2021).
20. Brade I. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas // Area. 2004. Vol. 361. № 1. P. 69–80.

Криминальная субкультура: специфика, причины привлекательности и влияние на подростков и молодежь

Гомцян Овсеп Арамаисович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: ovsep1986@gmail.com

Актуальность данной проблемы заключается в том, что число подростков и молодежи, вовлеченных в криминальную субкультуру, значительно возрастает с каждым днем, а также тот факт, что именно этот возраст наиболее важен для коррекции антисоциального поведения. В настоящей статье рассматривается специфика криминальной субкультуры, причины привлекательности криминальной субкультуры для подростков и молодежи. Также в статье анализируется влияние криминальной субкультуры, которое обусловлено возрастными, социальными и психологическими особенностями, необходимостью сохранения своего специфического социального статуса. При этом, если личность формируется в семье, в деятельности, в образовательной системе, то, выбирая более легкий путь достижения каких-либо целей, подростки и молодежь все чаще обращаются к криминальной субкультуре, в которой цели реализуются более просто. В итоге, проблема подростково-молодежной преступности в качестве своих причин обращается к условиям среды, социума, в которой находится и развивается подросток или юноша. По этой причине такая проблема требует комплексного решения: на уровне семьи, органов правопорядка, социальных и образовательных учреждений.

Ключевые слова: субкультура, подростки, молодежь, криминальная субкультура, специфика криминальной субкультуры, влияние криминальной субкультуры.

Агрессивный характер криминальной субкультуры, прежде всего, направлен на подростково-молодежную среду, как наиболее адаптивную и подверженную влиянию внешней среды [4].

Ценности криминальной субкультуры формируются, как это ни парадоксально звучит, на основе отсутствия ценностей и вседозволенности [6]. Нравственный мир подростков и молодежи сформирован не окончательно, поэтому именно нравственные основы этих возрастных групп более подвержены социальной деформации [2].

Для современного общества представляются довольно характерными деформация и трансформация нравственных идеалов, новые формы приобщения молодежи и подростков к криминальной субкультуре. При этом сфера приобщения к такой культуре и проявлениям девиантного поведения расширяется [7].

Специфика криминальной субкультуры отражает все признаки, свойственные негативным проявлениям подросткового и молодежного возраста, тем самым проявляется социальный вред данного вида субкультуры [3]. Криминальная субкультура использует слабые признаки возраста, в частности, способность к подражанию.

В итоге приобщение к такой культуре порождает склонность подростков и молодежи к преступной деятельности, при этом они часто сами, в свою очередь, становятся распространителями данной культуры, что имеет еще более значительную степень опасности.

Подростково-молодежная активность способствует еще большей динамике распространения криминала среди сверстников. Одна из точек зрения на проблему формулируется как «преступность несовершеннолетних – будущая преступность». В процессе форми-

рования личности в подростковом и молодежном возрасте влияние преступности на жизненную ориентацию способно привести к более устойчивым аддикциям и девиациям.

Привлекательность криминальной субкультуры для молодежи и подростков обуславливается в первую очередь определенными формами поведения и псевдосвободой: избегая изоляции в силу возрастных причин, подросток или юноша ищут неформальную группу, в которой чувствовали бы себя равными и испытывали психологический комфорт. К сожалению, семья не всегда представляется именно такой группой. Именно группа способна снизить подростково-молодежный стресс, а также снижать воздействие информационного засилья [5].

Криминальная субкультура, включающая подростков и молодежь, обладает собственной определенной спецификой (рисунок 1).

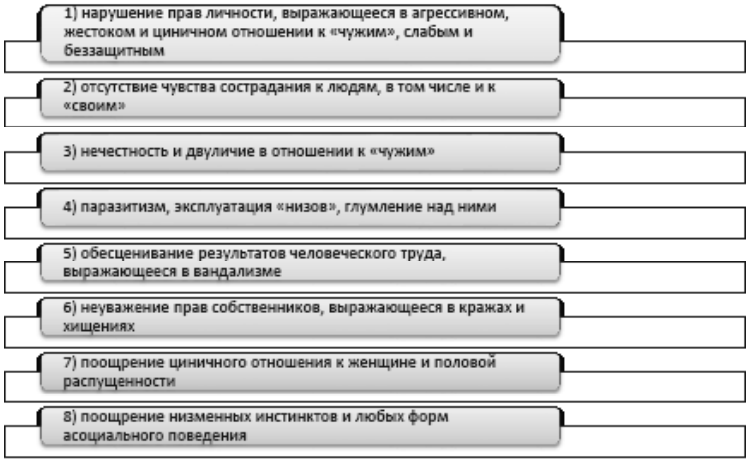

Рис. 1. Специфика криминальной субкультуры

Криминальная субкультура обладает рядом привлекательных черт для подростков и молодежи. Формируя свои ценности, она учитывает именно этот фактор [8; 9] (рисунок 2).

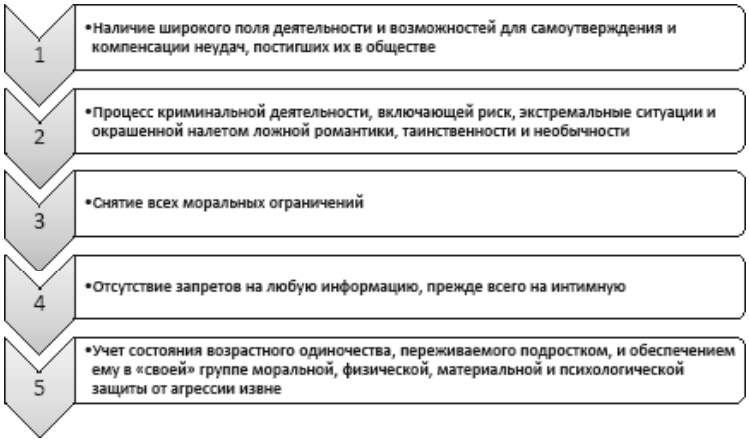

Рис. 2. Причины привлекательности криминальной субкультуры для подростков и молодежи

Распространение признаков криминальной субкультуры в подростково-молодёжной среде также обусловлено вышеуказанными причинами привлекательности. Такое распространение в силу возрастных причин обладает высокой динамикой, кроме того, латентность таких групп часто более высока, чем «взрослых» преступных группировок, поскольку подростки и молодёжь с большей тщательностью скрывают существование криминальных сообществ.

Обращаясь еще раз к возрастным особенностям подростково-молодежной среды, важно отметить ряд психологических черт несовершеннолетних (рисунок 3).

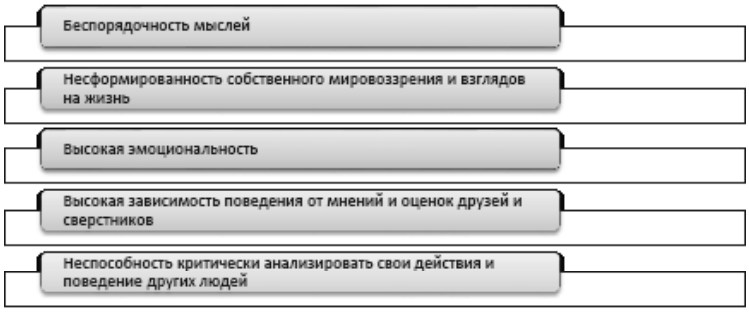

Рис. 3. Специфичные психологические черты несовершеннолетних, обуславливающие проявление преступного поведения

Данные черты способны проявляться в формировании преступного поведенческого механизма, однако не сразу, а постепенно: начиная с семейного и дружеского круга, среди сверстников и т.д.

Далее смещаются ценностные ориентации подростков и молодежи, принимающих действий криминальной субкультуры как пример поведенческих реакций и нравственных ценностей. Так формируются более серьезные предпосылки к преступному поведению подростков и молодежи в криминальной субкультуре [1].

Поддержание интересов подростка или юноши к криминальной субкультуре также осуществляется со стороны представителей самой субкультуры посредством отсутствия запретов – физических и информационных (за исключением правил и запретов самой субкультуры или конкретной преступной группировки). Если в обычном обществе запрет на информацию часто сдерживает антисоциальное поведение, то в условиях информационной открытости и вседозволенности внутри криминальной субкультуры, подросток или юноша такую информацию получает свободно, как и не менее быстро и свободно усваивает ценности криминального мира.

Тем самым, криминальная субкультура является одной из основных сил и механизмов, через которые происходит криминализации молодежной среды [10]. Способствуя усилению влияния и сплоченности преступных групп, данный вид субкультуры препятствует процессу социализации личности подростка или молодого человека, провоцируя и давая возможность проявить интерес к антисоциальному поведению.

Таким образом, влияние криминальной субкультуры обусловлено возрастными, социальными и психологическими особенностями, необходимостью сохранения своего специфического социального статуса. При этом, если личность формируется в семье, в деятельности, в образовательной системе, то, выбирая более легкий путь достижения каких-либо целей, подростки и молодежь все чаще обращаются к криминальной субкультуре, в которой цели реализуются более просто.

В итоге, проблема подростково-молодежной преступности в качестве

своих причин обращается к условиям среды, социума, в которой находится и развивается подросток или юноша. По этой причине такая проблема требует комплексного решения: на уровне семьи, органов правопорядка, социальных и образовательных учреждений.

Литература

1. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. М., 2015. С. 793.
2. Иванцова Н.В., Бельцов Д.В. Криминологическая характеристика несовершеннолетнего субъекта преступлений // Российский следователь. 2014. № 10. С. 27–31.
3. Гомцян О.А. Криминальная субкультура несовершеннолетних: сущность, признаки // Социология. 2020. № 2. С. 227–233.
4. Клементьев А.В. Некоторые проблемы распространения криминальной субкультуры среди молодежи // В сборнике: Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции). Научные редакторы Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. 2018. С. 197–201.
5. Кондратьев М.Ю. Подросток в системе межличностных отношений закрытого воспитательного учреждения. М., 2016. С. 29–71.
6. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. М., 2013. С. 29.
7. Кусниденов К.К. Актуальные проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. М., 2014. С. 11.
8. Пирожков В.Ф. О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности // Психологический журнал. 2015. Т. 16. № 2.
9. Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 2016. Т. 15. № 2.
10. Хармаев Ю.В. Проблемы противодействия насаждению криминальной субкультуры в молодежной среде // Криминологические чтения: материалы X Всерос. научн.-практ. конф. Улан-Удэ, 2014. С. 145–151.

CRIMINAL SUBCULTURE: SPECIFICS, REASONS FOR ATTRACTIVENESS AND INFLUENCE ON TEENAGERS AND YOUNG PEOPLE

Gomtsyan O.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University

The relevance of this problem lies in the fact that the number of teenagers and young people involved in the criminal subculture is significantly increasing every day, as well as the fact that this age is most important for the correction of antisocial behavior. This article examines the specifics of the criminal subculture, the reasons for the attractiveness of the criminal subculture for teenagers and young people. The article also analyzes the influence of the criminal subculture, which is caused by age, social and psychological characteristics, the need to preserve their specific social status. At the same time, if the personality is formed in the family, in activities, in the educational system, then, choosing an easier way to achieve any goals, teenagers and young people are increasingly turning to the criminal subculture, in which goals are realized more simply. As a result, the problem of juvenile delinquency as its causes refers to the conditions of the environment, the society in which the teenager or young man is located and develops. For this reason, this problem requires a comprehensive solution: at the level of the family, law enforcement agencies, social and educational institutions.

Keywords: subculture, teenagers, youth, criminal subculture, specifics of criminal subculture, influence of criminal subculture.

References

1. Dolgova A.I. Criminology: a textbook for universities. M., 2015. S. 793.
2. Ivantsova N.V., Beltsov D.V. Criminological characteristics of a juvenile subject of crimes // Russian investigator. 2014. No. 10. P. 27–31.
3. Gomtsyan O.A. Criminal subculture of minors: essence, signs // Sociology. 2020. No. 2. P. 227–233.
4. Klementyev A.V. Some problems of the spread of the criminal subculture among

young people // In the collection: Problems of counteraction to the criminal subculture. Collection of articles (materials of the All-Russian scientific-practical conference). Scientific editors Yu.V. Kharmaev, E.L. Radnaev. 2018. S. 197–201.
5. Kondratyev M. Yu. A teenager in the system of interpersonal relations in a closed educational institution. Moscow, 2016, pp. 29–71.
6. Kurguzkina EB The theory of the personality of the criminal and the problems of individual crime prevention. M., 2013. S. 29.
7. Kusnidenov K.K. Actual problems of juvenile delinquency prevention. M., 2014. S. 11.
8. Pirozhkov V.F. On the psychological reasons for the reproduction of juvenile delinquency // Psychological journal. 2015. Vol. 16. No. 2.
9. Pirozhkov V.F. Criminal subculture: psychological interpretation of functions, content, attributes // Psychological journal. 2016. Vol. 15. No. 2.
10. Harmaev Yu.V. Problems of counteracting the imposition of a criminal subculture in the youth environment // Criminological readings: materials of the X All-Russian. scientific-practical conf. Ulan-Ude, 2014. S. 145–151.

Институт семьи в современном российском обществе

Ковалева Анна Владимировна,
кандидат социологических наук, кафедра «Социальная работа и психология», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: lagrima777@yandex.ru

Актуальность. Различные факторы окружающей действительности, напряжённая социально-экономическая обстановка в России не является триггером укрепления института брака и семьи. Влияние техногенных факторов окружающей действительности, признак дистанцирования информационно-коммуникационных процессов, социально-экономические проблемы, проблема изоляции из-за последствий пандемии 2019–2020 года, актуализирует тему исследования в виде анализа института семьи на современном этапе развития российского общества. В работе показано, что что институт семьи в современной России, характеризуется негативной, как количественной, так и качественной динамикой показателей. Подобная ситуация требует от научного сообщества, государственных органов разработку и принятия мер по сохранению и укреплению статуса семьи как важнейшего социального института.

Ключевые слова: институт брака, индивид, коммуникация, социальный институт, семейные отношения.

Введение

Современный этап общественной формации характеризуется техническими и информационными факторами развития общественной жизни, нивелирующими ценность личностной коммуникации. Личностная коммуникация, является определяющим фактором становления и развития отношений между мужчиной и женщиной, являясь фундаментом института брака и семьи. Рассмотрим динамику бракоразводных процессов в России в период с 2000 года по 2020 год (табл. 1).

Таблица 1. Динамика браков и разводов в России, по данным [3]

Год	Браков, в тыс.	Разводов, в тыс.	Браков на 1000 населения, в долях	Разводов на 1000 населения, в долях
2000	897,3	627,7	6,2	4,3
2010	1215,1	639,3	8,5	4,5
2017	1049,7	611,4	7,1	4,2
2018	893	583,9	6,1	4
2019	950,2	620,7	6,5	4,2
2020	770,76	564,03	5,8	4

Необходимо отметить, что под браком понимается правовой феномен, закрепляющий отношения между мужчиной и женщиной на законодательной основе, в отличие от института семьи, который является социальным феноменом и не требует обязательного законодательного статуса. То есть в таблице 1 мы видим данные, где институт семьи закреплён правовым статусом. По мнению автора, количество семей больше, чем браков. Тем не менее, из таблицы 1, мы можем увидеть характерную негативную тенденцию в целом, так с 2010 года происходит снижение, с замедлением в 2019 году, количество браков, то есть вновь образованных с правовым статусом. При этом количество разводов является практически

неизменным, с медианным значением в районе 4,2 долей на 1000 населения. Подобная тенденция актуализирует тему нашего исследования.

Основная часть

Институт семьи в современной России, это часть демографической проблемы, которую переживает страна, с момента трансформации социального, экономического, политического пространства. Так 1 октября 2020 года были опубликованы данные исследования по вопросу: хотите ли Вы, завести ребёнка, находясь в отношениях [1]. Из результатов, которого следует, что 46 процентов опрошенных ответили отрицательно, 42 процента положительно, 8 процентов хотят, но не будут и 4 процента затруднились ответить. Как видим, значительная доля россиян, находясь в семейных отношениях не хотят заводить детей. Подобная ситуация, по мнению автора, воздействует на институт брака и семьи, как социального фактора, способствующего укреплению социальных связей, личностного фактора роста и демографического фактора.

Основным доводом нежелания создавать семью является тяжёлая финансовая ситуация (24%), отсутствие партнёра (15%), отсутствие жилищных условий (12%). Как видим, характерной особенностью института семьи в России, является высокая зависимость от социально-экономических факторов в виде среднедушевого дохода и обеспеченности жильем. Одним из важнейших факторов, формирующих институт семьи, является возрастной фактор, определяющий границы возраста, когда мужчина и женщина решили создать семью. Рассмотрим на рисунке 1 средний возраст вступления в брак в России.

Как мы можем увидеть из рисунка 1, последние десять лет и в настоящее время, наблюдается крайне негативная тенденция увеличения возраста вступления в брак. Так, если в 2000-х тысячном году в возрасте от 25–34 лет количество мужчин и женщин, принявших решение узаконить свои отношения, составляло менее 40 процентов и подавляющее большинство, вновь созданных пар приходилось на более ранний возраст, то в современной России этот показатель уже более 60 процентов. Но наиболее негативной тенденцией является тот факт, что возраст женщин, принимающих осознанное решение о заключении брачного союза, от 35 лет также постоянно возрастает. Подобная тенденция, по мнению автора, не позволяет улучшить демографическую ситуацию. Также, увеличивается количество брачных договоров, заключаемых при вступлении в брак[2] (рис. 2).

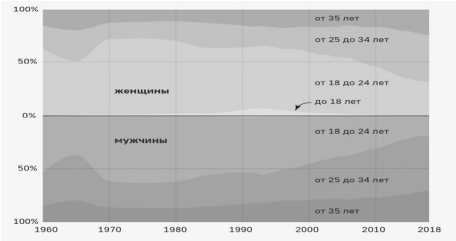

Рис. 1. Средний возраст вступления в брак в России по годам, источник [2]

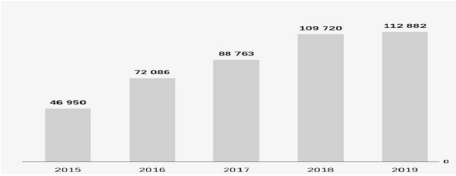

Рис. 2. Количество заключаемых брачных договоров в России, в динамике с 2015 года, в единицах, по данным [3]

Институт семьи, являясь одним из важнейших элементов аксиологической сферы, формирующий духовно-нравственные, ценностные и личностные ориентиры, всё в большей степени строится на договорных принципах. Так за последние пять лет, количество заключаемых брачных договоров выросло с 46950 до 112882, что, несомненно, трансформирует институт семьи в современной России из аксиологической сферы в договорную. При этом немаловажным фактором, усугубляющим ситуацию с ценностно-ориентированным статусом института семьи в современной России, является продолжитель-

ность брака до первого развода, рисунок 3, по данным [2].

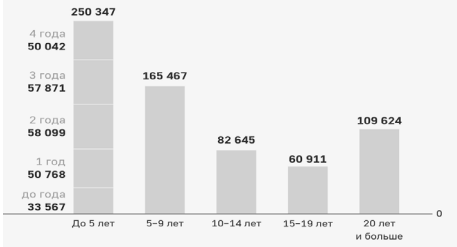

Рис. 3. Продолжительность брака при разводе в современной России, чел.

Как видим из рисунка 3, количество лиц, создавших устойчивую семейную пару также почти в три раза ниже лиц, имеющих краткосрочные и среднесрочные отношения.

Таким образом, в современной России наблюдается явная тенденция к снижению роли и статуса института семьи как ценностно-ориентированной сферы и всё больше характеризуется заменой духовных ценностей на «суррогаты» договорных отношений.

Выводы

В результате нашего исследования, мы выявили ряд особенностей и тенденций, характерных для института семьи в современной России.

Факторами антагонистами, препятствующими созданию полноценных, устойчивых межличностных отношений в виде семьи или брака, являются:

а) Финансовая состоятельность и материальная обеспеченность, всё больше лиц мужского и женского пола, не могут создать устойчивых связей в виде семейных отношений, по причине финансовых затруднений;

б) Наличие и обеспеченность населения собственным жильём, важнейший фактор, препятствующий стабильным отношениям;

2. Значительное увеличение временных фреймов (возраста) для создания устойчивых семейных отношений. Очевидно, здесь также играет роль личностная заинтересованность граждан в сторону собственного благополучия, а не совместного.

3. Трансформация института семьи из инструмента аксиологической сферы в инструмент договорной сферы и договорных отношений.

В целом хотим отметить, и это наглядно видно из данных нашего исследования, что институт семьи в современной России, характеризуется негативной, как количественной, так и качественной динамикой показателей. Подобная ситуация требует от научного сообщества, государственных органов разработку и принятия мер по сохранению и укреплению статуса института семьи как важнейшего социального института.

Литература

1. НАФИ. Аналитика и прогнозы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey/,, свободный – (дата обращения 15.04.2021);
2. ТАСС. Современная семья в графиках и цифрах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/8901099, свободный – (дата обращения 15.04.2021);
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1, свободный – (дата обращения 15.04.2021).

THE INSTITUTE OF THE FAMILY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Kovaleva A.V.
Pacific National University

Relevance. Various factors of the surrounding reality, the tense socio-economic situation in Russia is not a trigger for strengthening the institution of marriage and family. The influence of technogenic factors of the surrounding reality, a sign of distancing of information and communication processes, socio-economic problems, the problem of isolation due to the consequences of the 2019–2020 pandemic, actualizes the research topic in the form of detecting the institution of the family at the current stage of development of Russian society. The paper shows

that the institution of the family in modern Russia is characterized by negative, both quantitative and qualitative dynamics of indicators. This situation requires the scientific community and government agencies to develop and take measures to preserve and strengthen the status of the family as an important social institution.

Keywords: institution of marriage, individual, communication, social institution, family relations.

References

1. NAFI. Analytics and forecasts. [Electronic resource]. – Access mode: https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey/,, free – (accessed 15.04.2021);
2. TASS. Modern family in charts and figures. [Electronic resource]. – Access mode: https://tass.ru/obschestvo/8901099, free – (accessed 15.04.2021);
3. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. – Access mode: https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1, free – (accessed 15.04.2021).

Факторы риска межэтнической напряженности в молодежной среде регионов Российской Арктики

Тамицкая Екатерина Николаевна,
аспирант, старший преподаватель кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: e.tamitskaya@narfu.ru

Цихончик Надежда Васильевна
аспирант, старший преподаватель кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: n.cihonchik@narfu.ru

Интолерантность в молодежной среде представляется ключевой проблемой межнациональных отношений. Российская Арктика, и в частности Архангельская область и Ненецкий автономный округ, традиционно являются регионами с низким уровнем межэтнической напряженности. Однако, отдельные территориальные особенности могут служить риск-факторами роста напряженности. На основе использования статистического и социологического подходов определены политические, экономические, демографические, социально-трудовые и социокультурные предикторы формирования негативного национального фона. Их наличие обусловлено противоречиями между традиционным укладом жизни и процессами глобализации, относительной неизменностью автохтонного населения и необходимостью в привлечении человеческих ресурсов, человеческим потенциалом и инфраструктурными возможностями его развития. Выявленные противоречия и риск-факторы межэтнической напряженности в молодежной среде становятся все более существенными в условиях активной реализации национальных интересов России в арктическом регионе.

Ключевые слова: риски, социальные риски, факторы риска, межэтническая напряженность, интолерантность, молодежь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31819

Мировая наука имеет серьезный арсенал теоретических разработок и эмпирических данных в исследовании этнического фактора развития социальных институтов и процессов. Актуализация данного фокуса научных поисков обусловлена не только влиянием миграционных процессов, разрешением этнических вопросов, международным дискурсом развития различных общностей, но и потенциалом влияния этнического фактора на состояние общественной безопасности и сознание людей. Мейнстрим глобализации и информатизации создает поляризационные потоки общественного сознания, углубляет стратификацию в социокультурном пространстве и тем самым провоцирует риски социальной напряженности, в том числе в межэтнических отношениях. Наиболее быстро и ярко на происходящие социальные изменения в силу возрастных и социально-психологических особенностей реагирует молодежь. Именно в молодежной среде скрыты латентные силы межэтнической напряженности, которые при умелом манипулировании могут стать реальной угрозой социальному порядку и общественной безопасности, особенно в геостратегических регионах страны.

Территории Российской Арктики, в частности, Архангельская область и Ненецкий автономный округ (далее – НАО) в исторической перспективе и на сегодняшний день являются регионами с низким уровнем межэтнической напряженности; здесь высока толерантность и значительна доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам. Так, по данным Центра изучения общественного мнения (г. Архангельск) в 2018–2020 гг. доля граждан в Архангельской области, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составляла 88,4–90,1%; доля граждан, не ис-

пытывающих негативного отношения к мигрантам – 81–87,0% (см. табл. 1) [1].

*Таблица 1. Ключевые показатели оценки межнациональных и межконфессиональных отношений в Архангельской области в 2018–2020 гг., в%**

Наименование	2018 г., %	2019 г., %	2020 г., %
Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений	88,4	90,1	89,7
Уровень общероссийской гражданской идентичности	92,7	89,8	90,7
Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка	96,5	97,7	97,0
Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам религии	99,0	98,5	98,7
Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам	87,0	85,6	81,0

* *Источник*: Заключительный аналитический отчёт о проведении научного социологического исследования на тему: «Оценка населением межнациональных и межконфессиональных отношений в Архангельской области» [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://portal.dvinaland.ru/docs/pub/1feada1993d398470650c-cf1d0eb848c/2020.docx, свободный (Дата обращения: 11.12.2020)

Однако социальные риски сегодня являются неустранимым, перманентным условием жизнедеятельности любой группы, общества, территории и, подобно рекурсии, имеют свойство множиться в количестве итераций. Социальными рисками можно назвать совокупность условий, а также их последствия, которые представляют угрозу для нормального социального функционирования сообщества. Риски межэтнической напряженности относятся к их числу, так как возможность и характер их возникновения напрямую связаны с социальной детерминацией. Даже в отличие от, например, социально-экономических рисков, риски межэтнической напряженности более угрожающи, так как произрастают на эмоционально перенасыщенной почве бессознательных стереотипов и предрассудков, но при этом слабо прогнозируемы.

Прогнозирование же следствий рисков межэтнической напряженности во многом зависит от квалифицированной идентификации этих рисков и их релевантности валидным критериям. Но в силу их комплексности и многофакторности детерминации их исследование должно быть построено на целой системе показателей, в том числе с учетом пространственно-временной динамики. В основном, социальные науки в исследовании факторов риска как свойств среды, повышающих вероятность дестабилизации или разрушения её целостности и системности, опираются на статистические и социологические подходы.

Согласно статистическому подходу, факторы риска и ситуация безопасности определяются через вычленение набора значимых статистических показателей. Например, согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [2] важными оценочными параметрами её развития и состояния национальной безопасности являются: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, миграционный отток населения, уровень безработицы, доля валового регионального продукта в суммарном ВРП субъектов РФ, доля средств бюджетов в общем объеме инвестиций в основной капитал, объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути, доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-коммуникационной сети Интернет, доля современных образцов вооружения. Все вместе они формируют общую картину масштабных региональных тенденций экономической и социальной безопасности как оптимального состояния развития тер-

ритории, в частности Арктической зоны Российской Федерации.

Социологический подход строится на основании метода индукции, собирая факты и мнения, конструируя из них индикаторы, показатели и индексы. К примеру, эксперты исследования Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федеральной экспертной сети «Клуб Регионов» на основе интервьюирования экспертов выделили следующие факторы межэтнической напряжённости: неконтролируемая миграция; социально-экономическая депрессия; отсутствие системной национальной политики; проблема неосведомлённости населения о реальной ситуации и отсутствие культуры межнационального общения; противостояние элит и кланов на фоне высокого уровня коррупции и массовой бедности, и другие [3]. К этим факторам можно добавить характер исторического сознания этнических общностей и международные конфликты территориального, национального или религиозного характера.

Оба подхода стремятся решить задачу классификации риско-образующих факторов межэтнической напряженности, которая может быть проведена по различным основаниям. Так, традиционно факторы риска разделяют на внешние (прямого воздействия и косвенные) и внутренние (объективные и субъективные). По степени устойчивости риск-факторы межэтнической напряженности могут быть временными и перманентными, по степени предсказуемости – прогнозируемыми и неконтролируемыми, по степени распространения – массовыми и уникальными, по уровню возникновения – глобальными, международными, государственными, региональными, местными. Кроме того, факторы риска межэтнической напряженности классифицируются также по приоритетной причине сложившихся рисковых условий: политические, социально-экономические, территориальные, информационные, культурные предикторы.

При анализе факторов риска межэтнической напряженности в молодежной среде Архангельской области и НАО в качестве исходных предпосылок необходимо остановиться на национальном составе и демографической характеристике молодежи.

Население Архангельской области отличается моноэтничностью – 95,6% жителей региона идентифицируют себя как русские [4]. В НАО доля нерусского населения значительнее – почти 34% населения, более половины из которых составляют ненцы. Всего оба региона населяют представители 108 национальностей, здесь действуют более 40 национально-культурных автономий, землячеств и этнокультурных объединений.

Численность молодежи в возрасте 15–29 лет в Архангельской области и НАО на 1 января 2020 года составляла 171 733 человек, или 15,1% от общей численности населения. Причем доля молодого населения в общей численности планомерно снижается за последние 5 лет – с 17,9 до 15,1%. В целом, это достаточно тревожный факт, так как уменьшение численности молодежи снижает экономический, трудовой и образовательный потенциал. В разрезе же исследуемого вопроса, если обратиться к работам Г. Хайнзона [5], подобная демографическая ситуация не способствует межэтнической напряженности, поскольку насилие имеет тенденцию происходить в тех обществах, где юноши 15–29 лет составляют больше 30% от общего населения (так называемый «злокачественный демографический приоритет молодежи»).

Для определения риск-факторов межэтнической напряженности в молодежной среде Архангельской области и НАО были проанализированы статистические данные из открытых источников. Тем не менее, данные официальной статистики не считывают социально-психологические, культурные и политические показатели межгрупповых отношений (эти данные должны быть проанализированы на основе мнений респондентов). В этой связи в октябре-ноябре 2020 года проведен анкетный опрос на тему «Этнические стереотипы

и установки в молодёжной среде поликультурного пространства Российской Арктики» среди населения в возрасте от 18 до 29 лет. Выборочная совокупность квотировалась по полу и возрасту в двух регионах проживания. Общий объем выборки составил 509 чел., статистическая погрешность составила 5%. Данные были получены в ходе проведения онлайн-опроса на платформе survey.narfu.ru.

Большая часть опрошенных проживают в населённых пунктах Архангельской области (75,2%). Каждый четвёртый респондент является жителем НАО (24,8%). Среди участников исследования мужчины составили 48,3%, а женщины – 51,7%. В опросе приняли участие представители 17 народов, при этом основу выборочной совокупности составили русские (74,5%), на втором месте по численности – ненцы (6,5%).

По результатам комплексного анализа статистических и социологических данных сформулированы риск-факторы межэтнической напряженности: политические, экономические, демографические, социально-трудовые, социокультурные.

Факторы риска в политической сфере имеют прямую зависимость от нерешенности социально-экономических проблем в регионах, соответственно, усиления социальной напряженности вследствие низкой эффективности деятельности власти. Как правило, протестная активность трансформируется от экономических требований к радикализации политических настроений. Тригерами социальных конфликтов выступают стоящие на повестке общественных обсуждений темы – экологическая ситуация вокруг строительства мусорного полигона в Шиесе, рост тарифов ЖКХ, проект объединения Архангельской области и Ненецкого автономного округа. В 2019 году Архангельская область была на втором месте в рейтинге протестной активности российских регионов [6]. Социальные конфликты в потенциале могут сгенерировать и волны межэтнической напряженности.

Экономические факторы в возникновении межэтнической напряженности имеют мультипликативный эффект: напрямую они не влияют на проявление интолерантности, но могут послужить основой для формирования негативных установок и стереотипов в отношении мигрантов. Экономическая ситуация отягощена такими проблемами, как: небольшой бюджет по сравнению с другими субъектами Северо-Западного федерального округа, растущий государственный долг, слабая конкурентность местных рынков, низкая активность бизнеса, малые налоговые отчисления предприятий в бюджет, низкая инвестиционная привлекательность, высокая стоимость жизни, низкий, несопоставимый с качеством жизни уровень заработной платы во многих отраслях, сложная логистика и транспортная доступность, рост цен и тарифов.

По данным социологического исследования для респондентов Архангельской области и НАО имеют особую актуальность многие социально-экономические проблемы. Самыми острыми названы рост цен на продукты питания и товары (93,7% опрошенных находят эту проблему актуальной), рост цен на услуги ЖКХ, высокая квартплата (91,2%) и низкий уровень доходов (зарплат и пенсий) (89,6%) (см. рис. 1).

Для молодежи характерны экономическая зависимость, ограниченный доступ к ресурсам, низкая финансовая активность и финансовая грамотность, диссонанс высоких жизненных потребностей и малых материальных возможностей. Стратегия мышления дефицитарности («нам и так мало, а тут еще вы», «ресурсов мало и их на всех не хватит») может приводить к озлоблению, латентной агрессии, выступать провоцирующим пусковым ключом к выражению негативных чувств к любой инаковости. Данные социологического исследования указывают на четверть опрошенных, которая замечает некоторую напряженность в межнациональных отношениях (25%). Чаще остальных скрытую напряженность наблюдают жители региона, имеющие низкий уровень

жизни (32,1–40% среди тех, чей доход не позволяет приобретать ничего, кроме продуктов питания). И только 3,1% респондентов ответили, что наблюдают вокруг себя конфликты, возникающие на национальной почве. Опять же чаще остальных данная тенденция заметна для малообеспеченного населения (8,9–13,3%) (См. Таблица 2).

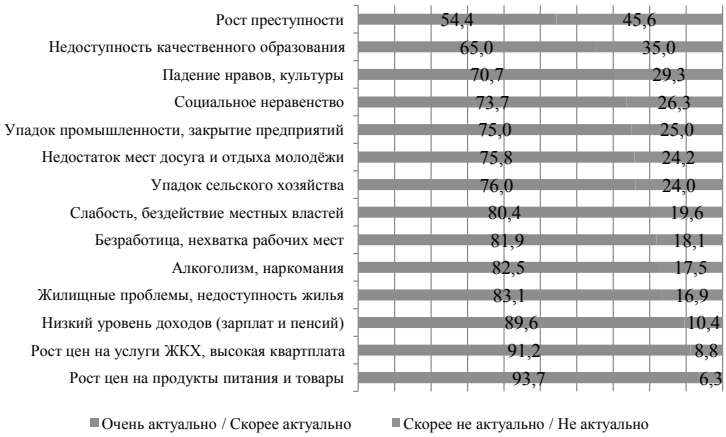

Рис. 1. Мнение респондентов об актуальных для Архангельской области и НАО проблемах, в%,% в каждой строке от общего числа респондентов, N = 509

Таблица 2. Сравнительный анализ ответов респондентов разного материального положения на вопрос о состоянии межнациональных отношений, в%,% от числа респондентов в каждой группе, N = 509

Каковы, на Ваш взгляд, в настоящий момент отношения между людьми различных национальностей в вашем населённом пункте	Денег достаточно для покупогостоящих предметов	Денег хватает только на оплату жилья, продукты питания и оде	Денег хватает только на продукты питания и одежду	Денег хватает только на продукты питания	Денег не хватает даже на продукты питания
Доброжелательные	11,1	16,3	14,0	21,4	26,7
Спокойные, бесконфликтные	63,9	59,0	59,7	37,6	20,0
Присутствует скрытое напряжение	19,4	21,1	25,9	**32,1**	**40,0**
Имеются конфликты	5,6	3,6	0,4	**8,9**	**13,3**
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Демографическая ситуация в Архангельской области и НАО, усиливаемая политическим задачами присутствия и укрепления России в Арктике, актуализирует проблему миграционных процессов на данной территории. С одной стороны, наблюдается отток населения из данных районов страны. В 2019 году число прибывших составило 42 400 человек, выбывших – 45 392 человека, миграционная убыль – 2992 человека.

С другой стороны, регионы являются привлекательными для определенных социально-демографических групп. Наиболее активной в плане въезда является группа молодежи в возрасте 15–24 лет (около 13 тысяч прибывших), а также в возрасте 25–34 лет (около 9 тысяч прибывших) [7]. Эти же возрастные группы чаще других являются и выезжающими из регионов. Данные тенденции связаны с образовательной мобильностью молодежи, въезжающей

и выезжающей для обучения в учебные заведения. Решающими факторами миграции становятся отсутствие возможности для трудоустройства, нерешенные жилищно-бытовые потребности, неимение условий эффективного и интересного проведения досуга, поиск новых перспектив служебного и карьерного роста.

По данным официальной статистики к 2024 году прогнозируется положительный прирост внешней миграции до 600 человек в год. Возможной причиной может стать более высокий уровень доходов населения по сравнению с другими регионами Центрального федерального округа.

Об образовательной мобильности мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья можно судить по статистике приемной кампании образовательных учреждений, например, Северного (Арктического) федерального университета (далее – САФУ). За прошедшие 5 лет число иностранных граждан, поступивших в САФУ, увеличилось в 1,5 раза: с 204 человек в 2015 году до 354 человек – в 2020 году. Удельный вес численности иностранных студентов в контингенте составляет 9,4% в 2020 году. Список стран из дальнего зарубежья представляют: Япония, Нигерия, Зимбабве, Китай, Вьетнам, Индия, Бенин, Чехия, Киргизия, Франция, Болгария, Камерун, Индонезия, из ближнего – Узбекистан, Туркменистан. Таким образом, при общей тенденции сокращения контрольных цифр приема в университеты сохраняется курс на увеличение объемов международной мобильности и увеличение числа иностранных студентов. Это создает конкуренцию среди абитуриентов за бюджетные места, а, значит, может служить источником межэтнической напряженности в околоуниверситетской среде.

Для обучающейся в высших учебных заведениях молодежи предусмотрены различные профилактические, адаптационные и культурные мероприятия в целях формирования толерантной образовательной среды университета. Уровень толерантности может быть ниже в средних профессиональных образовательных учреждениях, особенно ориентированных на «мужские» профессии, в силу более низкого возрастного и образовательного статуса обучающихся.

Анализ демографических факторов межэтнической напряженности показывает, что существует диссонанс между демографической обстановкой, выраженной в низкой плотности, естественной убыли, миграционном оттоке населения, и задачами обеспечения национальной и социальной безопасности, стоящими перед регионами. Очевидно, что человеческий потенциал автохтонного населения не может реализовать весь спектр поставленных задач, а значит необходимо привлечение человеческих ресурсов других регионов, в том числе за счет увеличения доли мигрантов. Подобный диссонанс создает потенциальную область конфликта интересов, на данный момент пока проявленных в незначительной степени.

Показатели социально-трудовой сферы отношений оставались достаточно стабильными на протяжении последних трех – четырех лет – после ликвидации многих производственных предприятий и до ситуации социальной изоляции 2020 года. Ситуация пандемии Covid-19 и связанных с ней социально-экономических следствий резко обострила положение на рынке труда: сократилось количество рабочих мест, выросла безработица, в том числе латентная, коэффициент напряженности на рынке труда вырос более чем в два раза, уменьшился уровень предлагаемой заработной платы, увеличивается разбалансированность между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда. Дефицит человеческих ресурсов на территории Архангельской области и НАО традиционно выше средних показателей по России в силу отдаленности территорий, сложности условий труда, слабой компенсацией специфичных условий работы материально-денежным вознаграждением. Разрыв между качеством профессионально-квалификационной структуры кадров

и актуальными потребностями экономики и социальной сферы провоцирует необходимость привлечения специалистов и кадров даже рабочей квалификации из других регионов и стран. Однако, ключевая проблема состоит в том, что выше сформулированные особенности рынка труда в Архангельской области и НАО привлекают мигрантов не самой высокой профессиональной квалификации.

Иностранная рабочая сила в основном представлена мигрантами из республик Средней Азии, Кавказа, Украины и Беларуси. Однако значение этих показателей не велико: доля иностранных граждан, которые заняты в той или иной сфере, составляет 0,03%, что не влияет на общие показатели занятости. По данным на 30 апреля 2020 года, в регионе трудятся 3354 иностранных работника [8]. Преимущественно они заняты на строительстве, в общепите, в торговле.

Факторы межэтнической напряженности в социально-трудовой сфере основаны на общих тенденциях рынка труда Архангельской области и НАО: разбалансированностью рынка рабочей силы, качества рабочей силы и отсутствием высококвалифицированных кадров, неудовлетворительными условиями труда, низким уровнем заработной платы, низкой трудовой мотивацией работников. Без соответствующего образования и квалификации мигранты вынуждены претендовать на рабочие места с низкой квалификацией и заработной платой, без социальных гарантий, зачастую без официального оформления, что в целом создает состояние депрессивности и низкой мотивации труда, состояние выживания, а не вклада в общую экономику региона. Отсутствие работы как фактор социальной напряженности может также спровоцировать межэтнические конфликты как со стороны мигрантов, так и со стороны автохтонного населения. При этом, ежедневно сталкиваясь с мигрантами на низкоквалифицированных должностях (продавцов, дворников, обслуживающего персонала и т.п.), население может испытывать – скрыто или явно – впечатление заполнения рабочих мест иностранными гражданами («понаехали»), что формирует латентный негативный фон.

В рамках социологического опроса респондентам было предложено оценить, с какими народами они готовы вступать в близкие родственные, дружеские, партнерские отношения, а какие готовы видеть только как жителей или гостей области / округа или не хотели бы вообще наблюдать в месте своего проживания. За основу была принята методика шкалы социальной дистанции Э. Богардуса [9]. Было выяснено, что народами, к которым молодые жители регионов проявляют наибольшую лояльность, являются русские, белорусы, украинцы, ненцы и коми – 60–80% респондентов демонстрируют к ним близкую социальную дистанцию. Каждый второй житель Архангельской области и НАО в возрасте от 18 до 29 лет указывают на длинную социальную дистанцию с азербайджанцами, молдаванами, татарами, евреями, армянами и прибалтами (46–51%). Самое настороженное отношение вызывают у молодого населения народы Северного Кавказа (чеченцы, дагестанцы) и Средней Азии (таджики и узбеки).

Полученные данные отнюдь не дают основание полагать, в какой степени установка на социальную дистанцию будет определять поведение личности по отношению к тем или иным представителям народов (парадокс Лапьера) [10]. Но в то же время параметры социальной дистанции позволяют маркировать проблемные зоны проявления межэтнической интолерантности.

В числе социокультурных факторов межэтнической напряженности, выявленных на основе официальных статистических данных, необходимо отметить показатели обеспеченности и оснащенности системы образования, здравоохранения, социальной защиты населения. Если ресурсная база социальной сферы находится в полноценном и прогрессивном состоянии, то у населения формируется базовое

чувство социальной безопасности, а значит, толерантности по отношению к «чужакам».

Однако в последнее время факторами, провоцирующими социальную и протестную активность населения Архангельской области и НАО, стали: ситуация вокруг строительства мусорного полигона в Шиесе, попытка объединения Архангельской области с Ненецким автономным округом, действия власти по профилактике коронавирусной инфекции. В этих условиях угроза социального взрыва остается достаточно острой, в том числе обострение межнациональных конфликтов.

Таким образом, риски межэтнической напряженности в молодежной среде регионов Российской Арктики, в частности на территории Архангельской области и НАО, обусловлены рядом противоречий между традиционным укладом жизни в арктических регионах и глобализационными веяниями, между стабильностью автохтонного населения и неизбежностью миграционных потоков, между человеческим потенциалом области и инфраструктурными возможностями его развития. Те процессы, которые уже активно происходят в центральных и южных регионах страны, на территории Российской Арктики начинают развиваться только в последнее десятилетие в связи с активизацией реализации национальных интересов государства.

Литература

1. Заключительный аналитический отчёт о проведении научного социологического исследования на тему: «Оценка населением межнациональных и межконфессиональных отношений в Архангельской области» [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://portal.dvinaland.ru/docs/pub/1feada1993d398470650ccf1d0eb-848c/2020.docx, свободный (Дата обращения: 11.12.2020)
2. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 44. Ст. 6970
3. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года // Центр изучения национальных конфликтов и федеральной экспертной сети «Клуб Регионов» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html, свободный (Дата обращения: 30.10.2020)
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, свободный (Дата обращения: 20.09.2016)
5. Heinsohn G. Sohne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, 2003
6. Рейтинг протестной активности российских регионов (апрель 2019 г.) [Электронный ресурс]. / Режим доступа: http://kvnews.ru/upload/file/IRE_Protestnaya_aktivnost_08052019.pdf, свободный (Дата обращения: 25.12.2020)
7. Управление федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]. / Режим доступа: https://arhangelskstat.gks.ru/population11, свободный (Дата обращения: 25.12.2020)
8. Выборочное наблюдение труда мигрантов в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html, свободный (Дата обращения: 20.12.2020)
9. Bogardus E.S. Social distance in the city // The urban community: selected papers from the proceedings of the American sociological society, 1925 /

Burgess E.W. (Ed.) – Chicago, Ill.: The Univ. of Chicago Press, 1926. – P. 48–54.
10. La Piere R. Attitude versus action / (Eds.) Fishbein M., John N. Attitude Theory and Measurement. N.Y., 1967.

RISK FACTORS OF INTERETHNIC TENSION AMONG THE YOUNG PEOPLE IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN ARCTIC

Tamitskaya E.N., Tsyhonchik N.V.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Intolerance among young people poses a key problem in the field of interethnic relations. The Russian Arctic, particularly the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Area, traditionally demonstrate low levels of interethnic tension. However, certain territorial features can serve as risk factors of escalating tensions. Proceeding from statistical and sociological approaches, the authors determine political, economic, demographic, social, employment-related and sociocultural predictors responsible for shaping negative national background. Existence of such predictors is caused by contradictions between the traditional lifestyle and the globalization processes, between relative inalterability of the indigenous population and the necessity to attract human resources, as well as between the human potential and infrastructural opportunities for the development thereof. The identified contradictions and risk factors of interethnic tension among young people are becoming increasingly significant against the background of dynamic implementation of Russia's national interests in the Arctic region.

Keywords: risks, social risks, risk factors, interethnic tension, intolerance, youth.

References

1. The final analytical report on the scientific sociological research on the topic: «The population's assessment of interethnic and interfaith relations in the Arkhangelsk region» [Electronic resource] / URL: https://portal.dvina-land.ru/docs/pub/1feada1993d398470650ccf1d0eb-848c/2020.docx, free (Data: 11.12.2020)
2. Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period until 2035» No. 645 of October 26, 2020 // Collection of Russian Legislation. – 2020. – No. 44. Art. 6970
3. Rating of interethnic tension in the regions of Russia. Autumn 2013 – spring 2014 // Center for the Study of National Conflicts and the Federal Expert Network «Club of Regions» [Electronic resource] / URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html, free (Data:10.30.2020)
4. All-Russian population census 2010. T. 4. National composition and language skills, citizenship // Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, free (Data: 20.09.2016)
5. Heinsohn G. Sohne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, 2003
6. Rating of protest activity in Russian regions (April 2019) [Electronic resource]. / URL: http://kvnews.ru/upload/file/IRE_Protestnaya_aktiv-nost_08052019.pdf, free (Data: 25.12.2020)
7. Office of the Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug [Electronic resource]. / URL: https://arhangelskstat.gks.ru/population11, free (Data: 25.12.2020)
8. Selective observation of labor of migrants in 2019 // Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html, free (Data: 20.12.2020)
9. Bogardus E.S. Social distance in the city // The urban community: selected papers from the proceedings of the American sociological society, 1925 / Burgess E.W. (Ed.) – Chicago, Ill.: The Univ. of Chicago Press, 1926. – P. 48–54.
10. La Piere R. Attitude versus action / (Eds.) Fishbein M., John N. Attitude Theory and Measurement. N.Y., 1967.

Социальная поддержка молодежи в «постковидном» мире

Шкурупей Ольга Викторовна,
аспирант, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: olga.shckurupei@yandex.ru

Молодежь сегодня как никогда нуждается в государственной социальной поддержке. Актуальность исследования совершенствования механизмов по социальной поддержке молодежи обусловлена трансформацией современных условий в период формирования нового сетевого общества, как нового феномена социальной реальности. В статье анализируются трансформации повседневности в молодежной среде, которые произошли под влиянием пандемии нового коронавируса COVID-19. Особое внимание уделяется комплексному анализу мер по социальной поддержке молодежи в «постковидном» мире, а также анализу данных о глобальных проблемах молодежи мира, оказавшейся в период пандемии COVID-19 и различных реализованных практик. Эффективность реализации государственной молодежной политики зависит от применения инновационных форм и методов по социальной поддержке молодежи для успешной социализации и эффективной ее самореализации. Результаты исследования показали, что современная молодежная политика нуждается в совершенствовании мер по социальной поддержки молодежи как приоритета молодежной политике и формировании новой молодежной повестки.

Ключевые слова: молодежь, социальная поддержка молодежи, COVID-19, пандемия, инновации, государственная молодежная политика, социальная политика.

Становится все более очевидным, что «постковидный» мир будут принципиально отличаться от предшествующих эпох. Особенно четко это прослеживается на качественном изменении положения молодежи.

В докладе «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние» Международной организации труда отражены негативные последствия и проблемы молодежи, усугубляющее неравенство, способствующие снижению производственного потенциала целого поколения молодых людей в Странах Восточной Европы и Центральной Азии. Из доклада также следует, что 70% обучающихся молодых людей пострадали из-за закрытия школ, высших учебных заведений и центров профессиональной подготовки; 65% молодых людей сообщили, что за время пандемии получили меньше знаний из-за вынужденного удаленного онлайн обучения; 50% считают, что обучение может затянуться; 9% совсем не уверены в завершении обучения [4, С. 165].

Последствия потери одного учебного года для молодых людей, по оценкам экспертов, эквивалентен от 7 до 10% дохода в течение жизни. Низкий уровень образования (ниже среднего) и отсутствие работы способствует пополнению группы NEET (молодежь, которая не работает и не учится), что существенным образом скажется на перспективе трудоустройства и доходах [8, С. 165].

Молодежь, в странах с низким уровнем дохода наиболее остро испытывает социальное неравенство на фоне «социального разрыва» [9]. Там, где в меньшей степени доступен Интернет не хватает учебного оборудования, стесненные жилищные условия и только 18% молодых людей смогли продолжить обучение формате онлайн – лекций. В странах с высоким уровнем дохо-

да продолжать обучение в формате видео – лекций имело возможность 65% молодежи.

Кризис, вызванный пандемией, как полагают эксперты, способствует возникновению сложности на рынке труда и удлиненный переход молодого поколения от школьного обучения к трудовой деятельности. У 38% молодежи, согласно доклада, присутствует тревога о своем будущем, нет уверенности в карьерных перспективах. Каждый шестой молодой человек вынужден прекратить трудовую деятельность из областей, наиболее затронутых кризисом – техническая поддержка, сфера услуг, продажи. В докладе отмечается об ухудшении психологического состояния молодежи, 50% молодых людей подвержены испытывать чувство тревоги и депрессии, 17%, по всей вероятности, уже им подвержены.

С учетом этих неблагоприятных обстоятельств, следует обратить внимание на тот факт, что молодые люди активно участвуют в противостоянии кризису, каждый четвертый молодой человек охотно принимает участие в волонтерской деятельности [4, С. 165].

Согласно опросам, проведенным молодежных организаций, уровень доверия молодежи к национальным правительствам в период пандемии формируются в первую очередь благодаря открытой и доступной информации со стороны государственных институтов. Молодежь использует социальные сети как основной источник информации. Согласно последним исследования, 88% содержат дезинформации о вирусе COVID-19 и таким образом, не смогли вовремя получить актуальную и правдивую информацию о коронавирусе, а это в свою очередь, приводит к снижению уровня доверия молодежи к государственным институтам и тем мерам, которые реализуют правительства [8, С. 165].

Так, крайне важно обеспечить учет мнения молодежи при организации комплексного противодействия кризису, вызванного пандемией. Для молодежи наиболее важно в период кризиса осознавать, что молодое поколение активно привлекается для принятия решений на уровне государства [8, С. 165].

Большинство стран были вынуждены сократить финансирование во многих сферах, в том числе в сфере образования и большого количества молодежных проектов. В этой связи молодежь дезориентирована, из-за потери возможности реализовать свои цели и мечты в 2020 году, и как следствие, вероятность оказаться в наиболее уязвимой группе при последующих экономических потрясениях. А это в свою очередь, по мнению экспертов, серьезным образом отразится на качестве мирового человеческого капитала в долгосрочной перспективе [8, С. 165].

Ключевые международные организации (ОЭСР, ООН, ЮНЕСКО) выделяют основные проблемы молодежи, решение которых направлены на формирование новой молодежной повестки в государствах и определяя тем самым, меры поддержки молодежи. Наиболее важной проблемой молодежи пострадавшие государства выделяют повышение уровня безработицы, которая может иметь последствия в долгосрочной перспективе [8, С. 165].

Таким образом, в рамках антикризисных мер, так и на постоянной основе, социальная поддержка молодежи является наиболее актуальной мерой поддержки подрастающего поколения в сфере молодежной политики. С учетом засматривавшегося выше материала и анализа международного опыта представляется возможным предложить ряд универсальных практических рекомендаций, выделить приоритетные направления молодежной политике по социальной поддержке молодежи в сфере образования, трудоустройства, поддержки уязвимых групп и информационной поддержки.

Так, на примере Испании, поддержку в виде пользования смартфонами, планшетами, компьютерами получили уязвимые слои населения. Во Франции студентам и выпускникам вузов предложили прямую финансовую помощь. В Канаде и Италии увеличили стипен-

дию студентам, которые оказались в чрезвычайной ситуации. США на подобную поддержку университетам выделено 14 млрд долларов. Немецкому студенческому союзу были выделены 100 млн. евро.

Кроме того, некоторые страны ввели послабления в отношении студенческих ссуд и грантов: приостановление начисления процентов и штрафов по студенческим кредитам, в Канаде всем заемщикам автоматически погашены ссуды и кредиты в период пандемии.

В Германии продолжали получать выплаты по студенческим грантам и ссудам, даже в случае приостановки обучения в школах из-за пандемии COVID-19. Студентам и выпускникам средних специальных и высших учебных заведений, которые не могут найти работу в виду пандемии, Канадой введены налогооблагаемые пособия; в Германии, студенты, лишившиеся рабочего места в результате пандемии и нуждающиеся в финансовой поддержке, была предоставлена услуга по получению беспроцентного кредита.

В «постковидном» мире ООН признает одной из главных проблем молодежи – проблемы с трудоустройством. Молодежь является социально-незащищенной категорией, в виду того, что чаще всего заняты в теневой экономике, прибегают к неполной занятости и временным работам, попадая под сокращение. Мировая практика показывает ряд мер, направленных на поддержку молодежи в сфере трудоустройства: создание дополнительных рабочих мест для студенческой молодежи; субсидирование предприятий, осуществляющих прием на работу и стажировку молодых специалистов (Канада, Германия); налоговые льготы при приеме на работу молодых специалистов (Франция); привлечение молодых специалистов на условиях временных изменений в трудовых отношениях(неполный рабочий день, продлевать период занятости, расширять использование удаленного труда),(Испания, Канада) [8].

В контексте глобальной тематики, тот факт, что молодежь, как отдельная категория населения нуждается в социальной поддержке, не вызывает никаких сомнений. Это в первую очередь касается проблем крайней нищеты, гендерного неравенства, вопросов обеспечения качественного образования. Масштаб социальных проблем молодежи требует значительных творческих усилий и изменений, направленных на достижение конкретного результата и положительного социального эффекта.

Проблемы гендерной предвзятости и обесценивания женского труда, сформированы из-за собственных убеждений лидеров бизнеса и управляющих компаний. Для того, чтобы приблизиться к достижению гендерного равенства, следует обеспечить расширение прав и возможностей женщин во многих отраслях, создавать социальные меры поддержки женщин и партнерства в целях достижения взаимной общественной выгоды. Истинное женское лидерство становится примером для подтверждения прогрессивности гендерного равенства, в лице женщин-новаторов, которые смогут построить устойчивый мир завтрашнего дня [1, С. 13].

Современные государства формируют и реализуют социальную политику в отношении своих граждан согласно уровню развития, приоритетам и возможностям. Одним из приоритетных направлений социальной политики Российской Федерации является обеспечение социальной защиты граждан. Согласно Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Главной задачей такого государства является защита социальных интересов граждан, включающая обеспечение и соблюдение основных экономических, социальных и культурных прав личности [6]. Как известно, рыночные отношения, характерные для современных государств с рыночной экономикой, не предполагают социальной защищенности чело-

века. Поэтому реализация социальной политики требует государственного вмешательства как в экономику, так и в иные сферы жизни общества.

В настоящее время в российском обществе происходят существенные социальные преобразования. Они обусловлены рядом качественных изменений как обществе в целом, так и отдельных групп населения, одой из которых является молодежь. С одной стороны, цифровизация всех сфер жизнедеятельности – это расширение возможностей для самоопределения и самореализации, выражения своей позиции и отношения к политическим лидерам. С другой – «вынужденная удаленка», «самоизоляция», обострение социальных проблем, в том числе бытового характера, проблемы выживания и адаптации в условиях «вынужденных ограничений», связанных с утратой гарантий стабильного финансового, социального положения, намеченного роста неуверенности в отношении перспективы.

Одним из основных социальных трендов, задаваемых новым технологическим укладом, является кризис социального государства и ослабление социальной политики. Государство не поспевает за быстро изменяющимися социальными группами, формируемыми в сетевом глобальном обществе, которые не регламентированы законодательством. С позиции политических институтов следует уделять должное внимание данной проблеме во избежание роста социально-политических конфликтов [8, с. 135].

Социализация молодежи в России осуществляется посредством полноценного включения во все общественные процессы через отдельную отрасль социальной политики как государственная молодежная политика (далее, ГМП). Главной задачей социализации молодежи является максимальная интеграция в социальное единство граждан государства, а также формирование гражданской идентичности, этической и конфессиональной толерантности на уровне гражданской этики [3, с. 16].

Изменившиеся условия жизнедеятельности посредством онлайн коммуникации, сетевого общества, отражаются в сознании, интересах и потребностях, формирующие ценностные ориентации подрастающего поколения. В связи с тем, формируемый облик современного молодого поколения позволяет обозначить те социальные проблемы и угрозы, с которыми сталкивается молодежь в процессе социализации [2, с. 106].

В рамках такого рассмотрения назревающей социальной проблемы следует совершенствовать механизмы по социальной поддержке молодежи испытывающей трудности в адаптации к новым, быстро меняющимся условиям занятости [7, с. 146]. Данную проблему следует рассматривать как основную задачу переформатирования молодежной политики по социальной поддержке молодежи в XXI веке.

Современная повестка дня требует локального решения глобальных проблем. Молодежь, следует рассматривать как социальный капитал будущего. Особо важно привлечение внимания молодежи, студентов, молодых ученых и в целом, молодых граждан к обсуждению проблем, с которыми на сегодняшний день сталкивается современная молодежь, для выработки эффективных путей их продвижения и реализации; налаживании диалога между государством и бизнесом, заинтересованными сторонами, в рамках программ обмена опытом для поиска оптимальных моделей устойчивого развития; а также в обсуждении глобальных вопросов и проблем [10, С. 145].

Таким образом, социальная поддержка молодежи, является ключевой инновационной формой социализации, самореализации молодежи как воспроизводящей структуры современного общества [5]. Совершенно очевидно, что необходима активизация и совершенствование мер по социальной поддержке молодежи как приоритета молодежной политики и новой молодежной повестки.

Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю

доктору философских наук, профессору кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС Козыревой Ларисе Дмитриевне за приверженность теме научного исследования.

Литература

1. М. Вашукова. Ассоциация «Национальная сеть Глобального договора».1–6/17. UN Globabal Compact. Russian Digest, 2017.
2. Великая Н.М. В сборнике: III Чтения памяти В.Т. Лисовского. Сборник научных трудов. Под редакцией Т.К. Ростовской. 2020. С. 106–109.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги – М: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
4. Доклад «Youth and COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being» издан Международной организацией труда (МОТ), международной молодежной некоммерческой организацией AIESEC, Чрезвычайным целевым фондом Европейского союза для Африки, Европейским молодежным форумом, Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и Основной группой ООН по делам детей и молодежи. [Электронный ресурс] – URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_753125/lang – ru/index.htm(дата обращения: 02.02.2021)
5. Козырева Л.Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 159–165. DOI: 10.25513/23121300.2019.3.159–165.
6. Конституция Российской Федерации. Электронный ресурс // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» // Режим доступа: http: base.garant.ru. (дата обращения: 02.02.2021)
7. Люблинский В.В. Социальная политика в цифровом обществе: проблемы и перспективы. В сборнике: Политические отношения в эпоху цифровых технологий и сетевого общества. Сборник научных статей. Сер. «Согласие в обществе как условие развития России» Отв. редактор О.М. Михайленок. Москва, 2020. С. 130–150.
8. Новая молодежная повестка. Новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии, вызванной COVID-19. [Электронный ресурс] – URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/395805896.pdf (дата обращения: 02.02.2021)
9. Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. / Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4 – С. 124–153.
10. Сиземская И.Н. Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 179–186. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

SOCIAL SUPPORT FOR YOUNG PEOPLE IN A “POST-TEEN” WORLD

Shkurupei O.V.
North-West Institute of Management of RANEPA

Young people today more than ever need state social support. The relevance of the study of improving mechanisms for social support of young people is due to the transformation of modern conditions during the formation of a new network society, as a new phenomenon of social reality. The article analyzes the transformations of everyday life in the youth environment that occurred under the influence of the pandemic of the new coronavirus COVID-19. Special attention is paid to the comprehensive analysis of measures for social support of young people in the “post-covid” world, as well as to the analysis of data on global problems of the world’s youth who found themselves during the COVID-19 pandemic and various implemented practices. The effectiveness of the implementation of the state youth policy depends on the use of innovative forms and methods of social support for young people for successful socialization and effective self-realization. The results of the study showed that modern youth policy needs to im-

prove measures for social support of young people as a priority of youth policy and the formation of a new youth agenda.

Keywords: youth, social support for youth, COVID-19, pandemic, innovations, state youth policy, social policy.

References

1. M. Vashukova. Association “National Network of the Global Compact”.1–6/17. UN Globabal Compact. Russian Digest, 2017.
2. Velikaya N.M. In the collection: III Readings in memory of V.T. Lisovsky. Collection of scientific papers. Edited by T.K. Rostovskaya. 2020. pp. 106–109.
3. Gorshkov M. K., Sheregi F.E. Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research: [monograph] / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi-M: FNISTC RAS, 2020 – – 688 p.
4. The report “Youth and COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being” is published by the International Labour Organization (ILO), the international youth non-profit organization AIESEC, the European Union Emergency Trust Fund for Africa, the European Youth Forum, the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights and the UN Core Group on Children and Youth. [Electronic resource] – URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_753125/lang – ru/index.htm(accessed: 02.02.2021)
5. Kozyreva L.D. Generenie Z v politike: politologicheskiy prognoz [Generation Z in politics: a political forecast]. Historical Sciences series. 2019. No. 3 (23). pp. 159–165. DOI: 10.25513/23121300.2019.3.159–165.
6. The Constitution of the Russian Federation. Electronic resource / / Information and legal portal “GARANT” / / Access mode: http: base.garant.ru. (accessed: 02.02.2021)
7. Lyublinsky V.V. Social policy in the digital society: problems and prospects. In the collection: Political relations in the era of digital technologies and the Network society. Collection of scientific articles. Ser. “Consent in society as a condition for the development of Russia” Editor O.M. Mikhailenok. Moscow, 2020. pp. 130–150.
8. New Youth Agenda. New forms of youth development and support during the COVID-19 pandemic. [Electronic resource] – URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/395805896.pdf (accessed: 02.02.2021)
9. Osipova N.G. Social inequality in the modern world. / Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. no. 4-p. 124–153.
10. Sizemskaya I.N. The social state as a constitutional principle of the Russian Federation: social vectors of development // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Volume 11. No. 3. C. 179–186. DOI: 10.19181 / vis. 2020. 11. 3. 669

Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего

Ардашев Роман Георгиевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashevrg@bk.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия будущего после пандемии 2020 года. Анализируются рациональные и иррационален стратегии будущего, оценки доверия, своих и общественных жизненных перспектив в целом особенности социального устройства будущего и роль внутренних факторов и внешних институтов в развитии общественного мнения в отношении будущего.

Ключевые слова: особенности сознания, оценки будущего, иррациональные стратегии, формы восприятия

Оценки будущего строятся на понимание своего положения в настоящем, умении строить прогнозы в будущее и видении собственных перспектив. Это навык, который формируется еще в детстве, но с течением времени он обрастает дополнительными внешними (социальные гарантии государства, положение родителей) и внутренними (собственные амбиции, желания и возможности) установками индивида или отдельной социальной группы.

В современном обществе изменилось качество и условия жизни, поменялись особенности коммуникации, работы и досуга. Включение виртуального и дистанционного формата работы привело к тому, что перспективы оценки своего будущего качественно поменялись у значительной части наших соотечественников. Изменение образа будущего приводит к трансформации условий солидарности, идентичности и единства сограждан среди разных поколений [1,2]. Это подталкивает развитие не всегда устойчивых систем социального взаимодействия.

Мы полагаем, что социокультурные механизмы воспроизводства реальности являются базовыми для развития социальной реальности [4,5]. То, что транслируется в виртуальной среде – находит подтверждение в реальном мире через относительно небольшие отрезки времени. Более того, идеи информационного общества [8] и трансформации социальной реальности под его влиянием [6,7]. В своем подходе данные изменения мы рассматривали как базовые, они позволили выявить общие условия и уникальные тенденции трансформации иррациональности оценки будущего в социальном и личном контекстах. Также мы опирались и на другие работы коллег, отраженные в ряде современных исследований, касающиеся социального самочувствия, тревожности и разнообразных образов

будущего [3,9,10]. Это все позволило выявить общие черты социальной динамики и приоритетные векторы общественного развития, ведь о чем сегодня думает большинство, какие будущее для себя видит – так и живут их дети. Соответственно – своими образами будущего они его воплощают в жизнь.

Для изучения данного аспекта мы использовали метод опроса, проведенный методом снежного кома в разных городах России (всего опрошено 860 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, проживающих в разных регионах РФ и занимающих разные социально-профессиональные статусы) и метод экспертного интервью (16 человек, отражающих основные характеристики участвующих в опросе групп респондентов).

Однозначно можно говорить о том, что восприятие будущего нашими современниками строится через призму виртуального пространства. Это вполне понятно и объяснимо – после пандемии и активного освоения дистанционной удаленной работы, сложно предположить, что от ее могут отказаться. В этом смысле 2020 год – стал годом социальной революции в работе, технологиях, времени и пространстве труда.

Оценка будущей работы, труда как такового воспринимается противоречиво. 99% указывают на дистанционную удаленную работу, при этом говоря о качестве этого труда – его оценивать ниже, чем фактическая деятельность на рабочем месте. Т.е. с одной стороны – готовность адаптироваться под новые условия, с другой стороны – не готовность признать равноценность и качество этого труда. Но стоит оговориться, что это более характерно для представителей среднего и старшего возраста, молодые люди (как и было ожидаемо) более лояльно и благосклонно оценивают удаленную работу.

Среди экспертных интервью, звучали такие комментарии при оценке удаленной работы в будущем:

Удаленная работа – это ресурс новой свободы, когда не надо тратить время на дорогу, на перемещение. Надо просто делать то, что ты можешь. В будущем будут цениться твои мозги – а не то, где и как ты живешь. (С.Л., студент-маркетолог, 22 года).

Конечно, в будущем будет удаленная работа. Это новые возможности, но это дополнительная нагрузка на семью и на человека – надо дома организовать место для работы чтобы не мешать домашним и при этом быть продуктивным. А не у всех есть такие территориальные возможности. В будущем – квартиры больше также не будут – мы будем жить в еще большем муравейнике – поэтому, трудовая деятельность в будущем – это больше стресса, нервов и напряга, при том, что да – для работодателя – это более удобная форма осуществления рабочего процесса. (С.В., юрист, 45 лет).

За удаленной работой – будущее, но мы очень много потеряем в личностном плане, в процессе личной коммуникации на работе, общении, атмосфере коллектива. Без этого взаимодействия наша личность будет неполноценной. Возможно, будут возникать новые круги для общения, но это дополнительное усложнение системы, а это не всегда хорошо. (О.Ю., военный в отставке, 65 лет).

Мы выделили несколько наиболее распространенных сценариев:

1) Технократическое авторитарное общество с правящим искусственным интеллектом (26%).

Нами будут править машины. Мир без чувств. Мир полный правил и ограничений, функциональных решений и четкого следования регламенту. Мир формального равенства и всеобщего счастья. Достаточно печальная картина, но я думаю – мы идем именно к этому. (А.Д., экономист, 31 год).

В будущем – машины возьмут власть над людьми. И миром будет править робот. Не одна книга, не один фильм снять по этому сюжету – и я думаю, он вполне реален. 2020 год это подтвердил, когда мы за неделю стали дистанционно, удалённо жить (учиться, работать и отдыхать). (Т.Ю., инженер, 40 лет).

2) Цифровое общество с развитыми «очеловеченными» технологиями (23%).

Возможности искусственного интеллекта значительно выше, чем способности самого умного человека. Благодаря искусственному интеллекту – мы сможем избавиться от болезней, искоренить преступность, улучшить экологию на земле и многое другое. Благодаря развитию искусственного интеллекта – мир станет лучше. (С.А., преподаватель культурологии, 43 года).

Умение видеть перспективы, точно просчитывать риски позволит обезопасить мир, сделать его чуточку лучше. Люди очень многое разрушили, благодаря искусственному интеллекту мы проведем апгрейд и система станет более гармоничной. (И.И., модель, 26 лет).

3) Апокалипсическое будущее, когда технологии и искусственный интеллект разрушили общество или же люди восстали против технологий, но в любом случае – общество в том виде, какое есть сейчас – разрушено (21%).

И человек существо не совершенное. Но благодаря душевным качествам и гуманизму мы можем проявлять сострадание и великодушие, но не искусственный интеллект. Он не имеет души. И как система – которая является больной – в природе ее уничтожает более сильная система или особь, так и наше общество (несовершенное) уничтожится более совершенным логичным и правильным искусственным интеллектом. Человеку нет места в мире. (Д.Д., археолог, 33 года).

Искусственный интеллект легко просчитает – что человек – лишнее звено на земле, он ее разрушает, использует, не воспроизводя. Он убивает других не для выживания (как другие виды), а для удовлетворения избытка желаний, пресыщенности. Это неправильно с позиции выживания рода – поэтому от людей стоит избавиться. (О.О., врач-физиотерапевт, 45 лет).

4) Будущее как место творческой реализации интеллекта и способностей человека (30%).

Мир будущего – это наша надежда на лучший мир. Благодаря технологиям – работать престанет быть нужным, человек будет только развивать свой творческий потенциал, усовершенствовать и украшать свою жизнь, наслаждаться миром и теми благами, что ему будут доступны. Будущее – это лучшие надежды человечества – выпоенные уже при жизни наших внуков. (Л.А., химик-технолог, 64 года).

Меня воодушевляют перспективы нашего мира. Я верю, что в будущем не будет ни бедности, ни голода, ни преступности. Все будут жить в мире и радости, наслаждаясь теми дарами технического и гуманистического прогресса, что достигнет общество. (М.А., писатель, 58 лет).

Три сценария будущего, которое достаточно сильно ограничивает волю, свободу и творчество человека и социальных групп. И только один с позитивным восприятием жизненных перспектив. Несмотря на то, что количество респондентов, поддерживающих именно этот позитивный сценарий больше, чем в остальных группах, это не внушает надежду. Так как вариантов негативных сценариев в разы больше и соответственно, возможно значительно более разнообразное их переплетение между собой и следовательно они могут быть более вероятны.

Хотелось бы уточнить, что среди молодежи (18–32 года) преобладают негативные сценарии, тогда как среди представителей среднего и старшего поколения позитивным оценкам восприятия будущего отводится значительно больше места. Более подробно восприятие будущего по возрастам представлено в таблице 1.

По мнению респондентов – изменится уровень доверия в обществе, трансформируются смыслы межличностных связей. По мнению чуть более половины респондентов (52%) люди престанут друг другу доверять, четверть (25%) полагает, наоборот, полагают, что появятся новые формы и поводы проявления доверия и уважения друг к другу. Уровень доверия не изменится – так считает 15% и затруднились с ответом – 8%.

Таблица 1. Возрастные особенности оценки перспектив развития будущего (общество в целом) (в%)

Сценарии будущего	Всего	18–32 года	33–55 лет	56 и старше
Технократическое авторитарное общество с правящим искусственным интеллектом	26	35	30	23
Цифровое общество с развитыми «очеловеченными» технологиями	23	36	27	24
Апокалипсическое будущее, когда технологии и искусственный интеллект разрушили общество	21	24	29	22
Будущее как место творческой реализации интеллекта и способностей человека	30	5	14	31
	100	100	100	100

Чем старше респондент – тем больше затруднений с ответом на данный вопрос он испытывает (5% – молодежь, 10% средний возраст и 15% – старший возраст). Более молодые чаще говорят о том, что доверие между членами общества исчезнет, а пожилые наоборот – укрепиться.

Таблица 2. Оценка уровня доверия в будущем (в%)

Оценка межличностного доверия	Всего	18–32 года	33–55 лет	56 и старше
Уровень доверия укрепиться и качественно вырастет	25	13	41	53
Уровень доверия не измениться	15	20	23	22
Люди перестанут доверять друг другу	52	62	26	10

Окончание

Оценка межличностного доверия	Всего	18–32 года	33–55 лет	56 и старше
Затрудняюсь ответить	8	5	10	15
	100	100	100	100

Благодаря социальному прогрессу повысится уровень доверия друг другу – общество уважения и ценности, принятия себя и Другого – станет аксиомой жизни. (М.А., писатель, 58 лет).

Человек останется человеком в любой жизненной ситуации. Поэтому, мне кажется, мы 2000 лет назад были такими и такими же будет еще спустя 2000 лет. (А.А., бухгалтер, 53 года).

Люди, однозначно, престанут доверять друг другу. Даже себе верить сложно, так как искусственный интеллект сможет все просчитать и сделать так как ему надо. И не факт, что мы сможем отличить – где наши человеческие желания, а где за нас все решили. И я думаю, вообще категория «доверие» уйдет из языка и из общества как понятие и как смысл. (Н.Г., студент-филолог, 21 год).

Также достаточно противоречива оценка респондентами своих жизненных шансов. Отличные жизненные перспективы имеются у 14% респондентов, есть некоторые жизненные перспективы у 28% и нет никаких жизненных перспектив у 47% опрошенных.

Вполне закономерно, что представители старшего поколения для себя видят меньше жизненных шансов. Но настораживает тот факт, что и для своих детей и внуков они их также не видят (это мы выяснили в процессе экспертных интервью). Молодые люди также далеко не поголовно ожидают новых возможностей и жизненных перспектив будущего (см. таблицу 3).

Я знаю, что у меня в жизни реализуются все мои мечты и желания. Я смогу реализовать свои возможности, потому что будущее – это время воплощения моих фантазий. (И.С., студент-физик, 19 лет).

У любого человека – есть свои жизненные шансы, задача каждого их использовать и реализовать свой потенциал. Далеко не все ими пользуются и не все реализуют в своей жизни. Но я надеюсь, что у моих детей будет больше шансов, чем у меня. Всеми своими я пользуюсь как могу. (П.А., предприниматель, 43 года).

Таблица 3. Оценка жизненных шансов в будущем (в%)

Оценка жизненных перспектив	Всего	18–32 года	33–55 лет	56 и старше
Отличные жизненные перспективы	14	27	12	3
Есть некоторые жизненные шансы	28	39	21	7
Нет никаких жизненных перспектив	47	27	54	72
Затрудняюсь ответить	11	7	13	18
	100	100	100	100

Да у меня нет никаких жизненных шансов и перспектив. Мое время ушло. Да и дети мои – все что могли, уже сделали, надежда на внуков. Но в этих условия х и у них очень мало шансов что-либо изменить. (П.А., пенсионер, 64 года).

Нами были выделены несколько блоков восприятия будущего: 1) коммуникативный (трансформация форм и способов интеракции между разными социальными группами и внутри них); 2) качественно-продуктивный (трансформация ценностей, способствующих повышению социального статуса и значимости людей, участвующих в коммуникации в будущем); 3) социально-смысловой (определяющий условия и контекст развития того или иного варианта будущего).

Общение в будущем, по мнению 43% респондентов будет определяться уровнем эмпатии и желанием взаимодействовать с конкретным человеком, но при этом, усилится техническая оснащенность и формы связи между людьми. Коммуникация – станет проста в осуществлении и только желание человека может быть или не быть поводом для общения. Качественное-продуктивное взаимодействие (37%) в будущем будет строиться по рациональному принципу – получения конкретной выгоды, когда разнообразные мессенджеры и программы будут заранее подбирать круг тех, с кем стоит общаться, на какие конкретно темы, что это может принести (социальный капитал). Это может выражаться в конкретном собирании баллов (лайков) или же в прохождении на следующий уровень коммуникации (в новую среду или пространство). Социально-смысловой (20%) поддерживают те, кто размышляет о месте человека и возможностях оставаться человечным в эпоху технологий и интернета, новых социальных связей и перспектив социального роста. Представители социально-смысловой группы полагают, что социальные интеракции в будущем будут строиться на уровне готовности осмыслить происходящие процессы, уровне критичности и рефлексии собственных желаний и возможностей и готовности их нести в общество, отринувшее их. Это группа бунтарей, которые скорее против научно-технического прогресса, изменившего процессы коммуникации в основе.

На данный момент 64% всех респондентов считают себя успешными в коммуникации, причем чем младше респонденты, тем доля так считающих возрастает. Но при восприятии своего будущего, также успешными в процессе коммуникации видят лишь 32% (т.е. в два раза меньше). Это означает, что наши современники допускают такую мысль, что они не справятся, не освоят новые технологии, которые помогут или не будут помогать им поддерживать коммуникацию в будущем. И это не связано с их качествами или навыками, а причину не освоения новых технологий они видят в сложности доступа к ним из-за социальной дифференциации и дезинтеграции.

Да, я сейчас могу многое освоить, узнать и использовать. Но когда стану старше – не факт, что не буду походить на своего деда, который с телефоном сенсорным не может справиться, не говоря уже о компьютере. Может тогда будут такие технологии, что я не осилю. Да, меня немного это пугает – что я буду беспомощным и не смогу идти в ногу со временем. (С.А., студент-маркетолог, 18 лет).

Я очень хорошо владею компьютерными технологиями, но и они развиваются, я не уверена, что смогу все освоить и использовать на работе и в быту. Чувствовать свою информационную безграмотность – страшно. Быть может, поэтому я сейчас слежу за всеми новинками – отслеживаю и изучаю. (Л.А., предприниматель, 33 года).

Задавая прямой вопрос о том, почему ваше будущее именно таким образом вами воспринимается, большая часть респондентов указывала на внешние факторы (75%) и только четверть (25%) на внутренние (т.к. на самого себя). Чем старше респонденты, тем больше внешнего воздействия они учитывают, чем младше – тем больше надежды на себя. В таблице 4 приведены ответы, которые указывают на общие трансформации.

Таблица 4. Причины того или иного видения личного будущего (в%)

Причины будущего		Всего	18–32 года	33–55 лет	56 и старше
Внутренние	Мои усилия	25	13	12	5
	Мои возможности		12	8	9
Внешние	Влияние государства	75	43	45	41
	Влияние тайных сил (НЛО, заговор элит, корпораций и т.д.)		32	35	45

У меня нет возможностей использовать и воплотить все свои идеи на практике уже сегодня, что уж говорить о завтра. Это жизненные шансы – которые постоянно уменьшаются, по мере проживаниями нами каждого дня. (Т.Т., демограф, 37 лет).

Мои усилия – никому не нужны, они тешат только мое самолюбие и тщеславие – в остальном – это полная блажь. Я никак не могу повлиять на будущее страны или планеты через свою реализацию – я это точно знаю. (Р.А., студент-менеджер, 20 лет).

Возможности и условия жизни зависят не от нас – простых людей, а от государства, от власти – от их желаний и представлений о том, как стоит развивать этот мир. Мы ничего не решаем, мы только можем принимать их решения и молчать. (Д.А., продавец-консультант, 42 года).

Нами управляют элиты. Теория золотого миллиарда сегодня находит дополнительные доказательства и подтверждения. Пандемия лишь подчеркнула – что эту ситуацию можно использовать определённым кругам как способ заработка, как способ чистки населения (погибают в основном пожилые люди), как способ устрашения и так далее. (О.О., строитель, 43 года).

Таким образом, восприятие будущего нашими соотечественниками достаточно противоречиво и опирается на неуверенность в настоящем и будущем как внешний фактор и не возможность рассчитывать на себя и свои силы как внутренний фактор. Жизнь слишком быстро меняется, что создает дополнительную социально-психологическую нагрузку, усложняющую процессы коммуникации и возможности социальных и личных перспектив. Для изменения социальной насыщенности и наполненности новыми формами объективной реальности – будущее должно быть понятно и ожидаемо. Для большинства респондентов оно пугает и страшит, поэтому воспринимать будущее в позитивном ключе мало кто может.

Данные формы оценки будущего сами респонденты связывают с иррациональными, конспирологическими условиями, а не личными возможностями и желаниями что-либо поменять. С одной стороны это показатель инфантильности, а с другой иррациональности как реальности, которая формирует сознание и мышление россиян.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 1. (№ 42). С. 145–154.
3. Алемаева А.Ю. Тревожное восприятие подростком его настоящего и будущего, как причина отсутствия стремления к целеполаганию // Человек и современный мир. 2018. № 10 (23). С. 62–67.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М.: Норма. 2020. 304 с.
5. Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление.2019. Т. 5, № 4. С. 139–150.
6. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
7. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 44–46.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ,2000. 608 с.
9. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3 (311). С. 45–49.
10. Самохвалова Е.В., Заливанский Б.В. Социальное самочувствие и восприятие будущего белгородской молодежью // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 36–40.

PECULIARITIES OF RUSSIANS' CONSCIOUSNESS: STRATEGIES FOR PERCEIVING THE FUTURE

Aradashev R.G.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the features of the perception of the future after the 2020 pandemic. Analyzed are rational and irrational strategies of the future, assessments of trust, one's own and social life prospects, in general, the peculiarities of the social structure of the future and the role of internal factors and external institutions in the development of public opinion in relation to the future.

Keywords: features of consciousness, assessments of the future, irrational strategies, forms of perception.

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. No. 15. No. 2. S. 76–84.
2. Ardashev R.G. Conspiracy theories in the public opinion of Russians // Mission of confessions. 2020. T.9. Part 1. (No. 42). S. 145–154.
3. Alemaeva A. Yu. Anxious perception by a teenager of his present and future as the reason for the lack of striving for goal-setting // Man and the modern world. 2018. No. 10 (23). S. 62–67.
4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth in the cultural space: self-regulation of life: a monograph. M .: Norma. 2020. 304 p.
5. Zubok Yu.A., Chankova E.V. Communicative competence of the individual in the space of virtual reality // Scientific result.

Sociology and Management. 2019. Vol.5, No. 4. P. 139–150.
6. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. S. 161–165.
7. Ivanov R.V. Quality of life in the virtual world // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. S. 44–46.
8. Castells M. Information age: economy, society, culture. M .: GU HSE, 2000. 608 s.
9. Mikhailova L.I. Social well-being and perception of the future by Russians // Sociological studies. 2010. No. 3 (311). S. 45–49.
10. Samokhvalova E.V., Zalivansky B.V. Social well-being and perception of the future by Belgorod youth // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2017. No. 12. P. 36–40.

Современные российские миграции из города в село

Попова Марина Владимировна,
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
E-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

В статье рассматриваются особенности миграции населения из города в село. Анализируются условия реэмиграции горожан в сельскую местность по личным и социальным мотивам. Рассматриваются стратегии адаптации в новом месте и оценке местного населения тех, кто приехал из городов.

Ключевые слова: миграция, город, село, мотивация, переезд, идентичность, городское сознание, сельское сознание.

Миграционные процессы являются достаточно обычным явлением для большинства стран мира. Но миграция из города в село или города спутники при крупных городах стала явлением достаточно новым для России, но активно развивающимся во всем мире. Тяга жителей городов к тихой размеренной жизни в сельских районах вызвана как экологическими условиями, более спокойной криминальной ситуацией, более спокойным ритмом жизни и многими другими факторами.

Говорить о том, что это повсеместное явление нельзя, но то, что зарождаются новые формы внутренней миграции можно уверенно. Более того, пандемия COVID-19 показала меньший уровень заболеваний в сельских районах, нежели чем в крупных городских комплексах, где большее количество людей и соответственно выше риски. То же характерно и для любой другой болезни.

Поэтому, полагаю, что миграция из города в село будет усиливаться. Внешний прессинг не для всех может быть комфортным пространство для жизни. А спокойная, размеренная среда – дает больше шансов на здоровье и ощущение счастья. Особенно если финансовые возможности в селе выровняются с городом, а это более ем реально в условиях дистанционной, виртуальной занятости. Данные идеи лежат в работах ученых, кто занимался данным вопросом.

Анализируя работы отечественных ученых, можно выделить несколько типов публикаций, которые затрагивают особенности сравнения жизненных условий различных типов поселений. Это работы, связанные с развитием территории, маркетинга территории, направленные на изменение административной и управленческой политики на местах (Ю.В. Борисова, М.В. Попова [1, 9–13], Т.Я. Вавилова [2], О.С. Гоманова [4,5], О.А. Полюшкевич [8],

М.Ю. Щукина [17]). Работы, связанные с философско-мировоззренческими изменениями в жизни людей и социальных групп (А.Г. Селезнев и И.А. Селезнева [16], А.А. Пронин и Р.В. Иванов [14], И.В. Задорин [6] и др.). Работы, связанные с экологическим или религиозным изменениями в общественной структуре (Л.Я. Герцберг [3], И.А. Немцев [7], М.В. Рыбакова и М.Ю. Щукина [15]).

В 2016 и 2021 годах нами было проведено два исследования по одной методике, которые выявляли динамику мотивации, особенностей и структуры внутренней миграции россиян. Некоторые результаты этих исследований легли в основу этой статьи. В 2016 году было опрошено 860 человек, проживающих в разных регионах РФ, переехавших или имеющих цель переехать в село. 58% женщин и 42% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет. В 2021 году провели повторное исследование, в нем приняли участие 910 человек, проживающих во разных субъектах РФ, переехавших или планирующих переехать из города в село. 62% женщин и 38% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет.

Также в обоих исследованиях участвовали эксперты, с которыми мы провели индивидуальное интервью (длительность каждого 1,5–2 часа). Экспертами выступили чиновники разных уровней, руководители предприятий, находящихся на сельских территориях, кто мог бы дать оценку происходящим миграционным процессам находясь со стороны.

В ходе исследования мы выяснили разные мотивы переезда в сельскую местность. И если в 2016 году люди переезжали в село из-за финансовых проблем (65,4%), то в 2021 году их на треть меньше (43,2%), а ценностные и мировоззренческие ориентиры наоборот возросли в 2016 году они были важным критерием переезда только для 24,5% россиян, то в 2021 их уже 55,3%. И если в 2000-е жителей городов выталкивали экономические трудности в села. То сегодня больше притягивают новые возможности в сельских территориях. А это означает мировоззренческий сдвиг (рис. 1).

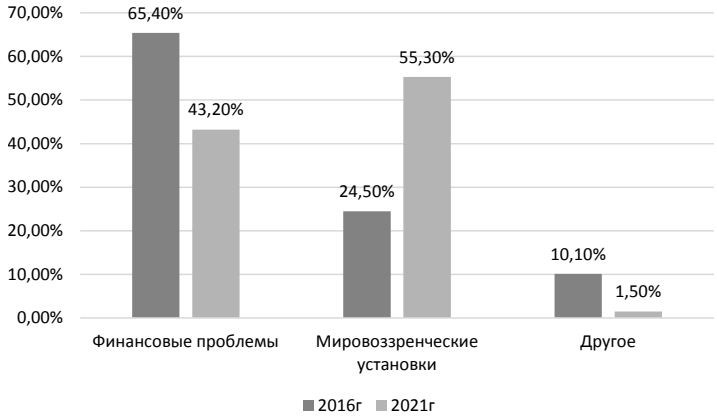

Рис. 1. Мотивы переезда из города в село

Надо сказать, по данным зарубежных исследователей в миграциях из города в село в зарубежных странах – ценностные факторы являются ключевыми, так как позволяют им реализоваться на новом месте, в новом качестве. А финансовый вопрос не является ключевым. То, что в России происходит смена условий и формата мотивации – говорит не только о внешних изменениях, но и о внутренней перестройке структуры личности. И если в 2000-е этот феномен в России только начал проявляться, то спустя 20 лет, особен-

но после пандемии – он стал реальностью, которая позволит выжить очень многим.

При этом, треть респондентов (32,3% в 2021 году и 30,7% в 2016 году) отмечала не всегда доброжелательное отношение коренных сельских жителей к тем, кто недавно переехал. Это вызвано тем, что они воспринимают их как «колонизаторов», кто захватывает территорию, землю, повышает цены на жилье, а деревенских и сельских жителей превращает в обслуживающий персонал.

Но 47,7% в 2021 году и 43,6% в 2016 году указывали на позитивное воздействие обратной миграции населения из города в село. Важными выступают экономические воздействия, привносятся новые виды и формы деятельности, разнообразиться трудовой потенциал в сельских территориях. Более того, социальный и человеческий потенциал у переселенцев значительно выше, чем у местных жителей, что повышает символическую значимость этих людей при развитии территории в целом. Внутренние мигранты являются связующим звеном между городом и селом. Не являясь уже городскими жителями, они еще не влились в полноправные ряды сельских жителей. Поэтому, именно им принадлежит право выстраивания взаимодействия между первыми и вторыми и конструирования новых пространств диалога. Благодаря их деятельности нормализуется инфраструктура сел и деревень, городской опыт в новых условиях дает свои эффекты – изменяющие жизнь к лучшему. Более того, благодаря внутренним обратным мигрантам выравнивается разница между демографическим портретом жителей сел и городов (рис. 2).

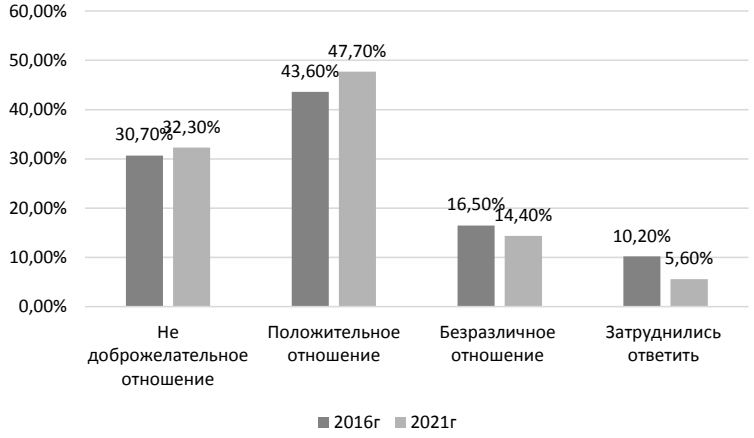

Рис. 2. Оценка местных жителей тех, кто переезжает в село из города

Если посмотреть на портрет тех, кто сегодня переезжает из города в село, это достаточно разные группы населения: пенсионеры (18,6%), «программные переселенцы» (26,4%), «беглецы» (28,1%), «искатели нового качества жизни» (26,9%) (рис. 3).

Пенсионеры переезжают в село из-за уменьшения доходов и потери качественных показателей жизни, а также желания быть ближе к природе и экологически чистым продуктам питания. В отличие от стран запада, они не могут быть ориентирами развития территории. Они не вовлекутся в фермерскую программу, не станут волонтерами, они опираются на сами на себя и свои пока еще имеющиеся силы.

Пенсионеры переезжают в сельскую местность из-за ограниченных финансовых возможностей. Жизнь в городе дороже и менее продолжительна. А на селе и спокойнее и менее затратно. Тем более, что местное население и admini-

страция достаточно тепло их принимает и создает все условия для комфортной жизни. (М.Ю., заместитель главы сельского поселения Иркутской области).

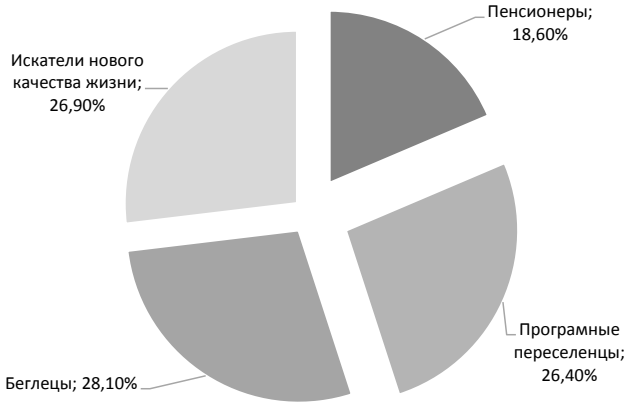

Рис. 3. Портрет переселенцев из города в село

Пенсионеры на селе не новость. Но переезд городских пенсионеров – это веяние последних лет. Это приводит к увеличению численности жителей сел старшего возраста. И добавляет нагрузку на местные органы здравоохранения. (О.П., глава отдела социального обеспечения, крупного сельскохозяйственного района Красноярского края).

«Программные» переселенцы – это те, кто решил воспользоваться государственными программами разного уровня для переселения в сельские районы страны. Это и «дальневосточный гектар», и «земский доктор» (переезд в село врачей), и «сельский учитель» (переезд в село учителей), которым выделяются деньги для строительства своего дома или надел земли, с целью чтобы они остались на данной территории.

Это наша опора и надежда – те, кто переселятся в село по программам. Это врачи, учителя. Да, селу нужные образованные и молодые люди. Все, кто к нам в село приехал – получили поддержку при строительстве дома, обустройстве хозяйства. Да и в реалии сельской местности они вписались – востребованные специалисты, есть работа и жилье. И значимость уважения местного населения также никто не отменял. (Л.О., глава сельского поселения Иркутской области).

Благодаря программным переселенцам, наша территория возрождается. Программа Дальневосточный гектар – стала спасательным кругом для опустевших территорий Дальневосточного края. Есть надежда на возрождение земли, через развитие своего хозяйства или предприятия какого-то. Есть сложности с оформлением, но нет сложностей с адаптацией на месте. Мы как администрация всячески помогаем программным переселенцам. (Д.Д. глава сельского поселения Хабаровского края).

«Беглецы» – это те, кто устал от городской жизни, суета и зашоренность городской жизни вызывает физическое и психологическое истощение. И переезд в село вызван потребностью восстановиться, начать жизнь заново, по-новому. В городе они чувствуют себя лишними, пустыми, занимающимися бессмысленной деятельностью, направленной на сверхпотребление. Переезд в сельскую местность для них – это возвращение к себе, выбор своей жизни, своих ценностей, целей и ориентиров. Они готовы пожертвовать экономическими благами ради гармонии с собой, ради радости от того, что ты делаешь.

В эту же группу относятся не только те, кто устали от городской суе-

ты в светском понимании, но и те, кто ищет духовную или религиозную опору в Природе, экологии и религии. Например, движение анастасийцев и другие экопоселения прорелигиозного толка. Более подробно об этом см. [14, 15].

Жизнь на свежем воздухе привлекает людей, уставших от городской суеты, шума машин, постоянного движения, ритма. Село дает спокойствие душе и сердцу, а таже помогает поддерживать организм во здравии – и продукты чище и экология лучше, да и безопасность надежнее. (С.А., глава сельского муниципалитета Иркутской области).

К нам приезжают убежденные люди. Они знают, что у нас чистый воздух, отличная экология, они приближаются к Богу – работая на земле и не стремясь за всеми отравляющими жизнь благами цивилизации. Чем ближе к земле человек, тем чище его душа. (Т.А., заместитель главы сельского поселений Красноярского края).

Недалеко от нашего села, на хуторе целое поселение растет, куда приезжают люди из городов для того, чтобы жить так, как жили предки. Это целая философия жизни. (Л.Л., глава сельского поселения Красноярского края).

Искатели нового качества жизни – которые надеются обрести новые смыслы и ощущения переехав из города в село. Эти улучшения касаются: чистого воздуха, экологически чистой пищи, экономии времени на перемещения, более тесное общение с семьей, трансформация социальных контактов. Для этой группы сочетаются и социальные параметры качества (экология, пространства, перемещения) и личные мотивы (близость людей, мировоззрение).

Для всех групп переселенцев характерны потребительские мотивы от сельской территории (хотя некоторые и бегут из города как места потребления), но сами не готовы поменять эту установку. Они хотят получить чистую воду, воздух, продукты, новые связи с семьей и друзьями, меньше тратить времени на дорогу и ненужные разговоры. Но при этом не сильно хотят что-то делать для сельских территорий. Не хотят отдавать что-то своему новому дому. Это связано с тем, что все-таки связь с городом остается и многое закупается именно там, нет понимания того, что на местах может хватить возможностей удовлетворить все потребности (продукты, стройматериалы, рассада, корм для скота чаще приобретается в городе, чем на местах).

Особенности постпандемического общества диктуют свои условия: как способы бегства для сохранения здоровья в поисках защиты от вируса. И полагаю, что данная тенденция будет лишь усиливаться. Переезд из города в село – это одна из характеристик нашего времени. Администрации сельских поселений стоит более предметно относится к возможностям переселения горожан в село, повышая имидж и бренд территории, что изменит социально-инфраструктурное развитие общества в целом и создаст условия для новых моделей развития «успешной территории» и «успешной жизни» ее жителей.

Литература

1. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории. Учеб. Пособ. Иркутск, 2017. 125 с.
2. Вавилова Т.Я. Экопоселения и энергоэффективные посёлки как примеры устойчивого развития // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47. С. 71–79
3. Герцберг Л.Я. Нужны ли обществу экопоселения? // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 1. С. 79–87.
4. Гоманова С.О. Экопоселения России как субъекты территориального общественного самоуправления // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 34–37.
5. Гоманова С.О. Экопоселения России: институциональный аспект // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 67–71.
6. Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал

социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64–77.
7. Немцев И.А. Зеленое строительство: экопоселения в концепции устойчивого развития // Урбанистика. 2014. № 3. С. 8–25.
8. Полюшкевич О.А. Введение в социологию управления. Учеб. Пособ. Иркутск, 2013. 180 с.
9. Попова М.В. Бренд сельских территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. Новосибирск. 2017. С. 159–161.
10. Попова М.В. Виртуальное позиционирование современных сел // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 165–168.
11. Попова М.В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
12. Попова М.В. Сельская занятость после пандемии // Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 398–402.
13. Попова М.В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.
14. Пронин А.А., Иванов Р.В. Принципы формирования мировоззрения жителей экопоселений Сибири // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 87–89.
15. Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 316–324.
16. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Из города в лес: новые экопоселения как образ идеальных отношений с природой // Культурологический журнал. 2016. № 4 (26). С. 7–13.
17. Щукина М.Ю. Инициативы территориального общественного самоуправления в российских экопоселениях // Власть. 2014. № 8. С. 62–65.

MODERN RUSSIAN MIGRATIONS FROM CITY TO VILLAGE

Popova M.V.
Irkutsk State University

The article examines the features of migration of the population from city to village. The conditions of re-emigration of townspeople to the countryside for personal and social reasons are analyzed. The strategies of adaptation in a new place and assessment of the local population of those who came from cities are considered.

Keywords: migration, city, village, motivation, relocation, identity, urban consciousness, rural consciousness.

References

1. Borisova Yu.V., Popova M.V. An introduction to territory marketing. Textbook. Method. Irkutsk, 2017.125 p.
2. Vavilova T. Ya. Ecovillages and energy efficient settlements as examples of sustainable development // Architecton: Izvestiya vuzov. 2014. No. 47. S. 71–79
3. Herzberg L. Ya. Does society need ecovillages? // Academia. Architecture and construction. 2015. No. 1. S. 79–87.
4. Gomanova S.O. Ecovillages of Russia as subjects of territorial public self-government // Theory and practice of social development. 2017. No. 11. S. 34–37.
5. Gomanova S.O. Ecovillages of Russia: institutional aspect // Power. 2017.Vol. 25.No. 1.P. 67–71.
6. Zadorin I.V., Maltseva D.V., Khomyakova A.P., Shubina L.V. Alternative rural settlements in Russia: spontaneous internal emigration or a conscious transfer to the future // Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research. 2014. No. 2. S. 64–77.
7. Nemtsev I.A. Green construction: ecovillages in the concept of sustainable development // Urban Studies. 2014. No. 3. S. 8–25.
8. Polyushkevich O.A. Introduction to the Sociology of Management. Textbook. Method. Irkutsk, 2013.180 p.
9. Popova M.V. Brand of Rural Areas // Actual Problems of Humanitarian and Social Research Proceedings of the XV Interregional

Scientific Conference of Young Scientists. Novosibirsk. 2017.S. 159–161.
10. Popova M.V. Virtual positioning of modern villages // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020.S. 165–168.
11. Popova M.V. Mechanisms for the development of the attractiveness of rural areas in the Irkutsk region // Sociology. 2020. No. 1. S. 317–327.
12. Popova M.V. Rural employment after a pandemic // Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Edited by O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020.S. 398–402.
13. Popova M.V. Social ties of rural youth // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10.P. 274–280.
14. Pronin A.A., Ivanov R.V. Principles of the formation of the worldview of the inhabitants of ecovillages of Siberia // Bulletin of Irkutsk University. 2019. No. 22, pp. 87–89.
15. Rybakova M.V., Shchukina M. Yu. Ecovillages as a social ecological practice of society // Social and humanitarian knowledge. 2012. No. 4. S. 316–324.
16. Seleznev A.G., Selezneva I.A. From the city to the forest: new ecovillages as an image of ideal relations with nature // Cultural journal. 2016. No. 4 (26). S. 7–13.
17. Shchukina M. Yu. Initiatives of territorial public self-government in Russian ecovillages // Power. 2014. No. 8. S. 62–65.

Иностранные студенты в образовательном пространстве российских вузов: проблемное поле и потенциал социологических исследований

Волков Юрий Григорьевич,
заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет

Гаврилов Павел Сергеевич,
аспирант, Южный федеральный университет
E-mail: pgavrilov@sfedu.ru

В данной статье освещается спектр вопросов и проблем, составляющих пространство научного дискурса в области иностранного студенчества в современной России. В свете доминирующего в современном мире курса на интернационализацию национальных образовательных систем данная категория студенчества все чаще попадает в фокус исследовательского внимания представителей различных областей и отраслей социально-гуманитарного знания. Вместе с тем, как показывается в статье, именно социологическая наука призвана сформировать методологическую платформу для изучения иностранного студенчества российских вузов и интегрировать на уровне комплексного осмысления проблем этой социальной группы потенциал сложившихся научных направлений. Перспективы развития социологического направления в изучении данной проблематики видится также в разработке эмпирического инструментария для отслеживания динамики подготовки профессиональных кадров в российском государстве для других стран, особенностей адаптации иностранного студенчества в образовательном пространстве российских вузов, их интеграции в социокультурное пространство принимающего региона; выявление региональной специфики обучения студентов-иностранцев России в контексте адаптации к социокультурным реалиям конкретного региона; изучение ценностных установок иностранного студенчества и их мнения относительно обучения в российских вузах.

Ключевые слова: иностранные студенты, российские вузы, российское образование, адаптация, интеграция, интернационализация.

Одним из ключевых трендов развития современной системы высшего образования во всем мире стал курс на интернационализацию. В границах данного тренда престиж и статус национальной системы образования в системе международных координат определяется, во многом, долей иностранных студентов в общем количестве обучающихся студентов. Эта доля в российских вузах на современном этапе не позволяет рассматривать Россию в числе лидеров по привлечению иностранных граждан к получению высшего образования при том, что при том, что доля иностранных студентов среди обучающихся поступательно растет. Иностранная молодежь все чаще выбирает в качестве страны для получения высшего образования Российскую Федерацию. Этому способствует проводимая государством образовательная политика, контуры которой во многом формируются задачами расширения международного образовательного сотрудничества. Так, Россотрудничество в рамках проекта «Образование иностранцев в РФ» пересмотрело условия для студентов других стран при подаче заявки на обучение в России на предмет их упрощения [8], что, безусловно, положительно скажется на динамике иностранного студенчества в российских вузах. Сейчас же лидирующие позиции удерживают такие страны, как Англия, Франция, Австралия, Германия, Канада. Растет активность Китая, динамично расширяющего международное образовательное сотрудничество как в формате привлечения иностранного студенчества в свои вузы, так и отправки китайской молодежи в вузы других стран [10].

Обращает на себя внимание тот факт, что российское высшее образование прежде, в советский период

истории, считалось очень престижным, и граждане многих стран стремились получить диплом специалиста в СССР, особенно по инженерно-техническим специальностям, естествознанию, поскольку в данных областях советское образование по праву считалось одним из лучших в мире. Это соответствовало статусу Советского Союза в целом как страны, занимающей лидирующие позиции в мире в важнейших областях науки и техники [2].

Постсоветские реформы и их кризисные последствия негативно сказались на российской системе высшего образования и ее международном престиже. Тем не менее, мировой курс на интернационализацию в системе высшего образования задает ориентиры и для развития национальной системы образования в России. Соответственно, в фокус научного внимания все чаще стали попадать вопросы, связанные с изучением иностранных студентов в совокупности ряда проблем, сопровождающих их обучение в российских вузах. Эти проблемы включают в себя множество аспектов социально-психологического, исторического, социально-политического, этнокультурного и экономического плана, определяющих особенности адаптации этой социальной группы к условиям жизни в России и в ее образовательном пространстве.

Прежде всего, следует отметить дисциплинарное разнообразие сложившихся научных исследований и направлений в области изучения студентов-иностранцев российских вузов. Естественным образом попав в фокус социологических исследований, о чем мы будем далее более подробно говорить, данная тематика привлекла также внимание представителей и исторической, и психологической, и педагогической, и политологической, и этнологической науки. Так, в историческом направлении особую ценность имеют работы, в которых ученые обращаются к изучению советского опыта работы с иностранными студентами в вузах [11]. Этот опыт нельзя не учитывать в современных реалиях, когда плохое знание русского языка становится ключевым барьером к успешному освоению образовательной программы российской высшей школы. В СССР уделялось первостепенное внимание знанию русского языка и пониманию особенностей российской истории и культуры в образовательной политике, связанной с подготовкой иностранных студентов в вузах страны. И в этой связи к историческому, а именно – советскому прошлому обращаются не только историки, но и социологи. Особое внимание ими обращается на то, что в СССР разрабатывались и применялись специальные программы и методики, позволяющие более эффективно адаптироваться иностранцам к советскому образовательному пространству с совершенно новыми для них социокультурными условиями [12, с. 118].

Для психологов прежде всего интерес представляют вопросы и проблемы, связанные с личностным становлением студентов-иностранцев в образовательном пространстве российских вузов; с особенностями их взаимодействия с инокультурной средой и интеграцией в нее; с негативными факторами адаптации этой группы обучающихся в иностранной студенческой среде и способами устранения влияния этих факторов [14]. Данные аспекты развиваются и в работах этнолингвистического и этнологического направления. Особое внимание учеными уделяется ценностным, этнокультурным аспектам адаптации иностранных студентов к российским условиям образовательной и социокультурной среды, их мотивационным установкам [1; 6; 15]. При этом указывается на сложности, связанные со значительными культурными отличиями этих студентов, которые в большинстве своем принадлежат к странам с кардинально иной цивилизационной спецификой, в связи с чем и возникают различного рода социокультурные барьеры их адаптации в социокультурном пространстве высшей школы России [5].

Педагогическое направление в изучении иностранного студенчества

в России связано с анализом педагогических практик и методик работы с данной категорией студентов, разработкой оптимальных механизмов оптимизации педагогической работы с иностранными студентами. Особое внимание учеными педагогического направления указывается на необходимость повышения профессиональной компетентности преподавателей, работающих с ними [4].

Социально-политические установки и ценности студентов-иностранцев привлекают внимание представителей политической науки [16], и только в рамках социологической рефлексии обнаруживается попытка комплексного осмысления проблем иностранных студентов, проходящих обучение в высшей школе РФ. При этом социологи акцентируют внимание на необходимость выстраивания теоретической платформы для подобных научных изысканий и эмпирической верификации предлагаемых идей и тезисов, выдвигаемых учеными в процессе изучения проблемы интеграции в социокультурное и образовательное пространство России иностранных граждан [2; 7].

В социологических исследованиях в фокус внимания наиболее часто попадают проблемы адаптации студентов-иностранцев к образовательным реалиям российских вузов [3; 15], а также интеграции в социокультурную среду российского общества [17]. Социологи отмечают, что иностранная студенческая молодежь находится в весьма сложной ситуации, поскольку ей приходится, как и всем студентам, осваивать образовательную программу высшей школы, что представляет сложности и для многих российских студентов, но к этому добавляются еще и проблемы, обусловленные социокультурными различиями иностранной студенческой группы. Будучи, как правило, представителями обществ с иными, существенно отличающимися от российского общества ментальными, институциональными, антропологическими, языковыми, поведенческими характеристиками, студенты-иностранцы испытывают значительные адаптационные трудности [12, с. 117].

И здесь со всей обоснованностью поднимается проблема языковой адаптации иностранных студентов в российском образовательном пространстве, поскольку незнание языка становится серьезным барьером на пути эффективной и быстрой адаптации иностранного студента в принимающее сообщество, а также успешного освоения образовательных программ [9]. Изучение русского языка, помимо того, что занимает много времени, представляет еще и значительные сложности для представителей таких стран, как Китай, Таиланд, Индии, Вьетнам, Индонезия [13], а тенденции последних лет таковы, что из стран восточной цивилизации поступательно увеличивается поток студентов. Следовательно, проблема языковой подготовки иностранных студентов должна выступать в числе приоритетных в рамках реализуемой в стране политики интернационализации российской системы высшего образования, и советский опыт здесь может оказаться весьма кстати.

Итак, можно повести основной итог. Тематика, связанная с иностранным студенчеством в современной России, проблемами адаптации этой студенческой группы в образовательном пространстве российских вузов, привлекает представителей многих отраслей социально-гуманитарного знания, и целый ряд вопросов и направлений получил достаточно хорошее освещение в научной литературе. Однако динамический характер интернационализации системы высшего образования в современном международном пространстве значительно повышает исследовательский тонус именно в направлении этого спектра проблем, связанных с изучением адаптационных, мотивационных, интегративных аспектов образовательной деятельности иностранных студентов в России для определения тенденций и перспектив развития российской высшей школы в траектории повышения ее престижа и статуса на международной арене. И в этом плане четко обознача-

ется потенциал социологической науки и социологических методов в решении прикладных вопросов в данной предметной области исследований.

Перспективы развития социологического направления в изучении иностранного студенчества в российских вузах видятся в реализации таких исследовательских задач и сюжетов, как: разработка эмпирического инструментария для отслеживания динамики подготовки профессиональных кадров в российском государстве для других стран, а также особенностей адаптации иностранного студенчества в образовательном пространстве российских вузов, их интеграции в социокультурное пространство принимающего региона; выявление региональной специфики обучения студентов-иностранцев в контексте адаптации к социокультурным реалиям конкретного региона РФ; изучение ценностных установок иностранного студенчества и их мнения относительно обучения в российских вузах, что позволит прогнозировать динамку иностранного студенчества в России и разрабатывать рекомендации для создания более благоприятных условий обучения иностранных граждан в российских вузах в различных регионах страны.

Литература

1. Авдонина Д.С., Бочкарёва Ю.В., Булганина С.В. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских ВУЗах // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033.
2. Арефьев А. Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов [электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 228 стр. 1 CD ROM.
3. Архипов А.Ю., Рогова Т.М., Савченкова И.Н., Фурса Е.В. Высшие учебные заведения в привлечении, обучении и адаптации иностранных студентов (на примере Южного федерального университета) // Terra Economicus. 2013. № 1–2. С. 124–128.
4. Бенсон Г.Ф. Компетенции современного преподавателя высшей школы в контексте интернационализации образования // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. 12 (189). С. 85–91.
5. Береговая О. А., Лопатина С.С., Отургашева Н.В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2(38). С. 108–118.
6. Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Панич Н.А. Иностранные студенты в России: особенности мотивации и адаптации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 94–102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.063.
7. Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Том 1. № 3. С. 47–33.
8. Заграница берет урок [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html
9. Капезина Т.Т. Проблемы обучения иностранных студентов в российском вузе // Наука. Общество. Государство. 2014. № 1. С. 125–134. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rucont.ru/efd/552886.
10. Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 151–160.
11. Пацукевич О.В. Международная учебная миграция иностранных студентов на примере России: исторический аспект // Вестник Белорус-

ской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 286–289.
12. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 117–121.
13. Погукаева А.В., Коберник Л.Н., Омельянчук Е.Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651
14. Попкова Е.Б. Инкультурация иностранных студентов в российском вузе: межличностный аспект // Вестник Адыгейского университета. 2012. № 4. С. 190–195.
15. Пугачев И.А., Будильцева М.Б., Варламова И.Ю. Адаптация иностранных учащихся к условиям обучения в российском вузе: комплексный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 225–235.
16. Расторгуев С.В., Волхонская З.И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(4). С. 6–13.
17. Савченко И.А. Иностранный студент в России: условия и барьеры интеграции// Вестник ОГУ. 2010. № 4 (110). С. 25–31.

FOREIGN STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIAN UNIVERSITIES: PROBLEM FIELD AND POTENTIAL OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Volkov Yu.G., Gavrilov P.S.
Southern Federal University

This article covers the range of issues and problems that make up the space of scientific discourse in the field of foreign students' community in modern Russia. In the light of the dominant course in the modern world towards the internationalization of national educational systems, this category of students is increasingly falling into the focus of research attention of representatives of various fields and branches of the social and humanitarian knowledge. At the same time, as shown in the article, it is sociological science that is called upon to form a methodological platform for the study of foreign students in Russian universities and to integrate the potential of existing scientific directions at the level of a comprehensive understanding of the problems of this social group. Prospects for the development of the sociological direction in the study of this problem are also seen in the development of empirical tools for tracking the dynamics of training professional personnel in the Russian state for other countries, the peculiarities of foreign students' adaptation in the educational space of Russian universities, their integration into the socio-cultural space of the host region; identification of the regional specifics of teaching foreign students in Russia in the context of adaptation to the socio-cultural realities of a particular region; studying the value attitudes of foreign students and their opinions regarding education in Russian universities.

Keywords: foreign students, Russian universities, Russian education, adaptation, integration, internationalization.

References

1. Avdonina D.S., Bochkareva Yu.V., Bulganina S.V. Problems of adaptation of foreign students in Russian universities // Modern scientific research and innovations. 2016. No. 11 [Electronic resource]. Access mode: http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033.
2. Arefiev A. L., Sheregi F.E. Foreign students in Russian universities. Section one: Russia in the international education market. Section two: Formation of the contingent of foreign students for Russian universities [electronic resource] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow: Center for Sociological Research, 228 p. 1 CD ROM.
3. Arkhipov A. Yu., Rogova T.M., Savchenkova I.N., Fursa E.V. Higher educational institutions in attracting, training and adapting foreign students (on the example of the Southern Federal University) // Terra Economicus. 2013. No. 1–2. P. 124–128.

4. Benson G.F. Competences of a modern teacher of higher education in the context of the internationalization of education // Bulletin of TSPU (TSPU Bulletin). 2017.12 (189). P. 85–91.
5. Beregovaya O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Barriers to socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities // Prospects for science and education. 2019. No. 2 (38). P. 108–118.
6. Vershinina I.A., Kurbanov A.R., Panich N.A. Foreign students in Russia: features of motivation and adaptation // University management: practice and analysis. 2016. No. 6. P. 94–102 [Electronic resource]. Access mode: https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.063.
7. Drozhzhina D.S. Study of adaptation of foreign students: discussion of methodology // Empirical research. Universitas. 2013.Vol. 1. No. 3. P. 47–33.
8. Abroad takes a lesson [Electronic resource]. Access mode: https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html
9. Kapezina T.T. Problems of teaching foreign students in a Russian university // Science. Society. State. 2014. # 1. P. 125–134. [Electronic resource]. Access mode: https://rucont.ru/efd/552886.
10. Li Yanhui. New dynamics of higher education in China // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2015. No. 6. P. 151–160.
11. Patsukevich OV International educational migration of foreign students on the example of Russia: the historical aspect // Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy. 2019. No. 2. P. 286–289.
12. Petrov V.N., Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V., Vaschenko A.V. Features of adaptation of foreign students // Sociological studies. 2009. No. 2. P. 117–121.
13. Pogukaeva A.V., Kobernik L.N., Omelyanchuk E.L. Adaptation of foreign students in a Russian university // Modern problems of science and education. 2016. No. 3 [Electronic resource]. Access mode:
18. http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651
14. Popkova E.B. Inculturation of foreign students in a Russian university: the interpersonal aspect // Bulletin of the Adyghe University. 2012. No. 4. P. 190–195.
15. Pugachev I.A., Budiltseva M.B., Varlamova I. Yu. Adaptation of foreign students to learning conditions in a Russian university: an integrated approach // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialties. 2018.Vol. 15. No. 2.P. 225–235.
16. Rastorguev S.V., Volkhonskaya Z.I. Research methodology of social and political attitudes of foreign students // Humanities. Financial University Bulletin. 2020. No. 10 (4). P. 6–13.
17. Savchenko I.A. Foreign student in Russia: conditions and barriers to integration // Vestnik OSU. 2010. No. 4 (110). P. 25–31.

Социальное одиночество как атрибут урбанистических практик в контексте вынужденной самоизоляции

Коркия Эка Демуриевна,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии коммуникативных систем
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: ekakorkiya@mail.ru

В данной статье рассматривается вопрос о причинах появления социального одиночества в контексте вынужденной самоизоляции из-за пандемии COVID-19 в городском пространстве. Раскрываются различные поля изоляции и формы ее актуализации. Автор подчеркивает тезис о социальной вариативности одиночества в городе, её маркерах. Обсуждается влияние средств электронной коммуникации на переживание чувства одиночества.

Ключевые слова: социальное одиночество, COVID-19, межличностная коммуникация, изоляция, пандемия, отчуждение, социальные процессы, истина, городское пространство, социализация, массовая урбанизация.

По официальным данным, из-за эпидемии COVID-19 почти 1,7 миллиардам человек предписано быть на вынужденной домашней изоляции. COVID-19 вывел на передний план и актуализировал ранее незаметную другую эпидемию – эпидемию одиночества. По большому счету вирус сделал всех жителей планеты участниками самого масштабного социально-психологического эксперимента. Первый удар COVID-19 нанес по экономике, что повлекло за собой увеличение расходов на здравоохранение, резкое сужение сферы услуг и вместе с тем массовое падение производительности труда. Отмечается снижение качества человеческого капитала. В нынешних обстоятельствах на помощь приходят технологии, которые еще недавно называли одной из первопричин социальной самоизоляции людей. На сегодняшний день, когда есть надежда, что эпидемия все-таки идет на спад, важным является подготовка к неминуемым последствиям изоляции, а именно усугублении ситуации социального одиночества. Настала острая социальная необходимость в выработке социально-технологических мер профилактики в будущем в аналогичных обстоятельствах.

Социальное одиночество феномен в той или иной форме занимающий умы мыслителей на протяжении всей человеческой истории. Со времён библейского Иова до Грека Зорбы вся литература пронизана этой проблемой. Еще древние греки отмечали, что с момента появления каждый человек как социальное существо с не мог существовать обособлено от сородичей, за границами общества, но и вместе с тем не мог существовать в социуме, не обладая собственной идентичностью. Возникновение феномена первоначально было определено преимущественно естественными и физиологически-адаптивными яв-

лениями: вовремя спродуцированная из предыдущего опыта новая реакция на опасное проявление окружающего мира, действительно, предоставлял человеку возможность выжить и продолжать исследование себя и мира вокруг [1]. На сегодняшний день консолидация позиций исследования феномена одиночества находит отражение во многих дефинициях в социальном дискурсе: «Одиночество – это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания, и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности» [2, с. 27]. Социум и общественные институты, по сути своей, так же, как любой индивид динамичны по своей природе, а с точки зрения тенденций и дифференциации путей дальнейшего развития непредсказуемы. Переживать одиночество было свойственно человечеству на каждом этапе становления общества, особенно кризисном. Понимание одиночества было специфично и опиралось на доминирующие философские взгляды своего времени, однако одно оставалось без изменений на протяжении всей истории – проблема личностной, психологической и социальных сторон одиночества, и что не менее важно – объективность и важность каждой из сторон.

На заре становления человеческого общества возникает и укореняется важная истина, из которой берут начало большинство современных теоретических подходов к понимаю человеческой психики. Речь идет об идеи поэтапного формирования личности индивида в процессе появления и дифференциации отношений в межличностном плане и в плане коммуникации с группой. На тот момент основополагающими характеристиками человеческого мировоззрения были мифологичность, анимизм, а также жесткие границы внешнего проявления эмоций, вместе с тем, язык еще не был достаточно развит, что являлось существенным барьером для передачи всей гаммы чувств и палитры психологических состояний человека словесно. Описанная проблема языка и создавало первичный субстрат для формирования ощущения изолированности [1].

В эпоху Античности мыслителями формируется особый пласт концептуального виденья, который позволяет увидеть нам первые попытки описания феномена одиночества с точки зрения влияния последнего на социальную жизнь личности. Здесь стоит отметить трансформацию внешнего нормативного пространства личности, заключающуюся в дифференциации и специализации социального на непосредственно общественное и политическое [3]. Таким образом, уже человек Античности становится в определённой степени зависим от достаточного количества разнообразных социальных систем, что в большинстве и определяет специфический подход к трактовке феномена одиночества в данный период развития человеческого общества. И как раз доказательством данного факта является жизнь Сократа, трагедии Эсхила.

Здесь нам видеться важным указать, на то, что именно труды античных философов стали отправной точкой к развитию рефлексивного теоретического описания переживания одиночества в виде специфичного пути познания истинной идентичности, гармонии, а также приобретения способности созерцать и постигать истину мироздания в его воплощениях.

Центральной мыслью многих античных философов был анализ социализации человека с точки зрения принесения блага полису. Например, Софокл предлагает идею введения запрета на основание философских школ в пределах города, потому как обособленные от общественной жизни философы, которые выбрали нелюдимый образ жизни и лишь активное суждение о сущности и морали социального, не являются достойными жителями полиса, так как не осознают и не реализуют всеобщую необходимость внесения своего вклада в общественное благо и процветание полиса и общества в целом [4].

Идеи миропонимания у пифагорейцев определяют гармонизацию всех физических и душевных состояний человека в виде стремления к истинному благу, что включает переживание одиночества в сложный и разносторонний процесс постижения мудрости в безличной истине. Одиночество, у представителей описанного направления античной философской мысли, не является внесоциальным состоянием, в скорее напротив, его переживание определяли в качестве значимого атрибута стремления к истинному бытию человека и использованию его уникального ресурса гармонии для роста уровня духовной жизни, оставаясь при этом гражданином полиса.

Аристотель определяет продуктивность переживания человеком одиночества как возможность истинного сосредоточения и духовного уединения. Появления чувства себялюбия Аристотель видит как основу любой дружбы, что последний определяет как наиболее значительную добродетель для реализации энтелехии человеческой души [3].

В период средних веков, во времена тотального господства религиозной доктрины мира и теософского подхода в исследовании бытия выделяется особая дифференциация внутренних факторов возникновения феномена одиночества. Конфликт между духовным и телесным рождает в сознании идею об отторжении того, что не сможет стать частью его сущности в высшей жизни – собственного тела. [1]. Одиночество в Средние века становится атрибутом достижения трансценденции, что сопровождает строгая канонизированность реализации человека в обществе. Социум теряет решающее значение в человеческом бытии. Процессы, которые происходят в нем, рассматриваются в качестве искушений и духовных заблуждений, в отличии от бытия внутреннего и вечного. Однако сам Фома Аквинский (13 в.) считает, что человек социален от природы, с самого рождения, в контексте чего уход от общества есть также грех перед богом. Подобных же идей до этого придерживался и Августин Блаженный, добавляя тезис об абсолютной важности стремления человека к высшим формам бытия. Таким образом, концептуально христианская религиозная философия средневековья признает социальную природу человека и необходимость быть включенным в общественные отношения, однако высшую форму духовной гармонии можно обрести только в служении богу, отказываясь от мирских преимуществ.

Эпоха романтизма и просвещения характеризуется консолидацией подходов к проблеме одиночества вокруг созависмости человека-общества. Мыслители того периода, такие как Гердер и Дж. Байрон, видят необходимость увеличения уровня образования и отказ от однозначных догматов как необходимые условия для повышения осознанности личностью своей жизни и выработки персонального отношения к окружающему обществу. В период эпохи Возрождения одиночество начинает рассматриваться как необходимость в жизни каждого субъекта. В русской литературе данный феномен рассмотрен сквозь призму «лишних» людей. Благодаря умению быть в одиночестве, индивид приобретает способность не быть одиноким, движется к личностному самопознанию, эмоциональной стабильности и рефлексии, что делает его полноценным членом общества [6].

Однако уже в период 19 века в силу ряда причин (последствия наполеоновских войн) одиночество снова воспринимается в социальных науках среде в негативном ключе. Все чаще речь идет не только о персональном одиночестве, но и групповой изолированности, об одиночестве социума. Все явственнее вводится термин отчуждение для характеристики социальных процессов. В частности, немецкая школа философии того периода опиралась на мысль, что социально желательное поведение и коммуникабельность развиваются ярко как фора бегства человека от самого себя и страха перед собственными

мыслями. В тот же временной период К. Маркс приводит трактовку одиночества как форму протеста личности. Последний считал, что в случае, когда общество не может удовлетворить потребность индивида в социализации, из-за неприятия личности культурных, политических и экономических правил индивид вправе дистанцироваться от этого общества, но при этом ведя поиск или создавая самостоятельно другую ценностно-релевантную социальную общность [7]. Значительный вклад внесли в данную проблему также А. Шопенгауэр и Фр. Ницше.

Во второй половине 20 века, особенно в послевоенный период, значительное распространение получает экзистенциальное направление гуманитарной мысли. Европе казалось, что любое ограничение бытия человека есть путь к тоталитаризму. Опираясь на идеи личной ответственности личности за свою жизнь, постулируя важность персональной свободы выбора и необходимости самостоятельного принятия решений, экзистенциалисты связывают деструктивное влияние одиночества с феноменом «омассовления» сознания личности. К. Ясперс утверждает, что универсализация общественной жизни способствует выключению личности из социальных межличностных связей, что ведет к нежеланию интегрировать в социальные и внутриличностные структуры идей гуманизма и взаимоуважения. В результате человек начинает испытывать мнимое одиночество: он находится в какой-либо социальной группе, осуществляет там коммуникацию, но не ощущает удовлетворения от этого. В своем уникальном понимании человеческой экзистенции Ж.П. Сартр утверждает, что одиночество человека есть закономерное следствие необходимости делать выбор, в рамках которого личность становится полностью одинокой. Сартр постулирует, что человеческая свобода существует в категории обреченности. Личность обречена брать ответственность за свои совершенные и не совершенные поступки, осознавая возможную ответственность за них и необходимость быть готовым к этой ответственности. Современник Ж.П. Сартра, А. Камю выделяет имманентность определяющего влияния внутренних переживаний и образов, которые и составляют человеческую сущность: «Очевидным фактом морального порядка является то, что человек – извечная жертва своих же истин» [8; 9]. Таким образом, можно сделать вывод, что экзистенциалисты постулируют, что одиночество есть универсальное условие человеческого бытия, которое дает ему возможность исследовать глубины личности и лучше осознать себя и свое место в социуме.

В нынешнее время человечество накопило большой объём знаний и подходов к трактовке феномена одиночества. Каждый вправе выбрать концептуальный подход, отражающий его взгляды и ценности. Однако самым важным является прагматическая эффективность взглядов. В 2020 году значимое большинство поневоле оказались заперты в собственных квартирах, скоротечность распространения вируса не позволило каждому человеку и социуму, в частности, подготовиться к нарушению привычных способов межличностной коммуникации и заменить их аналогами с использованием дистанционных средств общения. Выше перечисленное стало причиной острого чувства одиночества у многих людей, кто не привык долго находиться дома. Наглядно это доказывает падение работоспособности в условиях удаленной работы. Исследования доказали, что люди, испытывающие чувство одиночества чаще болеют, быстрее устают и теряют интерес к выполняемой деятельности [10]. Сегодня очевидно – социум не может эффективно функционировать в условиях изоляции. Проблема одиночества всегда была актуальной, особенно в период массовой урбанизации. Кто-то чувствует себя одиноким в толпе, а кто-то, наоборот, в городской суматохе видит средство спасения от одиночества. Треть населения Земли испытали на себе, что такое быть одиноким, что рождает ве-

роятность появления новой проблемы, а именно – страх оказаться в одиночестве. Подобный феномен наблюдался и раньше, выражающийся в поиске социальных контактов без критического отношения к их качеству [11]. У подобного выделяют разные причины: от патологического страха оставаться одному до попыток повысить самооценку за счет мнимой «нужности» индивида другим представителям социума. Однако в посткоронавирусном мире к описанным выше причинам добавляется страх потерять всю коммуникацию одномоментно, тем самым оказавшись наедине с самим собой без привычных средств коммуникации. Особенно актуальна данная проблема в среде людей, не достаточно приспособленных к пользованию современными технологиями общения. В силу чего становится острой необходимостью уделить внимание наряду с привычными формами социализации индивида в коллективе, средствам и путям виртуальной социализации. Человек в буквальном смысле становится тем, что он о себе заявляет. Важно предоставить каждому возможность широкой альтернативы личному общению через специальные средства: мессенджеры, чаты и видеоконференции. И все эти поля социализации, как показал опыт, не являются антиподом, они могут вполне быть взаимодополняемыми. Особенно следует отметить, что на сегодняшний день электронные средства коммуникации решают проблему точности передачи сообщения, но не дают в нужной степени возможности чувствовать себя включенным в коммуникацию [11]. Речь идет о том, что в привычном прямом общении мы выражаем отношение к собеседнику помимо вербальных средств с помощью жестов, движений и эмоций, чего мы оказываемся лишены в электронном общении. Вследствие чего, сообщение, которое передается «дословно», может быть понято не так, как этого хотел бы автор.

В заключение следует отметить, что на протяжении всей своей истории человечество старалась понять феномен социального одиночества, а также интерпретировать его в контексте различных сторон социальной жизни [12]. Научиться справляться с негативными последствиями одиночества и выносить выгоду из возможного позитивного влияния последнего на личность. Однако очевидным остается то, что социальное одиночество есть одна из характеристик нашей данности. COVID-19 указал человечеству на слабые звенья внутренней организации социума и хрупкость социальных связей, что требует внимательного изучения последствий этого и практической реализации задач по качественной разработки средств электронной и виртуальной социализации человека.

Литература

1. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 17-е изд. М., 2019.
2. Садлер А. Уильям. От одиночества к аномии / Уильям А. Садлер, Томас Б. Джонсон // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 13–29.
3. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. Cambridge: University Press, 1962.
4. Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной религии. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2002. С. 304.
5. Августин А. О христианском учении // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 1. СПб., 2001. С. 37–109.
6. Кьеркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Несчастнейший: сборник сочинений / С. Кьеркегор. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005.
7. Маркс К. Из ранних произведении / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государ-

ственное издательство политической литературы, 1956. С. 690.
8. Мамардашвили М. Психологическая топология пути // Мир человека. Хрестоматия для учащихся полной средней школы (X–XI кл.) / под ред. А.Ф. Малышевского. М.: Интерпракс, 1993. С. 304.
9. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 415.
10. Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества: автореф. дис… д-ра соц. наук / Ж.В. Пузанова. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2009. С. 23.
11. Коркия Э.Д. Феномен культурного одиночества в цифровую эпоху // в сборнике Россия в эпоху цифрового общества: границы, барьеры и солидарности (Материалы XXIV Социологических чтений РГСУ) М., 2019. С. 293–300.
12. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, № 12, 2020. С. 38–41.

SOCIAL LONELINESS AS AN ATTRIBUTE OF URBANIST PRACTICES IN THE CONTEXT OF FORCED SELF-ISOLATION

Korkiya E.D.
Moscow State University

This article examines the issue of the reasons for the emergence of social loneliness in the context of forced self-isolation due to the COVID-19 pandemic. Various fields of isolation and forms of its actualization are revealed. The author emphasizes the thesis about the social variability of loneliness, its markers. The influence of electronic communication means on the feeling of loneliness is discussed.

Keywords: social loneliness, COVID-19, interpersonal communication, isolation, pandemic, alienation, social processes, truth, urban space, socialization, mass urbanization.

References

1. Mukhina V.S. Age psychology. Phenomenology of development: a textbook for students. higher. study. institutions. 17th ed. M., 2019.
2. Sadler A. William. From loneliness to anomie / William A. Sadler, Thomas B. Johnson // Labyrinths of loneliness: trans. from English / comp., total. ed. and foreword. N.E. Pokrovsky. Moscow: Progress, 1989. pp. 13–29.
3. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. Cambridge: University Press, 1962.
4. Surikov IE Evolution of the religious consciousness of the Athenians in the second half of the 5th century. BC e.: Sophocles, Euripides and Aristophanes in their relation to traditional religion. Moscow: Publishing house of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2002. S. 304.
5. Augustine A. About Christian doctrine // Anthology of medieval thought. Theology and philosophy of the European Middle Ages. T. 1.SPb., 2001. S. 37–109.
6. Kierkegaard S. Harmonious development of aesthetic and ethical principles in the human personality // The most unfortunate: a collection of works / S. Kierkegaard. Moscow: St. Apostle Andrew, 2005.
7. Marx K. From early works / K. Marx, F. Engels. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1956, p. 690.
8. Mamardashvili M. Psychological topology of the path // The world of man. Reader for high school students (X–XI grades) / ed. A.F. Malyshevsky. M.: Interpraks, 1993. S. 304.
9. Camus A. Rebellious man. Philosophy. Politics. Art. M.: Politizdat, 1990.S. 415.
10. Puzanova Zh.V. Sociological dimension of loneliness: abstract of Ph.D. dis … Dr. sots. sciences / J.V. Puzanov. – M.: Ros. University of Friendship of Peoples, 2009. p. 23.
11. Korkiya E.D. The phenomenon of cultural loneliness in the digital era // in the collection Russia in the era of the digital society: boundaries, barriers and solidarity (Materials of the XXIV Sociological Readings of the RSSU) M., 2019, pp. 293–300.
12. Korkiya E.D. Loneliness as a subject of sociocultural research // Humanities, socioeconomic and social sciences, No. 12, 2020. P. 38–41.

Доверие в меняющемся мире

Полюшкевич Оксана Александровна,
доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования доверия в современном постпандемическом, виртуальном обществе. Проводится анализ теоретических данных важности изучения характеристик доверия в меняющихся условиях жизни. А также приводятся результаты собственного исследования, позволившие выявить зависимость уровня тревожности и страха от понижения уровня доверия в разных социальных группах.

Ключевые слова: доверие, недоверие, культура доверия, меняющийся мир, страх, тревожность, постпандемическое общество, виртуальное общество.

Современный мир предлагает нам множество ориентиров для жизни. В мире нет определенности, есть множество вариантов развития ситуации, есть альтернативы и выбор одной из них или полное игнорирование последних (в соответствии со своими жизненными ориентировками, представлениями и опытом социализации). То есть происходит ориентация все больше на интересы личности, а не общества, все больше становится возможностей усилить одиночество человека. Результатом этого становится уменьшение уровня доверия. А без доверия – нет общества.

Доверие снижается в целом к социальной системе и к политическим и экономическим институтам, культурным практикам и общественному воспроизводству в частности.

По данным опросов ВЦИОМ, больше половины россиян не готово соглашаться с мнением большинства, не может доверять власти и экономической элите, разочарована в культуре и социальном порядке. При этом, президенту доверяет более чем 63% населения страны [6]. Результатом этого отсутствия доверия как социальной функции, может стать апатия как социальная практика, уничтожающая социальные связи и коммуникации. Чем больше людей вовлечены в социальные, экономические, политические, культурные, демографические и любые другие трансформации, тем выше становится уровень недоверия граждан к социальным институтам [4,7].

По справедливому замечанию У. Бека, защищенность сменяется риском, что приводит к новым мыслительным, идентификационным процессам, а также меняет поведение субъектов в социуме. В быстро меняющемся обществе и категория доверия также меняется.

1) На личном уровне доверие обесценивается в силу того, что люди могут узнать друг о друге максимум информации (через социальные сети), не будучи даже знакомы.

2) На социальном уровне разрушаются институты наследования и традиции, не давая людям обычной поддержки, так как есть возможность через более высокую мобильность или открытость виртуальных границ выйти за пределы привычного и знакомого социума.
3) Более того, уменьшается доверия к любым «Другим», чужим, мигрантам, бомжам, инвалидам и т.д., а также к предметам и услугам, рекламируемым в информационных системах массового общества.

По мнению Н. Лумана, доверие, как недоверие выполняет в обществе механизм редукции сложности. Эти состояние заставляют действовать нестандартно, нетипично, в процессе коммуникации выполняя новые практики, которые в последующем закрепляются как эталонные. Творческий инновационный подход позволяет на принципиально новом уровне выстроить систему коммуникации. Эти действия приводят к росту доверия. Недоверие, наоборот, препятствует процессам переоценки и переосмысления социального взаимодействия.

Доверие – это не теоретический конструкт, это повседневная практика, которая либо укрепляет социальные связи, либо их рушит, в случае не достижения социально приемлемого компромисса, в рамках эмоционального единства. Также доверие как отношение – в какой мере участники социального взаимодействия заслуживают доверия. Поэтому важно прослеживать трансформацию тех переменных, что эффективно воздействуют на создание или разрушение стимулов социального доверия.

П. Штомпка говорил о культуре доверия как практике свойственной демократическим обществам. И одним из социальных следствий этого выступает формализация и бюрократизация доверия как типа мышления и практики поведения, опосредованная требованиями и регламентами проявления. При этом, в социальной среде реакцией на подобную политику выступает рост индивидуализма и социальных аномий и девиаций в обществе [8].

Уменьшение горизонтального и вертикального доверия общества ведет к конфликтам и социальной дифференциации общества (А.В. Иванов, С.А. Данилов [3]). Результатом этого выступает разрушение культуры безопасности и социальной стабильности (З. Бауман, У. Бек, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и проч.).

Опасность неопределенности, иррациональность и размытость научного и повседневного опыта, познания приводит к нивелированию ценностей самоидентичности и самопризнания. Но в тоже время – это условие для реконструкции личности в новых условиях. Это позволяет личности вырабатывать новые, конгруэнтные происходящим изменениям навыки, процессы, состояния, позволяющие им адаптироваться и встраиваться в меняющийся мир (И.А. Журавлева, Р.В. Иванов, В.В. Тетерин [1,2], О.А. Полюшкевич [5]).

В 2021 году мы провели опрос граждан России, проживающих в разных регионах РФ, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, занимающих разные социально-профессиональные роли. Опрос проводился на платформе опросов www.google.com, в нем приняло участие 1450 человек. Помимо этого, мы провели 6 фокус-групп (50 человек), в которых принимали участие эксперты, являющиеся представителями основных социальных групп, участвующих в массовом опросе.

В результате исследования, мы выявили зависимость уровня страха и тревоги в условиях меняющегося виртуального постпандемического мира и уровня доверия.

У мужчин уровень страха ниже, чем у женщин (35,6% и 49,8%), также как и уровень тревоги (36,7% и 56,9%). Эти показатели увеличиваются пропорционально возрасту: чем старше респондент, тем выше уровень тревоги и страха, чем младше – тем меньше.

Те, кто работает, больше испытывают тревоги за свое будущее, нежели

чем те, кто не работает (в силу разных причин) – 65,2% и 24,1%. Гендерные отличия в данном вопросе не существенны. Среди старшего поколения данный показатель страха занимает доминирующее место, среди молодежи – минимальное.

Выход на удаленную занятость для 54,2% женщин и 37,9% мужчин не видится проблематичным, тогда как 41,3% женщин и 56,9% мужчин видят в этом личную и социальную проблему. Остальные затруднились с ответом. Молодежь более лояльно относится к дистанционной занятости, чем старше, тем больше предубеждений и ограничивающих условий ими приводится в части адекватности и эффективности удаленной деятельности.

Доверие своему окружению у мужчин меньше, чем у женщин (35,4% и 48,2%). У молодёжи меньше, чем у представителей старшего возраста (18–32 года – 33,4%, 33–55 лет – 44,1%, старше 56 лет – 58,7%).

Доверие людям в целом достаточно низкое (у мужчин 26,2%, у женщин 28,7%). У молодёжи ниже, чем у старшего поколения (18–32 года – 41,1%, 33–55 лет – 54,7%, старше 56 лет – 65,8%).

В отличие от данных ВЦИОМ, доверие к институтам власти не столь высоко (у мужчин 44,5%, у женщин 51,3%). Чем старше респонденты, тем выше уровень доверия (18–32 года – 26,5%, 33–55 лет – 38,9%, старше 56 лет – 69,2%).

Доверие экономическим институтам значительно ниже (у мужчин 16,7%, у женщин 19,3%). У молодёжи выше, чем у старшего поколения (18–32 года – 58,9%, 33–55 лет – 44,3%, старше 56 лет – 31,1%).

Доверие культурным институтам также не столь значимо (у мужчин 34,3%, у женщин 42,3%). У молодёжи выше, чем у старшего поколения (18–32 года – 45,6%, 33–55 лет – 37,6%, старше 56 лет – 22,4%).

Доверие к виртуальному пространству значительно выше, чем к другим институтам, хотя и признается всеми участниками его иллюзорность (у мужчин 52,3%, у женщин 59,6%). У молодёжи выше, чем у старшего поколения (18–32 года – 67,7%, 33–55 лет – 53,1%, старше 56 лет – 25,1%).

Таблица 1. Факторный анализ увеличения страха и тревоги при уменьшении уровня доверия

Фактор	Переменные	Коэффициент
Наследие поколений Вес фактора – 15,4. Объяснительная дисперсия – 24,4%	В новом мире для всех места нет. Особенно для старшего поколения	0,763
	Были трудные времена, но сейчас они воплотились с новыми смыслами	0,755
	Наработки прошлых поколений в современном мире не работают	0,721
Адаптационно-психологический Вес фактора – 12,2. Объяснительная дисперсия – 20,1%	Изменчивость всего вокруг не повышает доверия	0,744
	Нельзя освоить что-то одно и успокоится. И это все разрушиться	0,712
	Адаптация к новым условиям может требовать больше ресурсов и усилий, чем можно было ожидать	0,703
Образовательный Вес фактора – 8,4. Объяснительная дисперсия – 15,5%	Не хватает знаний и опыта чтобы встроиться в новый мир	0,677
	Новые практики – требуют новых моделей обучения, а их нет	0,642
	Обладать нужным количеством знаний невозможно, так как они все время устаревают (раз в двое суток)	0,531
Идеологический Вес фактора – 6,3. Объяснительная дисперсия – 9,9%	Надеться на власть нельзя, так как она также изменчива, как и все вокруг	0,635
	Идеология наполнена пустыми смыслами, так как уже не соответствует своему времени	0,611
	Новое мировоззрение формируется в виртуальном мире, но доверять ему нельзя, так как оно строится на иллюзорности всего вокруг	0,575

Обобщая полученные данные и используя факторный анализ, мы смогли выявить несколько групп факторов,

определяющих формы и векторы развития страха и тревоги при уменьшении уровня доверия, при описании 69,9% общей дисперсии (табл. 1).

Участники фокус-групп давали следующее объяснения выявленным нами факторам.

Наследие поколений – отражается как принятие судьбы (зачастую негативной) через тревогу и страхи и отсутствие доверия всему и всем.

Каждое поколение жило своими ограничивающими факторами, своими страхами, которые не позволяли им чувствовать себя свободными, счастливыми, активными, нужными. Сейчас ничего не изменилось – только внешние угрожающие всему факторы стали более наглядны – это пандемия и виртуализация. Пандемия не дает шансов на доверие друг другу, что он не более и тебя не заразит, а виртуализация заставляет создавать образы, а не быть самим собой. (И.Ю., 40 лет, архитектор).

Да мы по инерции ожидаем проблем и боимся всего. Если раньше боялись того, что соседи донесут, то сегодня боимся, что в интернете что-то выложат про тебя. Виртуализация все больше нас оголяет – и доверия это конечно не дает. (Т.О., 53 года, учитель химии в школе).

Адаптационно-психологический выражается в способах подстраивания под изменяющуюся реальность, новые модели и схемы взаимодействия.

Виртуализация общества дает нам возможность строить новые способы коммуникаций, доверие в данном аспекте не используется, так как общение в сети предполагает додуманность, образность, метафоричность, а порой и вовсе придуманность. Можно спрятаться за аватаром и о том, что ты это ты – никто не узнает. Можно зайти с левой страницы, где нет твоих данных и также останешься инкогнито. Мир без лица – это способ встроиться в новую реальность. (А.В., архитектор, 29 лет).

Пандемия заставила всех быть более осторожными и в целях защиты – чаще общаться виртуально, нежели реально. Вопрос выживания и адаптации к новым условиям жизни, которые навсегда поменяют наше повседневное пространство доверия или его отсутствия. (С.А., историк, 37 лет).

Образовательный указывает на то, что изменение условий и форм получения информации, приводит к тому, что формируется новый образ и стиль мышления, новое восприятие реальности, что и означает новые практики доверия или недоверия, новые принципы культуры доверия и недоверия формирующиеся в современном постпандемическом и виртуальном обществе.

За период пандемии мы перестроились на новый способ восприятия информации, новые модели обучения и работы. Это уже приводит к новому стилю мышления, новой философии жизни, где дистанционная работа и виртуальное обучение становятся нормой, а групповое доверие в реальном времени абсолютно нереальной практикой. (М.И., кандидат философских наук, преподаватель университета, 43 года).

Виртуализация образования еще более усиливает клиповость сознания современников. Особенно разорванные формы сознания характерны для молодежи. И в будущем чтение книг станет такой же редкостью, как и фехтование. Мышление и сознание будет работать не через восприятие текстовой информации, а через образный видеоряд. (С.Ю., врач-психотерапевт, 57 лет).

Идеологический фактор обусловлен отсеваем идеологической составляющей в ответственности за происходящие на личном и общественном уровне процессы, меняющие социетальную ткань общества.

Происходящие процессы в обществе под влиянием пандемии происходят параллельно действиям властей, что само по себе не увеличивает доверия к власти и повышает тревожность в разных социальных группах, так как нет уверенности ни в завтра, ни в сегодня. (П.А., маркетолог, 30 лет).

Качество жизни строится на желании низов и готовности верхов к со-

вместному процессу адаптации к новым условиям жизни, к совместному желанию доверять друг другу и вместе развиваться. В нашем обществе происходит обратный процесс недоверия, идеологического коллапса и саморазрушения как власти через пресыщенность и вседоступность, так и народа через ограниченность ресурсов и условий жизни. (Т.А., программист, 33 года).

Таким образом, выделенные факторы – выявились и при опросе, и при качественном фокус-групповом исследовании, что указывает на их верифицируемость и знаковость для социального воспроизводства и общественного развития.

Выводы

Проведенное исследование смогло выявить закономерности связи страха и тревоги и понижения уровня доверия в постпандемическом виртуальном обществе. Доверие порождает доверие. Трудности начинаются там, где есть дефицит. Успех развития государства, предприятия, личности – в наличии доверия окружению. Если его не будет, то и на успех рассчитывать не приходится.

В довиртуальный период наличия доверительных отношений: прошлое определяло будущее. Если прошлое создавало условия и предпосылки доверия – то в будущем оно воплощалось в конкретные практики доверия. В виртуальном мире становится более актуальным вопрос о доверии новому, непознанному, непроверенному. По сути, встает вопрос о доверии в изменяющемся мире, о новом способе, инновационном по сути и по процессу решению основных проблем.

Более того, многовариантность развития не способствует увеличению доверия, скорее наоборот. И это приводит к усилению непрозрачности многих схем социальных интеракций. Ситуация неопределенности и неконтролируемого будущего создает условие для рождения доверия или недоверия. На интрузивном уровне, большая часть населения считает, что есть решение проблемы, о котором мы еще не знаем. И это дает надежду на формирование доверия будущему.

В эпоху виртуальности будущее выступает новым способом освоения мира: открытым и непредсказуемым. Иначе говоря, мы пока не в курсе – что именно будет влиять на нас, наше взаимодействие завтра, что станет реальностью после пандемии. Это напряжение достаточно сильно вносит дисбаланс в социальные коммуникации, но именно доверие позволяет идти на риски, быть к ним готовыми и несмотря ни на что – продолжать идти в выбранном направлении.

Даже если доверие окажется обманутым, те инновационные усилия, нетипичные практики взаимодействия приведут к новым результатам, новым условиям и принципам работы социальных институтов и акторов внутри них. И поэтому можно говорить о том, что доверие уже не является отражением стабильности социального развития. И если раньше доверие воспринималась как личная стратегия коммуникации, строящаяся на представлениях и установках, то сейчас это скорее социальный капитал межличностного взаимодействия, которые используется в процессе социального взаимодействия.

Сегодня вполне уместно говорить о «культуре доверия» и «культуре недоверия», которые также трансформируются под влиянием непредсказуемости и вариативности виртуального постпандемического общества. И можно говорить о необходимости переосмысления и переформулировки условий возникновения доверия и его личного и социального развития в новых условиях развития мира, опирающегося на самодисциплину и ответственность.

Литература

1. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
2. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных при-

оритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
3. Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ. Фундаментальные исследования, 2014, № . 11, 1852–1859.
4. Москвина Н.Б., Фишман Б.Е., Машовец С.П. Доверие в образовательном процессе вуза: от ценностей к инструментам // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 16. № 1. С. 31–42.
5. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 96–103.
6. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий [электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-oczenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partij-22
7. Черепанова М.И., Максимова С.Г. Доверие и безопасность // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 34–39.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008.

TRUST IN A CHANGING WORLD

Polyushkevich O.A.
Irkutsk State University

The article examines the features of the formation of trust in the modern post-pandemic, virtual society. The analysis of theoretical data on the importance of studying the characteristics of trust in the changing conditions of life. And also the results of their own research are presented, which made it possible to identify the dependence of the level of anxiety and fear on a decrease in the level of trust in different social groups.

Keywords: trust, distrust, culture of trust, changing world, fear, anxiety, post-pandemic society, virtual society.

References

1. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life guidelines and strategies of provincial youth // Sociology. 2020. No. 2. S. 117–127.
2. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Study of life priorities of regional youth: qualitative analysis // Alma mater (Bulletin of the higher school). 2020. No. 4. S. 52–59.
3. Ivanov A.V., Danilov S.A. Social trust and the institutional order of society in the sociocultural context of Western and Eastern cultures: a comparative analysis. Fundamental research, 2014, no. 11, 1852–1859.
4. Moskvina N.B., Fishman B.E., Mashovets S.P. Trust in the educational process of the university: from values to tools // Scientific notes of the Transbaikal State University. 2021. Vol. 16.No. 1.P. 31–42.
5. Polyushkevich O.A. Trust in the institutions of law // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the I All-Russian scientific-practical conference. 2019.S. 96–103.
6. Ratings of confidence in politicians, assessments of the work of the president and the government, support for political parties [electronic resource] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-oczenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partij-22
7. Cherepanova M.I., Maksimova S.G. Trust and Security // Society and Security Insights. 2019.Vol. 2.No. 4.P. 34–39.
8. Shtompka P. Sociology. Analysis of modern society. M.: Logos, 2008.

Применение современных цифровых технологий в борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае

Ху Юэ,
аспирант кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Цзо Ци,
аспирант кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена применению современных цифровых технологий в борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае. В статье рассмотрена роль больших данных и искусственный интеллект в борьбе с эпидемией. Показано, какова китайская модель борьбы с эпидемией коронавируса 2019-nCov, проблемы в области раннего предупреждения и профилактики и возможность дальнейшего совершенствования.
Объект исследования – цифровые технологии. Предмет исследования – роль цифровых технологий в борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае. Научное и практическое значение данного исследования заключается в том, что после инфекции коронавируса 2019-nCov, борьба с эпидемиями станет частью обыденной жизни для международного общества, эта статья предлагает современное направление развития национального механизма реагирования на ЧП в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: эпидемия коронавируса 2019-nCov; большие данные; искусственный интеллект; цифровая медико-санитарная платформа.

Введение

В 60 годах XX века, после создания Арпанет (Advanced Research Projects Agency Network) в США среди западных стран началась информационная революция. Информационные экономисты в лице Мануэля Кастеля начали исследовать теорию информационального общества с аспекта информационных технологией. Технологии и общество взаимодействуют друг на друга. С одной стороны, появление информационных технологий было неизбежным результатом изменений общества, международной ситуации, глобализации и экономического развития того времени. С другой стороны, быстрое развитие информационных технологий также коренным образом изменило образ жизни людей и направления развития общества. Взаимное продвижение технологий и общества привело цифровое общество.

Информационные и цифровые технологии связаны с передачей, разработкой и применением информации, но они отличаются в том, что информационные технологии склоняются к передаче и разработке информации, а цифровые технологии склоняются к применению, например механизм мониторинга, обратной связи и прогноза основаны на больших данных, решения и интерактивные функции искусственного интеллекта и т.д. В настоящее время цифровые технологии продолжают развиваться и постепенно применяются в экономической деятельности, управлении общества, производстве и жизни. В борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае цифровые техники сыграли важную роль.

I. Цифровые технологии, принятые в борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov в Китае

1. Большие данные

Большие данные характеризуются большим объёмом, большой скоростью и раз-

нообразием информационных источников, требующие использования экономически эффективных инновационных методов обработки информации в целях извлечения знаний и принятия решений. Когда в Ухане появилась эпидемия, большие данные сыграли огромную роль в определении передвижения толпы людей и предотвращении распространения эпидемии. Вспышка эпидемии в Ухане произошла в канун традиционного праздника – праздника весны. Движение толпы населения в период праздника весны огромно. Но с помощью технологии больших данных удалось быстро определить приток и отток населения между городом Ухани и районами вокруг его. Ниже приводится карта общего изменения численности населения на уровне округа в провинции Хубэй в период Весеннего фестиваля 2020 года, полученная с помощью анализа больших данных (рис. 1).

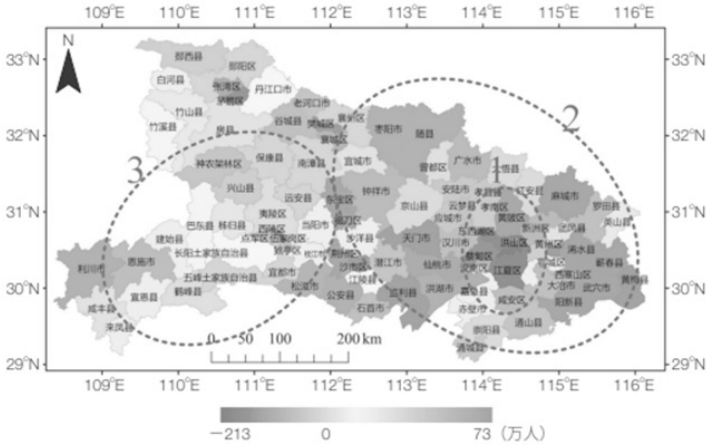

Рис. 1. Карта общего изменения численности городского населения на уровне округа в провинции Хубэй во время праздника Весны в 2020 г. (с 10-ого Января 2020 года до 25-ого Января 2020)

Данная карта потоков городского населения на уровне округа провинции Хубэй, сформирована в течение праздника Весны в 2020 г. (с 10-ого Января 2020 года до 25-ого Января 2020) на основе анализа больших данных. Цвет от синего к красному отражает изменение от оттока к притоку населения. Синий цвет представляет собой отток населения, красный цвет означает приток населения, и чем темнее цвета, тем больше изменение населения. На карте потоков городского населения видно, что круг 3 (в основном город Ичан) отражает города с незначительными демографическими изменениями. По сравнению с кругом 3, цветы круга 1 (в основном город ухань) и круга 2 (в основном города Хуанган, Сяогань, Цзинчжоу) более глубоки, что отражает быстрое перемещение населения из Уханя в окружающие районы. Таким образом в городах круга 2 необходимы дальнейшие строгие меры по предварению и управлению, а в круге 3 основное внимание должно уделяться профилактике. Данные за последующие дни подтвердили этот прогноз. По данным официального сайта комитета по вопросам гигиены и здравоохранения провинции Хубэй, общее число новых случаев инфицирования в круге 2 в течение пяти дней с 20 по 24 января составляет 98 (Хуанган 64, Сяогань 24, Цзинчжоу 10). В период с 25 по 29 января общее число инфицированных составило 894 (Хуанган 432, Сяогань 344, Цзинчжоу 118), что свидетельствует о тенденции, отраженной на рис. 2.

Поэтому, карта потоков городского населения на уровне округа провинции Хубэй представила рекомендации по дальнейшим мерам по ограничению передвижения людей в провинции Хубэй, а также меры по борьбе с эпидемией.

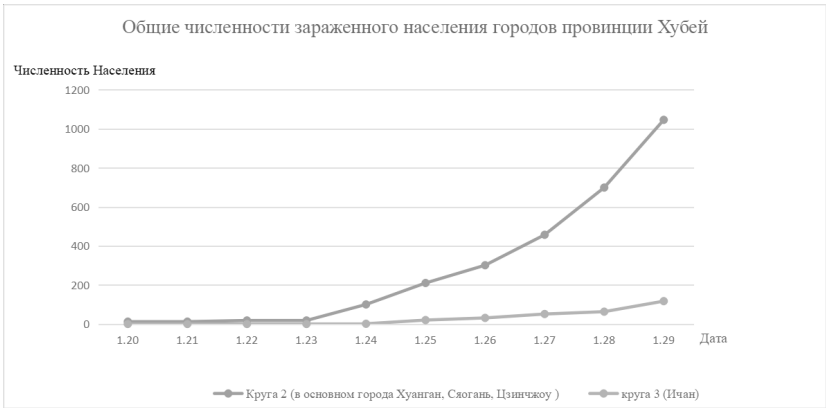

Рис. 2. Общее численности зараженного населения провинции Хубей (с 10-ого Января 2020 года до 25-ого Января 2020)

Цифровой QR-код здоровья тоже является одним из успешных применений больших данных в борьбе с эпидемией, предоставивший точные данные о состоянии здоровья пользователя, а также времени и местоположении. QR-коды включают четыре уровня зеленый цвет представляет состояние здоровья без риски, жёлтый цвет означает подозрительное состояние, красный означает убеждение заражения, а чёрный представляет смерть. Все эти данные будут загружать в банк данных, которые будут использоваться в качестве базовых данных для анализа и мониторинга перемещения людей с помощью алгоритмов больших данных. Контрольные пункты устанавливаются в местах с большим объемом потоков людей. Как только обнаружен человек с гипертермией, персоналы пункта незамедлительно проведут его в больницу на тест на коронавирус, и в то же время цвет QR-код изменится с зеленого на желтый. Если результат теста покажет заражено, то его цифровой QR-код здоровья станет красным. В то же время те, кто контактировал с пациентом, их QR-коды станет жёлтым и необходимо проводить 14–21-дневный карантин.

2. Искусственный интеллект (ИИ)

Искусственный интеллект тоже сыграл большую роль в борьбе с эпидемией, главным образом в разработке лекарств и вакцин, и в санитарном управлении.

(1) Отбор лекарств. Академик Китайской Академии Проектировании, профессор Чжэцзянского университета Ли Ланьцзюань в 2020 году форум высокого качества развития медицинской и здравоохранительной индустрии Китая (иньчуань) отметила, что её исследовательская группа отобрала 5 традиционных лекарств из 151 алгоритмом искусственного интеллекта, чтобы выбрать некоторые более эффективные антивирусные препараты. После того, как началась эпидемия коронавируса 2019-nCov, технология ИИ приведет к изменениям в традиционном здравоохранении и обеспечит новаторскую и динамичную поддержку здравоохранения во всем мире.

В ходе разработки новых лекарств и вакцин необходимо провести обширный анализ данных, крупномасштабный анализ литературы и исследовать генетическую последовательность вирусов и белков и другие работы. Применение технологии ИИ может значительно повысить скорость исследований и разработок.

(2) Телефонные роботы. Научно-технический отдел министерства промышленности и информатизации в 19-ое июня 2020 года опубликовал перечень предприятий искусственного интеллекта, которые демонстрировали выдающуюся научно – техническую поддержку в борьбе с эпидемией коро-

навируса.[1] Одним из них является компания ООО медико-информационной технологии IFLYTEK Аньхой. Директор компании Тао Сяодун говорил в интервью в 23-ое марта 2020 года, что они предоставили телефонных робот сотрудникам жилых микрорайонов и командным подразделениям по борьбе с эпидемиями, которые в течение одного – двух часов могут одновременно набрать более 100 00 телефонных звонков для автоматической обработки данных и выявления пациентов, входящих в группу риска. Таким образом, они смогут быстро узнавать о ситуации большого количества людей по телефону и командование по борьбе с эпидемией может лучше организовать пациента в определённый пункт карантина.

(3) Система мониторинга температуры тела ИИ. В 10-ое февраля в программе «новости» китайского центрального телевидения была показана система измерения температуры «Байду ИИ», поддерживающая борьбу с эпидемией. С помощью технологии распознавания изображений и инфракрасной технологии тепловизуализации, система «Байду ИИ» решает проблемы, связанные с меньшей степенью распознавания лиц в масках и шляпах, позволяя пассажирам при ходьбе без контакта, надежно, эффективно и незаметно измерять температуру тела и найти пассажиров с повышенными температурами. В настоящее время система измерения температуры «Байду ИИ» внедрена на станции пекинского железнодорожного вокзала Цинхэ, «южная станция Пекина» 4-ой линии пекинского метро и других транспортных узлов.

(4) Применение ИИ в производстве. Компания «Байду» также использовала интеллектуальные методы проверки, чтобы помочь предприятиям безопасно работать в период эпидемии. Компания GIAN в г. чанчжоу, провинция Цзянсу производит сложные детали для мобильных телефонов и других 3С продукции для SAMSUNG, OPPO, Тесла и других компании. В период эпидемии постройна интеллектуальная система проверки качества с помощью технологии «умных облаков», не прекращая производство. Десять интеллектуальных измерительных устройств работают 24 часа, что почти в 10 раз выше, чем проверкой людьми.

II. Возможность дальнейшего совершенствования

Под руководством ЦК КПК, центральное и местные правительства Китая приняли и постоянно корректировали меры научно по мнениям специалистов в разные периоды эпидемии. Каждый слой китайского общества активно участвовал в борьбе с эпидемией, шли к единой цели – спасти жизни. Несмотря на то, что эпидемия была эффективно контролирована в Китае, в ранний период эпидемии были выявлены проблемы в области раннего предупреждения и профилактики.

1. Не хватает опыта реагировать на чрезвычайные ситуации общественного здравоохранения.

В некоторых больницах было зарегистрировано несколько случаев заражения врачей коронавирусом. До 11-ого февраля в Китае 1716 медицинских персоналов были заражены, что составляет 3,8% заражённых по всей стране, а также 6 персоналов скончались от коронавируса.

2. Не достаточные защиты свистящих людей (whistleblower).

Китайские технологии больших данных нуждаются в улучшении. В начале эпидемии, после обнаружения нового коронавируса, похожего на атипичную пневмонию, доктор Ли Вэньлян напомнил своим друзьям о безопасности в групповом чате WeChat. Но его информация была быстро удалена как неуместные комментарии. По сравнению с Калифорнией, США, которая использовала технологию больших данных для быстрого выявления лесных пожаров и определения точки возгорания, Ухань не использовал большие данные для своевременного определения достоверности замечаний доктора Ли Вэньляна о новой эпидемии. Если алгоритм больших данных достаточно продвинут, в сочетании с личными данными доктора Ли Вэньляна, мож-

но определить вероятность того, что он сделает ложные заявления, чтобы можно было заранее обнаружить новую коронную эпидемию и провести соответствующую работу по защите. Дело в том, что замечания доктора Ли Вэньляна не были восприняты всерьёз, что привело к позднему контролю над эпидемией. С другой стороны, это показывает, что технология больших данных в Китае еще недостаточно развита, а развитию цифровых технологий еще предстоит пройти долгий путь.

3. Распространение мнимой информации.

Перед чрезвычайным происшествием в области общественного гигиены нуждаются авторитетные информация и гигиенические знания, однако народные массы потопляются ложными информациями. С 20 января по конце марта 2020 года в Китае на крупных интернет – платформах были опровергнуты 2498 сообщений.

Наиболее эффективным средством реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения является профилактика. Цифровая медико-санитарная платформа, объединяющая все цифровые технологии, может играть важную роль в механизмах раннего предупреждения. Через объединение развития больниц, первичных и профессиональных медицинских учреждений, интеграцию данных и ресурсов по всем социальным аспектам можно существенно повысить возможности выявления, сообщения, раннего предупреждения, реагирования и предотвращения рисков для здоровья населения. Чтобы укрепить механизм реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения можно создать авторитетную цифровую платформу в области здравоохранения – цифровая медико-санитарная платформа, основные функции которой в начальный период чрезвычайного происшествия в области общественного гигиены включают:

1. Автоматическая подготовка рапортов оценок риска эпидемии.

Через сбор и комбинацию данных из различных государственных ведомств и организаций, в том числе вирусных базах, истории болезни пациентов, медицинского страхования, климатических факторах, траекториях движения населения, социальных средствах массовой информации, аномалиях в браузер и т.д., можно определять местоположение зараженных районов, прогнозировать степень распространение эпидемии, интеллектуально анализировать в режиме реального времени рейтинг риска эпидемии и совместно пользоваться результатами. Таким образом, с одной стороны, правительственные отделы могут рационально распределять ресурсы и разрабатывать профилактические программы, а с другой стороны, можно повысить общественное сознание санитарии и гигиены, что способствует выполнению мер по борьбе с эпидемией.

2. Обеспечение достоверности и транспарентности информации.

Перед чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения испытывает способность распознавания и суждения масс, ведомства и СМИ. Цифровая медико-санитарная платформа может стандартизироваться различные информации, так что информация из первичных медицинских учреждений своевременно и прямо доводит до сведения руководства, а не через местные органы. Такие явления, как преднамеренное сокрытие фактов местными органами власти, медленная передача или разглашение информации, будут сокращаться. Кроме того, информация эпидемии может быть проверена специалистами до ее публикации, таким образом предотвратить распространение ложной информации и максимально удовлетворять насущные потребности населения в информации об инцидентах, что свидетельствует о высокой эффективности и транспарентности работы правительства и, таким образом, укрепляет доверие общественности и предотвращает социальную панику.

3. Распределение медицинских персоналов

Для создания склада медицинских персоналов для экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации нужно сначала включить в цифровую медико-санитарную платформу базовую информацию медицинских персоналов из всех больниц или медицинских учреждений о возрасте, образовании, специальности, опыте и т.д. В сочетании с обстоятельствами эксплоатация и управления в каждых больницах, включая ежедневное число амбулаторных больных, количество операций и т.д., а также с эпидемиологической динамикой и обстановкой профилактической работой по всей стране проводится точная оценка профилактической способности у каждых больниц, на основе которой распределяются медицинские персоналы, что обеспечивает прочную кадровую базу для упорядоченного проведения мероприятий по борьбе с эпидемией.

4. Повышение способности первичных медицинских учреждений.

Практический опыт на цифровой медико-санитарной платформе может укрепить сотрудничество между высшими и первичными медицинскими учреждениями, что повысит эффективность управления медицинскими услугами. В результате у медперсоналов первой линии больше времени для лечебной, педагогической и научной работе.

5. Ускорение развития медицины, стимулирование международного обмена и сотрудничества

Цифровая медико-санитарная платформа может соединить медицинских исследователей из различных регионов для совместных медицинских исследований, обмена результаты научных исследований, содействия взаимодополняемости теории и опыта. Также можно сотрудничать с существующими научными медицинскими платформами. В период борьбы с эпидемией коронавируса 2019-nCov была создана информационная система (covid.ciccst.org.cn), которая может обеспечить значительный объем данных, в том числе о научно – техническом прогрессе за рубежом, результатов исследованиях в области лекарственных препаратов и вакцин, официальных документах и т.д. Создавая такие системы, цифровая медико-санитарная платформа быстро расширяет ресурсы данных.

Заключение

В борьбе с эпидемией коронавируса 2019-nCov правительство и народ Китая объединили свои усилия и эффективно остановили её распространение. В этой борьбе в Китае цифровые технологии играли важную роль, но в начальный период существуют недостатки по раннему предупреждению. Своевременное и эффективное раннее предупреждение в начальный период имеет важное значение для борьбы с эпидемией, поэтому необходимо создать медицинско-санитарную цифровую платформу, объединяющая все цифровые технологии.

Литература

1. Институт географических наук и исследований природных ресурсов китайской академии наук, государственная ключевая лаборатория информационных систем по ресурсам и окружающей среде. «Анализ больших данных эпидемии коронавируса 2019-nCov и региональные рекомендации по политике профилактики и контроля» // Think Tank's Fight against COVID-19. 2020, № 35(2). С. 200–203,201.
2. Комитет по вопросам гигиены и здравоохранения провинции Хубэй // [Электронный ресурс]: http://wjw.hubei.gov.cn/bmdt/ztzl/fkxxgzbdgrfyyq/xxfb/
3. Ежедневная газета Китая. Посещение академика Китайской Академии Проектировании Ли Ланьцзюань в Нинся // [Электронный ресурс]: http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/80x78w/stories/WS5fb65bafa3101e7ce973093f.html (дата обращения: 19.11.2020)
4. Научно-технический отдел министерства промышленности и информатизации : Уведомление

об опубликовании списка предприятий искусственного интеллекта, которые демонстрируют выдающуюся научно-техническую поддержку в борьбе с эпидемией коронавируса // [Электронный ресурс]: https://www.miit.gov.cn/jgsj/kjs/gzdt/art/2020/art_4df2b6b5ecc64fbb807736192d27e687.html (дата обращения: 19.06.2020)
5. Программа «Это Китай»: Китай в глобальной борьбе с эпидемией // [Электронный ресурс]: http://m.kankanews.com/n/1_9194814.html (дата обращения: 23.03.2020)
6. Программа «новости» китайского центрального телевидения // [Электронный ресурс]: https://tv.cctv.com/2020/02/11/VIDEXgd3pKLb9Z-24VDwt8cRn200211.shtml (дата обращения: 10.02.2020)
7. Программа «новости» китайского центрального телевидения // [Электронный ресурс]: https://tv.cctv.com/2020/02/11/VIDEXgd3pKLb9Z-24VDwt8cRn200211.shtml (дата обращения: 10.02.2020)
8. Агенство Синьхуа. Кто защитит героев? // [Электронный ресурс]: https://xhpfmapi.zhongguowangshi.com/vh512/share/8878278?isview=1 (дата обращения: 15.02.2020)
9. Вечерняя газета Синин. Сколько эпидемиологических слухов из 2498 вы уверили? 10 апреля 2020 г. // [Электронный ресурс]: http://www.xnwbw.com/page/1/2020–04/18/a08/20200418a08_pdf.pdf (дата обращения: 10.04.2020)

APPLICATION OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES TO CONTROL CORONAVIRUS COVID-19 EPIDEMIC IN CHINA

Hu Yue, Zuo Qi
Moscow State University

This article is about the digital technologies, which had been used to control the coronavirus COVID-19 epidemic in China. In this article has been analyzed the the role of big data and artificial intelligence in the prevention and control of this epidemic. This paper demonstrates the model of the handling of the epidemic in China, the shortages in early warning and prevention, and the possibilities of further improvement.
The object of the article is the digital technologies. The subject of the article is the role of digital technologies in the prevention and control of the coronavirus COVID-19 epidemic in China. The scientific and practical significance of this study is that, it puts forward a modern development orientation of national health emergency mechanism when the coronavirus COVID-19 has become a part of the daily life of the international community.

Keywords: coronavirus COVID-19 epidemic; big data; artificial intelligence; digital medical and health platform.

References

1. Institute of Geographic Sciences and Natural Resources Research of the Chinese Academy of Sciences, State Key Laboratory of Resource and Environmental Information Systems. “Big data analysis of the 2019-nCov coronavirus epidemic and regional recommendations for prevention and control policies” // Think Tank’s Fight against COVID-19. 2020, no. 35 (2). S. 200–203, 201.
2. Committee on Hygiene and Health of Hubei Province // [Electronic resource]: http://wjw.hubei.gov.cn/bmdt/ztzl/fkxxgzbdgrfyyq/xxfb/
3. The daily newspaper of China. Visiting academician of the Chinese Academy of Design Li Lanjuan in Ningxia // [Electronic resource]: http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/80x78w/stories/WS5fb65bafa3101e7ce973093f.html (date of access: 19.11.2020)
4. Scientific and technical department of the Ministry of Industry and Informatization Notification of the publication of the list of artificial intelligence enterprises that demonstrate outstanding scientific and technical support in the fight against the coronavirus epidemic // [Electronic resource]: https://www.miit.gov.cn/ jgsj / kjs / gzdt / art / 2020 / art_4df2b6b5ecc64fbb807736192d27e687.html (date accessed: 19.06.2020)
5. The program “This is China”: China in the global fight against the epidemic // [Electronic resource]: http://m.kankanews.com/n/1_9194814.html (date of access: 03/23/2020)
6. The program “news” of the Chinese central television // [Electronic resource]: https://tv.cctv.com/2020/02/11/VIDEXgd3pKLb9Z-

24VDwt8cRn200211.shtml (date of access: 10.02.2020)
7. The program “news” of the Chinese central television // [Electronic resource]: https://tv.cctv.com/2020/02/11/VIDEXgd3pKLb9Z-24VDwt8cRn200211.shtml (date of access: 10.02.2020)
8. Xinhua News Agency. Who will protect the heroes? // [Electronic resource]: https://xhpfmapi.zhongguowangshi.com/vh512/share/8878278?isview=1 (date of access: 15.02.2020)
9. Xining Evening Newspaper. How many epidemiological rumors out of 2498 have you assured? April 10, 2020 // [Electronic resource]: http://www.xnwbw.com/page/1/2020–04/18/a08/20200418a08_pdf.pdf (access date: 10.04.2020)

Особенности самосохранительного поведения студентов технических специальностей в период самоизоляции (социальное исследование в условиях пандемии COVID-19)

Конобейская Анжела Владимировна,
аспирант кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета
E-mail: Kangel15@mail.ru

В статье приводятся статистические данные о негативных тенденциях в состоянии здоровья молодежи. Приводятся аргументы о необходимости укрепления здоровья и формирования здорового образа жизни студенческой молодежи, как важной группы, играющей особую роль в формировании трудового, репродуктивного и социального потенциала страны. Рассматриваются особенности самосохранительного поведения студентов архитектурно-строительных специальностей, находившихся в период пандемии на вынужденной самоизоляции и обучавшихся в дистанционном формате. В рамках статьи, на основе проведенного социологического исследования, делается сравнительный анализ самосохранительных установок студентов, определяется направленность их поведенческих актов по сохранению собственного здоровья. Выявляется характер основных аспектов проявления самосохранительного поведения студентов технических специальностей в период самоизоляции. По результатам исследования был сделан вывод о том, что на момент вынужденной самоизоляции наблюдалась рассогласованность внутри структуры самосохранительного поведения, выражавшаяся в противоречии между отношением и оценкой собственного здоровья и действиями по его поддержанию.

Ключевые слова: студенческая молодежь, здоровье, здоровый образ жизни, самоизоляция, самосохранительное поведение, мотивы.

Введение

Вопросы, связанные с обучением студентов инженерных направлений в образовательном пространстве вуза, в частности архитектурно-строительного профиля, в настоящее время вызывают определенный исследовательский интерес экспертного сообщества. Это обусловлено ростом объемов и темпов современного строительства, возможностью внедрения инновационных инженерных решений в данной области.

Между тем, имеются существенные проблемы в подготовке студентов данного направления. По имеющимся данным, это вызвано острой потребностью организаций, предприятий и учреждений в привлечении к работе молодых еще по возрасту, но уже достаточно подготовленных в профессиональном плане инженеров, квалифицированных и конкурентоспособных, готовых к креативному проектированию идей в рамках цифрового будущего и цифровой культуры. Все это говорит о важности и необходимости повышения эффективности образовательного процесса в профильных высших учебных заведения [14, с. 118; 15, с. 103; 20, с. 119].

Качество образования коррелирует с социально-бытовыми, материальными условиями, уровнем администрирования, технической оснащенностью образовательного пространства, психологическим комфортом в микро- и макросоциальной среде [20, с. 120] и другими переменными. При этом, одним из наиболее значимых факторов, детерминирующих успешность образовательного процесса, как утверждают специалисты, является уровень здоровья студентов [5, с. 111].

Федеральная служба государственной статистики констатирует, что за ко-

роткий период от 2002 по 2019 гг. доля населения в возрасте 10–19 лет сократилась с 23,2 млн до 14,9 млн в общей структуре населения, т.е. в 1,6 раза [4]. Отмечается неуклонный рост заболеваемости учащихся по всем классам болезней в период 2005–2018 гг. Так, если в 2005 г. среди подростков (15–17 лет) впервые установленные заболевания составили 111452,9 случаев (на 100 000 населения этого же возраста), то к 2018 году эта цифра достигла 136020,6 [7].

Образовательное пространство технического университета, в частности архитектурно-строительного направления, имеет существенные особенности, связанные с большой продолжительностью процесса обучения, высокой интенсивностью нагрузок. Важным компонентом учебной деятельности студентов архитектурных специальностей является необходимость длительного ежедневного пребывания в специализированных аудиториях вуза, оборудованных мультимедийным инвентарём, а также мольбертами, кульманами. Выполнение некоторых практических работ студентами-архитекторами и дизайнерами (чертеж, рисунок, скульптура, макет) длиться не один час, что выражается в длительном сохранении однообразной статической позы, усугубляющей проблему распространения нарушений осанки у студентов, и предполагает наличие гиподинамии. А мыслительные действия повышенной сложности и продолжительности, которые характеризуют форму интеллектуального труда с высоким психоэмоциональным напряжением, нередко приводят к возникновению стресса.

Количество времени в недельном цикле, которое студенты отводят на физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия, ниже всех критических пределов, определяющих нормальный, с позиций физиологических критериев, уровень жизнедеятельности. В выходные дни малоподвижный образ жизни доминирует приблизительно у 65% студентов. При этом ограниченность временного ресурса, обусловленная выбранной специальностью, зачастую не позволяет расширить диапазон стимулирования двигательной активности, снятия нервно-эмоционального напряжения в рамках дополнительного образования или досуговой деятельности [1, с. 144].

Авторами научных трудов отмечается прогрессивное ухудшение здоровья данной категории студентов, которое ослаблено под воздействием различных неблагоприятных факторов еще до поступления в высшие учебные заведения. Мероприятия по ранней довузовской профессионализации (художественная школа, лицей) также не предполагают создания условий для повышения двигательной активности, что отрицательно сказывается на уровне физической подготовленности и состоянии их здоровья [3, с. 59].

По разным источникам, от 45 до 60% всего студенческого контингента страдает различными хроническими заболеваниями, основные причины возникновения которых, по мнению ученых, обусловлены значительной интенсификацией учебного процесса. Попадая в образовательное пространство вуза, молодежь втягивается в массированный информационный поток. При этом нагрузки, предусмотренные современными учебными планами, часто оказываются запредельными, непомерными для молодого организма. По утверждению специалистов-медиков, это в свою очередь, нередко приводит к значительным перегрузкам центральной нервной системы, истощению адаптационных резервов различных систем организма, и как следствие, росту заболеваемости среди молодежи [19, с. 98; 20, с 121].

В структуре заболеваемости студентов архитектурных факультетов наиболее часто встречающиеся патологии – это заболевания кардиореспираторной (от 63,5% до 68,1%), пищеварительной (от 10% до 12,2%) и нервной систем (от 5,4% до 8,2%), опорно-двигательного аппарата: нарушения осанки, сколиозы, плоскостопия (от 12,8% до 21%), зрительного анализатора (от 13,3% до 24%). Необходи-

мо отметить, что в случаях заболеваний опорно-двигательного аппарата и зрительного анализатора наблюдается тенденция ежегодного увеличения. При этом достаточный для их конкурентоспособности и адаптированности к рынку труда уровень подготовки требует создания условий для интенсивной и напряженной творческой учебной деятельности без перегрузки и переутомления, что выдвигает определенные требования к состоянию здоровья студентов, не ограничивающему последующую профессиональную реализацию [3, с. 59; 15, с. 102].

По мнению многих отечественных специалистов, среди большого числа переменных, формирующих текущее физиологическое и психологическое состояние, а также уровень заболеваемости среди студентов, одной из наиболее значимых является поведение в отношении их образа жизни. По имеющимся данным социально-медицинских исследований, от 40% до 72% студентов имеют негативные поведенческие привычки [17, с. 218]. Именно поэтому сегодня одним из важных и продуктивных направлений сохранения и укрепления здоровья, профилактики различных заболеваний, является следование правилам и принципам здорового образа жизни, а также формирование позитивного типа самосохранительного поведения.

Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с переходом на самоизоляцию в период пандемии и обучения студентов дистанционно в электронной информационно-образовательной среде. COVID-19 внес коррективы в обыденное течение жизни и процесс обучения студенческой молодежи, обнажив новые, ранее не изученные угрозы и риски. Кардинальная смена привычных практик обучения и общения с преподавателями в традиционной форме, переход к новому формату цифровой жизнедеятельности явились стрессом для участников образовательного процесса. Специалистами отмечается, что живя в режиме «вынужденной изоляции» человек попадает в состояние неопределенности, которая является еще более стрессовой ситуацией, чем знание о реально ожидаемых негативных последствиях [17, с. 218]. Часто в ситуации неопределенности человек теряется: присвоенные паттерны поведения не работают, обычные логические схемы мышления рушатся, вариативность потенциальных решений пугает [8, с. 18; 10, с. 220]

Безусловно, очень важно понять, как человек в реальной, жизненной ситуации сможет противостоять кризисным воздействиям и достигнуть определенных результатов. То есть, в конкретном случае, как в условиях физического дистанцирования и социальной изоляции, требующих усилий в самоорганизации, а также необходимостью постоянного самоконтроля и самодисциплины в процессе обучения в период пандемии, студенческая молодежь, не владеющая в достаточной степени опытом преодоления сложных жизненных коллизий, сможет «выйти за пределы этой ситуации». Как сможет мобилизовать активность «многих динамических функциональных систем», от моторных действий до самых сложных – ценностей и смыслов, без ущерба для своего физического и психического здоровья [17, с. 218].

Цель

Проанализировать особенности самосохранительного поведения студентов инженерно-технических специальностей, обучающихся в Тихоокеанском государственном университете, в период вынужденной самоизоляции, связанной с пандемией COVID-19. Определить влияние самоизоляции на самооценку студентов-архитекторов и дизайнеров своего состояния здоровья и образ жизни.

Термин «самосохранительное поведение» впервые был введен в демографии в связи с осознанием того, что в современном мире значительную роль в детерминации заболеваемости, смертности и продолжительности жизни людей играет поведенческий фактор, а именно действия и отношение людей к собственному здоровью [13,

с. 263]. В научной литературе определение «самосохранительное (витальное, здоровьесохранительное) поведение», в классическом его понимании, определяется как «система действий, потребностей, установок и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида» [6, с. 15; 8, с. 73]. Наиболее значимыми из них, по утверждению специалистов, являются бережное отношение и внимание к собственному здоровью, создание условий для профилактики возможных отклонений в его состоянии, осознанное принятие человеком здорового образа жизни и успешная реализация различных его аспектов [18, с. 103].

В основе изучения самосохранительного поведения лежит исследование ценностно-мотивационных установок личности относительно своего здоровья. Осознанная потребность в здоровье, проявляясь в мотивах и установках, затем определяет целенаправленное поведение человека в отношении своего здоровья, а конкретнее – в его образе жизни: соблюдении санитарно-гигиенических норм и правил, отказе от вредных привычек, здоровом питании, соблюдении режима труда и отдыха, медицинской активности, занятиях физической культурой и спортом и т.п. Только при высокой ценности здоровья человек мотивирован на исключение из жизни факторы риска заболеваний на индивидуальном уровне [18, с. 101].

С целью выявления особенностей самосохранительного поведения студентов технических специальностей Тихоокеанского государственного университета, в июне 2020 года было проведено пилотное социологическое исследование посредством опросного метода в форме раздаточного анкетирования. Выборочная совокупность была представлена студентами 1–3 курсов факультетов «Архитектура и урбанистика» и «Дизайн архитектурной среды» ТОГУ, объем составил 108 человек.

В опросе приняли участие представители разных возрастных категорий: студенты, обучавшиеся на 1 курсе, составили 26,7% от общего числа опрошенных, на 2 курсе – 31,2%, 3 курсе – 22,5%, 4 и 5 курсах – 19,6%. По гендерному признаку распределение участников выглядело следующим образом: 32% мужчин и 68% женщин.

Изучение самосохранительного поведения приобретает полную информационную ценность в случае учета собственной активной позиции человека по отношению к здоровью. Для понимания того, как студенты относятся к здоровью как ценности «для себя», им было предложено ответить на вопрос «Какое место Вы отводите здоровью в Вашей жизни?».

Выяснилось, что треть респондентов согласилась с тем, что «здоровье является важной ценностью в жизни» (31,5%). Больше половины ответили, что «здоровье очень важно, но не всегда получается о нём заботиться» (58,4%), и лишь небольшая часть опрошенных (10,1%) считает, что «забота о здоровье важна наряду с учёбой, отдыхом». При этом анкетирование показало, что основная масса студентов (89,2%) осознают тот факт, что состояние их здоровья зависит, прежде всего, от них самих.

Немалый интерес в рамках данного исследования вызывает самооценка студентами своего состояния здоровья, являющаяся важным фактором мотивации самосохранительного поведения. Анализ субъективного самоощущения респондентами наличия или отсутствия отклонений в их состоянии здоровья на момент вынужденной самоизоляции, показал, что 52,2% опрошенных охарактеризовали свое здоровье как хорошее, 35,8% – как удовлетворительное, 12,0% – как слабое. При этом 67,1% студентов оценили свое здоровье только на основе собственных ощущений, 21,5% – по результатам самочувствия и медицинского обследования, и лишь 11,4% респондентов делегировали оценку своего здоровья медицинским работникам. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся проблемы со здоровьем, 66% опрошенных ответили, что заботятся о нем «когда есть время», «от случая к случаю», 13,6%

отметили, что «не считают нужным прилагать к этому усилия» и только 20,4% делают это систематически.

В целом, данные респондентами субъективные оценки состояния своего здоровья, носят положительный характер, что в принципе, характерно для молодого возраста.

При определении «медицинской активности» студентов-архитекторов и дизайнеров до самоизоляции, выяснилось, что 17,5% респондентов посещали медицинские учреждения самостоятельно (вне рамок обязательной диспансеризации в вузе) два раза в год и более, 38,4% опрошенных – не чаще одного раза в год. Проблемы со здоровьем предпочитали решать профилактически, используя такие меры, как периодические медицинские осмотры у специалистов, флюорографическая диагностика, вакцинация. Треть студентов (32,1%) – посещали реже одного раза в год, предпочитая «как можно меньше» обращаться за медицинской помощью, а 12,0% – обращались в медицинские учреждения лишь в случае серьезного заболевания.

Анализ частоты посещений студентами врача в период самоизоляции показал, что в случае недомогания, 60,1% из них предпочитали лечиться самостоятельно, принимая лекарства по рекомендации родных и друзей, провизора аптеки, получив информацию из интернета. Среди основных причин, по которым студенты не желали посещать медицинские учреждения, были названы тревожное настроение (32,4%) и страх (27,1%), вызванные в первую очередь опасностью заболевания коронавирусом. У 43,1% опрошенных это чувство возникало, когда они получали информацию о заболевших родственниках, близких или друзьях, слышали о ежедневных масштабных карантинных мерах (24,5%), количестве зараженных и погибших (20,8%).

Эти данные говорят о том, что в отношении здоровья, респонденты придерживались выжидательной тактики, не торопясь обращаться за помощью к медицинским работникам и специалистам данной области.

Основой самосохранительного поведения человека является положительная ориентация на здоровье, заключающаяся в адекватном представлении о ЗОЖ [18, с. 103], в связи с чем, в процессе исследования были изучены представления студентов, связанные с понятием «здоровый образ жизни» (допускался выбор свыше трех предложенных ответов). У большинства опрошенных имелись четкие представления о ЗОЖ и его компонентах: отсутствие вредных привычек (72,5%), двигательная активность (68%), здоровое питание (61,5%), рациональный режим труда и отдыха (54%). Доля таких факторов сохранения здоровья, как саморазвитие, самосовершенствование (40,5%), сексуальная культура поведения (26,3%), полноценная духовная жизнь (21%), культура межличностных отношений (12,2%) была значительно меньше.

Для ведения здорового образа жизни, по утверждению опрошенных, в первую очередь важны сила воли (68,4%) и желание самого человека (46,0%), то есть внутренние потребности и мотивы. Далее по значимости были отмечены свободное время (28,1%), понимание со стороны родных и близких (16,8%). Финансовые затраты (20,3%), как условие поддержания здорового образа жизни, по мнению опрошенных, играют в этом вопросе значимую, но далеко не главную роль.

Как видим, респонденты при описании понятия «ЗОЖ» в основном уделили внимание тем его составляющим, которые необходимы им в повседневной жизни. При этом навык самоорганизации быт признан наиболее значимым для ведения здорового образа жизни.

Данные статистики ежегодно проводимых медицинских осмотров студентов вузов указывают на то, что структура причин заболеваемости молодежи определяется их образом жизни и имеет поведенческую основу. Именно поэтому, оценить, в какой степени на момент вынужденной самоизоляции сту-

денты придерживались норм здорового образа жизни, помогли ответы на вопрос «Насколько Ваш образ жизни соответствовал основным принципам ЗОЖ?». Полученные результаты продемонстрировали соответствие образа жизни принципам ЗОЖ у 42,7% опрошенных, однако 37,2% указали, что их образ жизни не всегда соответствовал этим принципам, а 20% респондентов вообще не считали нужным вести здоровый образ жизни.

В качестве важного показателя, характеризующего самосохранительное поведение, выделяют информированность о ЗОЖ, имеющую значение в выработке системы убеждений, ценностных ориентаций и мировоззрения человека. Опрос показал, что большая часть студентов (48,3%) не владеет в полном объеме информацией по данному вопросу. Основными источниками получения информации относительно способов сохранения здоровья в период самоизоляции, выступили интернет, теле- и радиопередачи, консультации врачей и специалистов, разговоры с родственниками, друзьями.

Таким образом, можно сделать вывод о то, что у большинства студентов оказались слабыми представления о средствах и методах сохранения и укрепления своего здоровья в сложившейся ситуации.

Правильное питание также является важным индикатором самосохранительного поведения. Анализ пролонгированных установок студентов на здоровое питание показал, что большинству опрошенных (76,7%) известны его основные принципы. При этом исследования показали, что многие студенты (47,4%) были недостаточно осведомлены о рациональном наборе продуктов питания и их энергетической ценности, также оказались недостаточными представления о правильном режиме питания (23,8%), оптимальном качественном и количественном составе пищи (19,4%), 13,6% опрошенных затруднились дать ответ. Лишь 53,2% респондентов ответили, что соблюдали правильный режим питания в период самоизоляции. Остальные отметили, что у них «не всегда получалось питаться правильно».

На вопрос о том, чаще ли респонденты в режиме самоизоляции стали принимать пищу, утвердительно ответили 29,4%, отрицательно – 16,5%, при этом, 7,4% студентов даже отметили у себя потерю аппетита. Отметили, что чаще стали питаться «всухомятку» (25,2%) и есть фастфуд (13,7%), превалирующее же большинство (44,1%) не заметили изменений в своем режиме питания.

Двигательная активность выступает одним из значимых факторов и условий здорового образа жизни. Ее недостаток сказывается не только на физической и психической работоспособности, но и на снижении резервов здоровья. С этим согласились 84,2% респондентов, что свидетельствует о положительном образе регулярных занятий физическими упражнениями в студенческой среде.

Но, несмотря на декларацию опрошенных студентов о физических упражнениях, как важной составной части самосохранительного поведения, стоит отметить тот факт, что больше половины опрошенных студентов (62,5%) в период самоизоляции практически не занимались физкультурной деятельностью в свободное время. Систематически, не реже 2–3 раза в неделю, занимались только 11,2% респондентов, а 26,3% – игнорировали занятия спортом. Среди основных причин, мешавших заниматься физическими упражнениями регулярно, были отмечены отсутствие свободного времени (41,3%), собственная лень (24,1%), отсутствие интереса (12,6%), плохое самочувствие и слабое здоровье (10,2%) участников исследования.

Отказ от вредных привычек является одним из принципов ЗОЖ и показателем самосохранительного поведения [16, с. 88]. Ведь именно установки молодежи по отношению к вредным привычкам в дальнейшем являются индикатором соблюдения общественных норм и грамотности в данных вопросах.

На вопрос «Имеете ли Вы вредные привычки?» большая часть респондентов (71,6%) ответили отрицательно, что отражает достаточно высокую активность студентов в вопросах осознания роли отказа от вредных привычек и пагубности их влияния на здоровье человека. Оставшиеся 28,4% признали, что имеют зависимости разного рода, включая курение, употребление алкоголя, вредные пищевые привычки.

Еще одним важным параметром, позволяющим проанализировать особенности самосохранительного поведения молодежи в период самоизоляции, явилось выявление наиболее распространенных способов отдыха студентов. Анализ показал, что «отдых в кругу семьи» отметили 32,0% опрошенных, «ненормированный сон» – 24,6%, «отдых за компьютером» – 21,2%, «просмотр фильмов и телепередач» – 14,1%, «хобби» – 12%, «чтение книг» – 11,1%, «выполнение физических упражнений» – 10,0%.

Поддержка активного образа жизни на достаточно высоком уровне, по мнению большинства респондентов (72,5%), во многом обеспечивается за счет оптимального ритма жизни, правильной организации режима дня, баланса труда и отдыха человека. Данные опроса показали, что 52,8% участников опроса пытались регулярно соблюдать режим дня, но значительные учебные нагрузки (65,1%) и домашние дела (24,8%) зачастую не позволяли 47,2% респондентов организовать свой временной режим.

Выводы

Таким образом, в процессе данного исследования была предпринята попытка анализа особенностей самосохранительного поведения студентов инженерно-технических специальностей. Согласно полученным данным, абсолютное большинство участников опроса продемонстрировали позитивную ориентацию на здоровье и здоровый образ жизни, а также достаточно высокую степень осведомленности о его составляющих.

Однако результаты нашего исследования отчетливо показали, что на момент вынужденной самоизоляции существовал дисбаланс между самосохранительными установками и поведенческими актами студентов. Было выявлено противоречие между оценкой собственного состояния здоровья, осознанием важности здоровья как одной из основных жизненных ценностей и фактическими действиями по его сохранению и поддержанию. Подтверждая значимость здоровья и ориентацию на ЗОЖ, большинство опрошенных отметили, что заботились о своем здоровье не систематически, «от случая к случаю», а здоровье свое воспринимали лишь на уровне отсутствия заболеваний и физического благополучия.

Это нашло подтверждение и в повседневных действиях студентов в период пандемии. Так, отдавая предпочтение активным формам сохранения здоровья, таким как физические нагрузки, физкультурно-спортивная деятельность, закаливание, треть студентов интереса к ним совсем не проявляли. Лишь немногие занималась физическими упражнениями регулярно. Кроме того, при ответе на вопросы о питании, почти половина респондентов отметили – «не всегда получалось питаться правильно и своевременно», что говорит о небрежном отношении к этому фактору ЗОЖ. Многие студенты согласились с тем, что необходимо отказаться от вредных привычек, но при этом, около трети из них допускают саму возможность курения, а также употребления алкоголя. Ответы на вопрос о «медицинской активности» продемонстрировали, что, несмотря на понимание важности своевременных обращений к специалистам-медикам, в случае недомогания, многие предпочитали лечиться самостоятельно.

Также, была выявлена недооценка студентами роли полноценного отдыха, способствующего восстановлению сил и здоровья. Результаты опроса показали, что зачастую, у респондентов не получалось организовать свой временной режим, а также планировать соотноше-

ние труда и отдыха. Досуг организовывался исходя из приоритетности пассивного отдыха.

В соответствии с вышеизложенными тенденциями, можно сделать вывод о том, что поведенческие установки студентов технических специальностей, а также их действия, выраженные в нарушении форм самосохранительного поведения, свидетельствуют о низкой социальной ответственности учащихся за своё здоровье.

Безусловно, необходимо менять поведение молодежи в отношении своего здоровья. Ключевыми для изменения ситуации, по нашему мнению, должны выступать меры, направленные на обучение учащихся способам самоорганизации, самоконтроля, которые помогут студентам преодолевать риски саморазрушительного поведения, и непрогнозируемые жизненные ситуации. Целесообразным является формирование таких поведенческих стратегий, которые позволят молодежи осознать необходимость поддержания здорового образа жизни, а также конкретизировать структуру их жизненных запросов и ожиданий.

Социально одобряемым должно стать ответственное отношение молодого человека к своему здоровью как одной из социально значимых характеристик индивида, которое способно сыграть важную роль в формировании трудового, репродуктивного и социального потенциала страны, стать важным компонентом общей и профессиональной культуры будущего специалиста. Мотивация самосохранительного поведения как социального феномена, являясь результатом воспитания и самовоспитания, должна способствовать ориентации молодого человека на изменение самого себя и своего отношения к здоровью, ориентации на жизненный стиль, соответствующий современным нормам здоровья [18, с. 105].

Предполагается дальнейшее всестороннее изучение особенностей самосохранительного поведения учащейся молодежи, а также поведенческих рисков, обусловливающих состояние здоровья студентов архитектурно-строительных специальностей в условиях обучения в дистанционном формате, с целью выявления его стратегий и возможностей управления ими. Исследование может проводиться, в том числе и через качественные методы сбора данных для того, чтобы уточнить нюансы восприятия перехода на данную форму организации обучения по определенным дисциплинам и решения в дальнейшем различного рода трудностей.

Литература

1. Благих А.А. Профессиональные заболевания студентов художников и архитекторов // NOVAINFO.RU. Т. 1. № 86. 2018. С. 143–148 https://novainfo.ru/request/
2. Гареева И. А., Соболевская Т.В. Роль социальных барьеров в формировании стратегий поведения в отношении здоровья у студентов // Материалы секционных заседаний 56-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. – С. 127–130.
3. Гришина Т.В. Особенности профессиональной подготовки будущих архитекторов в архитектурно-строительном вузе / Т.В. Гришина // Казанский педагогический журнал. 2019. – № 6. – С. 58–61.
4. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб. / Росстат. – М., 2019. 252 с.
5. Донченко В.И. Структурная модель обучения студентов-медиков здоровьесберегающим технологиям // Концепт. 2015. № 10. С. 111–115.
6. Журавлева И.В. Здоровье подростка: социологический анализ / И.В. Журавлева. – М.: Издательство института социологии РАН, 2002. – 240 с.
7. Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 170 с.
8. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.
9. Калачикова О. Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохра-

нительного поведения населения // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 5 (61). С. 72–82.
10. Ковпак Д.В. Кризис и пандемия – опасности и возможности // Психологическая газета. [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/8211/ (дата обращения: 04.05.2020).
11. Корчевский А. М., Токарь Е.В. Электронное обучение студентов вуза дисциплинам по физической культуре и спорту // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 4 (182). С. 220–224.
12. Миронова Ю.Г. Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samosohranitelnogo-povedeniya-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 25.03.2021).
13. Ображей О. Н., Подвальская В.С. Актуальность изучения самосохранительного поведения населения // Социологический альманах. 2010. – № 1. – С. 262–269
14. Петрунева Р. М., Топоркова О.В., Васильева В.Д. Актуальные направления инженерной деятельности и проблемы подготовки студентов технических вузов // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Том: 20. № 2 (155). С. 118–126.
15. Покусаева Н.В. Анализ социально-личностных компетенций студентов архитектурных специальностей // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 28 февр. 2020 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 102–104.
16. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Решетников В.А., Литвинова Т.М. Восприятие ценности здоровья и здорового образа жизни профессорско-преподавательским составом медицинских вузов. Социология медицины. 2017; 16(2): 82–90.
17. Сидячева Н. В., Зотова Л.Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 5 – С. 218–225.
18. Страхова И.Б. Самосохранительное поведение студенческой молодежи // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2017. XIII Междунар. науч. конгр., 17–21 апреля 2017 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Геопространство в социогуманитарном дискурсе»: сб. материалов в 2 т. Т. 2 – Новосибирск: СГУГиТ, 2017. – С. 100–105
19. Федорищева Е.К. Комплексная оценка здоровьесберегающего поведения студентов медицинских специальностей и направления его оптимизации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 97–116.
20. Федорищева Е. К., Гареева И.А., Косилов К.В. Поведенческие стратегии в отношении здоровья у студентов медицинских направлений (социологический анализ) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 118–137.

FEATURES OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALTIES DURING THE PERIOD OF SELF-ISOLATION (SOCIAL RESEARCH IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC)

Konobeyskaya A.V.
Pacific state University

The article presents statistical data on negative trends in the health of young people. Arguments are given about the need to strengthen the health and formation of a healthy lifestyle of student youth, as an important group that plays a special role in the formation of the labor, reproductive and social potential of the country. The article deals with the peculiarities of self-preservation behavior of students of architectural and construction specialties who were forced to self-isolate during the pandemic and

studied in a remote format. Within the framework of the article, on the basis of the conducted sociological research, a comparative analysis of students ' self-preservation attitudes is made, the orientation of their behavioral acts to preserve their own health is determined. The nature of the main aspects of the self-preservation behavior of students of technical specialties during the period of self-isolation is revealed. According to the results of the study, it was concluded that at the time of forced self-isolation, there was a mismatch within the structure of self-preservation behavior, which was expressed in a contradiction between the attitude and assessment of one's own health and actions to maintain it.

Keywords: student youth, health, healthy lifestyle, self-isolation, self-preservation behavior, motives.

References

1. Blagikh A.A. Professional diseases of students of artists and architects. NOVAINFO.RU. Vol. 1. No. 86. 2018. pp. 143–148 https://novainfo.ru/request/
2. Gareeva I. A., Sobolevskaya T.V. The role of social barriers in the formation of strategies of behavior in relation to health among students // Materials of sectional sessions of the 56th student scientific-practical conference PNU: in 2 volumes. V. 2. Khabarovsk: PNU Publishing House, 2016, pp. 127–130.
3. Grishina T.V. Features of professional training of future architects in the architectural and construction university / T.V. Grishina / / Kazan Pedagogical Journal. 2019. – No. 6. – pp. 58–61.
4. Demographic Yearbook of Russia. 2019: Stat. sat. / Rosstat. – M., 2019. 252 p.
5. Danchenko V.I. Structural model of teaching medical students to health-saving technologies / / Concept. 2015. No. 10. pp. 111–115.
6. Zhuravleva I.V. Health of a teenager: a sociological analysis / I.V. Zhuravleva. – M.: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2002. – 240 p.
7. Healthcare in Russia. 2019: Stat. sat. / Rosstat. – M., 2019. 170 p.
8. Zinchenko V.P. Tolerance to uncertainty: news or psychological tradition? // Questions of psychology. 2007. No. 6. S. 3–20.
9. Kalachikova O. N., Korchagina P.S. The main trends of self-preservation behavior of the population // Problems of territory development. 2012. Issue 5 (61). pp. 72–82.
10. Kovpak D.V. Krizis i pandemiya – perils i vozmozhnosti [Crisis and pandemic-dangers and opportunities]. [Electronic resource]. URL: https://psy.su/feed/8211/ (date of access: 04.05.2020).
11. Korchevsky A.M., Tokar E.V. E-learning of university students in disciplines of physical culture and sport / / Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. – 2020. – № 4 (182). Pp. 220–224.
12. Mironova Yu.G. Features of self-preservation behavior of modern student youth // Theory and practice of social development. 2016. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samosohranitelnogo-povedeniya-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi (accessed 25.03.2021).
13. Obrazhey O. N., Podvalskaya V.S. Relevance of the study of self-preservation behavior of the population // Sociological almanac. 2010. – No. 1. – pp. 262–269
14. Petruneva R. M., Toporkova O.V., Vasilyeva V.D. Actual directions of engineering activity and problems of training students of technical universities / / Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2015. Tom: 20. No. 2 (155). pp. 118–126.
15. Pokusaeva N.V. Analysis of social and personal competencies of students of architectural specialties // Pedagogy, psychology, society: actual issues: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Cheboksary, February 28, 2020) / Editorial board: Zh.V. Murzina [et al.] – Cheboksary: Ed. "Wednesday", 2020. – pp. 102–104.
16. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Reshetnikov V.A., Litvinova T.M. Perception of the value of health and a healthy lifestyle by the teaching staff of medical universities. Sociology of medicine. 2017; 16(2): 82–90.
17. Sigacheva N. V., Zotova L.E. Situation of forced isolation during a pandemic: psychological and academic aspects // Modern high technologies. – 2020. – No. 5-pp. 218–225.
18. Strakhova I.B. Self-preserving behavior of student youth // Interexpo GEO-Siberia-2017. XIII International Scientific Congress, April 17–21, 2017, Novosibirsk: International Scientific Conference "Geospatial space in sociogu-manitarian discourse": collection of materials in 2 vols.t. 2-Novosibirsk: SGUGiT, 2017. – pp. 100–105.
19. Fedorishcheva E.K. Complex assessment of health-saving behavior of students of

medical specialties and directions of its optimization / / Power and Management in the East of Russia. 2019. No. 3 (88). pp. 97–116.
20. Fedorishcheva E. K., Gareeva I.A., Kosilov K.V. Behavioral strategies in relation to health among students of medical directions (sociological analysis) / / Power and management in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). pp. 118–137

Исследование электоральных предпочтений дагестанской молодежи с учетом ее материального и социального положения в обществе

Нагиева Мадина Курбанисмаиловна,
кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН
E-mail: nagieva-73@mail.ru

Салихова Лейла Багаутдиновна,
кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН
E-mail: leila.salihova@yandex.ru

Басирова Карина Касумовна,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН
E-mail: karina_basirova@mail.ru

Важнейшими функциями, которые выполняют выборы в политической системе общества, являются: представительство различных общественных интересов; формирование представительных органов власти; легитимация политической власти в целом; диагностика социально-политической ситуации. В статье предпринимается попытка изучения электоральных предпочтений в период нового электорального цикла отдельной социальной категории – дагестанской студенческой молодежи посредствам массового социологического опроса, который был проведен авторами в составе коллектива в конце 2020 г. и охватил 800 человек, на поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов. Представленные в статье вопросы будут рассмотрены через материальный признак. Стоить отметить, что теме представленного исследования практически нет исследований в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан, молодёжь, выборы, электоральные предпочтения, материальное положение.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31816 опн «Электоральные установки в массовом сознании дагестанской молодёжи на ближайшую и среднесрочную перспективу».

Важнейшими функциями, которые выполняют выборы в политической системе общества, являются: представительство различных общественных интересов; формирование представительных органов власти; легитимация политической власти в целом; диагностика социально-политической ситуации. В статье предпринимается попытка изучения электоральных предпочтений в период нового электорального цикла отдельной социальной категории – дагестанской студенческой молодежи посредствам массового социологического опроса, который был проведен авторами в составе коллектива в конце 2020 г. и охватил 800 человек, на поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов. Представленные в статье вопросы будут рассмотрены через материальный признак. Стоить отметить, что теме представленного исследования практически нет исследований в республиках Северного Кавказа.

Молодое поколение является важной составляющей социальной базы политических преобразований в любом социуме. Молодежь несет в себе мощный инновационный потенциал, являющийся источником нынешних и будущих изменений в общественной жизни [2]. Поэтому исследование электорального поведения молодых россиян и их политических предпочтений приобретает особый интерес [3, с. 139]. Молодежь, с одной стороны, выступает как движущая сила всех социальных преобразований, а с другой стороны, представляет собой группу риска в контексте вовлечения в асоциальные акции и движения.

При изучении электоральных ориентаций общества важным является определение идеологической структуры населения. Таким образом, дагестанской

молодежи в представленном исследовании был задан вопрос **«Какие политические взгляды вам близки?»** (см. табл. № 1).

Таблица 1

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? / Какие политические взгляды вам близки?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Социалистические – принципы социальной справедливости, свободы и равенства. Против рыночной экономики и частной собственности	24%	60%	16%	**15,2%**
Коммунистические – бесклассовый общественный строй с общей собственностью, полным социальным равенством всех людей. Против рыночной экономики и частной собственности	12,5%	65,6%	21,9%	**9,8%**
Социал-демократические – социальная справедливость, солидарность и большая свобода для людей. Создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех членов этого общества	19,3%	57,9%	22,8%	**52,1%**
Теократические – власть в государстве находится в руках религиозных деятелей	11,8%	50%	38,2%	**10,4%**
Правые – принцип капитализма с идеологией господства богатых над бедными	37,5%	25%	37,5%	**2,4%**
Либеральные – ограниченное вмешательство государства в отношения между людьми, неприкосновенность прав и индивидуальных свобод человека	21,2%	63,5%	15,4%	**15,9%**
Консерватизм – сохранение существующего государственного и общественного порядка, отказ от реформ	50%	50%	0	**1,2%**
Национализм – верность и преданность своей нации, независимость, работа на благо собственного народа. Нация является главной ценностью государства и залогом единства	29,2%	50%	20,8%	**7,3%**
Клерикализм – усиление власти и значения религии во всех сферах общества	0	60%	40%	**3%**
Центризм – серединные, компромиссные, нейтральные политические взгляды	15,8%	52,6%	31,6%	**5,8%**
Умеренные взгляды – политическое мнение, но неучастие в демонстрациях, митингах и т.д.	26,1%	60,9%	13%	**7%**
Индифферентность – равнодушие или безразличие к политике	25%	45%	30%	**6,1%**
Итого:	**19,5%**	**55,2%**	**25,3%**	**100%**

Полученные результаты показывают, что дагестанская молодежь ориентирована на социальные установки в обществе, которые выражаются в поддержки социал-демократических, социалистических, коммунистических политических взглядов. У молодежи доминируют позиции социальной справедливости, свободы и равенства, равные политические, экономические и правовые возможности. Также у молодежи присутствуют либеральные и теократические установки. Остальные политические взгляды мало или практически не востребованы в массовом сознании дагестанской молодежи.

Если рассматривать данный вопрос по материальному, то можно увидеть, что в подгруппе, чье материальное положение за последнее время улучшилось выражены консервативные и правые позиции; чье положение осталось неизменным коммунистические, либеральные; чье положение ухудшилось клерикальные, теократические, правые.

В дагестанском обществе в целом и у молодежной социальной группы в частности на первом месте социал-демократические, социалистические, коммунистические политические установки, т.е. установки на социальное общественное устройство, также как и в более ранний период [1, с. 13].

Помимо определения идеологических установок у дагестанской молодежи, необходимо было изучить политический поведенческий уровень молодежи. Перед респондентами был поставлен вопрос **«Интересуетесь ли вы политикой?»** (см. табл. № 2).

Таблица 2

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? / Интересуетесь ли вы политикой?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Да, постоянно интересуюсь общероссийскими политическими событиями	21,5%	49,4%	29,1%	**24,1%**
Да, постоянно интересуюсь дагестанскими политическими событиями	26,3%	31,6%	42,1%	**5,8%**
Время от времени интересуюсь общероссийскими политическими событиями	20,4%	56,9%	22,8%	**50,9%**
Время от времени интересуюсь дагестанскими политическими событиями	15,6%	66,7%	17,8%	**13,7%**
Нет, т.к. все однотипно, нет ничего интересного и прогрессивного	14%	67,4%	18,6%	**13,1%**
Нет, т.к. в политической жизни России и Дагестана много обмана, ничего не делается во благо народа	5,1%	64,1%	30,8%	**11,9%**

Постоянно интересуются общероссийскими политическими событиями 24,1%, постоянно интересуются дагестанскими политическими событиями 5,8%, время от времени интересуются общероссийскими политическими событиями 50,9%, время от времени интересуются дагестанскими политическими событиями 13,7%, не проявляют интереса, т.к. все однотипно, нет ничего интересного и прогрессивного 13,1%, не проявляют интерес по причине того, что в политической жизни России и Дагестана много обмана, ничего не делается во благо народа 11,9%. В целом можно сказать, что дагестанская молодежь больше всего проявляет интерес к общероссийским политическим новостям, чем к дагестанским политическим событиям. Интенсивность данных интересов в основном носят периодичный характер, а не постоянный. При этом четверть молодежи не проявляют интереса к политической жизни страны и республики, т.к. по мнению молодежи в политической сфере обман, мало делается для общества, однотипность и нет прогрессивного развития.

Если рассматривать данный вопрос по подгруппам, то можно увидеть, что у тех, чье материальное положение улучшилось постоянно интересуются дагестанскими и общероссийскими политическими событиями; у тех чье материальное положение осталось неизменным не интересуются политикой или время от времени, т.к. нет ничего интересного, прогрессивного и обман; у тех, чье материальное положение ухудшилось постоянно интересуются дагестанскими политическими событиями.

Для выявления интереса, желания у молодежи к проявлению политической активности со стороны политических сил был задан вопрос **«Вы бы хотели, чтоб с вами встречались депутаты, политические деятели, проводили агитацию?»** (см. табл. № 3).

Таблица 3

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? / Вы бы хотели, чтоб с вами встречались депутаты, политические деятели, проводили агитацию?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Да, это их обязанность	16%	28%	56%	**7,6%**
Да, можно будет узнать об их политической программе и определиться со своим выбором	20,8%	53,8%	25,5%	**32,3%**
Да, чтоб знать их лично, задавать вопросы, обращаться с просьбами	21,6%	58,8%	19,6%	**15,5%**
Да, интересоваться об их проделанной работе, исполнении обещаний	23,8%	57,1%	19%	**19,2%**
Нет, все равно они ничего не будут делать для народа	14,5%	60%	25,5%	**16,8%**
Нет, мне такие встречи неинтересны	18,2%	59,1%	22,7%	**20,1%**

Проявляют желание по причине, что это их обязанность 7,6%, что можно будет узнать об их политической программе и определиться со своим выбором 32,3%, чтоб знать их лично, задавать вопросы, обращаться с просьбами 15,5%, чтоб интересоваться об их проделанной работе, исполнении обещаний 19,2%. Не проявляют желания по причине того, что все равно они ничего не будут делать для народа 16,8% и потому что такие встречи неинтересны 20,1%. По сумме положительных и отрицательных ответов, доминируют положительные ответы (74,6%), среди которых доминирует желание узнать политическую программу политических сил, чтоб можно было сделать трезвый выбор. Данное доминирование говорит о высоком проявлении политической культуры у молодежи. Помимо этого треть молодежи не проявляют интереса к политической активности со стороны политических деятелей, по причине индифферентности и неверия в то, что это что-то изменит, как и прежде ничего не будет делаться для общества.

Если рассматривать данный вопрос по материальному признаку, то можно увидеть, что чье материальное положение за последнее время улучшилось, в целом проявляют активное желание, в первую очередь, чтоб интересоваться их проделанной работой. Если рассматривать подгруппу, чье материальное положение осталось неизменным, то можно сказать, что в какой-то мере позиции в подгруппе разделились между «да» и «нет». В данной подгруппе наиболее ярко выражена отрицательная позиция, т.к. все равно ничего не будет делаться во благо народа, далее следует отрицательная позиция по причине отсутствия интереса. Но между тем, в данной подгруппе ярко выражены и положительные варианты ответов, в первую очередь, чтоб знать лично народных избранников, задавать вопросы, обращаться с просьбами. А по совокупности отрицательных и положительных ответов, доминируют последние. Если рассматривать подгруппу, чье материальное положение ухудшилось, то у них явно доминирует положительный ответ, т.к. это их обязанность.

Следующий вопрос был направлен на выявления установок на политическую активность молодежи – **«Вы бы хотели пойти во власть?»** (см. табл. № 4).

Ответы распределились следующим образом: 1.Да, это верный способ обеспечить себе достойную жизнь 8,2%. 2.Да, чтоб работать во благо общества 40,2%. 3.Нет, мне это не интересно, хочу заниматься делом по душе 45,1%. 4.Нет, это недостойная работа 8,5%. Если сравнивать положительные и отрицательные ответы, то с небольшим перевесом лидируют отрицательные ответы. Среди отрицательных от-

ветов доминирует индифферентная позиция, которая среди всех вариантов ответов данного вопроса также занимает первое место, и небольшая часть молодежи оценивает работу во власти, как недостойную. Среди положительных ответов доминирует желание работать во благо общества, находясь у власти, небольшая часть молодежи видит нахождение во власти материальную составляющую. Данный вопрос отражает слабый уровень установок на политическую активность, в большей степени установки заниматься своим интересным делом. Это в свою очередь также положительно характеризует политическую культуру молодежи, т.к. нет массовых коростных установок идти во власть и заниматься нелюбимым делом, учитывая сложную социально-экономическую ситуацию в стране и республике в последнее время.

Таблица 4

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? / Вы бы хотели пойти во власть	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Да, это верный способ обеспечить себе достойную жизнь	14,8%	74,1%	11,1%	**8,2%**
Да, чтоб работать во благо общества	22,7%	47%	30,3%	**40,2%**
Нет, мне это не интересно, хочу заниматься делом по душе	18,2%	60,1%	21,6%	**45,1%**
Нет, это недостойная работа	14,3%	50%	35,7%	**8,5%**

Рассматривая данный вопрос по подгруппе, чье материальное положение улучшилось, можно увидеть, что данная категория лиц согласна идти во власть, чтоб работать во благо общества. Как и в предыдущем вопросе в подгруппе, чье материальное положение осталось неизменным позиции разделились между «да» и «нет». Доминирует положительный вариант ответа, т.к. это верный способ обеспечить себе достойную жизнь. Но ярко выражен и отрицательный ответ, т.к. мне это не интересно, хочу заниматься делом по душе. Но по совокупности превалируют положительные ответы. Подгруппа, чья материальное положение ухудшилось, в целом придерживаются отрицательной позиции, в первую очередь по причине того, что это недостойная работа. Но стоить отметить, что выражен и положительный ответ, с целью работать во благо общества.

В контексте изучения устойчивости электоральных предпочтений факторов влияющих на изменение политических ориентаций, молодежи был задан вопрос **«Можете ли вы поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика?»** (см. табл. № 5).

Не готовы поменять, т.к. верны своим политическим взглядам, несмотря ни на что 16,2%. В первую очередь молодежь готова поменять свои политические предпочтения, если понравятся идеи и деятельность другой партии или политика – 40,5%, далее если молодежь не будет удовлетворять их политическая деятельность внутри страны – 23,5%, если не будет согласна с их международным (4,9%) и экономическим (4,6%) курсом. С трудом поменяют своим политические предпочтения, если очень сильно разочаруются 9,8%. Затруднились дать ответ 0,6%. В данном вопросе молодежь проявляет гибкость электоральных предпочтений и политическую сознательность. Она не фанатична и не готова слепо поддерживать те или иные политические силы, молодежь спокойно может поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика, если их деятельность не будет отвечать запросам общества.

Таблица 5

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? / Можете ли вы поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Нет, я всегда верен своим политическим взглядам, несмотря ни на что	28,3%	49,1%	22,6%	**16,2%**
Да, если мне понравятся идеи и деятельность другой партии или политика	18,8%	56,4%	24,8%	**40,5%**
Да, если я не согласен с их политической деятельностью внутри страны	14,3%	63,6%	22,1%	**23,5%**
Да, если я не согласен с их экономическим курсом	20%	40%	40%	**4,6%**
Да, если я не согласен с их международным курсом	25%	37,5%	37,5%	**4,9%**
С трудом, если очень сильно разочаруюсь	18,8%	56,3%	25%	**9,8%**
Затрудняюсь ответить	0	50%	50%	**0,6%**

Рассматривая результаты по подгруппам данному вопросу, в подгруппе чье материальное положение улучшилось выражен отрицательный вариант ответа с верностью своим политическим взглядам, несмотря ни на что. Но по совокупности положительных и отрицательных ответов превалируют положительные ответы, среди которых выражена причина несогласия с международным курсом. У тех чье материальное положение за последнее время осталось неизменным выражена положительная позиция, наиболее явной из которых является несогласие с политической деятельностью внутри страны. При этом выражен отрицательный ответ и с трудом. У подгруппы чье материальное положение ухудшилось выражены положительные ответы, в первую очередь из-за несогласия с экономическим курсом.

Подводя итоги, можно сказать, что дагестанская молодежь ориентирована на социальные установки в обществе, которые выражаются в поддержки социал-демократических, социалистических, коммунистических политических взглядов. У молодежи доминируют позиции социальной справедливости, свободы и равенства, равные политические, экономические и правовые возможности. Также у молодежи присутствуют либеральные и теократические установки.

У молодежи проявляется слабый уровень установок на политическую информированность и активность, в большей степени установки заниматься своим интересным делом. Но при этом проявляют интерес к политической активности, работе с населением со стороны различных политических сил, в первую очередь, чтоб узнать их политическую программу и определиться со своим выбором. Также дагестанская молодежь может поменять свои политические взгляды, в первую очередь, если им понравятся идеи и деятельность другой партии или политика.

Если рассматривать подгруппу молодежи чье материальное положение за последнее время улучшилось, то у нее выражены консервативные и правые позиции; она интересуются дагестанскими и общероссийскими политическими событиями; проявляют активное желание, чтоб с ней встречались депутаты, политические деятели, проводили агитацию, в первую очередь, чтоб интересоваться их проделанной работой; она согласна идти во власть, чтоб работать во благо общества; она верна своим политическим взглядам и их не поменяет, но по совокупности положительных и отрицатель-

ных ответов превалируют положительные ответы, среди которых выражена причина несогласия с международным курсом.

Если рассматривать подгруппу молодежи чье материальное положение за последнее время осталось неизменным, то она придерживается коммунистических и либеральных взглядов; она не интересуются политикой или время от времени, т.к. нет ничего интересного, прогрессивного и обман; в данной подгруппе наиболее ярко выражена отрицательная позиция по поводу, того чтоб с ними встречались депутаты, политические деятели, проводили агитацию, т.к. все равно ничего не будет делаться во благо народа. Между тем, ярко выражены и положительные варианты ответов, в первую очередь, чтоб знать лично народных избранников, задавать вопросы, обращаться с просьбами. А по совокупности отрицательных и положительных ответов, доминируют положительные; в вопросе идти во власть в данной подгруппе доминирует положительный вариант ответа, т.к. это верный способ обеспечить себе достойную жизнь. Но ярко выражен и отрицательный ответ, т.к. мне это не интересно, хочу заниматься делом по душе. Но по совокупности превалируют положительные ответы; в вопросе об изменении своих политических взглядов выражена положительная позиция, наиболее явной из которых является несогласие с политической деятельностью внутри страны. При этом выражен отрицательный ответ и с трудом.

Если рассматривать подгруппу молодежи чье материальное положение за последнее время ухудшилось, то она придерживается клерикальных, теократических и правых взглядов; она постоянно интересуются дагестанскими политическими событиями; положительно относятся к встречам с депутатами, политическими деятелями, чтоб они проводили агитацию, т.к. это их обязанность; придерживается отрицательной позиции в вопросе идти во власть, в первую очередь по причине того, что это недостойная работа. Но стоить отметить, что выражен и положительный ответ, с целью работать во благо общества; выражены положительные ответы в вопросе изменчивости политических взглядов, в первую очередь из-за несогласия с экономическим курсом.

Литература

1. Мамараев Р.М. Электоральные предпочтения жителей Республики Дагестан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России в 2018 года // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № . 2. С. 51.
3. Устинкина К.Г. Электоральное поведение российской молодёжи // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1.

STUDY OF THE ELECTORAL PREFERENCES OF DAGESTAN YOUTH, TAKING INTO ACCOUNT THEIR MATERIAL AND SOCIAL STATUS IN SOCIETY

Nagieva M.K., Salikhova L.B., Basirova K.K.
Daghestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The most important functions that elections perform in the political system of society are: representation of various public interests; formation of representative bodies of power; legitimation of political power in general; diagnostics of the socio-political situation. The article makes an attempt to study electoral preferences during the period of a new electoral cycle of a separate social category – Dagestan student youth through a mass sociological survey, which was conducted by the authors as part of a team at the end of 2020 and covered 800 people, for the questions posed in the questionnaire it was allowed to mark several options answers. The questions presented in the article will be considered through the material attribute. It is worth noting that the topic of the presented study is practically devoid of research in the republics of the North Caucasus.

Keywords: Dagestan, youth, elections, electoral preferences, financial situation.

References

1. Mamaraev R.M. Electoral preferences of the people of Th e Republic of Dagestan. In: Bulletin ofMoscow Region State University (e-journal), 2017, no. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Pyrma R.V. Electoral participation of young people in the presidential elections of Russia in 2018 // Bulletin of the Financial University. Humanities. 2019. № . 2.
3. Ustinkina K.G. Electoral behavior of Russian youth // Problemnyanalizigosudarstvennomanagementcheskoeproektirovanie. 2014. Vol. 7. No. 1.

Проблема сакрализации власти в «Основах социальной концепции РПЦ»

Полякова Наталья Валерьевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: belnata70@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы сакрализации власти в контексте официального документа Русской Православной Церкви (РПЦ) – «Основы социальной политики Русской Православной Церкви». Посредством обращения к вопросам десекуляризации политики и политизации религии в современной России, выделяются теоретико-методологические и исторические предпосылки создания этого документа. Автор подробно останавливается непосредственно на тексте данного документа, интерпретируя сквозь призму проблематики сакрализации власти структурные разделы, посвященные вопросу государственно-конфессиональных отношений. Делается вывод о том, что в рамках социальной концепции РПЦ вопрос о взаимодействия церкви и государства получил достаточно оригинальную интерпретацию, основанную на эклектичном смешении различных идей, принципов и нормативных идеалов, в рамках которой выстраивается современная модель опосредованной сакрализации власти.

Ключевые слова: сакрализация, власть, религия, государственно-церковные отношения, социальная концепция, Русская Православная Церковь (РПЦ).

Введение

На современном этапе проблема сакрализации власти является областью междисциплинарных исследований, где пересекаются научные интересы представителей многих направлений социогуманитарного знания: политических антропологов, политологов, социологов, религиоведов, философов, историков и др. Ключевыми в рамках этой проблематики выступают «вопросы соотношения сакрализации и обожествления власти, сакральных и профанных функций правителей, механизмов передачи сакральности в связи с передачей и легитимизацией власти, места институтов власти и ее носителей в картине мира, символической репрезентации сакральности власти» [2, с. 3]. Под сакрализацией (от лат. sacro – освящать, объявлять священным) власти ученые-обществоведы понимают приобретение властью или ее носителями священного, часто связанного с религиозным культом, статуса, т.е. ее легитимацию власти посредством обращения к сверхъестественному. Как отмечают в своей монографии российские исследователи данного феномена, «в представлении подданных правитель, в сущности, остается человеком (или, по крайней мере, прежде всего человеком в рамках общей дихотомии «человек – божество»), но считается обладателем особенно значительных, и притом сближающих или тесно связывающих его с божествами возможностей для обеспечения всеобщего благополучия» [2, с. 6–7].

Легитимация власти посредством сакрализации, как самой власти в целом, так и ей носителей, представляет собой не некий анахронизм, характерный только для архаических или традиционных культур, но политическую стратегию, которая оказывается вполне работоспособной и в современных условиях. В мире современной полити-

ки опора на рациональные демократические институты и процедуры вовсе не отменяет использования сакральных инструментов легитимации власти, так как иррациональные компоненты по-прежнему занимают значимое место в этих процессах: «Демократизация вывела современные социально-политические системы на качественно новый уровень развития, но при этом, как историческое подкрепление новаций, востребованными оказались многие традиционалистские механизмы и принципы легитимации политической власти. Одним из них является сегодня механизм сакрализации политической власти» [4, с. 3]. Более того, как отмечают современные исследователи, «легитимность современного правового государства в определенном смысле висит в воздухе», и при этом «отсутствие легитимизации системы политического правления камуфлируется целым рядом ритуалов гражданской религии, призванных создать видимость того, что современное государство может гарантировать свои собственные основания» [17, с. 232]. Таким образом, даже современная демократия открывается навстречу проблематике сакрального (пусть и в превращенной форме квазисакрального) не только в силу объективных обстоятельств, но и исходя из своей собственной крайне противоречивой внутренней логики и структуры. В современном мире любые политические режимы, от теократических до авторитарных и демократических, активно задействуют на практике в процессе своей легитимации сакральные компоненты. При этом религиозный фактор, как в своих традиционных, так и модернизированных, квазирелигиозных, формах выступает в качестве дополнительного источника легитимации в различных контекстах современного политического процесса на всех его уровнях: глобальном, региональном и национальном.

В современной России процесс легитимации власти опирается как на традиционные формы сакрализации власти (через практику реализации определенных принципов организации системы государственно-конфессиональных отношений), так и на ее модернизированные формы (через воспроизводство различных элементов гражданской религии). В задачи данной статьи входит анализ первого варианта сакрализации, выраженного на современном этапе, в первую очередь, во взаимоотношениях российского государства и Русской Православной Церкви. Фокус анализа будет смещен на позицию самой РПЦ по этой проблеме. Основываясь на использовании исторического, системного и сравнительного методологических подходов, а также принципов традиционного анализа текста, в рамках данной статьи будет проведено исследование развития проблемы сакрализации власти в контексте одного из основополагающих официальных документов РПЦ – «Основ социальной политики Русской Православной Церкви».

Процесс десекуляризации политики и политизации религии в современной России

В современном мире возвращение религии в политику все чаще становится распространенным фактом: «В большинстве стран Азии и Африки религия явно возвращается в политику, однако и в Западной Европе классическая модель секуляризации зашаталась» [1, с. 130]. Но некоторые современные исследователи предпочитают говорить в этом контексте не о «*возвращении* религии», а о «*применении* религии» как новой формы идеологии, призванной «придать лоск легитимности» определенным политическим институтам и действиям [9, с. 44]. «Наблюдаем ли мы конец политического в благородном значении этого термина, или же политическое – в предельно оппортунистическом, мелочном и лишенном всякого идеализма смысле – смогло полностью захватить наш мир, призвав на помощь религиозность и сакральное, чтобы лучше замаскироваться, посеяв страх и ужас, который вызывают эти феномены в нашем бессознательном?», – задается вопросом француз-

ский философ и экономист Жорж Кром в своей монографии «Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна» и констатирует распространение общемировой тенденции захвата религиозности политикой [9, с. 17].

Для современной России, в связи со сложными перипетиями ее политической истории XX века, в том числе связанными со спецификой советской модели секуляризации, характерным является как факт «возвращения» религии, так и факт ее политического «применения». С начала 90-х гг. в российских условиях обозначились два встречных, планомерно набирающих обороты процесса: процесс десекуляризации политики и политизации религии. Будучи одной из форм воплощения общемировой тенденции «коррозии» принципа отделения религии от государства, эти процессы имеют и свои специфически российские причины.

Одной из таких причин является рост как пассивных, так и активных форм религиозности, связанный с фундаментальной ломкой всей системы прежних социально-экономических и политико-культурных отношений, наступившей после распада Советского Союза и приведшей российское общество к затяжному системному кризису. При этом основным критерием масштабов религиозности в стране обычно служит число зарегистрированных религиозных общин: «Если в 1992 г. в России было зарегистрировано 4 846 религиозных организаций, то уже к 1995 г. их число достигло 11 532, в настоящее время их уже более 23 тыс.» [14, с. 75]. Данные всероссийского исследования религиозности населения показывают, что тенденция к росту уровня религиозности населения России сохраняется, но сам потенциал этого роста, как отмечают социологи религии, все же близок к исчерпанию: «динамику религиозности населения России начиная примерно с 1989 года можно схематично описать следующим образом: быстрый рост – медленный рост – стабилизация – медленный рост» [15].

Второй причиной процессов десекуляризации политики и политизации религии в российских условиях явился инициированный российскими политическими элитами поиск так называемой национальной идеи как некого ценностно-мировозренческого стержня, вокруг которого могло бы консолидироваться российское общество после отторжения прежней идеологической системы. В этом контексте православие как традиционная для России форма религиозности в некоторых кругах начало рассматриваться как воплощение этой искомой «национальной идеи» или как ее важнейший структурный элемент. Как отмечает российский историк, специалист в области истории взаимоотношений российского государства и Русской православной Церкви С.Л. Фирсов: «Именно новая власть, кровно заинтересованная в воссоздании национальной идеологии, стала выстраивать новые отношения с Церковью по старой схеме, – активно содействуя укреплению новых позиций священноначалия» [16, с. 203]. Стратегически нынешняя российская политическая элита сделала ставку на то, что православие, наряду с другими традиционными для России конфессиями, сможет, хотя бы частично, заполнить тот духовный вакуум, который образовался в обществе после крушения коммунистической идеологии. В итоге, в современном российском обществе можно наблюдать встречный процесс: рост интереса политических элит к позитивным социальным возможностям религии, с одной стороны, и ориентация конфессиональных объединений на политику, ее институты и акторов, как важнейшее средство реализации их собственных интересов (религиозных, социальных, просветительских и т.д.), с другой.

В последнее время одним из основных принципов регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России явилось разделение религиозных объединений на «традиционные» и «иные». И хотя юридически такая классифи-

кация в российском законодательстве не установлена, традиция «разностатусности» религиозных объединений уже твердо укоренилась в российской практике. В настоящее время на федеральном уровне фактически определился перечень «традиционных конфессий»: Православная Церковь (РПЦ) как наиболее влиятельное религиозное объединение, а также исламские, иудейские объединения и Традиционная буддийская сангха России. Подобное положение нашло свое закрепление еще в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.), трудный процесс подготовки которого завершился признанием особой роли православия в истории России.

Таким образом, на современном этапе представители российской политической элиты продолжают на официальном уровне в различных формах открыто позиционировать себя в отношении православия, опираясь на тактику лояльности и покровительства РПЦ, и рассматривают ее как главного союзника в продвижении идеологемы «традиционных ценностей» [13, с. 128–129].

Позиция РПЦ по вопросу отношения к светской власти

Современная специфика выстраивания динамичных взаимоотношений между российским государством и православной Церковью вынудила последнюю к выработке своей собственной позиции по важным социально-политическим вопросам, прежде всего, по вопросу отношения к светской власти. В итоге в этом направлении был принят ряд официальных документов, самым значимым и комплексным из которых являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», ставшие фундаментом для выработки такой позиции.

Показательно, что в 1996–2000 гг. председателем Синодальной рабочей группы, созданной Священный Синодом РПЦ для выработки проекта документа, посвященного вопросам церковно-государственных отношений и проблемам современного общества, был назначен нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (в тот период – митрополит Смоленский и Калининградский, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата). Под его руководством и были разработаны «Основы социальной концепции…», принятые в августе 2000 г. Юбилейным Архиерейским Собором. Разработчики данного документа, среди которых были представлены архиереи и клирики РПЦ, профессора духовных школ, сотрудники синодальных отделов, а также внешние светские эксперты решили отказаться от формализованного подхода [6]. В преамбуле специально подчеркивается, что документ содержит только базисные установки, которые смогут служить для духовенства и мирян своеобразным ориентиром в принятии решений, что позволит впоследствии надстраивать и совершенствовать социальную концепцию в зависимости от изменяющихся социально-экономических и политико-культурных условий. При этом отмечается, что все положения отражают официальную позицию РПЦ по той проблематике, которая присутствует в тексте документа [12]. Именно поэтому появление такой концепции привело к волне как внутрицерковных, так и публичных дискуссий по поводу ее содержательного потенциала и общественных перспектив.

В «Основах социальной концепции… » была сформулирована «долгосрочная программа общественного служения Церкви, опирающаяся на православное богословское осмысление положения Церкви в плюралистическом секулярном обществе» [6]. Русская Православная Церковь впервые в своей истории на официальном уровне декларативно отказалась от принципа *прямой* сакрализации государственной власти, позиционируя в современных условиях свое стремление к полной автономности при сохранении лояльности государству.

Процесс аргументации в этом направлении разворачивается в документе в первую очередь сквозь призму цер-

ковной концепции генезиса и эволюции государства. Государство, согласно этой концепции, появилось в результате божественного промысла, и лишь опосредованно – руками людей: «В результате сложного исторического развития, которым руководит промысел божий, усложнение общественных связей привело к образованию государств» (III.1) [12][1]. «Здесь, как мне представляется, чрезвычайно важна богословская сторона данного вопроса. Ибо нигде в Священном Писании нам не найти указания на то, что государство есть творение Божие. Это сугубо человеческое установление и как таковое не может рассматриваться в качестве абсолютной, религиозной ценности» [8, с. 13], – прояснял позднее в одной из своих выступлений на парламентских слушаниях в Государственной Думе руководитель рабочей группы, подготовившей «Основы…». Согласно данному документу, истоки государства лежат в грехопадении Адама: его проступок привел в мир «грехи и пороки, нуждавшиеся в общественном противодействии» (III.2). Тем самым признается необходимый характер существования государства и фиксируется принцип лояльности в его отношении со стороны Церкви: «Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее…» (III.2).

Вместе с тем отмечается, что социальная значимость государства «…вытекает не непосредственно из воли Божией о первозданном Адаме, но из последствий грехопадения и из согласия действий по ограничению господства греха в мире с Его волей (III.2). Таким образом, на современном этапе РПЦ официально отказывается от прямой сакрализации государства, что рассматривается некоторыми современными исследователями как «долгожданный разрыв с многовековой традицией подчинения государственным властям» [11, с. 16]. Согласно задекларированной в «Основах…» установке, осуществляя свое предназначение, Церковь не может полностью опираться на государство, хотя должна все же с ним тактически сотрудничать как в собственных интересах, так и в интересах отдельной личности и общества (такое сотрудничество получило в самом тексте наименование «соработничество»). Так, делая шаг к собственной автономии, дистанцируясь от государства при сохранении полной к нему лояльности, Церковь оформила в своем официальном документе новую модернизированную версию сакрализации власти. Как отмечают современные исследователи, «специфика современного религиозного обоснования сакральности светской власти – в ее опосредованности и вторичности. По сути, она носит инструментальный характер, предназначение государства – в ограничении греховности природы человека земными политико-правовыми методами» [4, с. 12].

Поскольку государство – это «следствие грехопадения», члены рабочей группы, используя критерий «упадка нравственности», логично приходят к выделению иерархии форм правления, утверждая, что «…форма и методы правления во многом обусловливаются духовным и нравственным состоянием общества» (III.7). Генезис этих форм представлен в данном документе как очередной этап богоотступничества и падения нравов: судейство – монархия – современная демократия. В этой части документа, выстраивая определенную иерархию типов организации власти в зависимости от уровня духовности общества, авторы «Основ…» неявно прибегают к использованию наследия русской религиозной и социальной философии XIX – нач. XX вв., например, идей ранних славянофилов, в частности, И.С. Аксакова, а также политико-правовому наследию К.П. Победоносцева, который в этом отношении был близок к славянофилам, и в работах которого данные сюжеты были более чем типичными [7, с. 172–174].

[1] Далее в тексте статьи цитирование документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» по данной ссылке.

Особый интерес вызывает представленная в «Основах…» оценка последнего элемента указанной триады – современных демократий, которые «…не ищут божественной санкции власти», поскольку представляют собой «…форму власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов» (III.7). Следуя логике упадка форм власти, в тексте документа констатируется, что демократия появилась в результате еще большего нравственного упадка общества и одновременно как следствие реализации данной людям Богом возможности обустройства жизни, исходя из собственных желаний и предпочтений. Будучи плодом народовластия, возникшего в условиях нравственного упадка секуляризованного общества, современное демократическое государство предстает институтом, который даже по формальным основаниям не может претендовать на свою сакральную легитимацию. Для Церкви такое государство – всего лишь вспомогательный инструмент, сдерживающий греховную человеческую природу с помощью соответствующих его сущностному предназначению средств.

В рамках данного документа государство объявляется функционально необходимым, «удерживающим» от зла институтом, с одной стороны, а, с другой, институтом, который не обладает в современных условиях безусловной ценностью и автономной значимостью. Различия между государством и церковью находятся в самой их природе, поскольку первое установлено Богом опосредованно, а вторая – непосредственно: «Целью Церкви является вечное спасение людей, а цель государства заключается в их земном благополучии» (III.3). Смысл существования государства видится авторам «Основ…» в тех служебных функциях, которые оно реализует в мире для уменьшения зла и подготовки минимально приемлемых условий для выполнения Церковью своей миссии – нравственного преображения мира. «Религиозное значение института государственной власти заключается в ее способности ограничивать в мире власть зла, содействуя утверждению добра» [8, с. 13], – так в своем докладе на слушаниях в Государственной Думе определил роль государства в мире митрополит Кирилл (Гундяев), тем самым сформулировав церковный критерий нравственной оценки деятельности государства в целом и его отдельных институтов.

Вследствие различий в самой природе этих институтов – Церкви и государства, для достижения своих целей они используют разные средства. Государство, в первую очередь, для реализации общественных целей прибегает к материальным ресурсам и светским идеологиям. Авторы «Основ социальной концепции…» особое внимание акцентировали именно на монопольном праве государства на применение силы, т.е. на функции принуждения, как на свойственном природе этого института. Вместе с тем, если государство, «…обращаясь к силе, борется с добром или не использует эту силу для пресечения зла» [8, с. 15], оно может быть признано греховным и преступным. Интересен пример, который приводит в своем выступлении перед российскими парламентариями митрополит Кирилл (Гундяев): «И когда верующий человек приходит во власть, занимает начальственный кабинет, он должен вседневно помнить, что на Страшном Суде Господь не потребует у него отчета о том, как был выполнен годовой бюджет или по какой схеме был реформирован Газпром, но вопросит, что сделал человек, чтобы ограничить всевластие зла и содействовать умножению добра» [8, с. 13–14].

В этом контексте решением Архиерейского собора текст данного документа был дополнен положением о праве на сопротивление светским властям при условии несоответствия их действий православному вероучению: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна

отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху» (III.5). В таком случае Церковь может нарушить принцип лояльности государству и отказать ему в подчинении, призвав верующих использовать различные демократические механизмы для пересмотра решения властей, вплоть до мирного неповиновения, а также оказывается вправе обратиться за поддержкой в различные международные организации и к мировому общественному мнению (III.5). Такие формулировки вызвали настоящую публичную сенсацию, а одному из авторов документа, митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу (сегодняшнему Патриарху) приходилось в последующих публичных выступлениях разъяснять эту идею [11, с. 40–41]. Говорить о революционности данного тезиса можно лишь отчасти, поскольку данный принцип находит поддержку в Священном Писании: «должно повиноваться Богу больше, чем человекам» (Деян. 5, 29). Кроме того, в истории русской мысли тезис о праве Церкви на сопротивление также не является новым: об этом праве, при условии нарушения светской властью своих пределов, писал в конце XIV в. митрополит Киприан [3, с. 127]. Позднее, в XVI–XVII вв., подобные интерпретации проблемы можно встретить у преп. Иосифа Волоколамского, преп. Максима Грека, а также у Зиновия Отенского, Ивана Пересветова, Андрея Курбского [10, с. 120]. Но до принятия «Основ социальной концепции…» Русская Православная Церковь никогда ранее официально не провозглашала этот принцип в качестве внутренней стратегической установки для выстраивания взаимоотношений с государством и не прописывала механизмы его реализации. Поэтому его скорее можно рассматривать как определенный «символический капитал» для потенциальной автономизации РПЦ в контексте развития современной России: «Вместо государства, в котором Церковь видела олицетворение общества, главным партнером диалога становится само общество, ключевым, но частным представителем которого является государство» [5, с. 17].

Заключение

Таким образом, в рамках социальной концепции РПЦ проблема взаимодействия церкви и государства получила достаточно оригинальную интерпретацию, основанную на эклектичном смешении традиционных богословских принципов, неявно заимствованных идей из наследия русской религиозной и социальной философии XIX – начала XX вв., а также нормативных конструкций, стержнем которых стала оценка состояния и перспектив современной демократии. В своем официальном документе, который рассматривается его авторами как мировоззренческий и вероучительный, Русская Православная Церковь сформулировала собственное видение всей совокупности государственно-церковных отношений. На официальном уровне она декларативно отказалась от принципа *прямой* сакрализации государственной власти, тем самым позиционируя в современных условиях свое стремление к полной автономности при сохранении своей лояльности государству и обосновывая его исключительно инструментальную – временную и преходящую – ценность, обусловленную необходимостью сдерживания греховности в мире. Но, будучи комплексом теоретических постулатов, призванных послужить определенным ориентиром для священнослужителей и верующих в вопросах взаимоотношений церкви и мира, социальная концепция скорее наметила контуры идеальной модели данного взаимодействия. Фактически же, эта модель вступает в явное противоречие с существующей на современном этапе практикой выстраивания отношений между Русской Православной Церкви (РПЦ) и российским государством, демонстрируя новые аспекты расхождения принципов сущего и должного в данной области.

Литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 366 с.

2. Андреева Л.А., Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Немировский А.А. Введение // Сакрализация власти в истории цивилизаций (отв. ред. Д.М. Бондаренко, Л.А. Андреева, А.В. Коротаев). М.: ЦЦРИ РАН, 2005. С. 3–27.
3. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 368 с.
4. Вилков А.А., Захарова Т.И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2010. 200 с.
5. Вовченко Б.В. Церковь и государство в социальной концепции Русской православной церкви // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 23. С. 1–17.
6. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» // Седмица. RU [Электронный ресурс] / Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». URL: http://www.sedmitza.ru/lib/text/429361/
7. Зубов А.Б. Политико-правовые воззрения К.П. Победоносцева и их интерпретация зарубежными исследователями русской мысли // Русская политическая мысль второй половины XIX в. Сб. обзоров. [Сост., авт. предисл. Ю.С. Пивоваров]. М.: ИНИОН, 1989. С. 158–208.
8. Кирилл (Гундяев), митр. Церковь и общество в свете «Основ социальной концепции РПЦ» // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 5–30.
9. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис посмодерна. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2012. 288 с.
10. Костюк К.Н. Возникновение социальной доктрины РПЦ // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 114–131.
11. Круглый стол «Основы социальной концепции РПЦ» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информ.-аналит. бюл. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Каф. религиоведения. 2001. № 2 (26). С. 3–49.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // РПЦ [Электронный ресурс]: официальный сайт Московского Патриархата / Синодальный информационный отдел РПЦ. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128
13. Полякова Н.В. К вопросу о роли традиционализма в формировании современной российской идентичности // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 126–130.
14. Сгибнева О.И. Современная религиозная ситуация: социологический анализ // Власть. 2012. № 3. С. 75–78.
15. Синелина Ю.Ю. Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1(52). [Электронный ресурс]. URL: http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii
16. Фирсов С.М. К вопросу о месте и роли Русской православной Церкви в структуре российской государственности XX в. (феномен «православного неоконсерватизма») // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. научных статей / Под ред. Н.В. Поляковой. Вып.2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 160–223.
17. Шмид У. Политическая религия в России. Конституция 1993 года как Священное Писание // Логос. 2014. № 3 [99]. С. 231–242.

THE PROBLEM OF THE SACRALIZATION OF POWER ON «THE BASIS OF THE SOCIAL CONCEPT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH»

Polyakova N.V.
St. Petersburg state University

The article deals with some aspects of the problem of the sacralisation of power in the context of the official document of the Russian Orthodox Church – «The Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church». By addressing the issues of desecularization of politics and politicization of religion in modern Russia, the theoretical, methodological and historical prerequisites for the creation of this document are highlighted. The author dwells in detail directly on the text of this document and interprets those of its structural sections, which are devoted to the organization of state-confessional relations. It is noted that, having taken a step towards its own autonomy, distancing itself from the state while maintaining full loyalty to it, the Church published in its official document a new modernized version of the sacralisation of power, in which the crucial importance of the state and institutions of power is justified by the presence of sin in the world and the need to contain it. It is concluded that within the framework of the Social concept of the Russian Orthodox Church, the issue of interaction between the Church and the state received a rather original interpretation based on an eclectic combination of different ideas, principles and normative ideals, within which a modern model of indirect sacralisation of power is built.

Keywords: sacralisation, power, religion, Church-state relations, social concept, Russian Orthodox Church.

References

1. Altermatt W. Ethnonationalism in Europe. Moscow: RGGU, 2000.366 p.
2. Andreeva L.A., Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Nemirovsky A.A. Introduction // Sacralization of power in the history of civilizations (editor-in-chief: D.M. Bondarenko, L.A. Andreeva, A.V. Korotaev). Moscow: TsTSRI RAN, 2005.S. 3–27.
3. Waldenberg VE Old Russian teachings about the limits of the tsarist power: Essays on Russian political literature from St. Vladimir to the end of the 17th century. M .: M .: Publishing house “Territory of the future”, 2006. 368 p.
4. Vilkov A.A., Zakharova T.I. Sacred foundations of power in the political life of Russia. Saratov: Publishing house “Saratov source”, 2010. 200 p.
5. Vovchenko B.V. Church and State in the Social Concept of the Russian Orthodox Church // State Administration. Electronic bulletin. 2010. No. 23. S. 1–17.
6. Report of Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad, Chairman of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, on the “Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church” // Weeks. RU [Electronic resource] / Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”. URL: http://www.sedmitza.ru/lib/text/429361/
7. Zubov A.B. Political and legal views of K.P. Pobedonostsev and their interpretation by foreign researchers of Russian thought // Russian political thought of the second half of the 19th century. Sat. reviews. [Comp., Ed. foreword Yu.S. Pivovarov]. M .: INION, 1989.S. 158–208.
8. Cyril (Gundyaev), Met. Church and Society in the Light of the “Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church” // Church and Time. 2002. No. 2 (19). S. 5–30.
9. Korm J. Religious question in the XXI century. Geopolitics and the crisis are postmodern. Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2012.288 p.
10. Kostyuk KN The emergence of the social doctrine of the ROC // Social sciences and modernity. 2001. No. 6. S. 114–131.
11. Round table “Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church” // State, religion, church in Russia and abroad: Inform.-analyt. bul. / Ros. acad. state services under the President Ros. Federation. Cafe. religious studies. 2001. No. 2 (26). S. 3–49.
12. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church // ROC [Electronic resource]: the official website of the Moscow Patriarchate / Synodal Information Department of the ROC. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128
13. Polyakova N.V. On the question of the role of traditionalism in the formation of modern Russian identity // Formation of modern European identity in the framework of EU integration: social and cultural dimensions: collection of scientific articles / ed. Cand. econom. sciences E.V. Viktorova. SPb .: Publishing house of SPbGEU, 2018.S. 126–130.

14. Sgibneva O.I. Modern religious situation: sociological analysis // Power. 2012. No. 3. S. 75–78.
15. Sinelina Yu. Yu. Religiousness in modern Russia // Otechestvennye zapiski. 2013. No. 1 (52). [Electronic resource]. URL: http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii
16. Firsov S.M. On the question of the place and role of the Russian Orthodox Church in the structure of the Russian statehood of the XX century. (the phenomenon of "Orthodox neoconservatism") // Philosophy and socio-political values of conservatism in the public consciousness of Russia (from the origins to the present): Sat. scientific articles / Ed. N.V. Polyakova. Issue 2. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2005. S. 160–223.
17. Schmid W. Political religion in Russia. 1993 Constitution as Holy Scripture // Logos. 2014. No. 3 [99]. S. 231–242.

О пограничных состояниях человека и социума в психологии и о социальном конструировании

Пугацкий Михаил Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правоведения института социального инжиниринга, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева»
E-mail: 777maikl@mail.ru

Романова Наталья Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
E-mail: romanova_nm@inbox.ru

В настоящей статье рассматривается категория «пограничное состояние», а также понятие «граница» как синоним понятию «норма» в концепции пограничных состояний человека и социума. Социальное конструирование представлено как способ преодоления пограничных состояний, предлагается классификация социальных конструктов. Пограничное состояние человека определяется как состояние диссонанса и напряжённости между социальными конструктами. Социальное конструирование представляется как деятельность человека, осуществляемая во взаимодействии с обществом, направленная на социальное преобразование его существования в целях преодоления мультипограничных состояний человека и социума, нахождения смысла жизни, приобретение целостных состояний в рамках границ, характеризуемых законностью, прагматизмом, рационализмом, продуктивностью и гуманизмом. Социальное конструирование, с одной стороны, позволяет прогнозировать деструктивные последствия существующих пограничных состояний человека и социума, а с другой – позволяют предупреждать их путём работы с социально позитивными конструктами.

Ключевые слова: состояние, пограничное состояние, социальное конструирование, социальные конструкты.

В настоящий век инфляции ценностей, роста экстремистских проявлений, настроений протеста, ускоренным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, при помощи которых совершаются различные преступления, человек сталкивается с массой проблем. Неуверенность в завтрашнем дне, ощущение нестабильности, нереальности происходящего, беспомощности и прочие негативные явления вызывают в человеке состояние противоречия, которое мы называем пограничным состоянием.

Цель исследования – установить возможность преодоления пограничных состояний человека и социума посредством социального конструирования позитивного будущего.

Задачи исследования: 1. Определить понятия: «состояние» и «пограничное состояние» в философских и психологических системах теоретизирования; 2. Раскрыть на основе теории социального конструкционизма классификации конструктов, свойства социального конструирования позитивного будущего; 3. Установить границы моделей социального конструирования.

В основе раскрываемой гипотезы исследования лежит положение о возможности социально-психологической ассимиляции – объединения полярных структур социально-психологического бытия человека в новое целостное качество посредством социального конструирования позитивного будущего, а также возможности выявить те конструкты пограничных состояний человека и социума, которые необходимо редуцировать, и те, которые необходимо усилить для создания целостной личности и целостного общества

Новизна настоящего исследования заключается в том, что:

1. Впервые расширяется содержание понятия «пограничное состояние», которое понимается не только как незна-

чительное психическое расстройство, но и как любое состояние социально-психологического диссонанса (напряжённости) между конкурирующими социальными конструктами существования человека и социума (законопослушность-преступность, государственная служба-коррумпированность, радость-печаль, гуманность-человеконенавистничество и пр.).

2. Впервые в психологию вводится понятие «граница» как синоним понятия «норма» применительно к теории пограничных состояний человека и социума.

3. Впервые теория социального конструкционизма вводится в концепцию пограничных состояний человека и социума как способ выхода из этих состояний посредством продуцирования социально положительных конструктов и редуцирования социально негативных конструктов деятельности человека и общества в целях придания существованию человека и социума органической целостности.

В философском плане категория «состояние» понимается как изменение, сущность, качество, определённость какого-либо объекта. В психологическом отношении категория «состояние» обозначает различные психические явления.

Пограничные состояния человека в широком смысле, с точки зрения юридической психологии, можно определить как одновременное сосуществовании полярных структур: правомерное и неправомерное поведение, законность и произвол, порядок и хаос и пр. Между этими противоположностями имеется связь, которую в философии называют мерой, в психологии «нормой». В юридической психологии эту связь мы будем называть «граница», поскольку речь идёт о мере «пограничного состояния».

Границей, с точки зрения юридической психологии, мы называем естественное и позитивное право, собственно закон и состояние законности, правосудие, государственная законодательная и исполнительная власть, правопорядок, правосознание, правомерное поведение, правовая культура, юридическая ответственность, наказание и прочие легальные и легитимные элементы конструкции правовой жизни. Граница существует во многом благодаря самосознанию человека, правомерному общественному сознанию, деятельности органов законодательной власти, правоохранительных и пенитенциарных органов. Граница – это гарант конструктивной социализации личности, обеспечения ее естественных прав и состояний, правопорядка.

Человек является элементом огромной системы – социума, который предстает для всех людей и генетически, и функционально как единое целое. Но социум – это не только субъективированная, но и объективированная реальность, которая так же, как и любой человек – объект материального мира – имеет онтологические, гносеологические, культурологические и другие границы своего существования.

Э. Фромм писал о противоречиях индивидуальной и социальной жизни. В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» он указал на то, что человек пытается придать смысл своей жизни, пережив самые «острые потрясения бытия» и в этом поиске жизнь оборачивается против самого человека, потому что он переживает тревогу, вину и стыд. Чтобы этого не произошло, человек должен любить свою жизнь и проникаться любовью к другим людям: «Подлинная свобода и независимость… смогут привести в действие такую силу, как любовь к жизни…» [6]. В этом, на наш взгляд, Э. Фромм видел границу бытия индивида в социуме.

Свой путь к свободе человек может видеть в реформировании социального порядка и даже, в крайнем случае, – в преобразовании его через социальную революцию. И.А. Ильин отмечает, что в обществе ни в коем случае нельзя выходить за границы действующего законодательства, ибо это порождает хаос, анархию и произвол, бесправие и гибель человека и всего общества в целом. Следует добровольно соблю-

дать действующие законы и лояльно, т.е. согласно Конституции государства, бороться за лучшие законы. Путь восстаний и революций – это незаконный, а потому гибельный путь, ибо в конце его люди с ужасом обнаруживают, что вместо желанной свободы революция оставила им минимум прав, лишенных к тому же всякой прочной защиты. «Человек призван не к внешнему самоосвобождению от закона…, но к внутреннему самоосвобождению в пределах закона (таков путь лояльности, правопорядка и здорового развития)…» [2].

З. Фрейд писал о том, что наступает время толпы, когда человек начинает чувствовать себя «не в своей тарелке», когда он начинает думать и поступать в толпе совсем не так, как если бы был вне неё [5].

С. Московичи поставил две задачи перед социальной психологией: 1) определить причины возникновения толп и 2) найти механизмы управления толпой. С. Московичи писал: «Как только люди собираются вместе, они становятся толпой» [3], но при этом в людях возникает напряжение между рациональным и иррациональным, утрата связи с реальностью, они с лёгкостью подчиняются распоряжениям руководителя толпы. Толпа это не простое скопление людей, а психическая общность.

По мнению Л.Г. Почебут, психология российского общества противоречива, т.к. от индивидуального сознания требуется профессиональная компетентность, а от социального сознания – лояльность в отношении социума. Это означает, что личность оценивается не по результатам своей деятельности, а по степени лояльности к сообществу [4].

А.В. Забарин выделил три типа толпы, разделив каждый тип на подтипы в зависимости от вида доминирующих потребностей: биологических, социально-биологических и социальных. Он назвал толпу «чёрным ящиком», попадая в который человек не осознаёт ответственности за свои поступки [1].

Пограничное состояние социума, как и человека – это состояние диссонанса и напряжённости между социальными конструктами различных социальных институтов: политических партий, общественных объединений, движений, институтов государственной власти и управления.

Под социальными конструктами мы понимаем формы понимания мира, своеобразные образцы, оценочные критерии, которые человек создает для простоты мировоззрения – мироощущения, миропонимания и мировосприятия. Конструкты – это средства социального конструирования будущей социальной реальности.

Можно предложить следующую классификацию социальных конструктов: эмоциональные, волевые, социальные, политические, темпераментально-характериологические, когнитивные, биологические.

Эмоциональные конструкты возникают на основе интеллектуальных, нравственных и эстетических чувств. Это конструкты-настроения, конструкты-аффекты и конструкты-страсти. Волевые конструкты: побуждения, намерения, решения об осуществлении действия и волевое усилие. Социальные конструкты: статусы, роли, этническая идентичность, религия, социальный контроль, нормы, лидерство. Политические конструкты: государство, право, политические партии, гражданство, политическая власть. Темпераментально-характериологические: характер, темперамент. Когнитивные: мышление, интеллект. Биологические: пол, раса, возраст.

Человек начинает конструирование своего будущего с раннего детства: от похода с родителями в магазин детских игрушек до окончания школы, вуза и работы в организации своей мечты. Данный процесс называют по-разному: представление, воображение, фантазия, мечта, планирование и прочее. В настоящей статье мы называем это социальным конструированием – созданием в нашем сознании конструктов будущей жизни, образов желаемых целей, способов и методов их достижения, актов деятельности. Безусловно,

чтобы в полной мере говорить о социальном конструировании, мы должны обратиться к деятельностной психологической теории, экзистенциальной философии и психологии, феноменологии, социальной психологии, педагогической психологии и прочим направлениям психолого-философского знания.

Большое значение для преодоления пограничных состояний имеет социальное конструирование позитивного будущего. Возможность конструирования будущего зависит как от внутренних, так и от внешних конструктов. К внутренним конструктам можно отнести такие, которые непосредственно связаны с человеком: эмоционально-волевые, темпераментально-характериологические, когнитивные и биологические. К внешним конструктам – те, которые создают внешнюю среду существования человека: социальные и политические.

Человек конструирует мир не индивидуально, а только совместно с другими – через беседы, взаимодействие, совместную деятельность. Ключевыми конструктами здесь являются: общество, язык, нарратив, диалог, язык и прочие. Социальная конструкция – это реальность, созданная самим человеком в результате взаимодействия с окружающим миром. Поведение человека есть реакция на стимулы той социальной конструкции, которую он создал в своём сознании, т.е. реакция на стимулы псевдосреды.

Виды социального конструирования по масштабу: комплексное, фрагментарное; по времени реализации: текущее, среднесрочное, дальнесрочное; по дискурсам приложения: профессиональное, социальное, географическое, политическое, семейное, образовательное, досуговое и прочее.

Социальное конструирование – это деятельность, процесс построения конструкции будущей жизни. Но когда мы говорим о будущем, мы всегда представляем некую временную и пространственную границу между настоящим (текущим) временем и тем, которое ещё не наступило. Но время «наступает» ежесекундно – то, что за секунду до настоящего было будущим, становится настоящим, а через мгновение – прошлым. Поэтому «горизонт будущего», граница находится в постоянном движении, требующем внесения уточнений, корректив в социальную конструкцию. Следовательно, социальное конструирование – это перманентный, динамичный, диалектический процесс, это постоянное напряжение всех состояний человека – философских, психологических, религиозных и прочих.

На основании вышеизложенного можно определить свойства социального конструирования: длительность, динамичность, диалектичность, целесообразность, смыслообразность, прагматичность, надличностность, социальность.

Длительность выражается в том, что социальная реальность конструируется нами постоянно на протяжении жизни.

Динамичность означает, что этот процесс находится в постоянном изменении, динамике. То, что сегодня представлялось нам как упорядоченность, завтра может представляться как хаотичность. Человек проверяет истинность своей воображаемой конструкции только проживая её реально.

Диалектичность – является источником конструирования через взаимодействия различных по сущности категорий (состояний): свет и тьма, день и ночь, радость и печаль, депрессия и эйфория, ненависть и любовь и прочее.

Целесообразность заключается в постановке цели. Цель – продолжение жизни на более высоком уровне через служение другим людям и соблюдение естественных прав.

Смыслообразность – поиск смысла жизни, наполненного гуманизмом и порядком.

Прагматичность – определение полезных для жизни конструктов существования.

Надличностность – свойство человеческой психики, позволяющее постоянно производить «сверх-усилие» для того, чтобы подняться над своим

настоящим «Я»: из настоящего «Я» к «Я-будущему».

Социальность – социальное конструирование является не персонифицированным, а социальным, межличностным процессом.

Состояние человека с точки зрения социального конструирования – это состояние определяющего его жизнь социального конструкта. Например, состояние мышления как когнитивного конструкта, или состояние воли как волевого конструкта, или состояние социального статуса, роли (например, когда в одной личности имеются противоположные тенденции – с одной стороны, государственная служба, а с другой – коррумпированность).

Социум, подобно человеку, постоянно находится в различных пограничных состояниях. Пограничные состояния человека могут преодолеваться социальным конструированием будущего, поэтому последнее можно применить и для преодоления пограничных состояний социума через установление границ его существования: закон, порядок, гуманизм, справедливость и пр. Процесс социального конструирования социума позволяет выявлять его амбивалентные конструкты и придавать существованию социума и человека органическую целостность.

В результате исследования мы можем утверждать, что:

Состояние человека с точки зрения социального конструирования – это состояние определяющего его жизнь социального конструкта.

Пограничное состояние человека – это состояние диссонанса и напряжённости между социальными конструктами. Например, между законом и произволом, агрессией и смирением, волей и безволием, между статусом государственного чиновника и членом преступной группы (коррупционером) и пр.

Социальное конструирование представляется нам как деятельность человека, осуществляемая во взаимодействии с обществом, направленная на социальное преобразование его существования в целях преодоления мультипограничных состояний человека и социума, нахождения смысла жизни, приобретение целостных состояний в рамках границ, характеризуемых законностью, прагматизмом, рационализмом, продуктивностью и гуманизмом. Социальное конструирование, с одной стороны, позволяет прогнозировать деструктивные последствия существующих пограничных состояний человека и социума, а с другой – позволяют предупреждать их путём работы с социально позитивными конструктами.

Литература

1. Забарин А.В. Психология толпы и массовых беспорядков: учебник и практикум для вузов / А.В. Забарин. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 211 с. С. 44
2. Ильин И.А. Путь к очевидности: соч. / И.А. Ильин. – М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 912 с. С. 267–268.
3. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс / Серж Московичи. Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. – Москва: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с. С. 109
4. Почебут Л.Г. Психология социальных общностей: учебное пособие для вузов / Л.Г. Почебут. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 246 с. С. 184.
5. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Преступная толпа. М.: Изд-во КСП+, 1998. С. 119–196. С. 133
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 635 с., С. 26 – (Phiosophy)

ON THE BORDER STATES OF THE PERSON AND SOCIETY IN LEGAL PSYCHOLOGY AND SOCIAL CONSTRUCTION

Pugatsky M.V., Romanova N.M.
Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky

This article discusses the category “border state” as well as the concept of “border” as synonymous with the concept of “norm” in the concept of human and social states. Social design is presented as a way to overcome border states, the classification of social constructs is proposed. A person’s borderline state is defined as a state of dissonance and tension between social constructs. Social design is presented as human activity, carried out in cooperation with society, aimed at social transformation of his existence in order to overcome the multi-border states of man and society, to find the meaning of life, to acquire whole states within borders characterized by legality, pragmatism, rationalism, productivity and humanism. Social design, on the one hand, allows to predict the destructive consequences of existing border states of the person and society, and on the other hand – allow to prevent them by working with socially positive constructs.

Keywords: state, border state, social design, social constructs.

References

1. Zabarin A.V. Psychology of the crowd and mass riots: textbook and workshop for universities / A.V. Zabarin. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 211 p. P. 44.
2. Ilyin I.A. The Path to Evidence: Op. / I.A. Ilyin. – M.: ZAO publishing house EKSMO-Press, 1998. – 912 p. S. 267–268.
3. Moskovichi S. Century of crowds: a historical treatise on the psychology of the masses / Serge Moskovichi. Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, France, House of Human Sciences. – Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy, 1996. – 478 p. P. 109.
4. Pochebut L.G. Psychology of social communities: a textbook for universities / LG Study book. – 2nd ed., Rev. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 246 p. P. 184.
5. Freud Z. Psychology of the masses and analysis of the human “I” // Criminal crowd. M.: Publishing house KSP +, 1998.S. 119–196. P. 133.
6. Fromm E. Anatomy of human destructiveness / E. Fromm; per. with him. E. Telyatnikova. – M.: Publishing house AST, 2004. – 635 p., P. 26 – (Phiosophy).

Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии

Хлопов Олег Анатольевич,
кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)
E-mail: rggu2007@rambler.ru

Изменение климата, расширение судоходных вод и ресурсный потенциал Арктики вызывают растущий военный интерес к этому региону. В статье анализируются интересы России и НАТО в контексте повышенного внимания к арктическому региону. Россия обновила, расширила и построила новые военные объекты на своей арктической территории, включая базы вдоль Северного морского пути. Усиление активности России, действия Китая в регионе, включая расширение научной, дипломатической и морской деятельности, а также значительные инвестиции в регион – все эти тенденции находятся вне контроля НАТО, но влияют на стратегию членов НАТО. При рассмотрении роли НАТО в Арктике, с учетом этих ключевых трендов, автор выделяет четыре основных варианта стратегии НАТО: усиление подготовки, партнерства и операций в Арктике вне НАТО; создание арктического командования НАТО; приглашение Швеции и Финляндии присоединиться к НАТО; и создание форума по безопасности между России – НАТО.

Ключевые слова: Арктика, природные ресурсы, безопасность, морской путь, Россия, НАТО, США.

Арктический регион, или Крайний Север, занимал первое место в повестке дня безопасности во время холодной войны ввиду его стратегической важности. Его значение в значительной степени уменьшилось с распадом Советский Союз и конца противостояния между НАТО и странами Варшавского блока. В своей речи последний президент Советского Союза М. Горбачев в Мурманске в 1987 г. призвал к миротворческим мерам для снижения стратегической напряженности в Арктике, в 1996 г., созданный Арктический совет, решил оставить вопросы безопасности вне своей повестки дня в учредительном документе организации.

В рамках Арктического совета восемь его членов – Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция, Россия и США – стремились продвигать Арктику как зону сотрудничества и совместного решения проблем. Однако эта ситуация резко изменилась из-за двух основных факторов. Первый – это обострение конфликтующей политики великих держав, особенно между Россией и США в Арктике, поскольку обе страны признают, что этот регион имеет важное значение для их стратегических интересов. Во-вторых, растущее внимание неарктических государств к природным запасам региона. Однако как из-за потепления климата, и из-за возрождения геополитической конкуренции в регионе Арктика снова имеет огромное значение для безопасности России и стран НАТО, и возможное распространение напряженности между Россией и союзниками по НАТО, может превратить Арктику в арену стратегического соперничества.

Несмотря на то, что многие разногласия по поводу морских границ Арктики были урегулированы, потенциально более сложное разногласие касается самого Северного полюса и, в частности, конкурирующих претензий на под-

водный хребет Ломоносова, который простирается далеко в Центральную Арктику, включая Северный полюс. На территорию хребта претендуют Канада, Дания (через Гренландию) и Россия, которые все заявили, что этот регион является частью их континентальных шельфов. Все три правительства подали обновленные претензии в Комиссию ООН по границам континентального шельфа. Разрешение спора может иметь глубокие последствия для баланса экономической и, возможно, даже стратегической мощи в Арктике.

Все арктические страны за последние годы активно проводят свою арктическую политику на основе разработанных и принятых арктических стратегий или аналогичных документов.

Современная государственная политика России в области развития российской Арктики была сформулирована в документе «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» и утверждена 18 сентября 2008 г.

За прошедшие годы была принята новая арктическая нормативно-правовая база, определены сухопутные территории арктической зоны РФ, приняты необходимые организационные меры по защите интересов РФ в регионе. Важное место в анализе арктических проблем играет Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, образованная в феврале 2015 г., которая осуществляет стратегическое планирование и определяет приоритеты и основные задачи на ближайшие годы.

5 марта 2020 г. Президент России В. Путин утвердил документ «Основы государственной политики в Арктической зоне до 2035 г.», который был разработан Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ. Документ определяет цели, основные направления и задачи, а также механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. К основным национальным интересам РФ в Арктике отнесены «обеспечение суверенитета и территориальной целостности РФ; сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства; обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны РФ; развитие Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста РФ; развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации РФ; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны РФ» [1].

В документе также перечислены основные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике: «Попытки ряда иностранных государств пересмотреть базовые положения международных договоров, регулирующих хозяйственную и иную деятельность в Арктике, и создать системы национального правового регулирования без учета таких договоров и региональных форматов сотрудничества; незавершенность международного правового разграничения морских пространств в Арктике; воспрепятствование осуществлению РФ законной хозяйственной или иной деятельности в Арктике со стороны иностранных государств и (или) международных организаций; наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала в регионе; дискредитация деятельности РФ в Арктике».

Отдельные члены НАТО, имеющие территорию или территориальные воды в Арктике (Канада, Дания, Исландия, Норвегия и США), выступили с инициативой на отстаивание своих интересов в Арктике. В последнее время США стали играть более напористую роль в регионе. ВВС США разместили на Аляске больше истребителей пятого поколения, чем есть в любом другом регионе мира, возобновил работу Второй флот ВМС США, ответственный за Север-

ную Атлантику [2]. Министерство обороны и отдельные службы выпустили несколько арктических стратегий. Береговая охрана США опубликовала стратегический прогноз в Арктике в апреле 2019 г., а в июне 2019 г. была принята арктическая стратегия Министерства обороны США [3].

В арктической стратегии Министерства обороны США вновь подчеркиваются вызовы, которые Китай и Россия представляют для безопасности США в регионе, включая опасения, что Пекин может попытаться повлиять на управление Арктикой через свою экономическую мощь. В документе подтверждается, что Соединенные Штаты должны повысить осведомленность об арктических проблемах, активизировать операции в регионе, включая проведение учений и тренировок в холодную погоду, а также укрепить «порядок, основанный на правилах».

Пока что все эти стратегии США ссылаются на ценность регионального партнерства с государствами-единомышленниками, что вызывает вопрос – должна ли НАТО играть более важную роль в Арктике? Некоторые аналитики утверждают, что НАТО должна создать форум арктической безопасности с Россией [4] или участвовать в прозрачном планировании действий в чрезвычайных ситуациях [5]. Другие не согласны, полагая, что, поскольку в альянсе нет консенсуса относительно действий в Арктике, этот вопрос следует оставить на усмотрение отдельных государств-членов.

Экологический контекст и угрозы

Изменение климата меняет геополитику Арктики. Арктика нагревается в два-три раза быстрее, чем остальная часть земного шара, с соответствующим таянием льда, размягчением вечной мерзлоты, более высокими волнами и эрозией, а также более частыми лесными пожарами [6]. Это означает возможность расширения доступа к Арктике, добычи ресурсов и морской деятельности, но также и дополнительные угрозы безопасности населения стран арктической зоны.

Климат Арктики нагревается угрожающими темпами, что повышает вероятность создания жизнеспособных арктических морских маршрутов. Северный морской путь, один из трех основных проходов через арктические воды, проходит вдоль северного побережья России от Мурманска на западе до Берингова пролива на востоке. Обычно это первый, а иногда и единственный полярный судоходный маршрут каждое лето и последний, который каждую осень покрывается льдом. Маршрут делает проход между Европой и Азией примерно на 3000 миль короче и на 11 дней быстрее, чем южный транзит через Малаккский пролив и Суэцкий канал.

По некоторым оценкам, с экономической точки зрения пятая часть валового внутреннего продукта (ВВП) России и более 30% государственных доходов поступает из Арктики. По большей части это месторождения нефти и газа на полуострове Ямал. У России также есть потенциал для привлечения средств за счет платы за пользование Северным морским путем и дорожных сборов. С точки зрения безопасности, российская Арктика является местом для значительной части средств стратегического ядерного сдерживания в виде подводных лодок Северного флота, базирующихся за пределами Мурманска. Таким образом, один из способов защиты своих средств ядерного сдерживания для России – это ограничение доступа к Северному морскому пути и через него.

В мае 2020 г. Минобороны РФ организовало в регионе маневры и не допустило прохода военно-морских сил альянса к Кольскому полуострову, откуда начинается основная трасса Северного морского пути (СМП) и где дислоцируются важные базы надводных кораблей и атомных субмарин Северного флота. Корабли альянса, стремящиеся к СМП, создают прецедент и демонстрируют возможность своего присутствия в жизненно важном для России морском регионе, где сосредоточены значительные мировые запасы редко-

земельных металлов, углеводородов и биоресурсов. *Цели США и НАТО – интернационализация Северного морского пути, что может угрожать безопасности России в Арктике*, т.к. в ряде мест маршрут проходит через территориальные воды РФ.[7]

Россия находятся в рамках своих прав регулировать Северный морской путь, учитывая статьи 21 и 234 Конвенции ООН по морскому праву. Статья 21 дает государствам возможность регулировать свои территориальные воды. Часть маршрута Северного морского пути проходит в пределах российских территориальных вод. В статье 234 говорится, что страны с прилегающими водами, покрытыми льдом, могут регулировать эти воды, если это обеспечит защиту окружающей среды [8]. Единственное ограничение – «должное внимание» к навигации. Министр иностранных дел России Сергей Лавров недавно отметил: «Мы сделаем все, чтобы движение иностранных судов полностью соответствовало Конвенции по морскому праву 1982 года, чтобы оно осуществлялось в полном соответствии со всеми международными правовыми нормами, и что это абсолютно безопасно» [9].

Россия установили контроль над Северным морским путем, международным водным путем, проходящим вдоль северного побережья России, и разместила военные силы в узких пунктах вдоль маршрута.

Официальные лица США оспаривают претензии России на Северный морской путь и пригрозили отправить военно-морские корабли США для участия в операции по свободе судоходства (FONOP). В мае госсекретарь США Майк Помпео предупредил: «Мы обеспокоены претензиями России на международные воды Северного морского пути». В арктической стратегии министерства обороны 2019 г. говорится, что интересы США в Арктике включают «обеспечение свободы судоходства и пролета», и указывается, что Россия представляет собой угрозу в Арктике.

Соперники Америки проявляют повышенный интерес к проблемам Арктики. Россия – давняя арктическая держава – обновила, расширила и построила новые военные объекты на своей арктической территории, в основном, вдоль Северного морского пути. Кроме того, российский флот провел учения в Балтийском, Баренцевом и Норвежском морях, а наземные учения имитируют сражения между арктическими государствами. Коммерческие рыболовные суда продвигаются дальше на север за ранее недоступными рыбными запасами. Три из восьми арктических государств – Финляндия, Россия и Швеция – не являются членами НАТО, и у России, по крайней мере, есть веские причины возражать против усиления роли НАТО в регионе. Наконец, в мае 2021 г. Москва станет председателем Арктического совета и Форума береговой охраны Арктики на два года.

В январе 2018 г. Китай представил свою арктическую политику, в которой сформулирован ряд целей в Артике. В документе «Арктическая политика Китая» повторяется часто используемое утверждение о том, что Китай является «приарктическим государством» [10]. Арктическая политика ставит во главу угла использование Китаем арктических судоходных маршрутов как части так называемого полярного шелкового пути (иногда называемого «Арктический пояс и путь», как дополнительной части «Морского шелкового пути»), «разведку и разработку ресурсов» в регионе, усиление безопасности Китая и улучшение состояния Арктики управление. Действия Китая в регионе включают расширение научной, дипломатической и морской деятельности, а также значительные инвестиции в регион. Все эти тенденции находятся вне контроля НАТО, но могут повлиять на восприятие и поведение членов НАТО.

Хотя члены НАТО сталкиваются с рядом вызовов своим интересам в Арктике, для них невероятно сложно выработать в рамках альянса общую политику в отношении новых вызовов и проблем Арктики, т.к. решения НАТО зависят от консенсуса или, по крайней

мере, от членов, удерживающих вето в отношении рассматриваемой инициативы. Тот факт, что в Арктике находятся пять членов НАТО, не означает, что каждый поддерживает усиление роли НАТО в Арктике. Например, в Рамках политики Канады в области Арктики и Севера неоднократно подчеркивается «прочный суверенитет Канады в Арктике», а также необходимость «усиления военного присутствия Канады» и «осведомленности Канады в области» с некоторыми ссылками на двустороннее сотрудничество в области безопасности, но без упоминания. НАТО. Канада – не единственная страна, которая может возражать против усиления роли альянса в Арктике. Члены Североатлантического союза в Южной и Восточной Европе могут рассматривать усиление внимания к Арктике как отвлечение ресурсов НАТО от угроз безопасности в Восточном Средиземноморье, на Балканах, на Украине или в Балтийском море.

Следовательно, усиление роли альянса в Арктике требует убедительных аргументов для скептически настроенных членов альянса. Члены НАТО могут угрожать российским целям в Арктике или поражать их с воздушных или морских платформ, если они рассматривают Северный флот России или сухопутные войска к северу от Полярного круга как потенциальную угрозу во время кризиса. Военный конфликт может также произойти из-за просчета или несчастных случаев в Баренцевом море или Северной Атлантике между военно-морскими или военно-воздушными силами каждой из сторон.

Хотя КНР в настоящее время не обладает устойчивыми военными активами в Арктике, научная или экономическая деятельность Китая в Арктике может служить для оборонной деятельности, сбора разведывательной информации. Например, исследовательские суда Китая, плавающие в водах Арктики, могут также собирать электронные данные, наносить на карту дно океана, чтобы помочь подводной навигации или обнаружению, или устанавливать гидролокационные буи. Другие действия Китая, такие как попытки экономического влияния или контроль над поставками редкоземельных элементов, хотя и потенциально опасны с точки зрения безопасности Запада, не являются прямыми военными угрозами НАТО.

Норвегия поддерживает самую активную политику обороны Арктики из всех стран НАТО, и военные полагают, что основная цель безопасности Норвегии т защита от России. Норвежский остров Шпицберген, по словам бывшего верховного главнокомандующего союзниками НАТО адмирала Джеймса Ставридиса, «представляет собой серьезную проблему для российских амбиций в регионе». Рыбные промыслы изобилуют у побережья ледяного острова и представляют большую ценность для норвежцев. Углеводороды также вызывают озабоченность, и их значение будет становиться все более важным, поскольку на материке истощаются запасы нефти, которую легко добывать.

Из стран-членов НАТО у Норвегии самые активные военные в Арктике. Они рассматривают регион как неохраняемый фланг альянса и постоянно побуждают другие государства-члены быть хорошо информированными и готовыми к бою. Таким образом, шансы на новую конфронтацию в Артике сегодня выше, чем были раньше.

3 декабря 2020 г. Генеральный секретарь НАТО представил доклад подготовленный группой экспертов «НАТО 2030 – единое целое для новой эры». В этом документе затрагиваются многочисленные актуальные темы, которыми НАТО следует заняться в ближайшее десятилетие. В контексте этой статьи наиболее важной частью отчета НАТО является краткая рекомендация по политике НАТО в Арктике. Согласно документу, «НАТО должна повысить свою осведомленность о ситуации на Крайнем Севере и в Арктике и разработать стратегию, которая учитывает более широкие планы сдерживания» [11]. Кроме того, Североатлантический союз должен быть готов противостоять

агрессивным действиям, предпринимаемым государственными субъектами, и готовиться к действиям, направленным на обеспечение свободы судоходства в регионе. Сама рекомендация может показаться не более чем второстепенным намеком на развитие арктических амбиций, но этот доклад может, в конечном итоге, привести к новой Стратегической концепции НАТО, в отличие от Концепции 2010 г., в которой Арктика ни разу не понимается [12].

В соответствии с замечаниями аналитической группы, позиция НАТО в Арктике должна быть фактически усилена: НАТО поручено отслеживать и оценивать безопасность, связанную с изменением климата, и предпринимать широкие действия, связанные с изменениями геополитической ситуации в результате изменения климата.

Возможно, самая важная часть рекомендаций – это мнение экспертов о Китае, объявляющих эту страну долгосрочным и серьезным вызовом безопасности НАТО и демократических обществ в целом. Несмотря на то, что в рекомендациях, касающихся Китая, арктическая политика прямо не упоминается, растущее присутствие Китая в регионе делает необходимым создание политики для взаимодействия с Китаем и в Арктике.

Варианты политики НАТО в Арктике

При рассмотрении роли НАТО в Арктике следует отметить, что у альянса нет официальной арктической доктрины или стратегии, хотя высказываются мнения экспертов и аналитиков США и европейских стран о необходимости принятия такого рода документа [13]. Однако с учетом этого контекстуального фона и анализа источников научной и общественно-политической литературы можно выделить *четыре основных возможных варианта стратегии НАТО в Арктике: 1) усиление подготовки, партнерства и операций в Арктике вне НАТО; 2) создание арктического командования НАТО; 3) приглашение Швеции и Финляндии присоединиться к НАТО; 4) создание форума безопасности Россия-НАТО.*

1. Подготовка и проведение военных учений вне НАТО. Члены НАТО могли бы продолжить или, возможно, ускорить текущие односторонние, двусторонние и многосторонние операции и партнерства за пределами альянса. Этот вариант согласуется с тем, что ВМС США уже делают со своим Вторым и Шестым флотами вместе с Норвегией (морские ротационные силы, заходы подводных лодок в порты, облет бомбардировщиков и другие регулярные учения) и с Исландией (ротационное присутствие танкеров и самолетов). Дополнительные ротации и учения позволят накопить общий опыт операций государств-участников. Эти инициативы выходили бы за рамки альянса, но соответствовали бы ориентации НАТО на обучение и учения в рамках инициативы «Объединенные силы» альянса.

Россия внимательно относится к учениям НАТО в Арктике. В прошлом Москва выступала с дипломатическими заявлениями, российские военные проводили свои учения. Например, Россия заблокировала сигналы GPS во время учений НАТО 2018 г. «Trident Juncture». Россия провела учения с боевой стрельбой после учений НАТО в Баренцевом море в мае и в феврале 2020 г. непосредственно перед учениями НАТО «Cold Response» в Норвегии. Еще одним преимуществом этого варианта является то, что он позволяет избежать необходимости убеждать членов НАТО в южной или восточной Европе выделить ресурсы на обучение в холодную погоду, возможно, за счет более традиционного обучения, особенно если оборонные бюджеты ограничены в связи с пандемией COVID-19.

2. Создание арктического командования НАТО. Альтернативным вариантом, ориентированным на альянс, могло бы стать создание штаба арктического командования НАТО, которое будет осуществлять оперативное управление силами НАТО в высоких широтах. Арктическое командование можно было бы смоделировать по образцу новой многонациональной диви-

зии НАТО «Север», которой поручена защита стран Балтии. Штаб-квартира добавит специальное подразделение НАТО по планированию, командованию и управлению, имеющее опыт работы на крайнем Севере, что предположительно внесет ясность в командные отношения внутри НАТО в случае арктического кризиса или конфликта. У альянса могут быть дублирующие штаб-квартиры, одна из которых может находиться на театре военных действий (возможно, в Норвегии), а другая – за пределами Арктики.

У этого варианта есть несколько недостатков. Он дублирует некоторые существующие двусторонние возможности и отношения в рамках американо-норвежского оборонного партнерства и координации в области обороны в Северной Атлантике между вторым и шестым флотами США и обновленным командованием объединенных сил НАТО.

Возможно, более важно то, что арктическое командование будет уделять приоритетное внимание коллективному ответу НАТО на вызовы безопасности. Однако на практике это создает проблемы внутри альянса. Канада может рассматривать приоритетность реакции НАТО как ослабление своего суверенного контроля над своей собственной территорией. Дания может согласиться с канадскими настроениями. Арктическое командование также идет вразрез с духом, выраженным прибрежными арктическими государствами (в частности, Канадой, Данией, Норвегией и США, не говоря уже о России) в Илулиссатской и Челсиской декларациях, в которых подчеркивается национальный контроль и регулирование большинства арктических вод. Наконец, наличие арктического командования вызывает вопрос о том, чьи силы будут под этим командованием, что возвращает нас к нежеланию многих членов НАТО вносить свой вклад в арктические силы. В общем, этот вариант потребует достижения консенсуса внутри альянса, а затем обучения сил, которые будут выделены для него или будут сменять его.

3. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО. С целью усиление присутствия в Арктике НАТО может официально пригласить Швецию и Финляндию присоединиться к альянсу. Их членство будет означать, что семь из восьми арктических государств будут членами НАТО, и это станет непрерывным сухопутным мостом альянса через европейскую Арктику, а также на северное и южное побережье Балтийского моря. Оценка из открытых источников показывает, что у обеих стран есть мощные силы. Финляндия добавит значительные сухопутные силы к возможностям НАТО. Швеция имеет передовую авиацию в виде истребителей «Gripen», быстрых патрульных катеров и подводных лодок. По всей вероятности, обе страны будут приветствоваться в альянсе без особых жалоб со стороны нынешних членов.

Но этот вариант предполагает, что Швеция и Финляндия действительно хотят вступить в НАТО и будут иметь для этого общественную поддержку. Хотя обе страны поддерживают тесные связи с НАТО, они решили остаться вне альянса, во многом из-за опасений по поводу того, как Россия отреагирует в ответ. Более того, их членство может фактически осложнить оборонное планирование НАТО, поскольку обе страны находятся в пределах досягаемости многих российских военных систем, а Финляндия имеет общую границу с Россией на 1340 километров. Этот вариант может привести к серьезному кризису в отношениях с Россией. Москва неоднократно предупреждала, что вступление Швеции и Финляндии в НАТО будет рассматриваться как открытая угроза территории России. Возникший в результате политический кризис может обостриться, что приведет к просчетам или несчастным случаям. Наконец, если отбросить российскую риторику, добавление двух стран в НАТО не приведет к фундаментальному изменению российских военных планов, поскольку они уже должны учитывать ориентированные на Запад Швецию и Финляндию в своих расчетах безопасности.

4. Создание форума арктической безопасности между НАТО и Россией. Формирование нового форума Россия-НАТО для обсуждения вопросов безопасности в Арктике способствует установлению диалога и налаживанию атмосферы доверия между странами. Сторонники форумов по безопасности в Арктике утверждают, что такой формат сотрудничества мог бы способствовать лучшему общению и деэскалации инцидентов, например, путем установления регионального военного кодекса поведения. Они также могут снять давление с существующих арктических форумов, не связанных с безопасностью, таких как Арктический совет, для решения военных вопросов. Все эти возможные инициативы делает форум привлекательным для укрепления мер доверия в области военной безопасности.

Однако этот вариант кажется невозможным, т.к. Совет Россия-НАТО – форум, нацеленный на выполнение аналогичных задач, приостановил консультации между военными после российской оккупации Крыма в 2014 г. и НАТО как институт не подает никаких признаков ослабления этого запрета.

Рассматривая вопросы по снижению военных рисков и уменьшению роли ядерного оружия в арктическом регионе, необходимо и создание зоны свободной от ядерного оружия в Арктике [14]. Для этого также требуется международный форум или многосторонний институт, в рамках которого государства региона могут решать общие проблемы региональной безопасности и не допускать возникновения региональных конфликтов.

Арктика становится объектом повышенного внимания со стороны западных стран, и вопрос о роли НАТО в Арктике является основной темой обсуждения. Учитывая последствия изменения климата, активность России в Арктике и растущую роль Китая в регионе, расширение инфраструктуры НАТО – все эти факторы рассматриваются каждой из сторон по-своему, исходя из своих национальных интересов. Однако коллективный ответ НАТО на вызовы безопасности в Арктике нецелесообразен. Вместе с тем отдельные государства-члены продолжают и расширяют операции ротационного присутствия и проводят военные региональные учения.

Сама НАТО должна играть очень ограниченную прямую роль в Арктике и избегать создания нового командования альянса, посвященного Арктике, и не подталкивать Швецию и Финляндию к присоединению к альянсу, а направить усилия на создания нового форума арктической безопасности между НАТО и Россией.

Эти варианты политики обсуждаются в экспертных дискуссиях. Вместе с координацией через НАТО, которая продолжает сегодняшнюю политику, государства-члены и их партнеры, не входящие в НАТО, участвуют в двустороннем или коалиционном сотрудничестве в области обороны. Такое сотрудничество с Россией было бы очень желательно и даже необходима в условиях возрастающего интереса и присутствия приарктических и других стран в этом регионе.

Ярким примером того, что такая кооперация возможна, является соглашение между Россией и Норвегией, положившее конец 40-летнему спору по поводу Баренцева моря. Несмотря на то, что соглашение 2010 г. не является идеальным решением, оставляя открытым вопрос о морских зонах вокруг Шпицбергена и вызывая озабоченность в этих государствах, оно все же оно может быть примером для поиска компромисса двусторонних решений в Арктике. Интересно, что соглашение было принято от имени Норвегии правительством премьер-министра Йенса Столтенберга до того, как он стал генеральным секретарем НАТО.

Литература

1. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164. URL: http://

publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001202003050019
2. U.S. 2nd Fleet Reactivates to Counter Russian Navy // The Maritime Executive. 31.12. 2019. URL: https://www.maritime-executive.com/article/u-s-2nd-fleet-reactivated-to-counter-russian-navy
3. Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy. Arlington, VA: Office of the Under Secretary of Defense for Policy, June 2019. URL: https://www.andrewerickson.com/2019/06/department-of-defense-arctic-strategy/
4. Joshua Tallis. NATO is the right forum for security dialogue in the High North \\ The Defense News, July 28, 2020. URL: https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/07/28/nato-is-the-right-forum-for-security-dialogue-in-the-high-north/
5. Wieslander A. NATO Must Engage in the Arctic // Defense One, September 16, 2019/ URL: https://www.defenseone.com/ideas/2019/09/its-time-nato-arctic/159887/
6. Соколовская Л. Арктика нагревается в два раза быстрее, чем вся остальная часть планеты. \\ Hi-news 29.06.2019. URL: https://hi – news-ru.turbopages.org/hi-news.ru/s/research-development/arktika-nagrevaetsya-v-dva-raza-bystree-chem-vsya-ostalnaya-chast-planety.html
7. Мухин В. НАТО готовиться к покорению Арктики. // Независимая газета. 08. 09.2020. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/armies/2020–09–08/1_7958_arctic.html
8. United Nations Convention on the Law of the Sea. UN. Org https://legal.un-.org/avl/ha/uncls/uncls.html
9. Лавров: Россия будет обеспечивать безопасность Северного морского пути//ТАСС,06.05.2019. URL: https://tass.ru/politika/6406609
10. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
11. NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General. November 2020 URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Re…
12. Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена Главами Государств и Правительств в Лиссабоне. 19.11.2010. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm
13. NATO Needs to Adapt to New Security Challenges in the High North / NATO Parliament Assembly. News, 8 November 2018. URL: https://www.nato-pa.int/news/nato-needs-adapt-new-security-challenges-high-north
14. Хлопов О.А. Проблемы безопасности и безъядерной зоны Арктики // Newman in Foreign Policy. 2020. Т 4. № 5 (99). С. 6–11.

ARCTIC STRATEGY OF RUSSIA AND NATO: POSSIBLE SCENARIOS

Khlopov O.A.
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Climate change, the expansion of navigable waters and the resource potential of the Arctic are generating growing military interest in the region. The article analyzes the interests of Russia and NATO in the context of increased attention the Arctic region. Russia has renovated, expanded and built new military facilities in its Arctic territory, including bases along the Northern Sea Route. The increased activity of Russia, the actions of China in the region including the expansion of scientific, diplomatic and maritime activities, as well as significant investments in the region – all these trends are outside NATO's control, but affect the strategy of NATO members. In considering NATO's role in the Arctic, taking into account these key trends, the author identifies four main options for NATO's strategy: strengthening preparation, partnership and operations in the Arctic outside of NATO the creation of the NATO Arctic Command; an invitation to Sweden and Finland to join NATO; and the creation of a Russia-NATO security forum.

Keywords: Arctic, natural resources, security, sea route, Russia, NATO, USA.

References

1. "Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035". Approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 05.03.2020 No. 164. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001202003050019
2. U.S. 2nd Fleet Reactivates to Counter Russian Navy // The Maritime Executive. 31.12. 2019. url: https://www.maritime-executive.com/article/u-s-2nd-fleet-reactivated-to-counter-russian-navy
3. Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy. Arlington, VA: Office of the Under Secretary of Defense for Policy, June 2019.URL: https://www.andrewerickson.com/2019/06/department-of-defense-arctic-strategy/
4. Joshua Tallis. NATO is the right forum for security dialogue in the High North \\ The Defense News, July 28, 2020. URL: https: // www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/07/28/nato-is-the -right-forum-for-security-dialogue-in-the-high-north /
5. Wieslander A. NATO Must Engage in the Arctic // Defense One, September 16, 2019 / URL: https: //www.defenseone.com/ideas/2019/09/its-time-nato-arctic/159887/
6. Sokolovskaya L. The Arctic heats up twice as fast as the rest of the planet. \\ Hi-news 06/29/2019. URL: https://hi – news-ru.turbopages.org/hi-news.ru/s/research-development/arktika-nagrevaetsya-v-dva-raza-bystree-chem-vsya-ostalnaya-chast-planety.html
7. Mukhin V. NATO to prepare for the conquest of the Arctic. // Independent newspaper. 08.09.2020. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/armies/2020–09–08/1_7958_arctic.html
8. United Nations Convention on the Law of the Sea. UN. Org https://legal.un.org/avl/ha/uncls/uncls.html
9. Lavrov: Russia will ensure the safety of the Northern Sea Route // TASS, 05/06/2019. URL: https: //tass.ru/politika/6406609
10. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
11. NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General. November 2020 URL: https: // www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Re
12. Strategic Concept of Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Approved by the Heads of State and Government in Lisbon. 19.11.2010. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm
13. NATO Needs to Adapt to New Security Challenges in the High North / NATO Parliament Assembly. News, 8 November 2018. URL: https://www.nato-pa.int/news/nato-needs-adapt-new-security-challenges-high-north

Корпоративная социальная ответственность как стратегия минимизации рисков в деятельности зарубежных нефтегазовых компаний

Коньков Александр Тимофеевич,
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Института права, экономики и управления Сахалинского государственного университета
E-mail: konkov_sakh@rambler.ru

Бакунов Алексей Викторович,
старший преподаватель кафедры юриспруденции Института права, экономики и управления Сахалинского государственного университета
E-mail: bakunov@mail.ru.

В статье рассмотрены риски деятельности зарубежных нефтегазовых компаний как факторы, стимулирующие интерес компаний к реализации программ корпоративной социальной ответственности (КСО). В работе обоснован тезис, согласно которому программы КСО являются элементом стратегии компаний по минимизации рисков, обусловленных неблагоприятными условиями внешней среды. Авторы выделяют техногенные, экологические, политические и социальные риски в деятельности нефтегазовых компаний. Также выделены риски, связанные с деятельностью организованных групп давления и международных неправительственных организаций. Игнорирование этих рисков нефтегазовыми компаниями может повлечь для них значительные негативные последствия экономического и репутационного характера. Однако подобные риски могут быть минимизированы посредством программ КСО, способствующих укреплению отношений с местными сообществами и социальному развитию регионов присутствия нефтегазовых компаний.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, риски нефтегазовой отрасли.

Под корпоративной социальной ответственностью (КСО) обычно понимается ответственность организации за ее воздействие на общество и окружающую среду через прозрачное, правомерное и этичное поведение, которое интегрировано в деятельность организации, содействует устойчивому развитию и учитывает ожидания заинтересованных сторон [1]. Поскольку концепция КСО является междисциплинарной, возникшей на стыке социально-экономических и гуманитарных дисциплин, таких, как экономика, менеджмент, социология, философия и этика, в трактовке сущности КСО представители разных наук придерживаются различных методологических традиций, которые в самом обобщенном виде можно определить как нормативный и инструментальный подходы.

В рамках нормативного подхода КСО обычно определялась, как обязанность придерживаться при ведении бизнеса ценностей, принятых в обществе [2, p. 6. Цит. по: 3, с. 27].

С позиций же инструментального подхода, КСО можно рассматривать как рациональное инвестирование средств и усилий для увеличения будущего дохода и снижения издержек в долгосрочной перспективе. Данный подход получил распространение в экономической теории, менеджменте, а также в рамках социологии управления и экономической социологии. С точки зрения инструментального подхода, КСО может быть использована как средство минимизации предпринимательских рисков. Это особенно актуально для нефтегазовой отрасли, которая характеризуется высоким уровнем риска. Как отмечает Д. Спенс, нефтегазовые компании сталкиваются в первую очередь с экологическими рисками, рисками для здоровья и безопасности, рисками ответ-

ственности и, в конечном итоге, с репутационными рисками [4, p. 59]. Данное обстоятельство не может не влиять на осознание менеджментом компаний необходимости деятельности в сфере КСО и выбор конкретных форм ее осуществления.

Одним из наиболее значительных типов рисков, с которыми сталкиваются компании нефтегазовой отрасли, являются техногенные риски, которые способны причинить значительный экологический вред, либо вред жизни и здоровью людей. Такой вред может повлечь для компании значительные убытки и надолго испортить ее репутацию. Примером может служить разлив нефти, произошедший 24 марта 1989 года в результате аварии супертанкера «Эксон Валдиз» в проливе Принца Вильгельма в акватории американского штата Аляска. Компания Эксон Мобил потратила более 4,3 миллиарда долларов США на преодоление последствий аварии, включая компенсационные выплаты, выплаты за очистку побережья и штрафы. Компания добровольно выплатила компенсацию более 11000 жителям Аляски и предприятий в течение года после разлива [5].

22 апреля 2010 года произошла крупнейшая в современной истории катастрофа на шельфе, когда морская буровая платформа Deepwater Horizon затонула у побережья американского штата Луизиана, что привело к крупнейшему в истории США разливу нефти. На момент аварии платформой управляла нефтегазовая компания «Бритиш Петролеум» (BP), которая в 2013 году потратила более 14 миллиардов долларов на выплату различного рода возмещений [6].

В результате подобных инцидентов нефтегазовые компании были вынуждены прикладывать значительные усилия, для восстановления своей репутации и предотвращения и/или преодоления негативных последствий своей деятельности. Так, например, компания Эксон Мобил привлекла ведущих мировых ученых, для изучения воздействия разлива нефти «Вальдеза» на экологию региона, стала использовать для перевозки нефти исключительно двухкорпусные суда, проводить постоянные учения по ликвидации разливов нефти и так далее [5].

Еще одной особенностью нефтегазовой отрасли состоит в том, что крупнейшие негазовые компании, как правило, являются транснациональными и действуют не в одной, а во многих странах, на территории которых расположены нефтегазовые месторождения. В случае, когда транснациональные нефтегазовые компании работают в развивающихся странах, добыча природных ресурсов может порождать проблемы взаимодействия с национальными правительствами, местными органами власти и населением. Официальные лица и местное население нередко крайне отрицательно относятся к международным нефтегазовым компаниям, в ситуациях, когда добыча нефти и газа не ведет к улучшению условий жизни местного сообщества, но при этом возрастают экологические риски.

Кроме того, нефтегазовые компании сталкиваются с критикой за поддержку неэффективных или коррумпированных политических режимов, находящихся у власти в развивающихся странах. Такие риски нефтегазовой отрасли можно обозначить, как политические.

Ряд крупных транснациональных нефтегазовых компаний, работающих за рубежом, оказались в свое время в центре политических скандалов. Так, например, компания Shell начала разведку месторождений нефти в Нигерии в 1950-х годах. Shell выплатила роялти правительству Нигерии, но большая часть этих денег попала в карманы коррумпированных государственных чиновников. В то же время экологические нормы в Нигерии плохо соблюдались, и добыча нефти в дельте Нигера стала ассоциироваться с обширными экологическими загрязнениями [4, p. 71]. В то же время приход в Нигерию нефтедобывающих компаний изменил структуру ее экономики. Если 1960-х годах сельское хозяйство было доми-

нирующим сектором, на который приходилось более 50% валового внутреннего продукта, то к началу 1970-х годов нефтедобыча сделала экономику Нигерии практически «монокультурной» и в настоящее время нефтяной сектор обеспечивает 95% валютной выручки. В результате, несмотря на богатые природные ресурсы, доход на душу населения и средняя продолжительность жизни в Нигерии оставались чрезвычайно низкими [7, p. 10–11].

Появление в стране, имеющей неэффективное или коррумпированное правительство, иностранных нефтегазовых компаний может усиливать социальное напряжение в обществе. В глазах местного населения иностранные компании и правительство будут в равной степени виновны в создавшемся положении. В этом случае нефтегазовым компаниям просто не остается другого выхода, кроме как направить значительные усилия на восстановление подорванной репутации, установление диалога с заинтересованными сторонами и реализацию программ КСО, тем более, что в развивающихся государствах применение таких программ, на фоне слабости или отсутствия государственных социальных программ, выглядит наиболее выигрышно. Как отмечает А.Л. Сапунцов, «провалы» африканских государств в социальных вопросах позволяют ТНК результативно применять концепцию КСО и формировать у местного населения позитивное восприятие зарубежных компаний [8, С. 171].

В подобных ситуациях внедрение программ КСО в деловую практику нефтегазовых компаний может рассматриваться как рациональная стратегия снижения рисков. Например, сегодня компания BP уделяет большое внимание повышение прозрачности налоговых и финансовых потоков в развивающихся странах, где она ведет свой бизнес [9, С. 18]. Таким образом, BP формирует себе репутацию противника коррупции, минимизируя связанные с этим риски.

Помимо техногенных и политических рисков, в развивающихся странах для нефтегазовых компаний также существует угроза возникновения рисков обвинений в нарушении прав человека. Это связано с тем, что ресурсы нефти и газа нередко находятся в странах, где применяются такие практики трудовых отношений и охраны труда, которые не соответствуют стандартам МОТ и законодательству развитых стран. Хотя следование более низким стандартам соответствует местному законодательству, подобная практика серьезно ухудшает международную репутацию нефтегазовых компаний.

Таким образом, транснациональные нефтегазовые компании, работающие в развивающихся странах, принимают на себя не только риски от собственной деятельности, но и риски, порожденные «местным окружением» – например, подрядчиками и поставщиками, и стоят перед проблемой минимизации этих рисков. В этой связи следует отметить, что в настоящее время концепция КСО постулирует принцип, согласно которому транснациональные компании несут ответственность за экологическую и трудовую практику их партнеров, таких как поставщики, посредники и так далее [10, p. 58]. В связи с этим, например, такие компании как Shell, Total, Eni / Agip, обязывают руководствоваться своими Кодексами поведения не только собственных сотрудников, но и подрядчиков, или консультантов, работающих от имени компаний [7, p. 17].

Еще одни аспектом, представляющим риск для компаний нефтегазовой отрасли в различных регионах мира, является ситуация, когда добыча нефти и газа производится на территориях проживания коренных народов, многие из которых сохраняют традиционное природопользование. Освоение нефтегазовых месторождений на территории проживания коренных народов создает угрозу не только для хрупкой экосистемы, но и зачастую ставит под вопрос сохранение традиционного образа жизни, а нередко и самой этнической идентичности коренных народов, многие из которых являются малочисленными.

Н.И. Новикова полагает, что основной причиной конфликта между коренными народами и нефтедобывающими компаниями является отношение к окружающему миру, которое выражается в разнице между традиционным и промышленным природопользованием. Жертвой этого конфликта становятся коренные народы, которые не могут приспособиться к «новым условиям хозяйствования» и подвергаются угрозе утраты традиционных ценностей и языков, безработицы, алкоголизма и так далее [11, Цит. по: 12, С. 60]. При этом коренные народы далеко не всегда становятся жертвами злого умысла нефтегазовых компаний. В некоторых случаях последние просто не учитываются особенности традиционного природопользования коренных народов. Так, например, во время Общественных слушаний по проекту строительства газопровода в долине реки Макензи в Канаде при обсуждении вопроса о качестве питьевой воды основное внимание участников слушаний было сосредоточено на очистных сооружениях, в то время как аборигены брали воду из открытых источников, т.е. пользовались неочищенной водой [11, С. 368].

Правительство Канады в 2010 г. существенно ужесточило правила получения лицензий на разведку углеводородов в Арктике, после инцидента с Deepwater Horizon. Это было связано, в том числе с тем, что по данным Национального энергетического совета Канады, 70% продовольствия населения, проживающего на прилегающих к арктическому шельфу территориях, производится за счёт натурального хозяйства на суше и промысла на море [13, С. 45–46].

Развитие нефтегазовой промышленности может повлечь усиление социального неравенства в обществе, неравенства между регионами, а также привести к формированию сырьевой зависимости отдельных регионов и целых стран. Эти проблемы возникают вследствие специфики экономики нефтегазовой отрасли. Добыча нефти и газа требует привлечения относительно небольшого объема трудовых ресурсов, в то время как доход от экспорта энергоносителей может быть весьма значительным в масштабе экономики страны или региона. Вследствие этого может наблюдаться значительный рост доходов населения, занятого в нефтегазовом секторе, ориентированном на экспорт энергоносителей. При этом в других отраслях экономики, ориентированных на внутренний рынок или требующих привлечения значительного объема трудовых ресурсов, может наблюдаться низкий уровень доходов, обусловленный иным соотношением объема генерируемой данными отраслями прибыли и численностью занятых в этих отраслях. В результате развитие нефтегазовой отрасли экономики может привести к резкому росту социального неравенства в обществе.

Наиболее остро эта проблема стоит в развивающихся странах, однако даже в таких экономически развитых странах, как Норвегия, исследования отмечают обеспокоенность местного населения увеличением экономического неравенства в обществе. Исследование в рамках проекта «Устойчивое развитие и нефтегазодобыча: Восприятие компаниями и местным населением в Северной Норвегии и в Российской Арктике» показало, что население Норвегии отмечает увеличение экономического неравенства, увеличение акцента на деньгах, статусе и «поверхностных материальных ценностях». Кроме того, местное население обеспокоено тем, что относительно меньше внимания уделяется другим отраслям промышленности [14, С. 67].

Значительный вызов для деятельности нефтегазовых компаний в настоящее время представляет общий тренд на развитие альтернативной энергетики, деятельность групп общественности, выступающих против «углеродной энергетики», за «зеленую экономику» и альтернативные источники электроэнергии. В современном мире озабоченность общества проблемами сохранения окружающей среды, изменения

климата и истощения не возобновляемых природных ресурсов является важным фактором политики, причиной усиления государственного регулирования экономики и ужесточения требований к подотчетности бизнеса.

Ужесточение экологических норм, давление организованных групп общественности и международных неправительственных организаций, вынуждают нефтегазовые компании находить «альтернативные» решения в рамках программ КСО. Так, Shell, Total, ENI, Equinor и BP являются крупнейшими инвесторами в проекты возобновляемой электроэнергетики. В 2018 году на такие проекты приходились 3–5% от общих инвестиций этих компаний. В обозримом будущем конкуренцию им могут составить крупные нефтегазовые компании развивающихся стран, например такие, как Pertamina (Индонезия) и Sinopec (Китай) [15, С. 10].

В промышленно развитых странах также отмечается тенденция к «экологизации» налоговой политики, то есть перенос налогового бремени, на экологически опасные виды деятельности [16, С. 12]. Представляется, что экологическая составляющая в деятельности нефтегазовых компаний со временем будет только возрастать, соответственно компании должны учитывать это и превращать свои экологические риски в конкурентные преимущества.

Таким образом, в нефтегазовой отрасли, независимо от страны, или территории, КСО имеет принципиальное значение, так как позволяет нефтегазовым компаниям сгладить значительные технологические, политические и иные риски. Игнорирование компаниями необходимости в реализации программ КСО, учитывающих специфику их деятельности в регионе присутствия, способно нанести значительный репутационный ущерб, который, в свою очередь, неизбежно влечет серьезные убытки. Отсутствие контакта с местным населением, игнорирование его нужд и интересов, не позволит разработать и применить действительно эффективные программы КСО.

В настоящее время, разнообразные программы КСО, нацеленные на развитие долгосрочных отношений с местным населением и социальное развитие территорий, являются инструментом предотвращения и минимизации рисков, активно используемым зарубежными компаниями нефтегазовой отрасли в регионах своего присутствия.

Литература

1. Стандарт ИСО 26000:2010. «Руководство по социальной ответственности» https://www.iso.org/ru/iso-26000-social-responsibility.html
2. Bowen H. R. 1953. Social Responsibilities of the Businessman. Harper & Row: N. Y. p. 298.
3. Завьялова Е.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей / Е.Б. Завьялова // Финансовый бизнес. – 2018. – № 2 (193). – С. 26–31.
4. Spence D.B. Corporate Social Responsibility in the Oil and Gas Industry: The Importance of Reputational Risk, 86 Chi.-Kent L. Rev. 59 (2011). p. 59–85. Available at: https://scholarship.kentlaw.iit.edu/cklawreview/vol86/iss1/4
5. Разлив нефти с танкера «Вальдез». 12 сент. 2018. https://www.exxonmobil.ru/ru-RU/Energy-and-technology/Tools-and-processes/Risk-management-and-safety/The-Valdez-oil-spill#Обзор
6. Разлив нефти в Мексиканском заливе 22 апреля 2010 года. https://ria.ru/20140422/1004524045.html
7. Amaeshi Kenneth, Olufemi O. Amao. Corporate Social Responsibility (CSR) in Transnational Spaces: An Institutionalist Deconstruction of MNCs' CSR Practices in the Nigerian Oil and Gas Sector. CSGR Working Paper 248/08. July 2008. p. 34.
8. Сапунцов А.Л. Корпоративная социальная ответственность как инструмент проникновения транснациональных корпораций развивающихся стран на рынки Африки. // Мировая

экономика. 2015. № 4 (125). С. 170–173.
9. Социальная ответственность нефтегазовых компаний // Энергетический бюллетень (Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации). Ноябрь 2015. Выпуск № 30. – с. 33.
10. Theory and Practice of Corporate Social Responsibility, S.O. Idowu, C. Louche (eds.), DOI 10.1007/978–3–642–16461–3, C _ Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2011. p. 58
11. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
12. Хакназаров С.Х. Взаимоотношения между недропользователями и владельцами территорий традиционного природопользования в свете социологического исследования // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 59–68. DOI: 10.14530/reg.2018.1.59
13. Тодоров А.А. Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 40–59. DOI: 10.17238/issn2221–2698.2018.30.40
14. Никитина Е., Пусенкова Н., Ло Д., Келман И. Принципы устойчивого развития нефтегазовой промышленности в Арктике: ответственность бизнеса перед местным населением и природой // Арктические ведомости. 2015. № 3(14). С. 60–73.
15. Возобновляемые источники энергии как новый шаг развития для нефтегазовых компаний. kpmg.ru. Декабрь 2019 г. С. 10. https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/12/ru-ru-renewable-energy-sources-for-oil-and-gas.pdf
16. Перфильев С.В., Соломонов А.П. Ключевые аспекты консолидации в мировой нефтеперерабатывающей промышленности на современном этапе // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8, № 4 (2016). С. 64. http://naukovedenie.ru/PDF/02EVN416.pdf

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS A STRATEGY TO MINIMIZE RISKS IN THE ACTIVITIES OF FOREIGN OIL AND GAS COMPANIES

Konkov A.T., Bakunov A.V.
Sakhalin State University

The article examines the risks of activities of foreign oil and gas companies as factors that stimulate the interest of companies in the implementation of corporate social responsibility (CSR) programs. The paper substantiates the thesis that CSR programs are an element of companies' strategies to minimize risks caused by unfavorable environmental conditions. The authors highlight technogenic, environmental, political and social risks in the activities of oil and gas companies. It also highlights risks associated with the activities of organized pressure groups and international non-governmental organizations. Ignoring those risks by oil and gas companies can lead to significant negative economic and reputation consequences for them. However, such risks can be minimized through CSR programs that contribute to strengthening relations with local communities and social development of the regions where oil and gas companies are present.

Keywords: Corporate social responsibility, risks of the oil and gas industry.

References

1. ISO 26000: 2010 standard. Social Responsibility Guidehttps://www.iso.org/ru/iso-26000-social-responsibility.html
2. Bowen H. R. 1953 Social Responsibilities of the Businessman. Harper & Row: N. Y. p. 298.
3. Zavyalova EB Corporate social responsibility: evolution of approaches and ideas / E.B. Zavyalova // Financial business. – 2018. – No. 2 (193). – S. 26–31.
4. Spence D.B. Corporate Social Responsibility in the Oil and Gas Industry: The Importance of Reputational Risk, 86 Chi.-Kent L. Rev. 59 (2011). p. 59–85. Available at: https://scholarship.kentlaw.iit.edu/cklawreview/vol86/iss1/4
5. Oil spill from the tanker "Valdez". 12 Sep 2018.https: //www.exxonmobil.ru/ru-RU/Energy-and-technology/Tools-and-processes/Risk-management-and-safety/The-Valdez-oil-spill#Overview

6. Oil spill in the Gulf of Mexico on April 22, 2010. https://ria.ru/20140422/1004524045.html
7. Amaeshi Kenneth, Olufemi O. Amao. Corporate Social Responsibility (CSR) in Transnational Spaces: An Institutionalist Deconstruction of MNCs' CSR Practices in the Nigerian Oil and Gas Sector. CSGR Working Paper 248/08. July 2008. p. 34.
8. Sapuntsov A.L. Corporate social responsibility as a tool for transnational corporations from developing countries to enter African markets. // World economy. 2015. No. 4 (125). S. 170–173.
9. Social responsibility of oil and gas companies // Energy Bulletin (Analytical Center for the Government of the Russian Federation). November 2015. Issue No. 30. – p. 33.
10. Theory and Practice of Corporate Social Responsibility, S.O. Idowu, C. Louche (eds.), DOI 10.1007 / 978–3–642–16461–3, C _ Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2011. p. 58
11. Novikova N.I. Hunters and Oilmen: A Study in Legal Anthropology. Moscow: Nauka, 2014.407 p.
12. Khaknazarov S. Kh. The relationship between subsoil users and owners of territories of traditional nature management in the light of sociological research // Regionalistics. 2018.Vol. 5. No. 1. P. 59–68. DOI: 10.14530 / reg.2018.1.59
13. Todorov A.A. Approaches of foreign countries to the legal regulation of the development of oil and gas resources on the Arctic shelf // Arctic and North. 2018. No. 30, pp. 40–59. DOI: 10.17238 / issn2221–2698.2018.30.40
14. Nikitina E., Pusenkova N., Lo D., Kelman I. Principles of sustainable development of the oil and gas industry in the Arctic: business responsibility to the local population and nature // Arctic vedomosti. 2015. No. 3 (14). S. 60–73.
15. Renewable energy sources as a new development step for oil and gas companies. kpmg.ru. December 2019 p. 10. https: //assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/12/en-ru-renewable-energy-sources-for-oil-and-gas.pdf
16. Perfiliev S.V., Solomonov A.P. Key aspects of consolidation in the global oil refining industry at the present stage // Online magazine "Science" Volume 8, No. 4 (2016). P. 64. http: //naukovedenie.ru/PDF/02EVN416.pdf

Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое положение иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации

Водопетов Сергей Алексеевич,
аспирант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: servodopetov@yandex.ru

Автором рассмотрено влияние пандемии COVID-19 на миграционные процессы, происходящие на территории Российской Федерации. В ходе исследования были рассмотрены такие проблемные аспекты текущей ситуации в государстве, как дефицит иностранных трудовых ресурсов и сопутствующие вызовы для российской экономики, проявившиеся сложности в социальном положении мигрантов, изменение законодательства в контексте пребывания граждан иных страны на территории Российской Федерации в новых эпидемиологических условиях, влияние миграционных процессов на социально-политическую стабильность современного российского общества. Кроме того, в исследовании были проанализированные данные Федеральной службы государственной статистики за 2020 г. в сфере миграционных процессов, в том числе в контексте ситуации в ряде субъектов Российской Федерации, учтено влияние уровня миграции на общую демографическую ситуацию в Российской Федерации.

Ключевые слова: Россия, Российская Федерация, пандемия, миграция, миграционные процессы, COVID-19, коронавирус.

Влияние пандемии COVID-19 на миграционные процессы в Российской Федерации

В 2020 г. на социально-политическую стабильность Российской Федерации, как и большинства стран мира, в значительной мере повлияла эпидемиологическая ситуация, спровоцированная новой коронавирусной инфекцией COVID-19.

Необходимо отметить, что кроме граждан Российской Федерации, пандемия в значительной степени повлияла на социальное положение иностранных граждан, проживающих на территории страны, в частности, трудовых мигрантов. Ситуация не является уникальной, мировое сообщество наблюдает схожие тенденции. Важно отметить, что миграционная составляющая является ключевым фактором общего стабильного эволюционного развития государства, традиционно выступает в роли катализатора различных политических решений и изменения общественных настроений [1].

Для российского государства положение и количество прибывающих иностранных трудовых мигрантов являются важным фактором социальной и политической стабильности. В частности, миграционные процессы позволяют в значительной степени нивелировать демографические спады, а также заполнить нишу низкоквалифицированной рабочей сила на трудовом рынке, которая, как показывает практика, не пользуется высоким уровнем популярности среди населения в связи с низкими показателями оплаты труда.

Если рассматривать демографическую сторону вопросу, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, число постоянного населения Российской Федерации на момент 1 декабря 2020 г., согласно оценке ве-

домства, равнялось 146,3 миллиона человек. Важным показателем, также следующим из опубликованных данных Росстата, является факт того, что рост численности населения наблюдается только в 21 субъекте Российской Федерации. Совокупное сокращение численности населения по с начала года составило 483,8 тысяч человек. Эти цифры являются рекордным показателем убыли населения России в XXI веке.

При этом, миграционные процессы компенсировали всего 15,9 процентов естественной убыли населения, что является самым низким показателем за последние 10 лет. Указанное явление можно напрямую связать со снижением общего показателя прибывших мигрантов на территорию Российской Федерации в 2020 г. Так, если в 2019 г. в страну въехало 4 367 503 мигранта, что составляет 325,3 мигранта на 10 тысяч человек населения, то в 2020 г. общее число въехавших на территорию России иностранных граждан составило 3 747 134 человека, что составляет 279,6 человека на 10 тысяч населения [2].

Резкое снижение количество прибывающих на территорию Российской Федерации на более чем 600 000 человек не является уникальным явлением, характерным исключительно для отечественных миграционных процессов. Более значимым выглядит сопутствующих показатель, являющийся крайне важным для российского сектора экономики – миграционный прирост населения.

Понятие миграционного прироста обозначается в демографии в виде разности между теми, кто прибывает в какую-либо страну (область, территорию) на постоянное место жительства, и теми, кто ее безвозвратно покидает. Так, в 2020 г., по сравнению с 2019 г., миграционный прирост на территорию Российской Федерации, полученный в основном посредством трудовой миграции из сран СНГ и ближнего зарубежья, сократился на 64,9% (в количественном представлении – 168,3 тысяч человек) – снизилось количество въезжающих, увеличилось количество выезжающих.

Конечно, основным фактором, обеспечивающих негативную динамику миграционного прироста, выступила пандемия коронавируса, но присутствует также иные факторы, исходящие из экономической сферы, связанные с негативными. Российская экономика, на текущий момент, находится в кризисном состоянии, вызванные наличием санкционного режима, резкими колебаниями цен на углеводороды.

Наиболее ярко иллюстрирует общий негативный тренд положение российского рубля, который в последние годы в значительной степени ослабила свои позиции по отношению к двум основным основополагающим мировым валютам – доллару и евро. Таким образом, определенное число потенциальных трудовых мигрантов отказывается от перемещения на территорию Российской Федерации, в связи с экономическими причинами, выражающимися в том, что уровень реального дохода иностранной рабочей силы в значительной степени упал и целесообразность пребывания в России несколько снижается.

Таким образом, благодаря совокупности имеющихся негативных факторов, значительно сокративших миграционную сторону компенсации убыли населения, начала проявляется реальная демографическая ситуация в стране. Большинство регионов государства имеют отрицательные показатели прироста населения, а относительно положительная динамика наблюдается, в основном, в крупных экономических центрах и городских агломерациях, а также национальных республиках [3]. Примечательно, что только в упомянутых национальных республиках происходит естественный рост населения посредством повышения рождаемости, тогда как в других субъектах положительная динамика достигается посредством приезжих – как внутренней миграции, так и зарубежной.

К примеру, согласно данным Росстата за последние три года, наибольший прирост населения среди субъектов Российской Федерации наблюдал-

ся в городе федерального значения Севастополь. Основным фактором, повысившим общее количество жителей в регионе, стал активный приток российских граждан с материковой части России, спровоцированный климатическими особенностями Крыма, реализацией ряда крупных инфраструктурных объектов и т.д. Примечательно, что в случае с Севастополем общая доля иностранной рабочей силы, задействованной в городе, относительно мала, в связи с чем последствия падения количества трудовых мигрантов в 2020 г. оказались весьма относительными.

Необходимо отметить, что наибольший количественный прирост населения наблюдается в Московском регионе. Примечательно, что в Москве и в Московской области, несмотря на имеющееся общее увеличение числа проживающих, наблюдается нехватка трудовых ресурсов. Указанный фактор обусловлен тем, что, миграционный прирост в городской агломерации был обусловлен в основном внутрироссийскими миграционными процессами, связанными с переселением высококвалифицированных категорий граждан, а низкоквалифицированные вакансии, традиционно занимаемые иностранной рабочей силой, продолжили наблюдать дефицит кадров в силу сокращения количественных показателей миграции из СНГ и стран ближнего зарубежья.

В качестве факторов, дополнительной оказывающих негативное влияние на количество прибывающих иностранных трудовых мигрантов, выступают такие, как отсутствие социальной и политической поддержки мигрантов. В частности, при социо-медийной аналитике сообществ мигрантов в социальных сетях среди основополагающих моментов, на которые обращают внимание участники групп, является тезис о том, что иностранные мигранты во многом остались без поддержки в период пандемии со стороны принимающего государства. На первичном этапе, в период введения карантинных мер, большинство из представителей иностранных трудовых мигрантов остались без источников дохода и возможности выехать на территорию своей страны.

В связи с указанными выше факторами, общее число въехавших в страну иностранных мигрантов по сравнению с 2019 г. сократилось на 15,2% (95, 1 тысяч человек в количественном эквиваленте), а общее количество мигрантов из стран бывшего СССР сократилось на 13,8% или 76,6 тысяч человек. При этом, количество выехавших из России мигрантов увеличилось на 20% или 73,2 тысячи человек, в рамках СНГ рост наблюдается на уровне 17,7% или 56,8 тысяч человек. В 2020 г. в целом в рамках обмена населением со всеми сопредельными с Российской Федерацией странами наблюдается устойчивое сокращение миграционного прироста.

Несмотря на общее положительное сальдо в пользу прибывших, снижение общего числа иностранной рабочей силы оказалось существенное воздействие на ряд отраслей. В частности, мэр Москвы С.С. Собянин заявил, что резкое снижения количества иностранных трудовых мигрантов непосредственно сказалось на нехватке сотрудников сферы ЖКХ города и, как следствие, уровень затрат столицы в указанной сфере деятельности в значительной степени вырос [4]. Схожие тенденции наблюдаются и в других крупных городских агломерациях на территории Российской Федерации, в частности, в Санкт-Петербурге (преимущественно в строительстве) [5, 6].

В совокупности, превышение въехавших мигрантов на выбывшими в России в 2020 г. составило, по данным Росстата, 91 тысячу человек. При этом, в 2019 г. аналогичный показатель составил 259 тысяч человек. Таким образом количество работников, потенциально имевших возможность попасть на рынок труда, сократилось почти втрое, что вызвало резкий дефицит кадров в различных отраслях экономики. Примечательно, что единственными государствами-участниками СНГ, граждан которых покинуло территорию

Российской Федерации, чем въехало, стали Армения и Беларусь. В противоположном качестве выступили Украина и Таджикистан, где спад притока граждан на территорию России оказался наименьшим.

На прямой в количественном выражении соотношения прибывших и уехавших мигрантов по итогам года, наблюдается небольшая положительная динамика, выразившаяся в сокращении количество покидающих страну. В первую очередь, указанная тенденция обусловлена решением Правительства РФ, размещающее легальное пребывание мигрантов на территории государства до июня 2021 г. При этом, количество населения, въезжающего в страну по-прежнему подвержено стагнации и менее выраженным процентным соотношением.

В качестве прогноза, можно предположить, что в 2021 г. миграционный баланс восстановлен не будет, т.к. в государстве продолжат действовать эпидемиологические ограничения, наблюдается экономический спад. При этом, по мнению автора, в среднесрочной и долгосрочной перспективе миграционные процессы восстановятся, т.к. Российская Федерация заинтересована в привлечении иностранных трудовых ресурсов.

Литература

1. Белоконев С.Ю., Водопетов С.А., Иванов В.Г. Влияние миграции из Венесуэлы на внутриполитическую ситуацию в США // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-iz-venesuely-na-vnutripoliticheskuyu-situatsiyu-v-ssha (дата обращения: 10.04.2021).
2. Демография (январь-декабрь 2020 г.). Информация о социально-экономическом положении России – 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (дата обращения: 10.04.2021).
3. В России названы регионы-лидеры по приросту численности населения // ФГБУ «Редакция „Российской газеты“». URL: https://rg.ru/2021/04/05/reg-ufo/v-rossii-nazvany-regiony-lidery-po-prirostu-chislennosti-naseleniia.html (дата обращения: 10.04.2021).
4. Собянин заявил о нехватке рабочих в городских службах Москвы // Информационный портал газеты «Известия» // [Электронный ресурс] URL.: https://iz.ru/1075141/2020–10–18/sobianin-zaiavil-o-nekhvatke-rabochikh-v-gorodskikh-sluzhbakh-moskvy (дата обращения: 10.04.2021);
5. В Петербурге почти на 90% сократилось число трудовых мигрантов // ИА Life // [Электронный ресурс] URL.: https://life.ru/p/1352937 (дата обращения: 10.04.2021);
6. Первому застройщику из Петербурга разрешили вернуть мигрантов // Группа компаний «РБК» // [Электронный ресурс] URL.: https://www.rbc.ru/spb_sz/03/02/2021/601aa32b9a79479e473dd1b4 (дата обращения: 10.04.2021).

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE MIGRATION PROCESSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vodopetov S.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The author examined the impact of the COVID-19 pandemic on migration processes taking place in the Russian Federation. The researh examined such problematic aspects of the current situation in the state as a shortage of foreign labor resources and related challenges for the Russian economy, difficulties in the social situation of migrants, changes in legislation in the context of the stay of citizens of other countries on the territory of the Russian Federation in new epidemiological conditions, the impact migration processes on the socio-political stability of modern Russian society. In addition, the study analyzed data from the Federal State Statistics Service for 2020 in the field of migration processes, including in the context of the situation in a number of constituent entities of the Russian Federation,

taking into account the impact of the level of migration on the general demographic situation in the Russian Federation.

Keywords: Russia, Russian Federation, pandemic, migration, migration processes, COVID-19, coronavirus.

References

1. Belokonev S. Yu., Vodopetov S.A., Ivanov V.G. Influence of migration from Venezuela on the internal political situation in the USA. Series: Political Science. 2019. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-iz-venesuely-na-vnutripoliticheskuyu-situatsiyu-v-ssha (accessed: 10.04.2021).
2. Demography (January-December 2020). Information about the socio-economic situation of Russia-2020 // Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (accessed: 10.04.2021).
3. In Russia, the leading regions in terms of population growth are named // FSBI "Editorial Office of the "Russian Newspaper"". URL: https://rg.ru/2021/04/05/reg-ufo/v-rossii-nazvany-regiony-lidery-po-prirostu-chislennosti-naseleniia.html (accessed: 10.04.2021).
4. Sobyanin stated about the lack of workers in the city services of Moscow // Information portal of the newspaper "Izvestia" // [Electronic resource] URL.: https://iz.ru/1075141/2020–10–18/sobianin-zaiavil-o-nekhvatke-rabochikh-v-gorodskikh-sluzhbakh-moskvy (accessed: 10.04.2021);
5. In St. Petersburg, the number of labor migrants has decreased by almost 90% // IA Life // [Electronic resource] URL.: https://life.ru/p/1352937 (accessed: 10.04.2021);
6. The first developer from St. Petersburg was allowed to return migrants // Group of companies " RBC " // [Electronic resource] URL.: https://www.rbc.ru/spb_sz/03/02/2021/601aa32b9a79479e-473dd1b4 (accessed: 10.04.2021).

Доказательная государственная политика: возможности и ограничения

Галлямова Эльвира Маратовна,
аспирант, кафедра прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: elya_gallyamova@mail.ru

Доказательная государственная политика – подход, целью которого является совершенствование системы управления государством. Согласно данному подходу, государственные решения, преобразования и реформы должны обязательно быть обоснованы при помощи результатов научных исследований и широкой доказательной базы. Подход призван помочь чиновникам в выборе оптимальной стратегии для осуществления нормативного и правового регулирования. В условиях неопределенности и необходимости быстро принимать политические решения есть риск того, что исследования и опыт из отдельных областей науки может доминировать при обсуждении политики, в результате чего решения принимаются без должного учета компромиссов.

Ключевые слова: доказательная государственная политика, научно – обоснованная политика, доказательный подход, оценка регулирующего воздействия, исследователи, политики.

Всё большее распространение в развитых странах мира приобретает новый подход, основная задача которого – способствовать совершенствованию системы управления государством. Данный подход подразумевает, что будет разработана и реализована «доказательная государственная политика» (от англ. «evidence based policy») [1].

При помощи результатов научных исследований, широкой доказательной базы осуществляется нормативное и правовое регулирование. Изначально термин «evidence based policy» был применен к медицинской практике. Оказалось, например, что многие виды лечения, предписываемые докторами, не имеют никакого научного подтверждения. Позднее в США и Великобритании стали таким же образом подходить к другим видам принятия решений, в том числе в сфере социальной политики [1].

Как показывает практика, разработка доказательной государственной политики может обеспечить широкий ряд преимуществ, в число которых входят: экономия бюджетных средств и иных ресурсов путем разработки более эффективного комплекса мер (что особенно актуально для стран с растущим дефицитом государственного бюджета); более эффективно реализуются государственные расходы и распределяются общественные блага; бюджетные затраты становятся обоснованными и эффективными. Таким образом, минимизируются риски и учитываются альтернативные издержки.

«Доказательства», по мнению сторонников подхода, должны использоваться не только в точных науках, но и при регулировании социально экономических отношений.

При этом стоит учитывать, что в случае доказательной политики «доказательства» – это обоснование политики, подкрепленное фактами. При принятии

решений и выборе оптимальных вариантов специалист должен опираться на три важные составляющие доказательной практики:

– изучить все важнейшие исследования, сделанные ранее;
– учитывать получателей услуг и их цели и намерения;
– осуществлять мониторинг изменения обстоятельств в области в отношения которой необходимо принятия решений.

С самых общих позиций невозможно оценить собственные разработки, их безопасность и эффективность, не прибегая к сравнению с лучшими исследованиями по той же тематике.

В ряде стран, признающих доказательный подход, принято формировать базы данных, которые помогают специалистам в короткие сроки найти ключевые исследования по необходимой теме. Например, в базе доказательных практик, составленной Social Work Policy Institute можно найти данные по различным темам.

Реализация доказательной политики в современных условиях невозможна без учета экспериментальных исследований. Так, в 70-е годы в Америке был проведен ряд крупных экспериментов, благодаря которым удалось определить результативность социальных программ и усовершенствовать систему соцподдержки. С годами качество экспериментов росло и их стали применять для регулирования сферы образования, борьбы с бедностью и других.

Кроме экспериментов зачастую в основу доказательной политики ложатся статистические данные, мониторинг которых осуществляется в рамках деятельности государственной статистики. Используя эти данные и наблюдения, исследователи проводят научный анализ и выявляют возможности и ограничения реализуемой политики.

Подход, связанные с реализацией доказательной политики имеет существенные ограничения. Стоит учитывать, что «доказательства» могут быть исследованы без учета значимых аспектов, так как в ряде случаев сложно проверить правильность и точность применения научных принципов и методов. Кроме того, сами политики могут намеренно использовать только те «доказательства», которые им выгодны.

Именно поэтому можно считать доказательной только ту практику, которая соответствует множеству строгих требований: от достаточного количества исследований до специалистов, способных найти качественную информацию, обработать ей и критически оценить результат исследования.

В российской литературе относительно немного исследований, посвященных теме доказательной политики. Преимущественно зарубежные авторы исследовали данную тему. В ряде работ комплексно исследуется, что представляет собой подход на практике [18]. Отдельного упоминания заслуживают исследования, в которых рассматриваются отдельные элементы доказательной государственной политики – например, соответствие процедуры «Оценки воздействия» («Impact Assessment») подходу[18], реформирование системы доказательной государственной политики и др[14].

В ряде теоретических работ широко обсуждаются методологические проблемы доказательного подхода, в том числе: ненадлежащее использование статистических данных[11], несовершенство доказательной базы[7], проблемы «черного ящика» – отсутствия понимания того, как конкретно работает политика, и что именно надо доказывать[4], широко распространенные неверные представления, существующие в отношении доказательного подхода[13], разрыв между теоретическими положениями подхода и их реализацией на практике[13], качество подхода[5], противоречие между результатами для отдельного примера и другими сложившимися «лучшими практиками» и т.д.

Множество работ посвящено конкретным областям приложения доказательного подхода: разработка мер по борьбе с бедностью и кризисной ситуацией в развивающихся странах, управление исправительными учреж-

дениями США[12], политика Евросоюза по увеличению потребления биотоплива[17] и т.п.

Из числа последних значимых работ стоит отметить комплексное исследование применения доказательного подхода к социальной политике в 6 европейских странах и мире в целом[3]. Вместе с тем, ряд исследователей не только обсуждают методологические проблемы подхода, но и подвергают ЕВРМ жесткой критике. Так, в одной из последних работ[9] доказывается несостоятельность подхода в сфере регулирования цен на алкоголь, борьбы с пассивным курением, глобального потепления и уровня удовлетворенности жизнью. Аналогичный вывод сделан по поводу применения подхода к миграционной политике Австралии[10]. Авторы другой работы вообще предлагают заменить подход ЕВРМ на проведение комплексного и всестороннего анализа разрабатываемых мер регулирования[6].

Возможность применения доказательного подхода при принятии политических решений оценивается неоднозначно исследователями, например М. Хаммерслей в своих работах критикует доказательный подход к разработке социальной политики[8]. К возможным проблемам он относит то, что принятие решений, основанных на результатах научных исследований:

- недостаточно пристально фокусируется на проблемах политиков или практиков;
- не дает актуальных результатов в то время, когда они необходимы, исследования проводятся слишком долго;
- формулирует противоречивые и, следовательно, неточные доказательства;
- предоставляет доказательства, которые не соответствуют сложившейся практике;
- обосновывает выводы, недоступные практикам (из-за различия в уровне владения научными методами).

Исследования позволяют сделать выводы, которые могут быть положены в основу политики на национальном уровне, на институциональном уровне или на местах. Именно эта идея послужила толчком к призывам правительства к проведению социальных исследований для того, чтобы иметь представления и доказательства того, какая политика и практика работают[8].

Однако, с точки зрения М. Хаммерслей, на практике зачастую можно столкнуться с негативными последствиями применения результатов исследований:

- увеличение вероятности предвзятости;
- дальнейшее сокращение средств, выделяемых на исследования, которые непосредственно не связаны с тем, что в настоящее время является приоритетными вопросами политики;
- увеличение количества исследований, которые пытаются ответить на вопросы, на которые просто невозможно эффективно ответить в настоящее время;
- дальнейшее сокращение сроков выполнения научно-исследовательских проектов, что сделает поддержание качества научно-исследовательской работы еще более трудным делом, чем оно есть на самом деле[8].

Таким образом, результаты не будут достигнуты, или будет осуществляться злоупотребление исследованиями как средством поддержки проведения определенной политики.

По мнению автора, причиной этого является то, что лицам, принимающим решения в области государственной политики необходимо учитывать опыт и экспертные мнения. Таким образом, практика не может основываться исключительно на исследованиях. Кроме того, они не могут предоставить всю необходимую практическим специалистам информацию. Диапазон информации и предположений, связанных с большинством форм профессиональной практики, очень широк. Проблема заключается не только в нехватке ресурсов, она носит более фундаментальный характер.

Вероятно, существуют значительные различия между практиками и ис-

следователями в отношении стандартов, которые они используют при принятии или отклонении утверждений о знании. По некоторым данным, социальные исследования, смоделированные на основе науки, делают акцент на том, чтобы избегать ложных положительных результатов, а не ложных отрицательных. Это то, что иногда называют организованным скептицизмом [2]; и это подход, который необходим для того, чтобы максимизировать вероятную достоверность того, что принято считать результатами исследований.

М. Хаммерслей предполагает, что существует фундаментальный контраст в ориентации между исследователями и практиками, и результатом этого является несоответствие между тем, что обе группы рассматривают как достоверное знание. Одним из следствий этого является то, что критика исследователей в адрес политиков и практиков иногда наивна или утопична. Точно так же критика практиками исследований часто свидетельствует о том, что они не понимают то, что необходимо для того, чтобы прийти к обоснованным выводам[8].

Сама природа исследований или, по крайней мере, исследований академического или научного характера заключается в том, что они часто не могут предоставить знания, которые, по мнению политиков и практиков, им необходимы в то время, когда они в них нуждаются. Более того, усвоение информации, полученной в результате исследований, всегда требует времени, и практикующие часто принимают решения в условиях ограниченного ресурса времени.

Таким образом, исследования имеют меньшую ценность, чем предполагает модель практики, основанной на исследованиях – доказательной политики. Например, один из путей убеждения политиков в том, что исследования играют значительную роль при принятии решений –обосновать те выводы, к которым уже пришли политики. Таким образом, очевиден большой риск того, что исследования могут быть инструментом обоснования тех решений, которые кажутся более результативными лицам, принимающим решения.

Литература

1. Волошинская А., Комаров В. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы //Вестник ИЭРАН. – 2015. – № 4. – С. 90–102.
2. Петров М.К. Методологическая эволюция Р.К. Мертона // Социология науки и технологий. 2010. № 4.
3. Ashley Lenihan. Lessons from abroad: International approaches to promoting evidence–Based social policy, 2013
4. David F Marks. Perspectives on evidence-based practice, 2002
5. ESRC Research Methods Programme. Assessing the quality of evidence in evidence-based policy: why, how and when? Ray Pawson
6. Giada De Marchi, Giulia Lucertini, Alexis Tsoukiàs. From Evidence-Based Policy-Making to Policy Analytics, 2012
7. GökhanOrhan. Lack of Evidenceas Evidence: The Case of Air Pollution in Turkey, 2012
8. Hammersley, M.(2005). The myth of research-based practice: the critical case of educational inquiry. International Journal of Social Research Methodology, 8(4), pp. 317–330.
9. JamieWhite. QuackPolicyAbusingScienceintheCauseofPaternalism, 2013
10. Jeremy Northcote& Suzy Casimiro. A Critical Approach to Evidence-based Resettlement Policy: Lessons Learned from an Australian Muslim Refugee Sports Program, 2009
11. Marco Segone, Nicolas Pron. The role of statistics in evidence-based policy making, 2008
12. Meghan Guevara, Crime and Justice Institute, Implementing Evidence-Based Policy and Practice in Community Corrections. 2009
13. Michael Hallsworth, with Simon Parker and Jill Rutter. Policymaking in the real world, 2011
14. Muiris Mac Carthaigh. Reform of Public Policy-making in Ireland, 2013

15. Nicoletta Stame. Theory-based Evaluation and Types of Complexity, 2004
16. Norman Leeand Colin Kirk patrick. Evidence-based policy-making in Europe: an evaluation of European Commission integrated impact assessments, 2006
17. Sharman, A. and Holmes, J. Evidence-based policy or policy-based evidence gathering? Biofuels, the EU and the 10% target, 2010
18. SiobhanCampbell. Analysis for policy: evidence-based policy in practice, 2007

EVIDENCE-BASED PUBLIC POLICY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Gallyamova E.M.
St. Petersburg State University

Evidence-based public policy is an approach aimed at improving the state governance system. According to this approach, government decisions, transformations and reforms must necessarily be justified using the results of scientific research and a broad evidence base. The approach is designed to help officials choose the optimal strategy for implementing regulatory and legal regulation. In the face of uncertainty and the need to make political decisions quickly, there is a risk that research and experience from specific areas of science may dominate policy discussions, resulting in decisions being made without due regard for trade-offs.

Keywords: evidence-based public policy, evidence-based policy, evidence-based approach, regulatory impact assessment, researchers, politicians

References

1. Voloshinskaya A., Komarov V. Evidence-based state policy: problems and prospects // Vestnik IERAN. – 2015. – No. 4. – S. 90–102.
2. Petrov MK Methodological evolution of RK Merton // Sociology of science and technology. 2010. No. 4.
3. Ashley Lenihan. Lessons from abroad: International approaches to promoting evidence – Based social policy, 2013
4. David F Marks. Perspectives on evidence-based practice, 2002
5. ESRC Research Methods Program. Assessing the quality of evidence in evidence-based policy: why, how and when? Ray pawson
6. Giada De Marchi, Giulia Lucertini, Alexis Tsoukiàs. From Evidence-Based Policy-Making to Policy Analytics, 2012
7. GökhanOrhan. Lack of Evidenceas Evidence: The Case of Air Pollution in Turkey, 2012
8. Hammersley, M. (2005). The myth of research-based practice: the critical case of educational inquiry. International Journal of Social Research Methodology, 8 (4), pp. 317–330.
9. JamieWhite. QuackPolicyAbusingScienceintheCauseofPaternalism, 2013
10. Jeremy Northcote & Suzy Casimiro. A Critical Approach to Evidence-based Resettlement Policy: Lessons Learned from an Australian Muslim Refugee Sports Program, 2009
11. Marco Segone, Nicolas Pron. The role of statistics in evidence-based policy making, 2008
12. Meghan Guevara, Crime and Justice Institute, Implementing Evidence-Based Policy and Practice in Community Corrections. 2009
13. Michael Hallsworth, with Simon Parker and Jill Rutter. Policymaking in the real world, 2011
14. Muiris Mac Carthaigh. Reform of Public Policy-making in Ireland, 2013
15. Nicoletta Stame. Theory-based Evaluation and Types of Complexity, 2004
16. Norman Lee and Colin Kirk patrick. Evidence-based policy-making in Europe: an evaluation of European Commission integrated impact assessments, 2006
17. Sharman, A. and Holmes, J. Evidence-based policy or policy-based evidence gathering? Biofuels, the EU and the 10% target, 2010
18. Siobhan Campbell. Analysis for policy: evidence-based policy in practice, 2007

Теоретико-методологические основы изучения служебного поведения в отечественной научной литературе второй половины XX века

Погребной Дмитрий Николаевич,
адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: d.pogrebnoi@list.ru

Осипенко Эдуард Борисович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: ed.osip68@rambler.ru

В представленной статье рассмотрены существовавшие во второй половине XX века теоретические подходы к изучению, а также возникшая актуальность регулирования сложившихся типов трудового и служебного поведения на предприятиях у сотрудников и государственных служащих. Трудовое и служебное поведение работника рассматривается как совокупность элементов действий работника в трудовом коллективе под влиянием объективных и субъективных факторов. Анализируются возможности применения на практике механизмов воздействия на поведение работника, с целью получения необходимого результата и улучшения качества процесса производства. Проведен анализ научной литературы и описаны сходство и различие социологических категорий поведения и действия работника. Социологическая диагностика служебного поведения наиболее актуальна в совокупности с изучением и сравнением с социальным, экономическим, производственным, демографическим и другими типами социального поведения работника, включенного во все социальные сферы жизни общества.

Ключевые слова: трудовое поведение, служебное поведение, действие, работник, военнослужащий.

Результат эффективности трудовой деятельности в большей мере будет зависеть от максимального использования трудового потенциала работников, их активности, инициативности и находчивости. Задача стимулирования социальной активности работника является наиболее актуальной в любой профессиональной, трудовой и служебных сферах. Во второй половине XX века для обеспечения успешного становления и развития трудовых отношений проводился комплекс социологических исследований, направленных на разработку системы социальной регуляции трудового поведения, которые создадут условия для результативного использования человеческого фактора и позволит в максимальной мере реализовать возможности работников и трудовых коллективов. Таким образом, было актуализировано изучение механизмов формирования трудового поведения работников, а также служебного поведения служащих государственных предприятий и влияющих на них факторов.

Социальный феномен поведения работников первоначально изучался в рамках социальной психологии. Социологические же исследования данной проблемы проводились в рамках широкого понятийного поля и часто понимались под такими понятиями как трудовая деятельность, трудовая активность и трудовое поведение. Такая ситуация сложилась из-за недостаточной разработанности трудового поведения сотрудников как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. И, хотя, обозначенная проблема ранее эмпирически изучалась и описывалась в отдельных научных и теоретических работах, в конце XX века не имела никакой специальной работы, посвященной систематическому исследованию осо-

бенностей трудового (служебного) поведения из-за условий перехода экономики на рыночные рельсы. Первые же результаты указанной проблемы были получены и нашли свое отображение в социально-философской, социально-экономической и социально-психологической отечественной литературе.

Исследования различных типов работников и служащих, в зависимости от мотивации трудовой деятельности, отношения к работе, профессиональной специфики, которые по характеру существенно отличаются личной и общественной ценностью работы, посвящены работы В.Ф. Андриенко, Н.М. Блинова, А.Г. Здравомыслова, А.О. Ручки, М.А. Сакады, В.А. Ядовым [1, 2, 3, 4, 5]. Основные факторы эффективности трудовой деятельности и трудового поведения, а также проблемы их оценки изучались Н.Ф. Наумовой, А.О. Ручки, М.А. Сакады, Д.А. Шоповым [4, 6, 7] и др. Рассмотрение трудового поведения с разных сторон хозяйственного механизма изучалось В.И. Герчаковым, П.О. Гордоном, В.Г. Гребенщиковым, С.С. Шаталиным [8] и другими учеными.

Пристальное внимание разработке теоретико-методологических проблем трудовой деятельности и поведения и их понятийного аппарата уделялось в работах, Т.И. Заславской, В.Н. Ладенкова, В.Г. Подмаркова, Р.В. Рывкиной [9, 10]. Проблемы ценностно-нормативной регуляции и особенности влияния различных сторон общества изучались Е.М. Пеньковым, А.О. Ручкой, М.А. Сакадой, К.В. Шороховой, В.А. Ядовым [4, 5, 11, 12]. Углубленному представлению о путях самореализации личности, ее ценностных ориентациях и перспективы развития способствовали труды В.М. Шубкина [13].

Философскому, социологическому, и социально-психологическому анализу внутриколлективных отношений, диалектике развития коллектива и его социальных характеристик посвящены работы Г.В. Бадеевой, О.И. Зотовой, М.С. Мансурова, В.И. Патрушева [14, 15, 16, 17]. В работах И.П. Волкова, Ю.Н. Емельянова, А.Г. Ковалева [18, 19, 20] рассматривались проблемы и особенности управления трудовым и производственным коллективом. Работы А.И. Абрамовой посвящены рассмотрению условий повышения качества управления производства, формирования, становления менеджмента и подготовки специалистов работы.

Недостаточное количество научной литературы и накопленных знаний в области управления персоналом и организациями, и предприятиями, перестраивавшимся по функционирование в условиях рыночной экономики и усиливающейся конкуренции, выявило потребность в новых знаниях в данной сфере. В работах С.В. Шекшни рассматривается управление персоналом для наиболее эффективного функционирования организации.

Значительное внимание уделялось научной и практической значимости работ, в которых изучалось трудовое поведение работников. Необходимо обозначить, что в отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует целостный анализ данной проблемы, который сочетал бы в себе освещение методологических, теоретических и практических сторон. Так, в значительной части исследований внимание концентрируется скорее не на поведении, а на показателях экономической эффективности работы. Недостаточное внимание уделяется новым чертам в поведении работника, например, их поведенческим реакциям на значительные государственные и социально-экономические преобразования, которые касаются остальных интересов работников. Исключительно редко виды поведения связаны с ее социально-экономическими регуляторами, в первую очередь с государственным механизмом и другими социальными институтами. Между тем, изучение социального механизма трудового поведения крайне актуально из-за того, что для ускорения развития экономической реформы необходимо побороть дисфункциональность некоторых социальных процессов, которые носят нежелатель-

ный для общества характер. Примером таких процессов служит послабление действенных стимулов научно-технического прогресса, ухудшение положения некоторых социально-профессиональных групп, работников до работы, падение трудовой и производственной дисциплин. Появление таких процессов свидетельствует про дисфункции регулирующих их механизмов и необходимости их совершенствования. Остальное потребует научных знаний про сущность механизма трудового поведения, его строения, закономерности функционирования и регулирования.

В социологической литературе поведение рассматривается как личностный аспект деятельности и определенный комплекс действий, имеющих качественное выражение внутренних целей и мотивов, созданного социального климата, содержания трудовой деятельности и ожидания получаемого вознаграждения. Категория поведения в своей сфере охвата является более узкой, чем категория деятельности, поскольку последняя имеет реально противоречивый характер и противоречивый моральный характер и поэтому всегда заметна извне. В то же время в научной литературе рассматриваемые термины «поведение» и «действие» нередко используются со схожими значениями, когда действие рассматривается через структурированную систему взаимодействующих между собой компонентов поведения. Социально-экономические группы показателей трудового поведения относятся к более широкой категории, где и рассматривается некоторыми авторами как составляющие их компоненты, которые в свою очередь делятся на множество различных типов.

Одним их подходов к изучению трудового поведение работника в научной литературе является отождествление его только с производственным поведением или производственной деятельностью. В подходе не уделяется должного внимания особенностям социально-психологических и психофизиологических качественных характеристик личности каждого сотрудника, которые оказывают существенное влияние на их трудовой потенциал. Необходимо принимать во внимание не только экономические, но и социально-поведенческие стороны трудовой деятельности работника. Поэтому суть трудового поведения работника заключается как в создании общественно необходимого продукта, так и в личном использовании и развитии качеств, то есть воспроизведении физических и духовных сил работника, увеличения его знаний, развития навыков, умений, способностей для самореализации и творчества.

Существуют различные типы поведения на работе. Можно также сказать, что демографическое поведение – это поведение, связанное с недопущением прекращения, сохранением и воспроизводством жизни. Тип поведения, связанный с профессиональной мобильностью, выражается в особом интересе работников между сферами занятости, отраслями, профессиями, регионами и учреждениями. Образовательное поведение людей выражается в выборе профессии, форм специальной подготовки, эффективности получения знаний. Оно является фактором образования в структуре профессиональной квалификации и социального качества человеческих ресурсов. Профессиональное поведение работников, работающих непосредственно на рабочем месте, характеризуется отношением к работе, дисциплиной, качеством выполнения своей работы, добросовестностью, творческой инициативой, ответственностью. Субъективные аспекты деятельности людей в частном секторе экономики находят свое отражение в их бытовом поведении.

В повседневной жизни общества не существует ярко выраженных и строго регламентированных границ между типами поведения сотрудников на работе. Среди относительно распространенных форм комплексного поведения выделяется личное поведение, которое характеризуется не только непосредственным участием в процессе трудовой деятельности, но и участием работ-

ников в формировании качества рабочего времени и способа производства, а также распределения материального вознаграждения в трудовых коллективах.

Добиться высоких результатов в производственной деятельности, можно и не прибегая к жесткому контролю и регламентации трудового или служебного поведения, так как грань между объективными и субъективными аспектами трудовой деятельности весьма подвижна и зависит от усилий, требуемых для ее регуляции. Ведь чем большее воздействие оказывается на регуляцию и направление трудовой деятельность, тем меньше возможностей для творческой инициативы в поведении работника.

Таким образом, во второй половине XX века наблюдается недостаточность исследований роли и функций, которые выполняет трудовое поведение в социальном механизме, социальной регуляции поведения разных социально-профессиональных групп работников и их взаимодействие. Это касается также интересов, поведения и взаимодействия социальных групп, которые находятся между собой в отношениях руководства-подчинения. Практически не исследовалось реальное поведение управленческих кадров, слабо изучены интересы управленческих групп разных уровней. Наконец, абсолютно не исследовались интересы и реальное поведение в условиях различных форм государственного строя. Исходя из этого, в последующем стало актуально про изучение вопросов развития деловой инициативы, реализации предпринимательских талантов, мотивации и ценностных ориентаций работников и членов трудовых коллективов.

Литература

1. Андриенко В.Ф. Экономическое стимулирование трудовой активности / В.Ф. Андриенко, В.М. Данюк; АН УССР, Ин-т экономики. – Киев: Наук. думка, 1991. – 193, с.
2. Блинов Н.М. Трудовая деятельность как основа социалистического образа жизни. – Москва: Наука, 1979. – 143 с.
3. Здравомыслов А.Г. Социальная активность трудящихся масс в условиях социализма / [Мчедлов М.П., Здравомыслов А.Г., Дашдаваа С. и др.; Ред. Здравомыслов А.Г. и др.]; Ин-т истории БКП при ЦК БКП и др. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
4. Ручка А.А. Стимулирование и мотивация труда на промышленном предприятии / А.А. Ручка, Н.А. Сакада; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1988. – 221 с.
5. Ядов В.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования / В.Я. Ядов, А.А. Кисель. – [Москва]: 1974. – 23 л.
6. Наумова Н.Ф. Удовлетворенность трудом как социальная характеристика / Н.Ф. Наумова, канд. философ. наук. – Москва: [б.и.], 1970. – 15 с.
7. Бригадная организация труда: состояние и перспективы / [Г.Н. Черкасов, Д.А. Шопов, Л.А. Григорьева и др.]; Под ред. Г.Н. Черкасова, Д.А. Шопова. – Совмест. сов.-болг. изд. – М.: Профиздат; София: Профиздат, 1986. – 255 с.
8. Шаталин С.С. Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма / [Отв. ред. С.С. Шаталин]. – М.: ВНИИСИ, 1986. – 117 с.
9. Методологические проблемы системного изучения деревни / [Т.И. Заславская, В.Н. Ладенков, Т.П. Антонова и др.; Отв. ред. чл.-кор. Т.И. Заславская, канд. филос. наук Р.В. Рывкина]; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации пром. производства. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 271 с.
10. Подмарков В.Г. Социальные проблемы организации труда / В.Г. Подмарков. – Москва: Мысль, 1969. – 212 с.
11. Пеньков Е.М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведе-

ние / Е.М. Пеньков. – М.: Высш. шк., 1990. – 175 с.
12. Социально-психологические проблемы производственного коллектива / [К.А. Абульханова-Славская, В.А. Богданов, В.Е. Семенов и др.; Отв. ред. Е.В. Шорохова и др.]. – М.: Наука, 1983. – 239 с.
13. Социальные проблемы перехода от образования к труду: (Междунар. сравн. исслед.) / АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; [Редкол.: В.Н. Шубкин (отв. ред.) и др.]. – М.: ИМРД, 1990 (1991). – 252 с.
14. Бадеева Г.В. Определяющее влияние социалистического характера труда на образ жизни / Г.В. Бадеева. – М.: Знание, 1982. – 32 с.
15. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения: Сб. статей / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. редакторы Е.В. Шорохова, О.И. Зотова. – М.: Наука, 1979. – 176 с.
16. Мансуров Н.С. Социологические и общественно-психологические вопросы управления коллективом больницы / Н.С. Мансуров, Д.М. Шанов; Сов. социол. ассоц. – Москва: 1974. – 13 с.
17. Патрушев В.И. Социальные резервы трудового коллектива: пути реализации: (Социол. анализ) / В.И. Патрушев. – Киев: Выща шк., 1990. – 213 с.
18. Волков И.П. Руководителю о человеческом факторе: Социал.-психол. практикум / И.П. Волков. – Л.: Лениздат, 1989. – 221 с.
19. Емельянов Ю.Н. Руководство коллективом как проблема социальной психологии: (По материалам зарубеж. исследований): Приложение к сборнику «Технология судостроения» / Ю.Н. Емельянов; Центр. науч.-исслед. ин-т технологии судостроения. – [Ленинград]: Судостроение, 1971. – 67 с.
20. Ковалев А.Г. Руководителю о работнике. Практический аспект изучения личности / А.Г. Ковалев. – М.: Экономика, 1988. – 91 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF OFFICIAL BEHAVIOUR IN DOMESTIC SCIENTIFIC LITERATURE IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Pogrebnoi D.N., Osipenko E.B.
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The presented article considers theoretical approaches that existed in scientific literature in the second half of XX century to the study of employee behavior in the workplace and in the enterprise, as well as the emerged relevance of the regulation of established types of work and service behavior in enterprises of employees and civil servants. The features of approaches to the study of phenomenon of labor and service behavior from the standpoint of socio-psychological, socio-philosophical and socio-economic theories were analyzed. Work and service behavior of an employee is considered as the totality of elements of employee's actions in a work collective under the influence of objective and subjective factors. Possibilities of application in practice of mechanisms of influence on behavior of worker, with the purpose of receiving necessary result and improvement of quality of production process are analyzed. The analysis of scientific literature and works of scientists from different spheres of society and points of view about the problem under study is conducted and the similarity and difference of components of sociological categories of behavior and actions of a worker are described. Sociological diagnostics of service behaviour is most relevant in conjunction with the study and comparison with social, economic, production, demographic and other types of social behaviour of an employee included in all social spheres of society.

Keywords: work behaviour, service behaviour, action, employee, member of the armed forces.

Reference

1. Andrienko V.F. Economic stimulation of labor activity / VF Andrienko, VM Danyuk; Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute of Economics. – Kiev: Nauk. dumka, 1991. – 193, p.
2. Blinov N.M. Labor activity as the basis of a socialist way of life. – Moscow: Nauka, 1979. – 143 p.
3. Zdravomyslov A.G. Social activity of the working people in the conditions of social-

ism / [Mchedlov M.P., Zdravomyslov A.G., Dashdavaa S. et al.; Ed. A.G. Zdravomyslov and others]; Institute of History of the BKP at the Central Committee of the BKP, etc. – M.: Politizdat, 1987. – 367 p.
4. Handle A.A. Stimulation and motivation of labor at an industrial enterprise / A.A. Handle, N.A. Sakada; Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute of Philosophy. – Kiev: Nauk. Dumka, 1988. – 221 p.
5. Poisons V.A. Satisfaction with work: analysis of empirical generalizations and an attempt at their theoretical interpretation / V. Ya. Yadov, A.A. Kissel. – [Moscow]: 1974. – 23 p.
6. Naumova N.F. Labor satisfaction as a social characteristic / NF Naumova, Ph.D. philosopher. sciences. – Moscow: [b. and.], 1970. – 15 p.
7. Brigade labor organization: state and prospects / [G.N. Cherkasov, D.A. Shopov, L.A. Grigorieva and others]; Ed. G.N. Cherkasova, D.A. Shopova. – Joint. Soviet-Bulgarian ed. – M.: Profizdat; Sofia: Profizdat, 1986. – 255 p.
8. Shatalin S.S. Theoretical problems of improving the economic mechanism / [Otv. ed. S.S. Shatalin]. – M.: VNIISI, 1986. – 117 p.
9. Methodological problems of the systemic study of the village / [T.I. Zaslavskaya, V.N. Ladenkov, T.P. Antonova and others; Resp. ed. Corresponding Member T.I. Zaslavskaya, Cand. philosophy. Sciences R.V. Ryvkin]; USSR Academy of Sciences, Sib. department, Institute of Economics and Organization of prom. production. – Novosibirsk: Science. Sib. department, 1977. – 271 p.
10. Podmarkov V.G. Social problems of labor organization / VG Podmarkov. – Moscow: Mysl, 1969. – 212 p.
11. Penkov E.M. Social norms: management, education, behavior / EM Penkov. – M.: Higher. shk., 1990. – 175 p.
12. Socio-psychological problems of the production team / [K.A. Abulkhanova-Slavskaya, V.A. Bogdanov, V.E. Semenov and others; Resp. ed. E.V. Shorokhova and others]. – M.: Nauka, 1983. – 239 p.
13. Social problems of the transition from education to work: (International comparative research) / Academy of Sciences of the USSR, Institute of International. labor movement; [Editorial board: VN Shubkin (editor-in-chief) and others]. – M.: IMRD, 1990 (1991). – 252 p.
14. Badeeva G.V. The determining influence of the socialist nature of labor on the way of life / GV Badeeva. – M.: Knowledge, 1982. – 32 p.
15. Socio-psychological climate of the team: theory and methods of study: Sat. articles / USSR Academy of Sciences, Institute of Psychology; Resp. editors E.V. Shorokhova, O.I. Zotova. – M.: Nauka, 1979. – 176 p.
16. Mansurov N.S. Sociological and socio-psychological issues of hospital staff management / NS Mansurov, DM Shanov; Sov. sociol. assoc. – Moscow: 1974. – 13 p.
17. Patrushev V.I. Social reserves of the labor collective: ways of implementation: (Sociological analysis) / V.I. Patrushev. – Kiev: Vyshcha school., 1990. – 213 p.
18. Volkov I.P. Leader about the human factor: Social.-Psychol. workshop / I.P. Volkov. – L.: Lenizdat, 1989. – 221 p.
19. Emelyanov Yu.N. Leadership of the team as a problem of social psychology: (Based on materials from foreign research): Appendix to the collection “Technology of shipbuilding” / Yu.N. Emelyanov; Centre. nauchn.-issled. Institute of Shipbuilding Technology. – [Leningrad]: Shipbuilding, 1971. – 67 p.
20. Kovalev A.G. Leader about the employee. The practical aspect of the study of personality / A.G. Kovalev. – M.: Economics, 1988. – 91 p.

Социальные предпосылки перфекционизма преподавателя университета

Филясова Юлия Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: phill.yield@gmail.com

Потемкин Валерий Константинович,
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: socupr@list.ru

Современное zобщество характеризуется активной трансформацией социально-экономической и образовательной парадигмы. В академической среде происходит сокращение базовых академических курсов и ускоренный переход к интеграции студентов в профессиональную среду, их привлечению к изучению практико-ориентированных и научных проблем. Преподаватель университета в условиях цифровой реальности перестал быть главным носителем информации, однако высокие ожидания общества формируются в отношении его личностных и профессиональных качеств, потому что именно преподаватель является проводником общественных трансформаций, которые необходимо реализовать в академической среде для перехода к следующему этапу развития общества. Преподаватель должен обладать лидерскими качествами, быть носителем интеллектуального и социального капитала общества. Перфекционизм преподавателя складывается как идеализированное представление о нем общества, проецируемое на его сознание всеми участниками образовательного процесса посредством экспектаций и оценки его личности.

Ключевые слова: перфекционизм, оценивание, лидерство, мотивация, учебная деятельность, научная работа, развитие персонала.

Одной из главных задач управления персоналом является учет социальных и социально-психологических характеристик при распределении рабочих обязанностей, ожидании результатов деятельности, повышении мотивации, управлении межличностным и групповым взаимодействием – для достижения целей и развития организации.

Перфекционизм является одним из распространенных явлений в современном обществе, ориентированным на ускоренное развитие экономики, науки, бизнеса, образования. Перфекционизм является естественным желанием старшего поколения воспитать молодежь, обладающую лучшими знаниями, умениями и навыками, путем передачи им накопленного опыта, а также своих стремлений и амбиций. Перфекционизм чаще всего появляется в детстве под влиянием диссеминации внутрисемейных отношений и проявляется, прежде всего, в учебной деятельности, которая в большой степени находится под контролем родителей. Многочисленные исследования подтверждают ключевую роль родителей в ожидании академических успехов детей и установлением прямых связей между результатами учебной деятельности детей и оценкой их личности.

В более зрелом возрасте перфекционизм означает стремление индивида к достижению высоких целей, однако имеет ряд отрицательных психологических характеристик, которые обусловливают социальную дезадаптацию, а в своих крайних проявлениях – социальную патологию личности: самокритичность, критику в отношении других, трату чрезмерного количества времени на выполнение определенных заданий в ущерб другим видам работ; создание стрессовых ситуаций для себя и окружающих из-за ощущения собственной слабости и страха недостижения цели; формирование четких представлений

о результатах деятельности и конкретных ожиданий; отождествление собственного «образа-Я» с результатами собственной деятельности в ущерб социальному благополучию (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение положительных и отрицательных сторон перфекционизма

Положительные качества	Отрицательные качества
1) демонстрация идеального поведения на собственном примере; 2) оценка деятельности по объективно существующим организационным нормам и правилам; 3) помощь в развитии и самосовершенствовании членов коллектива; 4) открытость новым идеям; 5) внушение доверия окружающим, желания подражать его/ее идеальному образу; 6) вдохновение окружающих на самосовершенствование.	1) критика поведения коллег и подчиненных; 2) предъявление необоснованных требований сверх определенной нормы; 3) продвижение личного образа (имиджа) за счет достижений других, игнорирование заслуг коллег и подчиненных; 4) нетерпимость к критике окружающих; 5) внушение недоверия, ужаса, нежелания осуществлять деловое общение; 6) провокация конфликтов, интриг в деловой среде.

Несмотря на идеальный внешний образ, перфекционисты имеют негативные стороны: дисбаланс между работой и семьей [5]; чрезмерное стремление к чистоте, порядку, чувство превосходства над окружающими, чрезмерное внимание к деталям [6]; самокритичность, сложность в получении обратной связи, прокрастинация, постановка недостижимых целей [7]; повышенная самооценка, потребность похвалы и восхищения, возвеличивание собственного «Я-образа», импульсивность, непредсказуемость, частая смена настроения, повышенные требования к коллегам и подчиненным [8]; беспокойство, избегание сложностей, депрессия [9]; высокая психосоматическая утомляемость [10]. Центральное место «Я-концепции» перфекционистов занимает ощущение слабости, неполноценности и тревоги быть отвергнутым. Перфекционисты постоянно испытывают эмоциональные расстройства и часто вступают в межличностные конфликты [11].

Основу перфекционизма составляет осознание собственной неполноценности, несостоятельность «Я-концепции» и склонность к невротизму. Слабость собственного «образа-Я» подталкивает индивида ставить завышенные цели, прилагать чрезмерные усилия, чтобы компенсировать осознаваемые или мнимые недостатки. С одной стороны, волевые усилия помогают перфекционистам демонстрировать высокий уровень самоорганизации, направленную на уменьшение неопределенности. Планирование позволяет контролировать события до мельчайших подробностей. Отношение к окружающим основывается на аналогичных ожиданиях определенности, пунктуальности, аккуратности. Внешний вид перфекционистов отличается исключительной опрятностью: до блеска начищенная обувь, белая блузка или рубашка как ежедневный атрибут образа сотрудника, бумаги в идеальном состоянии.

Перфекционизм создает проблемы, связанные с социальной адаптацией, препятствуют реализации потребностей, осмыслению целесообразности действий, осуществлению продуктивной деятельности, самоэффективностью. В профессиональном контексте перфекционизм является причиной коммуникативных барьеров, затрудняет взаимодействие в коллективе, препятствует принятию эффективных решений, достижению ключевых показателей деятельности.

К общезначимым социальным ценностям относят семью, здоровье, работу, материальное благополучие, самореализацию, круг общения, отдых, развлечения, общественное признание. Для перфекционистов особую важность в силу определенных обстоятельств воспитания и социализации приобретает одна из ценностей, а другие рассматриваются ими как менее значимые. При выполнении задач перфекционисты создают идеализированное представление о результатах деятельности и завышенные ожидания по сравнению с фактически заданными; интенсив-

ность выполнения задач повышается, что приводит к чрезмерным человеческим усилиям, напрасным временным затратам и срывам графика выполнения намеченного плана работ. Кроме того, идеализированное представление о результатах деятельности подталкивает перфекционистов к критическому анализу существующих норм, правил, стандартов, организационной культуры организации и поиску недостатков в работе коллег. Такое поведение, несомненно, приводит к возникновению конфликтных ситуаций и нездоровым межличностным отношениям. Помимо нарушения деловой коммуникации, идеализированный образ, будучи неосуществимым на практике, формирует отрицательную самооценку собственных действий перфекционистов и приводит к депрессии и эмоциональному выгоранию. При акцентуации внимания на трудовой деятельности развиваются трудоголизм, дисбаланс между социальной, семейной и профессиональной жизнью, которые являются предикторами социального неблагополучия индивида.

Обладая низкой самооценкой, перфекционист стремится не только к выполнению, но и перевыполнению запланированных организационных работ для того, чтобы повысить собственное мнение о себе и своих способностях. Идеализированное представление о результатах порождает потребность в усложнении полученных заданий за счет добавления деталей, которые требуют дополнительного времени на их осуществление. В результате, полученное задание не выполняется в необходимые сроки. В социальной практике наблюдается прокрастинация, несмотря на то, что задание на исходно заданном уровне могло быть выполнено.

Актуальность изучения проблемы перфекционизма личности объясняется тем, что убеждения, представленные выше, определяют выбор профессии, т.е. компетенции, которые индивид решает приобретать и развивать, образ действий и социальное поведение, а также окружение, т.е. круг общения, эмоциональную атмосферу взаимодействия с окружающими, поскольку убеждения и ценности, согласно иерархии нейрологических уровней психики Р. Дилтса [4], занимают более важную позицию в самосознании и самоидентификации индивида, чем внешние обстоятельства.

Необходимость изучения перфекционизма личности для практических целей управления персоналом определяется приоритизацией личных целей перфекционистов над общественными, а также установлением собственных завышенных стандартов деятельности, качества, отношений и правил. Если личные цели, так или иначе, учитываются в практике управления персоналом, если речь идет о ценных, ключевых сотрудниках организации, то завышенные требования не всегда означают возможность их реализации с точки зрения целесообразности и рациональности.

Целью данной работы является анализ социальных предпосылок развития перфекционизма у преподавателей университета, учитывая, что стремление к совершенствованию личности студентов и саморазвитию составляет основу педагогической деятельности. Основными аспектами деятельности, способствующими формированию перфекционистского конструкта личности преподавателя, по нашему мнению, являются положение лидера и оценочная деятельность. Рассмотрим их более подробно.

Перфекционизм преподавателя университета определяется особенностями его профессиональной деятельности ввиду необходимости служить лидером и моделью социального поведения в студенческой среде:

– необходимость отслеживания самых передовых тенденций в современном трансформирующемся обществе: экономических, политических, социальных, технологических, образовательных, научных;
– необходимость расширения общекультурного, психолого-педагогического, научного кругозора;

– необходимость регулярного повышения квалификации и приобретения новых компетенций;
– необходимость выполнения научных исследований для создания новых знаний и обеспечения своей конкурентоспособности в педагогической среде;
– необходимость демонстрации положительного примера для обучающихся, т.е. владения знаниями, умениями, навыками, как минимум, по профильному предмету на профессиональном уровне;
– необходимость формирования и сохранения собственного доброго имени, репутации, имиджа в социальном и профессиональном сообществе.

Лидерство является основой профессии преподавателя университета. Социальные категории населения, которые предъявляют повышенные требования к преподавателям, – это обучающиеся, родители студентов, администрация университета, министерство науки и высшего образования, работодатели. Положение лидера в студенческой среде обязывает преподавателя формировать мотивацию учебной деятельности студентов. Общество ожидает от преподавателя не только передачи знаний, но и создания положительной внутренней мотивации выпускников высших учебных заведений к выполнению будущих рабочих обязанностей, готовых к профессиональной самореализации во благо общества. Соответственно, помимо вышеперечисленных компетенций, преподаватель университета должен обладать высокой личностной мотивацией к своей профессии, харизматичным типом лидерства, а также быть примером высоконравственного социального поведения. В целом, образ преподавателя университета в обществе ассоциируется с высокими идеалами, посвящениям себя науке, педагогике, профессии, альтруистическими мотивами деятельности.

Перфекционизм личности преподавателя есть результат общественных ожиданий, формирующих его социальный образ (табл. 3). Альтруизм в педагогической деятельности объясняется ожиданием совмещения нескольких видов профессиональной деятельности: учебной, научной и собственно профессиональной. Последняя, с точки зрения современных представлений, должна быть основным источником дохода преподавателя и сферой его профессионализации. Педагогическая деятельность рассматривается, скорее, как сопутствующая и не такая важная как собственно профессиональная. Научная деятельность также видится как результат собственно профессиональной.

Учебная деятельность, какой объемной бы она ни была в числовом выражении в академических часах, не рассматривается как единственный показатель эффективности. Публикация научных статей является одним из значимых показателей работы преподавателя сегодня, который учитывается при принятии решения о продлении трудового контракта. В качестве другой устойчивой тенденции в работе преподавателя университета является привлечение работодателей – не только для проведения профориентационных мероприятий, но и систематических занятий, особенно со студентами выпускных курсов. В случае если тенденции интеграции бизнеса в сферу высшего образования распространятся и укрепятся, то на смену классическим придут корпоративные университеты, в которых академические дисциплины широкого профиля станут вспомогательными или факультативными, а карьерный рост на предприятии будет рассматриваться как основной показатель уровня образованности и профессиональной компетентности индивида. Педагогическая деятельность наставников будет считаться показателем их высокого профессионального мастерства и, в определенной степени, социального статуса, потому что педагогическая деятельность, по существу, имеет многогранный профиль, инкорпорирующий в себе различные компоненты личностного, трудового и социального лидерства (табл. 2).

Таблица 2. Общественные ожидания, определяющие свойства личности преподавателя университета

Личностные	Учебные	Профессиональные	Научные	Социальные
Быть харизматичным лидером, мотивирующим и вдохновляющим молодое поколение на успешное обучение	Владеть педагогической компетентностью, обладать глубокими знаниями предмета	Быть ведущим специалистом в отрасли, относящейся к преподаваемым дисциплинам	Быть лидером в научной деятельности, быть конкурентоспособным в научной среде, иметь много публикаций в высокорейтинговых журналах	Быть примером социального благополучия, успешной социальной адаптации
Быть психологом	Быть носителем интеллектуального капитала			Быть носителем социального капитала

Таким образом, перфекционизм преподавателя университета формируется в результате высоких общественных ожиданий. Компетентность современного преподавателя представляет собой сложный синтез трех основных направлений деятельности: учебной, научной и профессиональной. Одновременно, преподаватель должен являть собой социальную модель лидерства, высоконравственного поведения и социального благополучия для формирования у студентов положительной мотивации в учебной и будущей трудовой деятельности, а также демонстрации положительного примера молодому поколению.

Риск появления негативных признаков перфекционизма личности преподавателя университета может возникнуть в результате осознания несоответствия собственных личностных и профессиональных качеств высоким социальным ожиданиям. Совмещение трех основных компонентов деятельности является непростой задачей, требующей индивидуальных способностей, личной предрасположенности к данной профессии, высокой мотивации к педагогическому труду, накоплению значительного объема знаний, постоянному совершенствованию, готовности к социальным переменам и трансформациям, развитию научных и профессиональных компетенций в результате многолетнего опыта работы.

При низкой самооценке преподавателя и его стремлении к компенсаторному замещению мнимых недостатков, перфекционизм личности может привести к чрезмерной работе, развитию психосоматических заболеваний, типичных для данной профессии. Перфекционистские устремления могут вызвать дисбаланс между личной и профессиональной жизнью. Высокая вероятность развития негативных последствий перфекционизма объясняется фундаментальностью каждого из компонентов деятельности преподавателя, требующего накопления большого объема знаний и развития профессиональных компетенций. Лидерство требует постоянной включенности преподавателя в работу.

Оценочная деятельность преподавателя университета, нацеленная на измерение академической успеваемости обучающихся, является вторым фактором развития перфекционизма. Оценивая других, преподаватель, в первую очередь, рассматривает собственную личность в системе существующих социальных требований, в целом, и в рамках преподаваемой дисциплины, в частности. В процессе совершенствования педагогического мастерства у преподавателя формируется идеализированное представление об уровне владения профессиональными компетенциями, которыми должны обладать студенты по окончании курса. Учитывая влияние зеркальных нейронов на психологию и поведения человека, преподаватель проецирует создаваемый идеализированный образ на себя. Соответственно, предлагаемый объем материала, методы и приемы обучения, контрольные

вопросы и тестовые задания преподаватель мысленно оценивает с позиции идеализированного образа, т.е. собственного представления о владении объема информации и уровня сформированности умений и навыков. Оценивая работу студентов, преподаватель одновременно имеет в виду собственный вклад в развитие личности обучающихся: насколько его лекции и семинарские занятия эффективны и полезны для развития учебных и профессиональных компетенций студентов.

В качестве обучающих материалов преподаватель университета использует не только классические учебники, но и собственные учебно-методические пособия, а также материалы о новейших научных достижениях, результаты которых отражены в научных публикациях. Объем информации, предлагаемый преподавателем, всегда обновляется и, в определенной степени, не ограничивается раз и навсегда устоявшимися известными фактами. Более того, сегодня, наряду со знанием фактов об окружающей действительности, такую же значимость приобретает знание проблем и проблемных областей, требующих своего решения. Следовательно, идеализированный образ преподавателя о компетентности студентов также не является до конца завершенным и предполагает постоянное обновление.

Резюмируя, склонность к перфекционизму преподавателя развивается под влиянием прогрессивного развития науки и технологий, а также его собственной оценочной деятельности, основанной на постоянном мониторинге последних научных событий и сравнении компетентности студентов с постоянно обновляющимся идеализированным образом.

Склонность преподавателя к перфекционизму формируется под влиянием необходимости методической организации курса и оценки качества выполнения студентами заданий данного курса. Разработка курса с тщательно продуманной последовательностью тем, заданий, упражнений, тестов, проектных индивидуальных и групповых работ с изначально заданными критериями оценки формирует четкое представление у преподавателя о должном количестве выполненных работ студентами, качестве их подготовки, сроков выполнения заданий. Фактически, курс, подготовленный преподавателем на электронной платформе, представляет собой идеализированную модель, ориентированную на развитие определенных компетенций.

Важную роль в современном образовании приобретают критерии и дескрипторы оценки. Компьютерные технологии предоставляют практически безграничные возможности для организации работы студентов и получении высокоточных цифровых данных о результатах их учебной деятельности. Преподаватель может анализировать числовые данные, например, о выполнении тестов по сто балльной шкале, однако какую оценку следует ставить на основе полученных результатов, зависит от собственной интерпретации преподавателя. Несомненно, существует единая европейская шкала оценок ECTS, которая унифицирует всеобщее представление о качестве выполненных работ. Однако если рассматривать задания в отдельности, то необходимо разрабатывать критерии качества по каждому виду работ и создавать дескрипторы для того, чтобы студенты понимали, какой объем материала следует изучить, какое практическую или научную задачу решить, и как достигнутые результаты повлияют на итоговую оценку. Другими словами, точные результаты измерения контрольных работ не исключает обязанности преподавателя выставлять оценки. Во многих отношениях оценка преподавателя остается субъективной.

Оценочная деятельность преподавателя – это многокомпонентное явление [1], которое включает в себя вербальные, невербальные, числовые, эмоциональные составляющие. Предмет оценки также не однозначен: он не всегда предполагает оценку только уровня сформированности определенной узкой компетентности студентов.

В рамках текущего контроля в фокусе внимания преподавателя может оказаться уровень подготовленности студентов по предмету, объем и качество выполненных ими тренировочных заданий, которые обеспечивают формирование навыков и умений. В отдельных случаях оценка может учитывать эмоциональный настрой и психологическую готовность студентов к продолжению обучения. Другими словами, оценка используется преподавателем, в том числе, как инструмент формирования мотивации студентов к учебной деятельности. Эффект от использования такого инструмента неоднозначен: он зависит от личности конкретного студента, его изначальной мотивации, ситуации, а также от значимости оценки как таковой. Перфекционизм личности преподавателя заключается в том, что оценка как способ мотивации всегда направлена на совершенствование знаний, умений и навыков студентов.

Одновременно с необходимостью непрерывного оценивания студентов (вербального, числового, мотивирующего), оценочная деятельность преподавателя университета, в совокупности с его личностью, является предметом непрерывной оценки со стороны студентов. Данный феномен также является проявлением работы зеркальных нейронов, в данном случае, в сознании студентов. Будучи объектом оценки, студенты проецируют оценочную деятельность обратно на преподавателя как субъекта оценивания.

Предметом оценки студентов являются личность преподавателя, учебный материал, методология обучения, изложение материала, оценочная деятельность преподавателя, в том числе критерии оценки, дескрипторы, результаты обучения, собственная мотивация студентов как результат мотивирующей деятельности преподавателя. Все аспекты, поддающиеся непосредственному наблюдению студентов, а также аспекты деятельности преподавателя, выводимые аналитическим путем, так или иначе, попадают в оценочное поле обучающихся.

Формы оценки деятельности преподавателя студентами достаточно разнообразны: обратная связь в виде устных комментариев, высказываемых лично преподавателю, анкетирование, устные и письменные отзывы при заполнении целевых опросов, составляемых администрацией университета, студенческим сообществом, экспертами, независимыми исследователями.

Оценка деятельности преподавателя косвенно проявляется в учебной деятельности студентов, их вовлеченности и активности в учебном процессе, посещаемости, качестве выполняемых заданий. При высоких косвенных показателях оценки деятельности преподавателя возрастает самооценка педагога, поскольку он осознает значимость собственной деятельности для студентов.

Кроме того, профессиональная деятельность преподавателя является предметом оценки коллег, независимых экспертов и руководства университета: насколько материал соответствует программе дисциплины, насколько методология представления материала соответствует современным педагогическим принципам и учебному материалу, насколько поведение преподавателя профессионально, этично и отвечает требованиям эффективности обучения и некоторые другие. Деятельность преподавателя не представляет собой ценности как таковая в отрыве от других участников образовательной деятельности. Она приобретает значимость только в контексте интересов и требований остальных сторон – студентов как субъектов высшего образования, а также общества как заказчика будущих специалистов, обеспечивающих его устойчивое экономическое и социальное развитие и конкурентоспособность страны в мировом масштабе.

При низкой оценке деятельности преподавателя возрастает риск развития отрицательного перфекционизма и эмоционального выгорания. В случае если чрезмерные усилия преподавателя не оцениваются на должном уровне, в том числе с точки зрения вознаграждения, перфекционизм преподавателя

теряет свою значимость и требует системного анализа с целью выявления ошибок в педагогической деятельности и психологии.

Осознание того, что его собственная педагогическая деятельность находится в фокусе постоянной оценки студентами, коллегами, руководителями, преподаватель формирует перфекционистский тип мышления, нацеленный на соответствие ожиданиям различных социальных групп и проявляющийся в осознанном и целенаправленном контроле собственного вербального, невербального поведения, критичном отношении к собственной профессиональной деятельности, постоянной проверке и перепроверке учебного контента, методических приемов и т.д.

В учебной деятельности перфекционизм преподавателя проявляется в завышенных требованиях к студентам, занижении оценок, повышенной степени контроля учебной деятельности студентов, выполнении большого объема подготовительной работы в ущерб семейной и социальной жизни, изучении новых социальных и технологических реалий в сжатые сроки для достижения поставленных целей в новых трансформирующихся условиях в ущерб собственному здоровью.

Перфекционизм личности преподавателя имеет отрицательные последствия, когда в фокусе его внимания оказывается учебный контент, требования ФГОС, формальные признаки будущей профессии либо личность самого преподавателя – вместо студентов как субъектов образовательной деятельности. Акцент на важности формальных показателей приобретаемых компетенций, требованиях преподавателя, учебного материала – без учета потребностей и интересов обучающихся – ведет к снижению учебной мотивации студентов и ставит под сомнение адекватность процесса обучения в целом. Задачей лидера является именно развитие личности обучающихся [2, с. 137].

Негативные признаки перфекционизма проявляются, когда преподаватель не готов проявлять гибкость и адаптироваться в условиях новых социальных реалий, когда устоявшиеся модели обучения и поведения не обеспечивают успешности педагогической деятельности и эффективности образовательного процесса.

Перфекционизм также проявляется в отрицательной форме при авторитарном стиле управления аудиторией студентов – создании атмосферы повышенной тревожности и страха получения низких оценок. Эмоциональная отстраненность и негативная эмоциональная атмосфера подавляют учебную мотивацию студентов, снижают их творческий потенциал и мотивацию достижений. Стремление преподавателя контролировать каждый шаг способствует развитию страха допустить малейшую ошибку. Внимание фокусируется на правилах, нормах, стандартах, а не на содержании материала.

В другой крайней форме проявления перфекционизма, преподаватель стремится, напротив, завышать оценки студентов, не предлагая им сложных заданий, требующих изучения большого объема материала, анализа информации, поисковой или исследовательской работы и т.д. Перфекционизм выражается в стремлении преподавателя производить благоприятное впечатление о себе за счет создания атмосферы повышенного комфорта и легкости в обучении для студентов, исключающей какие-либо усилия со стороны обучающихся. Данная тенденция сегодня систематически проявляется в академической практике. С одной стороны, легкость в обучении приводит к массовости получения дипломов о высшем образовании, однако в долгосрочной перспективе намечается тенденция к непрерывному обучению в течение всей жизни, которое предоставляет возможность не только восполнять пробелы в знаниях, но и приобретать ситуативно значимые компетенции. В добавление, легкость в процессе обучения позволяет студентам успешно решать социально значимые вопросы, связанные с трудоустройством и развитием карьеры, а также созданием се-

мьи и успешной социализацией и социальной адаптацией.

В научной деятельности перфекционизм преподавателя выражается в стремлении к выполнению и перевыполнению плана по научной работе. С одной стороны, это может привести к негативной практике: распространению плагиата, дублированию материала собственных публикаций, опубликованию статей в низкорейтинговых журналах, низкому качеству содержания научных публикаций, подготовке рукописей в соавторстве с пятью и более коллегами без особой ценности самого материала, безосновательному включению в соавторы своих руководителей с целью получения материальной выгоды или обеспечения себе продолжения трудового контракта, участие в публикациях не по своему дисциплинарному профилю и др. Такая тенденция в научной работе свидетельствует о непрофессионализме преподавателя, его неспособности соответствовать требованиям своего профессионального стандарта, а также о низком уровне деловой этики и безнравственности, когда любые средства годятся для накрутки рейтингов в наукометрических базах данных. Менеджеры научных подразделений, характеризующиеся негативным перфекционизмом и одновременно непрофессионализмом, отсутствием деловой этики, могут создавать такие условия для своих подчиненных с привлечением мощного административного ресурса и своей власти, которые вынуждают преподавателей включать их в соавторы своих научных публикаций.

С другой стороны, перфекционизм преподавателя может выражаться, напротив, в чрезмерных усилиях по изучению большого количества научных данных, скрупулезному анализу, проверке и перепроверке научных гипотез, тщательному выбору журнала для публикации материалов исследования. В результате, план по научной работе может не быть выполнен в срок, что свидетельствует о прокрастинации и неспособности преподавателя учитывать организационно значимые задачи и соответствовать рабочему плану. Оба приведенных примера демонстрируют отрицательный тип перфекционизма.

Положительный перфекционизм выражается в активности, результативности научной деятельности преподавателя, его высоких адаптационных возможностях, способности соответствовать требованиям университета, исполнении планов прошлых, текущих и будущих периодов. Научные публикации преподавателя-перфекциониста не только многочисленны, но и имеют высокую научную ценность и представляют интерес для научного сообщества; публикации постепенно набирают высокие рейтинги в наукометрических базах данных.

Итак, перфекционизм личности преподавателя университета является следствием высоких социальных ожиданий. В эпоху перехода от одной социально-экономической и образовательной парадигмы к другой, перфекционизм преподавателя университета может приобретать негативные признаки ввиду нежелания или неспособности адаптироваться к новым образовательным стандартам. Ключевое значение сегодня приобретает такое качество как гибкость, не свойственное перфекционистам, характеризующимся ригидными конструктами личности [3].

Современная тенденция к интеграции трех основных направлений в деятельности преподавателя ориентирована на формирование его новой идентичности, сочетающей в себе разноплановые характеристики и ценности: homo institutus – социальной личности, и homo economicus – экономической личности [2, с. 23–24]. Если каждая из них в отдельности имеет явно выраженные недостатки: ориентацию на социальный статус или материальное обогащение, – то в совокупности они способны создать более гармоничный конструкт, обладающий осознанием важности не только материальных ресурсов, но и ценности этично-нравственных отношений.

Перфекционизму личности преподавателя в значительной степени спо-

собствует собственная оценочная деятельность, а также систематическое оценивание его личности и деятельности со стороны других участников образовательного процесса, которые создают зеркальные проекции результатов деятельности в сознании преподавателя и формируют идеализированный образ его собственной личности с учетом требований всех сторон образовательной деятельности. Идеализированный образ себя и социально предписанная необходимость следования этому образу и составляют основу перфекционизма преподавателя.

Управление педагогическим персоналом университета сегодня ориентировано на выполнении ключевых показателей эффективности. Личность преподавателя рассматривается по большей части как средство достижения этих показателей. Социально-экономические потребности преподавателей не являются приоритетным направлением деятельности университета. Личные интересы, связанные с профессией и научной деятельностью, а также способности и возможности преподавателя чаще не учитываются в индивидуальных планах работ. Возникновение систематических нарушений кодекса научной этики, связанной с некачественной публикацией научных статьей, смещение внимания преподавателя с личности студентов на формальные показатели образовательной деятельности (оценки) является результатом ориентации системы управления персоналом на ключевые показатели эффективности.

Развитие системы управления педагогического персонала университета необходимо для разностороннего развития личности преподавателя, задействования его положительных качеств для решения социально-значимых задач. Учет потребностей преподавателя способствует его активному включению в деятельность университета и исключает развитие отрицательных качеств, таких как нездоровый, неадаптивный перфекционизм.

Литература

1. Батурин Н.А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения // Психология. Психофизиология. 2008. № 31 (131). С. 17–31.
2. Потемкин В.К. Деловая этика. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 151 с.
3. Филясова Ю.А. Моделирование конструкта личности перфекционистов // Системная психология и социология. 2020. № 4. С. 58–69.
4. Dilts R. Changing the beliefs system with NLP. Bucharest, 2008.
5. Ekmekci O.T., Camgoz S.M., Karapinar P.B. Path to Well-being: Moderated Mediation Model of Perfectionism, Family–Work Conflict, and Gender // J. of Family Issues. 2020.
6. Farmer J.R., Mackinnon S.P., Cowie M. Perfectionism and Life Narratives: A Qualitative Study // SAGE Open. 2017. Vol. 7 (3).
7. Ferguson K.L., Rodway M.R. Cognitive Behavioral Treatment of Perfectionism: Initial Evaluation Studies // Research on Social Work Practice. 1994. Vol. 4 (3). Pp. 283–308.
8. Fruyt F.D., Clercq B.J.D., Miller J., Rolland J.-P., Jung S.-Ch., Taris R., Furnham A., Hiel A.V. Assessing Personality at Risk in Personnel Selection and Development // European J. of Personality. 2009. Vol. 23. Pp. 51–69.
9. Gnilka P.B., Ashby J.S., Noble C.M. Adaptive and Maladaptive Perfectionism as Mediators of Adult Attachment Styles and Depression, Hopelessness, and Life Satisfaction // J. of Counselling And Development. 2013. Vol. 9 (1). Pp. 78–86.
10. O'Hara J., Miller T., Carding P., Wilson J., Deary V. Relationship between Fatigue, Perfectionism, and Functional Dysphonia // Otolaryngology – Head and Neck Surgery. 2011. Vol. 144 (6). Pp. 921–926.
11. Overholser J., Dimaggio G. Struggling with perfectionism: When good enough is not good enough // J. of Clinical Psychology. 2020. Vol 78 (11).

SOCIAL FACTORS OF UNIVERSITY FACULTY PERFECTIONISM

Filyasova Yu.A., Potemkin V.K.
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg State University of Economics

Modern society is characterized by active transformation of the social, economic and educational paradigm. In the academic environment, fundamental academic courses are reduced; and accelerated transition to student integration into professional environment, their involvement in solving practice-oriented and scientific issues is in progress. University faculty is not the primary source of information in the digital society, however high social expectations are aimed at their personal and professional qualities because it is the faculty who implement societal transformations to ensure the transition to the next stage of social development. The university teacher ought to possess leadership qualities, to be the owner of intellectual and social capital. Teachers' personal perfectionism develops as a result of an idealistic social view of their personality by means of expectations and evaluative judgement by all participants of the educational process.

Keywords: perfectionism, evaluation, leadership, motivation, learning activity, research, personnel development.

References

1. Baturin N.A. Psychology of evaluation: general concepts, differentiation of definitions and areas of learning // Psychology. Psychophysiology. 2008. 31 (131). Pp. 17–31.
2. Potemkin V.K. Business ethics. Saint-Petersburg: SPSUE, 2016. 151 p.
3. Filyasova Yu.A. Perfectionist personal construct modelling // Systems psychology and sociology. 2020. 4. Pp. 58–69.
4. Dilts R. Changing the beliefs system with NLP. Bucharest, 2008.
5. Ekmekci O.T., Camgoz S.M., Karapinar P.B. Path to Well-being: Moderated Mediation Model of Perfectionism, Family–Work Conflict, and Gender // J. of Family Issues. 2020.
6. Farmer J.R., Mackinnon S.P., Cowie M. Perfectionism and Life Narratives: A Qualitative Study // SAGE Open. 2017. Vol. 7 (3).
7. Ferguson K.L., Rodway M.R. Cognitive Behavioral Treatment of Perfectionism: Initial Evaluation Studies // Research on Social Work Practice. 1994. Vol. 4 (3). Pp. 283–308.
8. Fruyt F.D., Clercq B.J.D., Miller J., Rolland J.-P., Jung S.-Ch., Taris R., Furnham A., Hiel A.V. Assessing Personality at Risk in Personnel Selection and Development // European J. of Personality. 2009. Vol. 23. Pp. 51–69.
9. Gnilka P.B., Ashby J.S., Noble C.M. Adaptive and Maladaptive Perfectionism as Mediators of Adult Attachment Styles and Depression, Hopelessness, and Life Satisfaction // J. of Counselling And Development. 2013. Vol. 9 (1). Pp. 78–86.
10. O'Hara J., Miller T., Carding P., Wilson J., Deary V. Relationship between Fatigue, Perfectionism, and Functional Dysphonia // Otolaryngology – Head and Neck Surgery. 2011. Vol. 144 (6). Pp. 921–926.
11. Overholser J., Dimaggio G. Struggling with perfectionism: When good enough is not good enough // J. of Clinical Psychology. 2020. Vol 78 (11).

Политическая культура дагестанской молодежи и её электоральные установки на современном этапе развития

Мамараев Руслан Магомедсаламович,
младший научный сотрудник, Институт истории, археологи и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН
E-mail: ruslan070@inbox.ru

Лысенко Юлия Михайловна,
кандидат исторических наук, Институт истории, археологи и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центра РАН
E-mail: ljuma78@mail.ru

Гарунова Нина Нурмагомедовна,
доктор исторических наук, профессор Дагестанский государственный университет
E-mail: garunovanina@mail.ru

Данная статья посвящена изучению политической культуры дагестанской молодежи и её электоральных установок на современном этапе развития Республики Дагестан. Авторами в конце 2020 г. был проведен массовый социологический опрос среди студенческой молодежи Республики Дагестан. Было опрошено 800 человек. На поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов. Выборы – неотъемлемая часть политической жизни большинства стран современного мира и выявление политических предпочтений молодежи в таком многонациональном и «молодом» по возрастной структуре регионе является важным и актуальным. Молодое поколение является важной составляющей социальной базы политических преобразований в любом социуме. Отмечается, что у дагестанской молодежи слабый уровень электоральной информированности, индеферентности ыи познавательного элемента политической культуры. Данные низкие показатели элементов политической культуры молодежи напрямую связаны с низким уровнем связи между политическими силами и молодежи, низким уровнем поведенческой деятельности политических сил в виде интенсивности агитационной, информационной работы с целью повышения электоральной активности населения. Все это в совокупности, негативно отражается в целом на явке избирателей и на итоговый результат выборов. Доверие к федеральной и республиканской власти у дагестанской молодежи проявляется на очень низком уровне. Отмечено, что данные процессы вызывают определенную тревогу в контексте политических протестных установок. Данное проявление доверия показывает низкий уровень политической культуры в глазах респондентов, что также вызывает в дагестанском обществе абсентеизм, недоверие институту выборов и уровням власти, политическую индифферентность и т.д.

Ключевые слова: Дагестан, молодёжь, выборы, электоральные предпочтения, абсентеизм, политические процессы.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31816 опн «Электоральные установки в массовом сознании дагестанской молодёжи на ближайшую и среднесрочную перспективу».

Выборы – неотъемлемая часть политической жизни большинства стран современного мира. Важнейшими функциями, которые выполняют выборы в политической системе общества, являются: представительство различных общественных интересов; формирование представительных органов власти; легитимация политической власти в целом; диагностика социально-политической ситуации. В статье предпринимается попытка изучения электоральных предпочтений в период нового электорального цикла отдельной социальной категории – дагестанской студенческой молодежи посредствам массового социологического опроса, который был проведен авторами в конце 2020 г. и охватил 800 человек, на поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов. Стоить отметить, что до настоящего времени существовали только немногочисленные исследования электоральных установок населения отдельно взятых регионов Юга России, но среди них практически нет исследований в республиках Северного Кавказа.

Эмпирический материал электорального поведения российской молодежи в целом по стране и в регионах может рассматриваться как основа для выявления закономерностей и теоретических выводов.

Молодое поколение является важной составляющей социальной базы политических преобразований в любом социуме. Молодежь несет в себе мощный инновационный потенциал, являющийся источником нынешних и будущих изменений в общественной жизни [2]. Поэтому исследование электорального поведения молодых россиян и их политических предпочтений приобретает особый интерес [4, с. 139]. Молодежь, с одной стороны, выступает как движущая сила всех социальных преобразований, а с другой стороны, представляет собой группу риска в контексте вовлечения в асоциальные акции и движения.

Выявление уровня связи между политическими силами республики и рассматриваемой социальной группой, ее информированности в период избирательного процесса имеет научное и практическое значение. Оценка молодежью такого элемента политической культуры, как поведенческая деятельность, в виде интенсивности агитационной работы с целью повышения электоральной активности имеет важное значение, т.к. существует прямая связь между политической культурой политических сил и политической культурой общества. Таким образом, респондентам был задан вопрос «Вы знаете, где находится ваш избирательный участок?». 65,9% опрошенных ответили утвердительно, 29,6% ответили отрицательно, 4,6% не знают откуда получить данную информацию. Можно увидеть, что помимо высокого уровня знания о местонахождении своего избирательного участка, почти треть молодежи не знает расположение своего избирательного участка и незначительная часть не знает где можно получить такую информацию. Данная ситуация может быть связана со слабым интересом у молодежи к институту выборов.

С целью оценки электоральной информированности респондентам был задан вопрос «Сталкиваетесь ли вы с информацией о том, какие будут проходить выборы в ближайшее время?». Редко получают подобную информацию 39,3% опрошенных, всегда 37,8%, никогда 11,9%, сами проявляют интерес и самостоятельно узнают данную информацию 11%. Ответы на данный вопрос показывают слабый уровень информированности молодого электората и проявляется низкий уровень познавательного элемента политической культуры, что говорит о высоком уровне электоральной индифферентности среди молодежи.

Также молодежи был задан вопрос «Перед выборами сталкиваетесь ли вы с информацией, где находится ваш избирательный участок?». Часто сталкиваются 32,3%, редко 26,8%, никогда 22,3%, сами проявляют интерес и самостоятельно узнают данную информа-

цию 18,6%. Треть респондентов имеют активную информированность о нахождении своего избирательного участка. Высокий уровень, в частности, и по совокупности низкой информированности или всякое ее отсутствие. Пятая часть опрошенных проявляет познавательный элемент политической культуры.

Далее молодежи был задан вопрос «Перед выборами сталкиваетесь ли вы с агитацией прийти на выборы?». По результатам исследования превалирует оценка «часто» – 36%, на второй позиции располагается оценка «редко» – 34,8% и 29,3% молодежи никогда не сталкивались с подобного рода агитацией политических сил.

По результатам данных вопросов можно сказать, что почти треть молодежи не знает, где находится их избирательный участок, у них слабый уровень электоральной информированности, индифферентности и познавательного элемента политической культуры. Данные низкие показатели элементов политической культуры молодежи напрямую связаны с низким уровнем связи между политическими силами и молодежи, низким уровнем поведенческой деятельности политических сил в виде интенсивности агитационной, информационной работы с целью повышения электоральной активности населения. Все это в совокупности, негативно отражается в целом на явке избирателей и на итоговый результат выборов.

Для определения уровня агитационной работы политическими партиями и отдельными политическими деятелями среди потенциального электората студентам был задан вопрос «Сталкиваетесь ли вы с агитацией кандидатов в депутаты (или их помощников) в Госдуму РФ и Народное Собрание РД проголосовать за них?». Часто сталкиваются 23,2%, редко 26,5%, только перед выборами 25,9%, никогда 24,4%. Далее был задан вопрос «Знакомят ли вас со своей предвыборной программой партии и кандидаты в депутаты (их помощники) в Госдуму РФ и Народное Собрание РД?». Часто с данной политической активностью сталкиваются 11,6%, редко 26,8%, только перед выборами 26,5%, никогда 35,1%.

Полученные результаты показывают отсутствие качественной агитационной работы со стороны республиканских политических сил, а если таковая и имеется, то только в период предвыборной кампании, т.е. на краткосрочную перспективу. Наблюдается ситуация, что политические силы республики при слабой работе с потенциальным электоратом и знакомством со своей политической программой и курсом, присутствует более активная агитационная работа по поводу голосования за них. Полученные результаты говорит о низкой политической активности политических сил, как отражения их политической культуры, что напрямую отражается на их рейтинге, уровне доверия. Отсутствует интенсивное долгосрочное политическое предложение и агитация в период выборов, для оказания влияния на политический выбор потенциального электората и управления избирательным процессом, с целью достижения необходимых электоральных результатов. Отсутствует устойчивая связь на постоянной основе между политическими силами и обществом, которая влияет на устойчивую политическую, партийную идентификацию социальных слоев.

Респондентам был также задан вопрос «Знаете ли Вы своего депутата в Народном Собрании Республики Дагестан?». Всех депутатов знают только 4,3% молодежи; только своего депутата знают 11,6%; своего и некоторых других депутатов знают 18,9%; своего не знают, но других некоторых депутатов знают 12,8%; никого из депутатов не знаю 52,4%. Полученные результаты подтверждают низкий уровень политической активности депутатов Народного Собрания (парламент) Республики Дагестан в работе с электоратом и отражает их политическую культуру, что, несомненно, сказывается на их авторитете и доверии к ним, которые находятся на низком уровне.

Низкий уровень значимости выборов депутатов НС РД, отсутствие ав-

торитета и доверия депутатам НС РД, региональным представителям общероссийских партий, не знание народом своих представителей в НС РД на протяжении длительного времени связан с их слабой политической активностью, работой с потенциальными избирателями на долгосрочной основе, выполнением своих обязанностей перед избирателями и т.д. характеризует политическую культуру депутатов НС РД низким уровнем, которая влияет на политическую культуру общества, вызывая абсентеизм, недоверие институту выборов и уровням власти, политическую индифферентность и т.д.

Таблица 1

Социалистические – принципы социальной справедливости, свободы и равенства. Против рыночной экономики и частной собственности	15,2%
Коммунистические – бесклассовый общественный строй с общей собственностью, полным социальным равенством всех людей. Против рыночной экономики и частной собственности	9,8%
Социал-демократические – социальная справедливость, солидарность и большая свобода для людей. Создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех членов этого общества	52,1%
Теократические – власть в государстве находится в руках религиозных деятелей	10,4%
Правые – принцип капитализма с идеологией господства богатых над бедными	2,4%
Либеральные – ограниченное вмешательство государства в отношения между людьми, неприкосновенность прав и индивидуальных свобод человека	15,9%
Консерватизм – сохранение существующего государственного и общественного порядка, отказ от реформ	1,2%
Национализм – верность и преданность своей нации, независимость, работа на благо собственного народа. Нация является главной ценностью государства и залогом единства	7,3%
Клерикализм – усиление власти и значения религии во всех сферах общества	3%
Центризм – серединные, компромиссные, нейтральные политические взгляды	5,8%
Умеренные взгляды – политическое мнение, но неучастие в демонстрациях, митингах и т.д.	7%
Индифферентность – равнодушие или безразличие к политике	6,1%

Идеологическая ориентация является составной частью политической культуры. Поэтому при изучении политической культуры общества важным является определение идеологической структуры населения. Таким образом, дагестанской молодежи в представленном исследовании был задан вопрос «Какие политические взгляды вам близки?» (см. табл. № 1).

Полученные результаты показывают, что дагестанская молодежь ориентирована на социальные установки в обществе, которые выражаются в поддержки социал-демократических, социалистических, коммунистических политических взглядов. У молодежи доминируют позиции социальной справедливости, свободы и равенства, равные политические, экономические и правовые возможности. Также у молодежи присутствуют либеральные и теократические установки. Остальные политические взгляды мало или практически не востребованы в массовом сознании дагестанской молодежи.

В дагестанском обществе в целом и у молодежной социальной группы в частности на первом месте социал-демократические, социалистические, коммунистические политические установки, т.е. установки на социальное общественное устройство, также как и в более ранний период [1, с. 13].

Помимо рассмотрения поведенческого элемента политической культуры политических сил республики, необходимо было изучить поведенческий уровень политической культуры самой молодежи. Перед респондентами был поставлен вопрос «Интересуетесь ли вы политикой?». Постоянно интересуются общероссийскими политическими событиями 24,1%, постоянно интересуются дагестанскими политическими событиями 5,8%, время от времени интересуются общероссийскими политическими событиями 50,9%, время от времени интересуются дагестанскими политическими событиями 13,7%, не проявляют интереса, т.к. все однотипно, нет ничего интересного и прогрессивного 13,1%, не проявляют интерес по причине того,

что в политической жизни России и Дагестана много обмана, ничего не делается во благо народа 11,9%. В целом можно сказать, что дагестанская молодежь больше всего проявляет интерес к общероссийским политическим новостям, чем к дагестанским политическим событиям. Интенсивность данных интересов в основном носят периодичный характер, а не постоянный. При этом четверть молодежи не проявляют интереса к политической жизни страны и республики, т.к. по мнению молодежи в политической сфере обман, мало делается для общества, однотипность и нет прогрессивного развития.

Для выявления интереса, желания у молодежи к проявлению политической активности со стороны политических сил был задан вопрос «Вы бы хотели, чтоб с вами встречались депутаты, политические деятели, проводили агитацию?». Проявляют желание по причине, что это их обязанность 7,6%, что можно будет узнать об их политической программе и определиться со своим выбором 32,3%, чтоб знать их лично, задавать вопросы, обращаться с просьбами 15,5%, чтоб интересоваться об их проделанной работе, исполнении обещаний 19,2%. Не проявляют желания по причине того, что все равно они ничего не будут делать для народа 16,8% и потому что такие встречи неинтересны 20,1%. По сумме положительных и отрицательных ответов, доминируют положительные ответы (74,6%), среди которых доминирует желание узнать политическую программу политических сил, чтоб можно было сделать трезвый выбор. Данное доминирование говорит о высоком проявлении политической культуры у молодежи. Помимо этого треть молодежи не проявляют интереса к политической активности со стороны политических деятелей, по причине индифферентности и неверия в то, что это что-то изменит, как и прежде ничего не будет делаться для общества.

Следующий вопрос был направлен на выявления установок на политическую активность непосредственно у молодежи – «Вы бы хотели пойти во власть?». Ответы распределились следующим образом: 1.Да, это верный способ обеспечить себе достойную жизнь 8,2%. 2.Да, чтоб работать во благо общества 40,2%. 3.Нет, мне это не интересно, хочу заниматься делом по душе 45,1%. 4.Нет, это недостойная работа 8,5%. Если сравнивать положительные и отрицательные ответы, то с небольшим перевесом лидируют отрицательные ответы. Среди отрицательных ответов доминирует индифферентная позиция, которая среди всех вариантов ответов данного вопроса также занимает первое место, и небольшая часть молодежи оценивает работу во власти, как недостойную. Среди положительных ответов доминирует желание работать во благо общества, находясь у власти, небольшая часть молодежи видит нахождение во власти материальную составляющую. Данный вопрос отражает слабый уровень установок на политическую активность, в большей степени установки заниматься своим интересным делом. Это в свою очередь также положительно характеризует политическую культуру молодежи, т.к. нет массовых коростных установок идти во власть и заниматься нелюбимым делом, учитывая сложную социально-экономическую ситуацию в стране и республике в последнее время.

Далее молодежи было предложено оценить потенциальную возможность вхождения во власть отдельными личностями. Ответы на вопрос «Как вы считаете, профессионалов и независимых лидеров, представляющих интересы народа, допускают к власти?» распределились следующим образом: да 14,6%, нет 30,2%, частично 55,2%. Молодежь на слабом уровне оценивают современную систему и стабильность системы рекрутирования российской политической элиты, систему социальных лифтов российской политики. Возможно, и с этим связана политическая индифферентность дагестанской молодежи и отчасти нежелание идти во власть.

В свете важного политического события для страны в 2020 году, интерес

представляло выявление политической активности молодежи в свете голосования за поправки в Конституцию РФ. Был задан вопрос «Ходили ли вы голосовать за поправки в Конституцию РФ летом 2020 года?». Ответы распределились следующим образом: 1.Да, голосовал ЗА, они существенно изменят жизнь народа к лучшему 10,1%. 2.Да, голосовал ПРОТИВ, они для власти, а не для народа 12,2%. 3.Нет, власть сделала поправки для себя, а для народа ничего не измениться 33,8%. 4.Нет, т.к. будет фальсификация результатов, нет смысла голосовать 34,5%. 5.Нет, мне это безразлично 18,9%.

Таким образом, можно увидеть доминирующее бездействие политического, электорального поведения у молодежи, так называемый абсентеизм. Причиной тому служит отсутствие веры в эффективность данных поправок во благо общества и отсутствия веры в институт выборов в стране. Данные убеждения молодежи отражают политическую культуру власти и политическую систему в стране, что отрицательным образом сказалось на политическом участии молодежи, как части политической культуры, в данном важном для страны вопросе. Каждый пятый из опрошенной молодежи не ходил на выборы по причине индифферентности. По совокупности положительных ответов ходил на выборы и выразил свою гражданскую позицию почти каждый пятый. Из которых чуть большая часть голосовала против данных поправок, т.к. тоже не верит в эффективность данных поправок для общества. И только самая малая часть ходила на выборы и поддержала данные поправки в надежде, что они изменять жизнь общества к лучшему.

С целью изучения устойчивости электоральных предпочтений и поведения дагестанской молодежи, как потенциальных избирателей, в контексте факторов влияющих на изменение политических ориентаций, был задан вопрос «Можете ли вы поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика?». Не готовы поменять, т.к. верны своим политическим взглядам, несмотря ни на что, 16,2%. В первую очередь молодежь готова поменять свои политические предпочтения, если понравятся идеи и деятельность другой партии или политика – 40,5%, далее если молодежь не будет удовлетворять их политическая деятельность внутри страны – 23,5%, если не будет согласна с их международным (4,9%) и экономическим (4,6%) курсом. С трудом поменяют своим политические предпочтения, если очень сильно разочаруются 9,8%. Затруднились дать ответ 0,6%. В данном вопросе молодежь проявляет гибкость электоральных предпочтений и политическую сознательность. Она не фанатична и не готова слепо поддерживать те или иные политические силы, молодежь спокойно может поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика, если их деятельность не будет отвечать запросам общества.

Электоральные ориентации населения формируются под воздействием множества факторов. В. Тикунов и Д. Орешкина связывают электоральную специфику с послушностью населения региональной власти, авторитетным людям, родственникам и т.д.[3]. В наше исследование был включен вопрос «Если ваши родственники, знакомые, начальство попросят вас проголосовать по их желанию, как Вы поступите?», направленный на выявление уровня коллективного или независимого индивидуального голосования, исходя из собственных жизненных и политических ориентиров молодежи.

Результаты ответов показывают, что в первую очередь молодежь все равно проголосует на свое усмотрение 43%; далее тактично и вежливо откажет 32%; проголосует, даже если это будет против личных предпочтений, т.к. не смогу отказать 10,7%; проголосуют, если просьба будет в доброй и вежливой форме 7,3%; проголосует, даже если это будет против моих предпочтений, по причине страха испортить отношения 6,1%; затруднилось ответить 0,9%. Полученные результаты свиде-

тельствуют о существовании в позициях молодежи независимой позиции электорального выбора и не подвержены покорному коллективному голосованию по воле конкретного человека или узкого круга лиц, что соответствующе характеризует политическую культуру дагестанской молодежи. При этом шестая часть молодежи готова выполнить данную просьбу и проголосовать в первую очередь против своей воли, из-за того, что не смогут отказать, т.к. на них влияет фактор авторитета, а вторая причина – страх испортить отношения. Остальная часть готова выполнить подобного рода просьбу, если это будет в доброй вежливой форме, т.е. проявляется безразличное отношение к электоральному выбору.

Для определения уровня авторитетности власти у молодежи был задан вопрос «Какой власти Вы доверяете?». С доверием к федеральной власти относятся 12,8%, к республиканской 9,1%, обеим видам власти доверяют 15,9%, нет никакого доверия к двум уровням 62,2%.

Мы видим устойчивую тенденцию недоверия всем видам власти. Полученные результаты показывают тревожную тенденцию и показывают низкий уровень политической культуры федеральной и республиканской власти в глазах респондентов, что также вызывает в дагестанском обществе абсентеизм, недоверие институту выборов и уровням власти, политическую индифферентность и т.д.

Подводя итоги, можно сказать, что у дагестанской молодежи слабый уровень электоральной информированности, индеферентности и познавательного элемента политической культуры. Данные низкие показатели элементов политической культуры молодежи напрямую связаны с низким уровнем связи между политическими силами и молодежи, низким уровнем поведенческой деятельности политических сил в виде интенсивности агитационной, информационной работы с целью повышения электоральной активности населения. Все это в совокупности, негативно отражается в целом на явке избирателей и на итоговый результат выборов.

В республике отсутствует качественная агитационная работа со стороны республиканских политических сил, а если таковая и имеется, то только в период предвыборной кампании, т.е. на краткосрочную перспективу. Наблюдается ситуация, что политические силы республики при слабой работе с потенциальным электоратом и знакомством со своей политической программой и курсом, присутствует более активная агитационная работа по поводу голосования за них. Это говорит о низкой политической активности политических сил, как отражения их политической культуры, что напрямую отражается на их рейтинге, уровне доверия. Отсутствует интенсивное долгосрочное политическое предложение и агитация в период выборов, для оказания влияния на политический выбор потенциального электората и управления избирательным процессом, с целью достижения необходимых электоральных результатов.

Дагестанская молодежь ориентирована на социальные установки в обществе, которые выражаются в поддержки социал-демократических, социалистических, коммунистических политических взглядов. У молодежи доминируют позиции социальной справедливости, свободы и равенства, равные политические, экономические и правовые возможности. Также у молодежи присутствуют либеральные и теократические установки. Данные идеологические ориентации дагестанской молодежи высоко характеризуют ее политическую культуру по данному вопросу.

У молодежи проявляется слабый уровень установок на политическую активность, в большей степени установки заниматься своим интересным делом. Присутствует доминирующее бездействие политического поведения молодежи на уровне голосования за поправки в Конституцию РФ 2020 г. Причиной тому служит отсутствие веры в эффективность данных поправок во благо общества и отсутствия веры в институт выборов в стране.

В установках молодежи существует независимая позиция электорального выбора, которая не подвержена покорному коллективному голосованию по воле конкретного человека или узкого круга лиц, что соответствующе характеризует политическую культуру дагестанской молодежи.

Литература

1. Мамараев Р.М. Электоральные предпочтения жителей Республики Дагестан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России в 2018 года // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № . 2. С. 51.
3. Тикунов В.С., Орешкина Д.Д. Управляемая демократия: российский вариант [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://old.soob.ru/soob/00/00–12–12/12ogl.htm. (дата обращения 10.06.2019 г.). – 80 с.
4. Устинкина К.Г. Электоральное поведение российской молодёжи // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.2014. Т. 7. № 1.

POLITICAL CULTURE OF DAGESTANI YOUTH AND ITS ELECTORAL ATTITUDES AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

Mamaraev R.M., Lysenko Yu.M., Garunova N.N.
Daghestan Scientifi c Center of Russian Academy of Sciences, Dagestan State University

This article is devoted to the study of the political culture of Dagestan youth and their electoral attitudes at the present stage of development of the Republic of Dagestan. At the end of 2020, the authors conducted a mass sociological survey among the student youth of the Republic of Dagestan. 800 people were interviewed. It was allowed to mark several answers to the questions posed in the questionnaire. Elections are an integral part of the political life of most countries of the modern world, and identifying the political preferences of young people in such a multinational and "young" age structure of the region is important and relevant. The young generation is an important component of the social base of political transformations in any society. It is noted that Dagestan youth have a weak level of electoral awareness, indifference and cognitive element of political culture. These low indicators of elements of the political culture of young people are directly related to the low level of communication between political forces and young people, the low level of behavioral activity of political forces in the form of the intensity of campaigning, information work in order to increase the electoral activity of the population. All this together has a negative impact on the overall turnout and the final result of the elections. The confidence of Dagestan youth in the federal and republican authorities is shown at a very low level. It is noted that these processes cause some concern in the context of political protest attitudes. This manifestation of trust shows a low level of political culture in the eyes of respondents, which also causes absenteeism in Dagestan society, distrust of the institution of elections and levels of power, political indifference, etc.

Keywords: Dagestan, youth, elections, electoral preferences, absenteeism, political processes.

References

1. Mamaraev R.M. Electoral preferences of the people of Th e Republic of Dagestan. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2017, no. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Pyrma R.V. Electoral participation of young people in the presidential elections of Russia in 2018 // Bulletin of the Financial University. Humanities. 2019. № . 2.
3. Tikunov V. S., Oreshkina D.D. Managed democracy: the Russian version [Electronic resource]. Access mode: URL: http://old.soob.ru/soob/00/00–12–12/12ogl.htm. (accessed 10.06.2019). – 80 p.
4. Ustinkina K.G. Electoral Behavior of Russian Youth // Problem Analysis and State Management Design. 2014. T. 7. No. 1.

Книга очерков Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932) в контексте творчества писателя

Якимова Светлана Ивановна,
доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Статья посвящена рассмотрению книги очерков Вс.Н. Иванова (1888–1971) периода эмиграции «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932) как универсального комплекса идейно-художественных концептов, сформировавшихся в предшествующем творчестве автора и получивших продуктивное развитие в последующих произведениях писателя, мыслителя и журналиста и отражающих идейно-художественную целостность творческого наследия художника слова. Книга очерков Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» рассматривается в контексте нравственно-философской, социокультурной проблематики обширного корпуса его разножанровых произведений, созданных в доэмигрантский, эмигрантский и послеэмигрантский периоды.
В контексте актуальных вопросов современной литературоведческой науки, заметно активизировавшейся в изучении вопросов геопоэтики, дальневосточного фронтира, творчество Вс.Н. Иванова заключает в себе огромный научный потенциал, оставаясь по-своему уникальным и интересным для современного читателя.

Ключевые слова: Всеволод Никанорович Иванов, писатель, мыслитель, журналист, «Огни в тумане: Думы о русском опыте», концептуально-художественный комплекс.

Книга очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте», составленная Вс.Н. Ивановым по истечении десяти лет эмиграции, в Харбине, занимает особое место в его наследии. Она вобрала журналистские публикации Иванова в российской и эмигрантской периодике, в которых автор отразил свое видение событий революции и гражданской войны в России, раздумья о судьбе России в контексте ее богатого исторического опыта.

В конце 1920-х годов Вс.Н. Иванов, отходя от вопросов политики, обратился к проблемам философии культуры, искусства, но в непременной связи с историей России. На формирование концепции книги очерков заметное влияние оказал созданный им в эмиграции труд историософского характера («Мы: Культурно-исторические основы русской государственности», Харбин, 1926), посвященный историко-культурным проблемам творчества писателя и мыслителя. В нем Иванов, развивая евразийские идеи, актуализирует роль культуры востока в истории России. Основная мысль этой работы Вс.Н. Иванова сводится к тому, что русская государственность и великодержавность генетически связаны с государственностью и великодержавностью монгольскими. Иванов констатирует образование нового узла международной политики, тихоокеанского, как следствие расширения России и Англии в восточном направлении, Северной Америки в западном, Японии в юго-восточном и пробуждения Китая. «Вполне возможно, – делает свой принципиальный вывод автор книги, – что мы ныне присутствуем при зарождении новой эры мировой истории – эры тихоокеанской, или азийской, после эры европейской» [3, с. 367]. Вс.Н. Иванов принадлежит к числу немногих своих совре-

менников, увидевших тогда, в 1920-е годы, стоящую перед русской исторической наукой задачу: обратить свой пристальный взор к изучению азиатской составляющей как принципиально важной в развитии русской истории, поскольку Русь вышла некогда из лона азиатской «провинции». Россия, утверждает Иванов, одинаково принадлежа как Европе, так и Азии, должна активизировать свой научный потенциал в изучении своих азиатских истоков. Теоретические наблюдения и выводы, которые делает Иванов-историк в этом труде, по-особому высвечивают все его последующее журналистское и художественное творчество. Темы русской и китайской истории, сопряженно проходя через творчество Вс.Н. Иванова, приобретают исключительную значимость и ценность, характеризуя в то же время необыкновенную целеустремленность и целостность художественно-исторической концепции писателя-историка.

После выхода в Харбине эта книга вызвала огромный резонанс в русских эмигрантских кругах, как на Востоке, так и на Западе. В яростную полемику с Ивановым вступил А. Ремизов, а известный критик русского зарубежья П. Бицилли в парижских «Современных записках» (№ 29) в год выхода книги дал на этот труд Иванова обстоятельную рецензию, заключив ее словами: «Вообще, по духу, по настроениям и влечениям, автор, быть может, сам того не сознавая, – гуманист, возрожденец, «эллин», – даже слишком!» [2, с. 493].

Отбор статей для своей книги очерков Вс.Н. Иванов осуществляет в рамках заявленной через заголовок («Огни в тумане») концепции. Включая в сборник свои первые наблюдения и размышления, подводя предварительные итоги событий в России рубежа 1920-х годов, Иванов ищет опору, те самые огни, что способны развеять революционный туман настоящего. Снизившийся к концу 1920-х гг. градус политических дискуссий обусловил новый ракурс видения произошедшего через призму общечеловеческих ценностей, ценностей культуры, олицетворяющих путеводные огни в тумане современности.

Книга очерков Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» органично дополняет отечественную историко-литературную летопись эпохи, обогащая драматический контекст «Несвоевременных мыслей» А.М. Горького и «Окаянных дней» И.А. Бунина взглядом с востока, актуализируя, с одной стороны, евразийские воззрения автора, а с другой, – развивая идею единства внутрироссийской и эмигрантской культуры и литературы.

Запечатлевая документально-художественную картину жизни России, эта книга вместе с тем заключает в себе программу всего последующего эмигрантского и послеэмигрантского творчества писателя и мыслителя Вс.Н. Иванова, актуализирует проблему его философско-культурологического и художественного наследия как целостного концептуально-художественного комплекса. Ключевые проблемы российской истории, национальной культуры и искусства, включенные в духовно-нравственный контекст эпохи, интегрированные в документально-художественную ткань этого издания журналистских публикаций, получили свое дальнейшее развитие и раскрытие в произведениях Вс.Н. Иванова последующего периода. Отобранные для сборника «Огни в тумане: Думы о русском опыте» статьи послужили автору своеобразной эмпирической базой для теоретических научных обобщений драматического опыта российской истории и перипетий настоящего, событий послереволюционной действительности. Об этом свидетельствует изданная годом позже работа Вс.Н. Иванова философско-культурологического характера «Дело человека: опыт философии культуры» (Харбин, 1933), во многом послужившая методологическим фундаментом последующего художественного творчества писателя и в эмиграции, и после возвращения в Россию в 1945 г.

В разножанровом, универсальном по масштабу проблематики наследии

писателя, мыслителя и журналиста Вс.Н. Иванова книга «Огни в тумане: Думы о русском опыте» является одной из ключевых работ автора, оказавшегося в начале 1920-х гг. в вынужденной эмиграции в Китае, который стал на двадцать с лишним лет не только страной проживания, но и местом серьезных и продуктивных раздумий Иванова о судьбе России в контексте ее исторической связи с западом и востоком. Концептуально аккумулируя приобретенный опыт жизни, начинавшегося писательского и журналистского творчества, публицистический сборник Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» связан с реалиями России первой четверти XX века через призму далекого прошлого. Вместе с тем проблематика книги конспективно намечает программу всего последующего творчества писателя эмигрантского и послеэмигрантского периодов. Глубоко символическое название книги отражает историко-культурные, нравственно-философские раздумья писателя-мыслителя о настоящем и будущем России.

Концептуальная идейно-художественная целостность картины мира создается в книге очерков Вс.Н. Иванова посредством включения настоящего в историко-культурный, духовно-нравственный контекст исторического прошлого, что отражает их преемственность и обусловливает формирование образа будущего. Художественные концепты, заключенные в антитетических художественных образах-мотивах «тумана» и «огней», разведенных во времени между прошлым и настоящим, соединяет социокультурное понятие «опыт», отражающее национальную культурно-историческую традицию, выверенную временем. Опыт, в критические моменты истории страны обретаемый через осмысление уроков прошлого, рассматривается Ивановым как важный и необходимый ресурс социокультурного развития.

Именно за таким опытом к прошлому в свое время обращался А.И. Герцен в своей масштабной панорамной хронике «Былое и думы», переосмысливая события личной жизни в широком панорамном контексте отечественной и европейской жизни первой половины XIX века.

Темы истории, истории России, национальной духовной культуры и искусства как основы прогресса выкристаллизовываются в книге очерков Иванова в идейно-художественные и аксиологические доминанты, определившие главные линии дальнейших исканий писателя Иванова.

Реализуемый в сборнике Вс.Н. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» подход к интерпретации историко-культурного опыта предопределил концептуально-художественную направленность всего последующего творчества писателя и мыслителя Вс.Н. Иванова. Тематическое разнообразие собранных в сборник очерков объединяет концептуальная общность нравственно-философской проблематики.

При всем тематическом разнообразии отобранных в сборник публикаций центральными заявлены проблемы исторической памяти и духовной культуры в их нравственно-философском аспекте, как художественные концепты и идейные доминанты, которые Вс.Н. Иванов соотносит с позитивными огнями будущего, что прозревается за туманом революционной эпохи.

Многие из представленных в сборнике публикаций Вс.Н. Иванова, увидевших свет в русских эмигрантских изданиях, отразили новый уровень миропонимания изгнанников, ведь «за рубежом – историческим и символическим – многое переосмысливалось и обретало новый, прежде скрытый смысл» [1, с. 56].

Исторический подход, характеризующий творческую индивидуальность Вс.Н. Иванова, на особое место в рассматриваемой книге выдвигает статьи Вс.Н. Иванова исторической тематики, в которых актуализируются значимые, переломные моменты русской истории. К ним относится один из концептуальных очерков сборника, впервые опубли-

кованный в 1930 г. в харбинской газете «Гун-Бао» («Общественная газета») «Даниловичи (из цикла исторических)», пронизанный драматизмом послереволюционного эмигрантского бытия, которому противостоит исполненная чувства гордости за великие деяния по созиданию Руси эпоха князей Даниловичей. Иванов, опираясь на летописные свидетельства, реалистично воссоздает трудный путь Руси к независимости от татарской орды: «С установлением на Руси власти монгольской державы русские распри и междоусобия теряют отныне свою силу» [4, с. 312]. Подробно описывая созидательный труд правителей Руси, князей Даниловичей, их тяжелые утраты и значимые государственные приобретения, автор очерка проецирует далекое прошлое на события первой четверти XX века: «Иван Данилович (Калита – С. Якимова) был ловким дипломатом и часто ездил в Орду, ладил с ханом, приобрел его расположение, и хан не посылал на Русь своих сборщиков дани и беспокойных послов. Московская земля отдохнула от военного разорения, стала находиться в сравнительно цветущем состоянии» [4, с. 312]. Забота о государстве, как о высшей цели, побуждала Даниловичей усмирять личные амбиции, отдавая приоритет государственным интересам. Холодный расчет, умная тактика, порой замешанная на хитрости, изобретательности, помогали им укреплять Русь, расшатывая устои Орды: «И мало-помалу ко времени двух последних великих Даниловичей, Ивана III – деда и Ивана IV Грозного – внука, перед взором изумленного Запада встает, простираясь в приобретениях Ермака чуть ли не до Тихого океана, сильная Московия» [4, с. 318]. В этом историческом очерке Иванов-журналист и публицист актуализирует непреходящую ценность государственно-исторического созидания.

Воссоздавая богатый и противоречивый исторический опыт строительства русского государства в очерке «Даниловичи (из цикла исторических)», Вс.Н. Иванов дорисовывает картину государственного упрочения Руси духовно-нравственным созиданием в очерке «Оправданный Аввакум». Очерки не случайно соседствуют в книге Вс.Н. Иванова. Они написаны и опубликованы Вс.Н. Ивановым в эмигрантской прессе в Китае в 1930–1931 гг. («Гун-Бао», 1930; «Русское слово», 1931) незадолго до выхода в свет рассматриваемого сборника статей, когда для русской интеллигенции в изгнании в повестку дня были поставлены вопросы духовно-нравственных исканий, для реализации которых она располагала гораздо большими возможностями, чем внутрироссийская в условиях политического ограничения свободы слова.

Очерк исполнен полемичности по отношению к новой, советской, власти, утвердившейся революционным путем. Иванов последовательно и аргументированно «оправдывает» протопопа Аввакума, который «не был революционером», уводя оценки этой исторически значимой личности в контексте новых вызовов времени из политической плоскости в духовно-нравственную: «Разруха настоящего, которая превзошла собой всякое вероятие, заставляет нас оглянуться назад и отметить в прошлом то, на что мы прежде не обращали должного внимания» [4, с. 319]. Именно там, в прошлом, когда Россия была сильным и слаженным государством, Иванов черпает необходимый для своего времени духовно-нравственный опыт служения русскому национальному делу: «Протопоп Аввакум реформ не боялся, но он совершенно правильно требовал в качестве полноправного и полногласного, самоотверженно смелого гражданина своей страны, привыкшего идти на борьбу против смуты к самостоятельности, чтобы осторожно относиться к переменам» [4, с. 324–325]. Революция 1917 года, как отмечает Иванов, привнеся раскол в русское государство и общество, стала началом «великого смятения» в русской православной церкви, в бурных волнах которого старообрядческая церковь устояла, приобретя заграницей свое продолжение

в церкви Тихоновской. «И теперешняя Тихоновская церковь идет, таким образом, по стопам консервативного протопопа Аввакума в его национальном делании, являясь тем самым «старообрядцами второго призыва» [4, с. 326]. Название очерка носит ярко выраженный публицистический характер и обусловливает закономерность дальнейшего идейно-художественного исследования опыта жизни и деятельности протопопа Аввакума, вождя старообрядцев, в произведении Вс.Н. Иванова послеэмигрантского периода, масштабном по проблематике историческом повествовании «Черные люди» (Хабаровск, 1963).

Исследуя прошлое в исторических очерках, автор включает его в контекст послереволюционной эпохи, чтобы продолжить его художественный анализ в послеэмигрантском творчестве, где на новом этапе жизни получат свое развитие идейно-художественные концепты книги очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте». В своих крупных исторических повествованиях («Черные люди», 1963; «Александр Пушкин и его время», 1970), цикле исторических повестей «Императрица Фике» («Иван Третий», «Ночь царя Петра», «Императрица Фике», 1968) Иванов на широком историко-культурном материале развернет масштабную панораму созидательного историко-культурного опыта России, который, к горькому сожалению Иванова, был оставлен в прошлом не использованным современными преобразователями России.

В рассмотренных очерках на темы русской истории Иванов открывает своим современникам те необходимые философские, духовно-нравственные основы, что должны были стать для них огнями в тумане современности в условиях духовного раскола России. Нравственно-философские «уроки» этого сборника очерков Вс.Н. Иванова со временем своей актуальности не утрачивают.

Очерки о великих деятелях прошлого, строителях государства и русской духовности в своей книге очерков Иванов дополняет очерками об истории русской культуры.

Одним из ведущих жанров политической журналистики послереволюционного периода на Дальнем Востоке России, а затем и в дальневосточной эмиграции стал портретный очерк.

С особой эмоциональной силой этот недолгий период в развитии отечественной и региональной журналистики отразился, а Дальний Восток остался запечатленным в портретных очерках известного и популярного в те годы в Сибири и на Дальнем Востоке редактора и издателя целого ряда газет (омская «Наша газета», владивостокская «Вечерняя газета»), журналиста Вс.Н. Иванова, впоследствии писателя-эмигранта, а после возвращения из эмиграции в 1945 г. – советского писателя-историка.

Серию портретных очерков, включенных Вс.Н. Ивановым в книгу очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте», характеризует широта взглядов их автора, с одной стороны, известного политического деятеля, сторонника «белого» движения, соратника А.В. Колчака, а с другой, – убежденного защитника демократических основ жизни, писателя-гуманиста, смело выступавшего против большевистского террора. В своих портретных очерках владивостокского периода (1920–1922), адресованных, как показало время, не только своим соотечественникам-современникам, но и потомкам, Вс.Н. Иванов с горячей публицистической остротой, с тревогой за будущее России обличает большевистский произвол, защищая гуманистические идеалы.

Деятелям науки и подвижникам русской культуры, поистине сильным личностям своей эпохи посвятил Вс.Н. Иванов очерки «Проф. Д.В. Болдырев» и «Василий Федорович Иванов», опубликованные в 1921 г. во владивостокской газете «Русский край». Создавая метафорический образ пореволюционной эпохи, Иванов выражает свою аксиологическую картину мира: «Пожирается во имя земных благ личное, индиви-

дуальное, пышное, радостное сияние, цветение широкой русской души» [4, с. 46].

В портретном очерке «Василий Федорович Иванов» автор запечатлел особый тип русских людей, поначалу воспринимаемых как человек с чудинкой, но в критической ситуации обнаруживающих в себе удивительную жизнестойкость благодаря приверженности здравому смыслу. «Вас. Фед. Иванов весь в том мире, куда образованным людям как бы нет хода, потому что там нет никаких проблем. Этот мир здравого смысла, вековых устоев отношений людей между собой, чуткого, совестливого восприятия вековечных идей, не укладывающихся ни в какие прокрустовы ложа «прогресса» [4, с. 68].

Исследование трагического опыта революции 1917 г. и гражданской войны в России Иванов продолжил в серии портретных очерков эмигрантского периода (1922–1945). Восьмой годовщине со дня казни адмирала Колчака Вс.Н. Иванов посвятил мемориальный очерк «Адмирал Колчак», в котором продолжает исследование человеческой природы, природы вождей в эпоху социокультурных потрясений.

Небольшой, в семь страниц очерк, включает двенадцать фрагментов из журналистской биографии Иванова, эпизодов политических баталий и конфликтов в ближайшем окружении адмирала Колчака, запечатлевая всю полноту и сложность реальных событий гражданской войны через их хаотичную смену во времени и пространстве. Экспериментируя в области формы, соединяя журналистский талант с писательским, Иванов в своей горячей публицистке отстаивает вечные ценности, идеалы гуманизма: «Но не к присутствующей толпе, по большей части азартной, себялюбивой и равнодушной, направляется мой взор. Туда, назад, к бесконечным просторам Сибири, которую мы изошли в Ледяном походе, уходя из России… Там витают кровавые призраки тех, кто смертью запечатлел свой подвиг верности. Эти видения можно видеть только совестью. И во имя этой совести – придет время и будет историей учинено жестокое действие с теми, которые это душевное качество потеряли, предаваясь своим делам и делишкам, предаваясь себялюбивой политике» [4, с. 200].

Исследуя характеры своих героев, представителей разных социальных групп и слоев, автор показывает приоритет духовно-нравственных начал, которые помогают человеку сделать нравственный выбор в пользу своей человеческой природы. Нравственно-философская проблематика, занимая главное место в творчестве Вс.Н. Иванова в период напряженных исканий художника, драматически переживавшего разлуку с Родиной, предопределила дальнейшую судьбу писателя в его служении России через постижение уроков ее истории, приобщение к опыту ее культуры, уникально соединившей в себе восток и запад.

Тема востока в творчество Вс.Н. Иванова вошла большим комплексом обстоятельств и факторов, обнаружив свою закономерность. Отголоски детских костромских воспоминаний о событиях русско-японской войны, о которых газетные публикации тех лет оставили противоречивые представления о Китае и китайском народе в душе будущего писателя и требовали своего разрешения [7, с. 13]. Студенческие занятия в научных семинарах известных немецких историков философии, основателей Баденской школы неокантианства, В. Виндельбанда и Г. Риккерта, с ее приоритетом социально-моральных ценностей, заложили основы последующего синтеза науки и художественного творчества Иванова, его целостности и концептуальности. Включенный в сборник очерк в жанре критической параллели «Две борьбы за Вишневый сад», отражая сложный период в поисках писателем актуальной парадигмы культуры, объясняет его приход к евразийству. Эмиграция Вс.Н. Иванова на восток, в Китай, предстает как важный объективный фактор дальнейшего развития авторской концепции всего его творческого наследия.

Соотнося пьесу А.П. Чехова «Вишневый сад» с написанной позднее пьесой английского писателя Дж. Голсуорси «Борьба до шкуры» («The Skin Game»), Иванов актуализирует нравственно-философский аспект проблемы чеховской драмы: можно ли победить, сражаясь за доброе злым? [6]. Герои английской пьесы, защищая интересы семьи, приносят в жертву нравственные ценности, в то время как чеховские – оказываются не готовыми к столь радикальным методам борьбы и теряют свое имение. Критик ставит вопрос перед современником, побуждая его к поискам нравственного выбора. Эти поиски Иванов не прекращал на всем протяжении своего творческого пути. Вынесенный им значимый и весомый урок, запечатленный в воспоминаниях писателя, и в настоящее время не теряет своей актуальности: «Нельзя сводить счетов с прошлым, иначе не останется сил для постройки будущего. Прошлое – наш главный союзник в постройке будущего» [5, с. 17].

Диалог разума и чувства, прагматики и духовности получает в этом очерке новые импульсы. Автор выражает сомнения в абсолютной состоятельности западной, прагматической парадигме ценностей. И тем самым выводит себя и свое творчество к новым горизонтам, открывает не только для себя, но и для российского читателя новое пространство культуры, культуры востока и Китая, в частности. В послеэмигрантский период (1945–1971) тема Китая по-своему спасала Вс.Н. Иванова от сложных, не совсем понимаемых им реалий советской действительности. В первое десятилетие по возвращении на Родину Иванов создает цикл повестей, уникальную трилогию о Китае: «Тайфун над Янцзы» (1952), «Путь к Алмазной горе» (1956) и «Дочь маршала» (1971), – которая стала важным достижением русской литературы XX века, личным вкладом писателя Иванова в процесс интеграции культуры запада и востока через посредство русской культуры. Важно отметить, что первые две повести цикла были написаны Ивановым, русским писателем, раньше, чем в собственно китайской литературе сформировался интерес к историко-революционной тематике [7, с. 165].

Духовно-нравственные искания писателя и журналиста Вс.Н. Иванова 1920-х годов укрепили философско-эстетические принципы художника слова и обусловили продуктивное включение писателя в контекст советской литературы, предопределив его идейно-художественные приоритеты в границах исторической прозы, посвященной истории России и Китая. Этими произведениями писатель открыл новые художественные горизонты в изучении особенностей русского национального менталитета, исторически глубоко связанного с культурой востока.

Литература

1. Бабкина Е.С. Образ России в детской периодике дальневосточной эмиграции // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: сб. науч. ст. по материал. II международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.». Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014.
2. Бицилли П. Всеволод Иванов. «Мы» // Современные записки. Париж. 1926. № 29.
3. Иванов Вс.Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Изд-во «Бамбуковая роща», 1926.
4. Иванов Вс.Н. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин: Изд-во «Заря», 1932. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2673908/ (дата обращения: 10.03.2021).
5. Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8.

6. Якимова С.И. Жанр критической параллели в литературной критике русского зарубежья Дальнего Востока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (3).
7. Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2001.
8. Якимова С.И. Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016.

BOOK OF ESSAYS BY VS.N. IVANOVA "FIRES IN THE FOG: THOUGHTS ON RUSSIAN EXPERIENCE" (HARBIN, 1932) IN THE CONTEXT OF THE WRITER'S WORK

Yakimova S.I.
Pacific State University

The article is devoted to the consideration of the book of essays by Vs.N. Ivanov (1888–1971) of the period of emigration «Fires in the Fog: Thoughts on Russian Experience» (Harbin, 1932) as a universal complex of ideological and artistic concepts that were formed in the author's previous work and were productively developed in subsequent works of the writer, thinker and journalist and reflecting the ideological and artistic integrity of the creative heritage of the artist of the word. Book of essays by Vs.N. Ivanova «Fires in the Fog: Thoughts on Russian Experience» is considered in the context of the moral, philosophical, sociocultural problems of the vast corpus of his works of different genres, created in the pre-emigrant, emigrant and post-emigrant periods.

In the context of topical issues of modern literary science, which has noticeably intensified in the study of issues of geopoetics, the Far Eastern frontier, the work of Vs.N. Ivanova contains a huge scientific potential, remaining in its own way unique and interesting for the modern reader.

Keywords: Vsevolod Nikanorovich Ivanov, writer, thinker, journalist, «Fires in the Fog: Thoughts on Russian Experience», conceptual and artistic complex.

References

1. Babkina E.S. The image of Russia in children's periodicals of the Far Eastern emigration // Literature and journalism of the countries of the Asia-Pacific region in intercultural communication of the XX–XXI centuries: collection of articles. scientific. Art. by material. II international scientific-practical conference "Literature and journalism of the countries of the Asia-Pacific region in intercultural communication XX–XXI centuries." Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2014.
2. Bitsilli P. Vsevolod Ivanov. "We" // Modern notes. Paris. 1926. No. 29.
3. Ivanov Vs.N. We: Cultural and historical foundations of Russian statehood. Harbin: Publishing House "Bamboo Grove", 1926.
4. Ivanov Vs.N. Lights in the Fog: Thoughts on Russian Experience. Harbin: Zarya Publishing House, 1932. URL: htps: //rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2673908/ (date of access: 10.03.2021).
5. Ivanov Vs.N. Youth and Freedom: A Story about Time and Oneself // Far East. Khabarovsk. 1987. No. 8.
6. Yakimova S.I. Genre of critical parallel in literary criticism of the Russian emigration of the Far East // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 10 (3).
7. Yakimova S.I. Life and work of the Sun. N. Ivanova in the historical and literary context of the twentieth century. Khabarovsk: KhGPU Publishing House, 2001.
8. Yakimova S.I. Literary and artistic criticism of the Russian emigration of the Far East in a historical and cultural context. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2016.

Познавательная традиция Гераклита: главное античное решение проблемы о соотношении веры и знания

Извекова Татьяна Федоровна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного медицинского университета
E-mail: izvekova01@gmail.com

Данная статья посвящена анализу концептуальных решений античными философами важнейшей проблемы философии, науки, теологии – проблемы соотношения веры и знания, от решения которой напрямую зависит понимание самой реальности, процесса ее познания, смыслов жизни и активности человека, глубинных отношений различных мировых начал: материи и сознания, относительного и абсолютного, временного и вечного, подлинного и видимого, внутреннего и внешнего, жизни и смерти и др.
Главная исследовательская цель данной работы – определение и теоретико-методологический анализ наиболее общей и целостной концепции решения проблемы соотношения веры и знания в античной философии в форме ведущей познавательной традиции – традиции Гераклита. В данной работе впервые поставлена и решена проблема поиска именно концепции-инварианта, концепции-ядра различных представлений о соотношении веры и знания в воззрениях античных философов. Впервые показано, что в соотношении веры и знания, философии, религии и науки при всем обилии различий и особенностей в их понимании имеется и неизменная, инвариантная их составляющая, наиболее ярко проявляющаяся в двух важных феноменах: а) в принципиально-глубинной, атрибутивной взаимосвязи веры и знания; б) в их единстве с главным человеческим началом – духовностью.

Ключевые слова: вера, знание, бытие, познание, человек, духовность, мировоззрение, вечное, временное, абсолютное, внешнее, внутреннее.

Проблема соотношения веры и знания как фундаментальных начал онтологии, гносеологии, антропологии, аксиологии, теологии, метафизики, богословия и др. – одна из центральных исследовательских проблем любого философского учения или научно-теоретической системы, а также важнейший элемент любого мировоззрения – научного, философского, религиозного, обыденного и т.д. Совсем не случайно, а вполне закономерно появление даже особой науки – экзистологии как философской науки о существовании сущностей (объектов) различной природы в статусе либо знания, либо веры [1]. Этой проблеме посвящено большое количество различных работ – диссертаций [2], [3], [4], [5], монографий [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], журнальных статей [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20].

На вопрос о соотношении веры и знания дал блестящий ответ выдающийся русский философ В.В. Зеньковский: познавательное отделение веры от знания, науки от религии – результаты попыток утверждения принципиально ложной идеи о существовании некой «чистой философии» (и такой же якобы «чистой науки») и эта идея «есть излюбленная фикция у мыслителей Нового времени, которые нередко переносят эту фикцию и в античный мир» [21, с. 214]. Иначе говоря, вера и знание в своем изолированном и отделенном друг от друга состоянии – на самом деле существенное разрушение этих начал, подмена их настоящего содержания чем-то фальшивым и ложным, в конечном итоге – поражение глубинной сущности и подлинности процесса познания. И наоборот, исследование веры и знания в их тесной взаимосвязи и нераздельном единстве, в их обязательно-целостном состоянии –

возможность проникнуть в глубинные смыслы не только самих этих понятий, но и в смыслы человеческого присутствия в мире, в смыслы ответов на так называемые, по Ф.М. Достоевскому, «проклятые» вопросы – о жизни и смерти, о загадках и тайнах происхождения мира и человека, О Боге и т.д.: «Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу… И чего копошимся мы иногда, чего блажим, чего просим? Сами не знаем чего… Да взгляните пристальнее! Ведь мы даже не знаем, где и живое-то живет теперь и что оно такое, как называется? …Мы мертворожденные…[22, с. 178–179].

Главное разделение веры и знания как основных начал процесса познания произошло, как уже было указано, в Новое время. Именно тогда утвердилась секулярная интерпретация взаимосвязи веры и знания, которая идет от попыток мыслителей Нового времени (П. Гольбаха, К.А. Гельвеция, Ж.О. Ламетри, Д. Дидро и др.) [21, с. 215–224.] различными новыми терминами (например, употреблением понятия «естественный разум», в котором якобы присутствует исключительно обоснованное знание, «без всяких вер и метафизики») отделить «чистое» (научное) знание, рационально его обосновать, избавиться от веры в разных ее проявлениях.

Проблема, пусть и неоформленная, возникает со времен античности, где у ее мыслителей не еще не утрачена исходная связь с мифом, с первичным всеединством начал бытия и активности человека, о чем обоснованно отмечал М. Хайдеггер: «… μῦθος и λόγος в противовес мнению, бытующему в расхожей истории философии никоим образом не выступают в истории философии противоположностями друг другу…» [23, с. 42]. Исходя из вышесказанного, легко понять наш авторский выбор общей направленности данного исследования глубинного единства веры и знания не только через анализ отдельных концептуальных решений этой проблемы античными философами, коих, как известно, великое множество, но и в авторской попытке найти там некий инвариант такого рода воззрений (их концептуальное ядро) при всем их великом разнообразии; именно такое, в основном, синтетическое решение такой познавательной задачи – базовая цель данного цикла из двух статей. Но сделать это совсем непросто, поскольку секулярная интерпретация взаимосвязи веры и знания сплошь и рядом присутствует и в историко-философских исследованиях: даже в анализе первоисточников тех или иных воззрений античных мыслителей часто все, что касается феномена веры, ее неразрывной связи со знанием и другими мировыми началами (реальностью, духовностью, Абсолютом и т.д.) просто не замечается, опускается, как минимум – принижается. Такого рода секуляризм и изоляционизм в отношении веры и будет показан на конкретном историко-философском содержании ниже; авторское же преодоление этого ложного подхода позволит найти новое, гораздо более полное решение проблемы соотношения веры и знания античными философами – именно синтетическое, именно целостное и взаимосвязанное.

Гераклит впервые ввел понятие «знание» в познавательное употребление, отделив представление о действительности от самой действительности. Знание у него начинает обозначать результат познания мира человеком и этимологически было связано с такими словами, как «слышать», «видеть», «уметь» [24, с. 32]. Гераклит особо подчеркивает важнейшую особенность знания: «В одну и ту же реку мы входим и не входим, мы есть и нас нет» [25, с. 209, с. 211] – это о действительности; а вот знание о ней у Гераклита – совсем иное начало, ибо оно исключено из того потока изменений, в котором пребывает сама действительность, отделено от него и, следовательно, от реальности как таковой. В силу чего знание и мировой поток изменения действительности оказываются по разную сторону в познании: «Чьи только речи я не слышал,

никто не доходит до того, чтобы понимать, что Мудрое ото всех обособленно» [25, с. 239].

Заметим, что Гераклит первым употребил не только понятие «знание», но и понятие «космос» как синоним термина «мир». Крайне важно и другое понятие, введенное тоже Гераклитом – «логос», которое чаще всего трактуется им в значении «понятие, всеобщий закон взаимопревращения вещей», а также количественных отношений этого процесса.

Хорошо известно, что Логос у Гераклита еще и Верховный разум, нечто Единое, а вот познание его и подчинение ему – подлинная мудрость, которая дает человеку не только знание, но и душевную ясность («я искал самого себя»), а также высшее счастье.

Если учесть, что Гераклит [26, с. 239–240] как основатель первой исторической формы диалектики утверждал примат Логоса, господствующего над всем и правящего всем посредством всего, то мы получаем вполне отчетливо проявленное решение им проблемы соотношения веры (по Гераклиту, «подлинной мудрости», которая дает человеку душевную ясность и высшее счастье) и знания: мудрость в том, чтобы «знать все как одно», для чего познание должно быть подчинено Логосу, взаимосвязанными началами которого и являются вера и знание. Именно их единство и целостность – это и есть та подлинная мудрость, которая уже при жизни делает людей богами.

Парменид [26, с. 765] в противопоставлении «пути мнения» подлинному философскому поиску – «пути истины», считал что для постижения господствующих в мире необходимостей само философское мышление должно обладать внутренней необходимостью, для чего всякая подлинная мысль должна стать «чистой» – коренящейся в себе самой и свободной от всяких ссылок на видимое.

Во-первых, для постижения истины по мнению Парменида необходимо искать только необходимые начала, мировую необходимость, самым главным воплощением которой является бытие как таковое: вещи могут быть такими или иными, но прежде всего они просто «есть». Критерием истинности Парменид называл разум, а в чувствах, говорил он, «точности нет» [27, с. 339]. Заметим, что именно Парменид впервые разработал понятие бытия, а также принцип тождества бытия и мышления («мыслить и быть одно и то же»); в силу этого принципа, реально лишь то, что мыслимо, а то, что немыслимо, не существует вообще. Во-вторых, истина – не истина, если она не ведет человека к добру и справедливости, истина всегда есть «благо», принцип нравственности [8, с. 198].

«Путь истины» Парменида только в видимой части дорога к знанию о действительности, о внешнем мире, а вот глубинная (невидимая) его составляющая – это обязательный путь человека к самому себе, к его внутреннему миру – к добру и справедливости, к «благу», к нравственности. Подлинное бытие и у Парменида – великое единство (синтез) всех мировых начал: онтологического и гносеологического, относительного и абсолютного, внешнего и внутреннего, временного и вечного, к которым он добавляет добро и справедливость, обязательную нравственность. И здесь концентрированным выражением единства этих мировых начал вновь становится понятийный комплекс веры («пути истины», по Гераклиту) и знания («пути мнения»). И последнее: разделяя «путь мнения» и «путь истины» Парменид в итоге приходит к их единому и целостному соотношению, для него разделение этих «путей» не привело к изоляции одного от другого, поскольку, в конечном счете, эти «пути» – к одному и тому же – подлинному бытию, к добру, к нравственности и т.д. Таким образом, познавательной традиции Гераклита при решении проблемы соотношения веры и знания придерживался и Парменид, творчески ее развивая открытием целого ряда важных аспектов этой проблемы.

Дальнейшее развитие античной философской мысли чаще всего следо-

вало этой познавательной традиции Гераклита, хотя были и некоторые исключения. Например, Зенон [26, с. 369–370] резко разорвал единство этих «путей», превратив их в самостоятельные и не связанные друг с другом; это он породил противопоставление разумного знания знанию чувственному, недостоверному. Обосновывая и защищая взгляды своего учителя Парменида, Зенон выдвинул 45 доказательств о едином, неразделимом, неизменном бытии, утверждая в качестве основного предмета «чистой» разумной мысли только одно начало – непрерывность, совершенно немыслимую в рамках чувственного бытия. Так как в мире немыслима непрерывность, то такие понятия как пустота, множественность и движение оказываются вообще не познаваемы.

Элейская школа античной философии в целом заложила основы классической метафизики, а разделением познания на два пути – мнения и истины и тем самым существенно деонтологизировала понятие «знание» [26, с. 42–43], еще больше его отделила от действительности, сделав предметом исследования знание само по себе, без должной связи с другими мировыми началами «присутствия человека в мире», в том числе с верой.

Важные философские решения проблемы соотношения веры и знания были получены первым афинским философом – Сократом [26, с. 1007–1009]. В истории мировой философии он, как известно, занимает отчетливо выраженную позицию рационализма и интеллектуализма. Фактически именно Сократ положил начало традиции теизма как главного ядра рациональной теологии. Наряду с Богом в философии Сократа важную роль имеет понятие даймона (демона), под которым философ понимает… индивидуальный рассудок, единично-конкретный здравый смысл. Сократ также развивает первозданный синтез начал присутствия человека в мире, который в качестве главной традиции уже был заложен Гераклитом (и, как было раннее показано – Парменидом). До Сократа главным объектом человеческого познания был мир, природа как некий объект познания, а эпистемологическими его достижениями, чаще всего, положения наивного реализма – различные натурфилософские картины мироустройства от Фалеса до атомистов. Сократ – сторонник познавательной традиции Гераклита, более того, явное применение понятия «вера» в процессе познания – заслуга именно Сократа; фактически с этого момента эти два начала присутствуют в философском постижении мира и человека в явном варианте.

Выявленной главной традиции познавательного развития проблемы соотношения веры и знания (а через нее – феномен «человеческого присутствия в мире»), традиции, которую мы назвали именем ее первооткрывателя – Гераклита, в полной мере следовал и Платон [26, с. 782–788]. В своих философских воззрениях он представляет образец целостной и системной концепции, основанной на осмыслении одновременно предмета, проблемного поля, метода и исходных когнитивных оснований в решении той или иной проблемы. Не является исключением и воззрения Платона на возможность решения проблемы соотношения веры и знания. Аксиологически-когнитивным ядром всех философских его представлений является, как известно, концепция мира идей – эйдосов (образцов). До Платона, как известно, основными познавательными традициями познания мира были две: натурфилософская (например, элейская школа, рассмотренная выше), в которой постижение подлинного бытия посредством адекватного познания было возможно лишь через единое как тождественного самому себе начала, представляющего тотально всеобщее.

В рамках этих двух основных античных парадигм центральной проблемой одновременно онтологии и гносеологии была следующая: как единое может стать многим и как единое может стать предметом познания. Решая эту проблему, Платон не только формули-

рует свой особый вариант ее решения, но и радикально меняет саму проблематику всей античной философии.

Итогом философских построений Платона становится мир именно идей: идей воплощенных – как явленных, а идей как таковых – трансцендентных, постигаемых лишь умозрением. По Платону, единичное существует как воплощение единого общего, а общее – как воплощенное в единичном.

По Платону [28, с. 155–163], констатация всего единичного (предметов, явлений, фактов и т.д.), не поддающаяся никакому теоретическому определению, – это и есть вера (pistis). Еще ниже ее стоит вероятность (eikasia); оба этих низших способах восприятия реальности составляют то, что еще элеатами названо мнением (doxa), но Платон такую классификацию понятий существенно изменяет, вводя представление об убеждении, или «истинном мнении» (alethes doxa), которое стоит выше простой веры (pistis). Еще выше этих начал у Платона стоит «правильное мнение с объяснением» (meta logoy episteme). Выше всех этих мнений (как разных видов чувственной информации) Платон ставит мышление (noesis), обладающее двумя способностями: знанием – высшим и максимально достоверным (episteme) и рассуждением – менее достоверным (dianoia). Достоверное знание (episteme) Платон противопоставляет как опыту (empeiria), так и искусности (techne); предметом episteme выступают идеи – вечное и неизменное бытие, их познание в качестве чистой мысли осуществляется диалектикой, включающей в себя, прежде всего, родовидовое мышление – аналитически-синтетическая деятельность разума в целях: а) восхождения (synagoge) – отыскания во многом единого (hen) или общего (koinos); б) разделения, различения (diairesis) – членения исследуемого на виды, на естественные составные части, не повреждая их при этом. Соотношение между всеми этими началами достаточно подробно описано самим Платоном: «Мнение относится к становлению, мышление – к сущности…А как мышление относится к мнению, так познание относится к вере, а рассуждение – к уподоблению» [29, с. 534].

Аристотель [26, с. 54–58], следуя рассуждениям самого Платона, показал, что идеи – либо действительность без возможности, либо возможность без действительности; Иначе говоря, с точки зрения Аристотеля, идеи ничего не дают для познания вещей, без всякой надобности удваивая мир сущего. У Аристотеля появляется другое основное понятие – «Перводвигатель», Бог, или «последняя форма», причем без какой-либо материи. Согласно Аристотелю, существует три вида умозрительного знания: физика, математика и первая философия. Физика изучает сущее, способное двигаться; математика изучает сущее, не способное двигаться; философия – наука о едином, о сущем в целом, для изучения которого философия должна сначала определить достоверное начало всего; по Аристотелю, поскольку таким началом выступает закон противоречия, философия должна исследовать то, что составляет сопутствующие свойства сущего как такового и противоположности его как сущего. Первая философия формирует общие принципы (archai), а также причины бытия, сущего (aitiai) [28, с. 189]. У Аристотеля, как известно, выделяются четыре ступени познания: опыт (empeiria), искусство (techne), знание (episteme), мудрость (sophia) [26, с. 1177]. Еще одно важнейшее понятие у Аристотеля – это материя, под которой философ понимает саму возможность как таковую, лежащую в основе всех противоположностей, главные из которых образуют четыре элемента: огонь (теплое и сухое), воздух (теплое и влажное), землю (холодное и влажное) и воду (холодное и влажное). Комбинации этих четырех элементов образуют весь предметный мир, постижение которого осуществляется посредством целого спектра различных видов знаний: эпистеме, докса, пистис, техне, эмпейриа и др. Согласно Аристотелю, ощущение в действии направлено на единичное, знание – на общее; общее же некоторым образом

находится в самой душе и тогда мыслить – быть во власти самого мыслящего. Множество чувственных восприятий, слагаясь, ставятся опытом, из опыта вырастает искусство, присущее только человеку. Самую совершенную разновидность знания составляет наука – знание общего.

Таким образом, несмотря на целый ряд существенных отличий философских воззрений Аристотеля вообще, в отношении проблемы соотношения веры и знания он тоже принадлежит к той инвариантной античной познавательной традиции, которую мы назвали традицией Гераклита.

Перед тем, как приступить к формированию концепции, нам осталось рассмотреть философские представления о соотношении веры и знания еще одного великого античного мыслителя – Плотина, основателя философской школы в Риме [28, с. 331–339]. Будучи самым выдающимся платоником после самого основателя этого философского направления, Плотин проблему соотношения веры и знания также решает в рамках традиции Гераклита, творчески добавляя в нее новые смыслы и глубину. В самом деле, процесс познания Плотин характеризует как путь души вглубь себя, как вхождение ее в храм, куда (как некий нищий) просится войти и человеческая телесность. Пронзительны воспоминания его ученика Порфирия о умиравшем Плотине: накануне своей кончины, Плотин сказал своему ученику, что он сейчас «попытается слить то, что было божественным в нем, с тем, что есть божественного во Вселенной» [28, с. 333]. Исходное и предельно общее понятие у Плотина – Единое, или Абсолют, пребывающее в вечности (вневременности) и полностью непознаваемо. О его сущности можно иметь лишь косвенные представления; для этого Плотин обращается к образу Солнца, находящимся в непрерывной своей деятельности истечения, эманации. По Плотину, самое непознаваемое центральное начало путем эманации порождает периферийные узлы бытия все более и более познаваемые, тем самым задавая определенную иерархию всего мироздания. Единое, оставаясь Абсолютным Благом, через категорию чисел как предвестников познаваемости образует космический Ум (Noys) – первую субстанцию бытия (hypostasis). Космический Ум обладает высшей способностью постижения мира – интуицией, под которой Плотин понимает самомышление Ума, осуществляемое вне времени и пространства, вне каких-либо умозаключений и логики. Через диалектику – через самое чистое в уме и мышлении – познание приучается к абстрактному мышлению, высшая цель для которого – убедить в существовании нематериального, научить искусству обобщения, синтезу индивидуального и общего. Эманационное излучение Ума порождает третью космическую субстанцию – Мировую Душу. Это низшее начало в триаде для познания всего сущего через трансформацию вечности (из первых двух высших начал Триады) во времени (в Душе) дает возможность уяснить свойства индивидуального и изменяющегося как все более неустойчивых сторон мироздания, что, в конечном счете, завершается материей (телесностью), причем, по Плотину, в ней полностью исчерпывается энергия божественного света Первоединства и поэтому материя – не более, чем мрак, тьма, фактически небытие (me on). Материя – диаметральная противоположность Абсолюту, Уму, Душе, начало во всем тотально-разрушительное, самое настоящее зло. Суть человека – его душа, где духовное и телесное начало пребывают в том или ином соотношении и соответствии: у большинства людей душа, погруженная в чувственную жизнь, как бы спит, а люди, обладающие такой душой, навсегда застывают в самом низу мировой целостности. Только немногим из людей возможен иной путь – поворот (epistrophe) души от чувственной жизни в мир идеальных ипостасей мирового единого.

Итак, результат данного исследования достигнут за счет определения

и теоретико-методологического анализа сущностных начал наиболее общей и целостной концепции решения проблемы соотношения веры и знания античными философами – инвариантной познавательной традиции Гераклита. Ее завершает пронзительное философское открытие Плотина: процесс познания через постижение единства веры и знания есть путь не только постижения внешнего мира (действительности) посредством приобретения знаний о ней, но и путь души человека вглубь себя, к духовному и Абсолютному, а, значит, к вере в эти начала и в этом плане есть попытка «слить то, что было божественным в нем, с тем, что есть божественного во Вселенной».

Литература

1. Троепольский А.Н. Метафизика как знание и вера: автореферат дис. … доктора философских наук, Санкт-Петербург, 2000, 37 с.
2. Голик Н.М. Проблемы рациональности познания и реальности научного знания: философский анализ // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Саратов, 2010, 17 с.
3. Донской А. Г. «Онтос» и «гнозис» во всеедином универсуме: опыт философского анализа // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Магнитогорск, 2011, 20 с.
4. Федулов И.Н. Структура теоретического знания: опыт эпистемологического анализа // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. Волгоград, 2012, 35 с.
5. Панкратова О.А. Проблема соотношения рационального и иррационального в познавательной деятельности // Автореф.дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Саратов, 2015, 22 с.
6. Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания / Под ред. И.Т. Касавина. Москва: Политиздат, 1990, 464 с.
7. Брук Дж. Наука и религия: Историческая перспектива. Москва: ББИ, 2004, 352 с.
8. Донских О. А., Кочергин А.Н. Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии. Изд. 2-е., испр. и доп. Москва: URSS. 2010. 280 с.
9. Катасонов В.Н. Христианство. Культура. Наука. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2011, 345 с.
10. Лебедев С.А. Философия научного познания: основные концепции. Монография. Москва: изд-во Московского психолого-социального университета, 2014. 272 с.
11. Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. Москва: Канон+, 2013, 335 с.
12. Горелов А.А., Т.А. Горелова Наука и религия: Перспективы синтеза. Москва: Либроком, 2016, 355 с.
13. Гусейнов А.А. Философия между наукой и религией. Вопросы философии, 2010, № 8, с. 4–10.
14. Луман Н. Эволюция науки. Эпистемология & философия науки, 2017, № 2, с. 215–233.
15. Семенов В.С. Наука и религия: взаимоотношения, противоборство, перспективы. Вопросы философии, 2006, № 6, с. 73–88.
16. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. Москва: Канон+, 2009. С. 33–34.
17. Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки». Эпистемология и философия науки, 2017, Т. 52, № 2, с. 201–214.
18. Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии, 2014, № 1, с. 72–83.
19. Лекторский В.А. Познание, действие, реальность. Вопросы философии, 2017, № 9, с. 7–23.
20. Сокулер З.А. Философская теория познания: будущее под вопросом? Вопросы философии, 2017, № 12, с. 79–90.

21. Зеньковский В.В. Собр. соч. в 4 т. (сост., подг. текста О.Т. Ермишина; примеч. Ермишина и В.И. Коцюбы). Т. 4. Христианская философия, Москва: Русский путь / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011, 536 с.
22. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Записки из подполья Т.V, Ленинград: Изд-во Наука, 1973, 397 с.
23. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? Москва: Издательский дом Территория будущего, 2006, 320 с.
24. Лосева И.Н. Понятие «знание» в древнегреческой традиции. Вопросы истории естествознания и техники. 1984, № 4, с. 31–41.
25. Фрагменты ранних греческих философов.Ч.1. Москва: Наука, 1989, 576 с.
26. История философии: Энциклопедия. Минск.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002, 1376 с.
27. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е. Москва: Мысль, 1986, 571 с.
28. Соколов В.В. Историческое введение в философию: История философии по эпохам и проблемам: Учебник для высшей школы, Москва: Академический Проект, 2004, 912 с.
29. Платон Собр. соч. в 4 т. Платон Государство Пер. А.Н. Егунова. Москва: Мысль, 1994, 654 с.

THE COGNITIVE TRADITION OF HERACLITUS: THE MAIN ANTIQUE SOLUTION TO THE PROBLEM OF FAITH AND KNOWLEDGE RELATIONSHIP

Izvekova T.F.
Novosibirsk State Medical University

This article is devoted to the analysis of conceptual solutions by ancient philosophers of the most important problem of philosophy, science, theology – the problem of the relationship between faith and knowledge, on the solution of which it depends directly the understanding of reality itself, the process of its cognition, the meanings of life and human activity, the deep relations of various world principles: matter and consciousness, relative and absolute, temporary and eternal, genuine and visible, internal and external, life and death, etc.
The main aim of this research is the definition and theoretical and methodological analysis of the most general and holistic concept of solving the problem of the relationship between faith and knowledge in ancient philosophy in the form of the leading cognitive tradition – the tradition of Heraclitus. In this work, for the first time, the problem of searching for the concept-invariant, the concept-core of various ideas about the relationship between faith and knowledge in the views of ancient philosophers is posed and solved. It is shown for the first time that in the relationship between faith and knowledge, philosophy, religion and science, with all the abundance of differences and peculiarities in their understanding, there is also a constant, invariant component, which is most clearly manifested in two important phenomena: a) in the fundamentally deep, attributive relationship of faith and knowledge; b) in their unity with the main human principle – spirituality.

Keywords: faith, knowledge, being, cognition, man, spirituality, worldview, eternal, temporary, absolute, external, internal.

References

1. Troepolsky A.N. Metaphysics as knowledge and faith: abstract dis. … Doctor of Philosophy, St. Petersburg, 2000, 37 p.
2. Golik NM Problems of the rationality of knowledge and the reality of scientific knowledge: philosophical analysis // Author's abstract. diss. for a job. uch. Art. Cand. philosophy. sciences. Saratov, 2010, 17 p.
3. Donskoy A. G. "Ontos" and "gnosis" in the universal universe: the experience of philosophical analysis // Author. diss. for a job. uch. Art. Cand. philosophy. sciences. Magnitogorsk, 2011, 20 p.
4. Fedulov IN The structure of theoretical knowledge: the experience of epistemological analysis // Avtoref. diss. for a job. uch. Art. doct. philosophy. sciences. Volgograd, 2012, 35 p.
5. Pankratova OA The problem of the ratio of the rational and the irrational in cognitive activity // Abstract of the thesis. for a job. uch. Art. Cand. philosophy. sciences. Saratov, 2015, 22 p.
6. The deluded mind. Variety of extra-scientific knowledge / Ed. I.T. Kasavina. Moscow: Politizdat, 1990, 464 p.

7. Brooke J. Science and Religion: A Historical Perspective. Moscow: BBI, 2004, 352 p.
8. Donskikh O. A., Kochergin A.N. Ancient Philosophy: Mythology in the Mirror of Reflection. Ed. 2nd., Rev. and add. Moscow: URSS. 2010. 280 s.
9. Katasonov V.N. Christianity. Culture. The science. Moscow: Publishing house PSTGU, 2011, 345 p.
10. Lebedev S.A. Philosophy of scientific knowledge: basic concepts. Monograph. Moscow: publishing house of the Moscow psychological and social university, 2014.272 p.
11. Markova L.A. Science is on the verge of nonscience. Moscow: Canon +, 2013, 335 p.
12. Gorelov A.A., T.A. Gorelova Science and Religion: Prospects for Synthesis. Moscow: Librokom, 2016, 355 p.
13. Guseinov A.A. Philosophy between Science and Religion. Problems of Philosophy, 2010, No. 8, p. 4–10.
14. Luhmann N. Evolution of science. Epistemology & Philosophy of Science, 2017, No. 2, p. 215–233.
15. Semenov V.S. Science and religion: relationships, confrontation, prospects. Problems of Philosophy, 2006, no. 6, p. 73–88.
16. Lektorsky V.A. Realism, anti-realism, constructivism and constructive realism in modern epistemology and science. Constructivist approach in epistemology and human sciences. Moscow: Canon +, 2009. S. 33–34.
17. Antonovsky A. Yu. An evolutionary approach to the development of science. To the Russian translation of N. Luhmann's work "Evolution of Science". Epistemology and Philosophy of Science, 2017, V. 52, No. 2, p. 201–214.
18. Lebedev S.A. The main paradigms of epistemology and philosophy of science // Problems of Philosophy, 2014, no. 1, pp.72–83.
19. Lektorsky V.A. Cognition, action, reality. Problems of Philosophy, 2017, No. 9, pp. 7–23.
20. Sokuler Z.A. Philosophical theory of knowledge: the future is in question? Problems of Philosophy, 2017, no. 12, p. 79–90.
21. Zenkovsky V.V. Sobr. op. in 4 volumes (comp., prepared by O.T. Ermishin; notes by Ermishin and V.I. Kotsyuba). T.4. Christian Philosophy, Moscow: Russian Way / House of Russian Diaspora. Alexandra Solzhenitsyn, 2011, 536 p.
22. Dostoevsky F.M. Full collection op. in 30 volumes. Notes from the underground, T.V., Leningrad: Publishing house Nauka, 1973, 397 p.
23. Heidegger M. What is called thinking? Moscow: Publishing House Territory of the Future, 2006, 320 p.
24. Loseva I.N. The concept of "knowledge" in the ancient Greek tradition. Questions of the history of natural science and technology. 1984, no. 4, p. 31–41.
25. Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. Moscow: Nauka, 1989, 576 p.
26. History of Philosophy: Encyclopedia. Minsk.: Interpressservice; Book House. 2002, 1376 p.
27. Diogenes Laertius on the life, teachings and sayings of famous philosophers. Ed. 2nd. Moscow: Mysl, 1986, 571 p.
28. Sokolov V.V. Historical Introduction to Philosophy: History of Philosophy by Epochs and Problems: Textbook for Higher Education, Moscow: Academic Project, 2004, 912 p.
29. Platon. Sobr. op. in 4 volumes. Plato State Per. A.N. Egunova. Moscow: Mysl, 1994, 654 p.

Метод достраивания реальности и каузальный дуализм: молитва как метод

Сафронов Алексей Владимирович,
кандидат технических наук, соискатель, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

В статье формально описан метод достраивания реальности, который ранее был применён для построения онтологии каузального дуализма и плюрализма. Сформулированы основные принципы метода. Показано, что данный метод является органическим продолжением развития общей теории систем, однако выходит за ее пределы, так как рассматривает такие объекты, которые на данный момент не могут быть описаны понятием система, и относятся к несистемам. В статье приводится критика как редукционизма, так и эмерджентного (холистического) подходов в области онтологии сознания, так как ментальные свойства сознания, во-первых, не редуцируют к низкоуровневым свойствам, а, во-вторых, не получают удовлетворительной дескрипции в понятиях эмерджентности. Это связано с тем, что ментальные свойства – это свойства наблюдателя, не принадлежащего к бытию (системе) наблюдаемого объекта, в то время как эмерджентные свойства всегда есть свойства системы. Также в статье рассмотрено как в свете изложенного метода изменяется интерпретация известных ментальных феноменов на примере феномена молитвы. Показано, что молитва может быть интерпретирована как ментальный акт освоения действительности и формирования воли.

Ключевые слова: каузальный дуализм, метод достраивания реальности, общая теория систем, эмерджентность, несистема, молитва, онтология сознания.

В статье «Случайность и дуализм. Каузальный дуализм и плюрализм», вышедшей в журнале «Миссия конфессий» в конце 2020 года [1, с.888–889], было введено понятие – онтология второго и более высоких порядков. Данное словосочетание уже ранее использовалось для обозначения других понятий, но здесь оно было использовано в новом значении. В указанной статье под онтологией второго и более высоких порядков понимается особого рода дуалистическая или плюралистическая онтологическая модель, рассматривающая совокупности каузально не связанных друг с другом двух и более «миров». Это понятие было использовано в статье для описания непротиворечивой онтологической модели, допускающей ментальную каузальность одновременно вместе с принципом каузальной замкнутости физического.

В указанной статье, однако, не было дано методологической базы для данных онтологических построений. Причиной для этого послужило то, что необходимый для этого метод сам по себе является новаторским и требует дополнительного обсуждения. В этой статье будет обсуждаться методологическая сторона этой проблемы.

Традиционно теории сознания и ментальной каузальности используют редукционистские или анти-редукционистские подходы, которые отличаются тем, что рассматривают ментальные феномены либо как состоящие из элементов-свойств, к которым они редуцируют, либо – в качестве целостных эмерджентных свойств, которые не могут быть разложены на составляющие (целое – больше суммы своих частей). Оба метода, однако, объединяет то, что они не выходят за рамки парадигмы общей теории систем, так как рассматривают сознание и ментальные феномены как свойства системы. Но эта парадигма, возможно, не доста-

точна для описания ментальных свойств. Рассмотрим это подробнее.

На примере философии Дж. Серля, например, видно, что системный подход является не достаточным для решения проблемы ментальной каузальности. В книге «Открывая сознание заново» Дж. Серль так описывает то, что принято считать редукцией. «Итак, когда взгляды, которые я выдвинул, обвиняются в редукционизме, – или иногда в недостаточном редукционизме, – то какой же из этих различных смыслов имеют в виду обвинители? Я полагаю, что они не подразумевают теоретическую и логическую редукцию. По-видимому, вопрос заключается в том, ведет ли соответствующая моему взгляду редукция – или не может вести – к онтологической редукции. Я придерживаюсь того взгляда на отношение сознание/мозг, что это форма каузальной редукции, как я определил данное понятие: ментальные свойства каузально обоснованы нейробиологическими процессами» [2, с.256].

Под каузальной редукцией Серль понимает такое объяснение, когда высокоуровневые свойства сводятся к некоторым каузальным отношениям более низкого порядка. При этом Серль одновременно имеет в виду и возникновение эмерджентного свойства в результате эволюции. В частности, он говорит о том, что в процессе эволюции низкоуровневые нейробиологические процессы породили высокоуровневое эмерджентное свойство – сознание. Будучи автором мысленного эксперимента «Китайская комната», Серль выступает против редукционизма, показывая что семантика не может редуцировать к синтаксису.

На первый взгляд должно показаться противоречием, что Серль как один из ведущих философов сознания нашего времени, проявляет тут эпистемологический плюрализм, исповедуя одновременно и редукционизм, и антиредукционизм. Однако, диалектика серлианского подхода тут скорее указывает на то, что системный подход исчерпал свои методологические возможности при исследовании ментальных феноменов. Не редукционистские, ни холистические описания этих явлений не дают нужного результата. Причём чаще всего исследователи сознательно или неосознанно используют противоположные методы, стремясь выявить такие свойства систем, которые требуется описать.

В этом смысле целесообразно было бы рассмотреть, чего не достаёт системному подходу для описания ментальных явлений и свойств. Какие именно свойства (по типу, а не по содержанию) соответствуют тому, что Д. Чалмерс описал как «трудная проблема» сознания. Вообще, в рамках общей теории систем рассматриваются следующие системные свойства: эмерджентность или целостность, организованность, функциональность, структурность, свойство проявлять поведение, свойство удерживать равновесие (гомеостаз), свойство роста или развития, свойство проявлять устойчивость и надежность, а также свойство адаптивности и др.

Как отметил сам Чалмерс в анализе ментальных свойств [3], ничто в поведении человека, в его способности адаптироваться к внешним условиям и т.п. не отличает его от аналогичного существа (философского зомби) или робота, проявляющего такие же способности, но не имеющего ментальных проекций – сознания. Несложно заметить, что все описанные выше системные свойства имеют отношение к внешней стороне проявлений системы (например, человека), но никак не затрагивают его внутренний мир, а значит, и сознание. Феноменальные ментальные свойства, такие как способность чувствовать («каково это», Томас Нагель) [4], осознавать, испытывать чувство происходящего (Антонио Дамасио) [5, с.xi-386], самосознание и т.д., никак не коррелируют с системными свойствами, описанными выше.

Представляется, что ментальные свойства обладают особым онтологическим статусом, и они не могут быть описаны в рамках стандартных прин-

ципов общей теории систем. Например, теория систем не даёт возможности вводить понятие наблюдателя в том смысле, что наблюдать означает в определенном отношении “бытие вне системы”, за ее пределами, тогда как в теории систем постулируется связь элементов системы как фундаментальное свойство. Безусловно, в теории систем используется понятие наблюдатель, но оно противоречиво. Поэтому для использования этого понятия часто прибегают к методологическим «уловкам». Например С.А. Кравченко [6] указывает, что наблюдатель может наблюдать «другого», если он входит в измененное состояние сознания, то есть отстраняется от своей памяти, ожиданий и чувств. Во время наблюдения описываемый субъект как бы «теряет себя».

В теории систем Н. Лумана [7, с. 643] наблюдение понимается как «умение обращаться с различиями», «использование различения», причём «единство различия конституируется в наблюдающей, а не в наблюдаемой системе». Таким образом, различие, лежащее в основе наблюдения – это различение системы и окружающей среды, или то, что называется «информацией», которая понимается как «отличие, порождающее отличие» [8]. Но если наблюдатель сам является только частью глобальной системы, которую он наблюдает, в которую входит он сам, окружающая среда и предмет наблюдения, то, с каузальной точки зрения, такое наблюдение невозможно. Так как в этом случае у наблюдателя нет возможности отличить изменения в предмете наблюдения от изменений «в себе». Фундаментальным условием наблюдения поэтому необходимо считать относительную каузальную независимость наблюдателя от предмета наблюдения, то есть – принадлежность в какой-то степени не только к наблюдаемой, но и к другой онтологической системе. Только в этом случае возможно существования «отличия» для наблюдателя.

В этой связи, целесообразно описывать совокупность наблюдателя, среды и наблюдаемого объекта не как систему, а как совокупность системы и несистемы. И если система это «комплекс взаимодействующих компонентов» (Л. фон Берталанфи) [9] или «множество взаимосвязанных элементов, обособленное от среды и взаимодействующее с ней, как целое (Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко) [10], но под несистемной мы можем подразумевать комплекс невзаимодействующих друг с другом элементов и т.п. В этом случае наблюдатель оказывается вовлечён в два типа отношений – отношения в системе и отношения в несистеме.

Но как формально описать такие отношения? В статье [1] метод непротиворечивой дескрипции ментальных и вообще онтологических свойств был сформулирован в многомерной онтологии независимых миров. Причём наблюдатель в такой онтологии может принадлежать сразу несколькими «мирам», которые друг с другом каузально не связаны. В этом случае, наблюдатель оказывается в ситуации множественных типов каузальных отношений: в отношениях системы, несистемы и смешанных.

В методологическом смысле это даёт широкие возможности для моделирования многомерных систем, и в статье [1] было предложено не сводить высокоуровневые формы к более простым, и не рассматривать эти феномены как единое целое, а – достраивать онтологию за счёт новых каузально независимых измерений таким образом, чтобы отношения в системе соответствовали определенным феноменальным свойствам. Поэтому феноменальные ментальные свойства сознания в этой теории получили статус эффектов, возникающих в тех или иных онтологических конфигурациях, то есть в тех или иных отношениях систем и несистем и в различных конфигурациях доступа к ним наблюдателя.

В этой статье, прежде всего, мы хотели бы сформулировать принципы метода построения таких онтологий. Частично эти принципы являются органическим продолжением теории систем, однако, в большей степени – описывают

новые типы отношений (условно, «несистемных»). Приведем эти принципы.

В теории систем среда является источником неопределенности. Именно в среде имеют начало «случайные» события, которые вносят элемент неопределенности и оказывают внесистемное влияние на элементы системы. Это нашло отражение в первом принципе, который можно было бы назвать принципом фундаментальной неопределённости. В соответствии с этим принципом, неопределённость есть наиболее общее и базовое состояние бытия. Такие состояния бытия как пустота, ничто, определённость, вероятность и так далее полагаются данным принципом производными по отношению к неопределённости, так как для их описания требуется больше средств. Под неопределённостью, следовательно, понимается не какое-то особое состояние системы, а вообще глобальная онтологическая среда существования. Метафорически, можно было бы сказать, что, по этому принципу, Бог создал все не из ничто, а из неопределённости.

При таком подходе, неопределённость становится единственным монистическим принципом, объединяющим все остальные сущности онтологии. Все дальнейшие принципы строятся на онтологическом плюрализме. Поэтому, во-вторых, предлагается принцип независимой природы случайного и необходимого. В соответствии с этим принципом, случайность полагается следствием неопределённости, а необходимость – следствием локального упорядочения, локальной симметрии неопределенности. Таким образом необходимость (в отличие от случайности) постулируется как локальное свойство среды, и имеют место локально упорядоченные одномерные онтологии.

Локальный характер необходимости или, так называемое, «близкодействие», описанное Максвеллом и Эйнштейном, подразумевает наличие локального переносчика любого взаимодействия. В современной физике известен набор из как минимум четырёх переносчиков взаимодействий, с помощью которых описываются основные фундаментальные силы природы, действующие локально. Нелокальный характер случайности до сих пор не был описал, так как по сути представляет собой некое тавтологические умозаключение. Чтобы утверждать, что случайность «переносится» нелокально требуется специальный новый язык, для которого «различные случайности» оказываются связаны некоторым отношениями «достраивания». Этот язык может быть разработан в рамках описываемого метода. Например, можно говорить про общее число несвязанных событий во Вселенной и, соотносить его как долю с числом связанных событий и т.п.

В-третьих, как уже было указано выше, был предложен принцип формирования онтологий более высокого порядка. По этому принципу, локально упорядоченные одномерные онтологии в рамках неопределённости не взаимодействуют друг с другом, что тождественно тому, что их взаимодействие случайно. Поэтому онтологии второго, третьего и т.д. порядков, состоящие их двух и более локально упорядоченных одномерных онтологий, представляют собой сложные каузально-гетерогенные образования.

В-четвёртых, был предложен принцип нелокального объединения. Данный принцип постулирует, что теоретически возможен и допустим нелокальный агент, принадлежащий одновременно двум и более локально упорядоченным онтологиям. Как следствие принципа, такой агент потенциально может быть описан как наблюдатель. Часть отношений, в которых участвует такой агент, оказываются системными (или локальными), а часть – не относящимися к системным (то есть нелокальными). Поэтому для такого многомерного наблюдателя естественным образом и органически возможны процессы, которые являются стохастическими или вероятностными (локально-нелокальными).

В-пятых, с первыми четырьмя онтологическими принципами имманентно

связан эпистемологический принцип достраивания. В соответствии с ним, достраивая многомерную онтологию каузально не связанными «мирами» до определённого порядка, можно задать агента таким образом, что для него как для наблюдателя становятся доступны различные формы отношений между онтологиями, в том числе и ментальные свойства. Это методологический принцип, который одновременно является и онтологическим. То есть он может быть рассмотрен и как метод моделирования реальности, и как принцип ее естественного формирования в процессе эволюции. Хотя в этом случае под эволюцией понимается не развитие форм движение материи и их усложнение, а наслаивание локально упорядоченных, но каузально не связанных друг другом онтологий. (Здесь термин «каузально не связанные», в соответствие с третьим принципом, тождественен понятию «связанные случайно»).

Плюралистическая онтология, которая описывается этими пятью принципами, содержит в себе как возможность ментальные феномены, например, такие как «чувство». Это может быть описано следующим образом. Поскольку локально упорядоченные онтологии каузально не связаны друг с другом, а разделены неопределенностью, то для нелокального агента или субъекта в этой многомерной модели возможны такие конфигурации, когда событие, происходящие в одной из онтологий, доступно с точки зрения другой онтологии не непосредственно как причина, а опосредованно как феномен, то есть через нелокальность агента.

Важным эпистемологическим вопросом для обсуждения предложенной онтологический системы является применение принципа Бритвы Оккама. Так как этот принцип вообще фундирует редукционизм, то в случае с дуалистическими и плюралистическими моделями, кажется, невозможно избежать противоречия с этим принципом. Однако, множит ли сущности данная теория? По сути, каузальный дуализм фундаментально утверждает, что возможны принципиально каузально не связанные формы бытия. При этом противоположное утверждение означает то, что все формы бытия в мире потенциально взаимосвязаны, то есть постулирует известный принцип о связи всех событий и явлений природы. [11, с. 359]

Какой из двух указанных принципов, на самом деле, противоречит Бритве Оккама? Принцип, который допускает каузальное разнообразие, или принцип, постулирующий каузальное единообразие? Тот факт, что разнообразие при этом подразумевает дуализм или плюрализм, не добавляет новых сущностей, а всего лишь свидетельствует о реализованных в мире возможностях. Однако, утверждение, что мир каузально однообразен есть специальная норма, ограничивающая часть существующих возможностей.

В действительности, принцип всеобщей связи всех явлений и событий природы сам может быть частным случаем. Более общий принцип можно сформулировать так: «Существуют связанные события и явления». Тогда как принцип о том, что «Все события и явления являются потенциально связанными друг с другом» это специальная локальная форма данного более общего принципа, подразумевающая ряд важных условий – монизм, детерминизм и т.д. Это допустимо для одномерной онтологии, но в более общем случае уже теряет свою применимость.

Утверждение, что все явления в мире могут быть взаимосвязаны, нарушает принцип бритва Оккама, так как подразумевают такую дополнительную сущность как «всеобщность» по отношению к «существованию». Говоря, что есть «всеобщность», мы говорим что-то ещё сверх утверждения, что «нечто существует». В этом смысле монизм оказывается менее простой и более специальной моделью, чем плюрализм.

Предлагаемый в этой статье и статье [1] метод достраивания реальности является, по сути, расширением общей теории систем путём допущения, что возможны отношения в несистемах. Поэтому такое расширение метода может

найти отражение и в названии самой теории, хотя это не обязательно, так как формально описанные «несистемы» могут быть рассмотрены как системы, но обладающие особыми свойствами. Для этого необходимо расширить понятие взаимодействие, и включить в него предлагаемые здесь принципы.

Молитва как метод

В заголовке этой статьи помимо общего названия упоминается также понятие «молитва», причём в словосочетании «молитва как метод». Дело в том, что рассуждения о каузальном дуализме, «внесистемном» подходе и о методе достраивания реальности органически приводят к тому, что ряд широко известных понятий, явлений или процессов, связанных с ментальными свойствам и способностями, приобретает новую интерпретацию. В том числе, таким понятием, связанным с духовной жизнью человека, является и молитва.

Молитва как понятие и явление изучалась в рамках теологии и психологи. Причём более «научным» считается психологический подход к этому вопросу, подразумевающий, что существуют некоторые аргументы, позволяющие утверждать, что молитва обладает такими свойствам, которые приносят человеку ощутимую психологическую поддержку или пользу. В рамках такого подхода, который лежит в области известной как психология религии, и молитва, и сама религия рассматривается исключительно как предмет для изучения, как психологический феномен, как если бы это была, скажем, традиция или черта характера.

В этой связи, молитва в современном дискурсе находится почти в той же категории, что и медитация, то есть приравнивается практически к духовной практике, нацеленной на поддержание психологического здоровья. Это связано с рядом причин, но, пожалуй, важнейшая из них заключается в том, что религия не имеет сегодня строгого научного статуса, лежит за ее пределами, и ее место фактически заняла сама психология. Психология в ряде стран, например в США, стала чём-то вроде религии, так как во-многом выполняет ее функции. В 1977 году вышла в свет книга профессора психологии Нью-Йоркского университета Пола К. Витца «Психология как религия: культ самопоклонения» («Psychology as Religion: The Cult of Self-Worship»).

Прагматик Уильям Джеймс был одним из первых учёных, кто начал изучать психологическую природу религиозных переживаний человека. В книге «Многообразие религиозного опыта» (1902 год), он призвал различать практическую ценность от какого-либо религиозного феномена и сам этот феномен. В книге «Будущее одной иллюзии» (1927 год) Зигмунд Фрейд старался показать, что смысл религиозности заключается в том, что она компенсирует ощущение беспомощности перед грозными силами природы.

Формирование представлений о том, что религия это «удобный» и «полезный» способ о чём-то думать, а не действительное убеждение, имеющее основание, формировался в основном в протестантском мире не одно столетие. И именно психологи-протестанты «приватизировали» религию, став современными «пастырями» для людей. Это движение связано с такими именами как Грэнвилл Стэнли Холл, Джейс Лейба, Абрахам Маслоу, Гордон Олпорт и др. Так Холл был первым президентом Американской психологической ассоциации и первым президентом Университета Кларка, начал институализацию психологии как религии. Его последователь Джеймс Лейба был согласен с Холлом в том, что традиционное христианство более неприемлемо, и что психология может помочь в формировании некой альтернативы ему. Он утверждал, что религиозный опыт и потребности можно объяснить психологически, биологически и эволюционно. Им была высказана идея, что религия должна изучаться экспертами в области психологии, а не религиозными адептами и теологами.

Известный создатель пирамиды человеческих потребностей Абрахам

Маслоу пришёл к выводу, что ключевой характеристикой самоактуализирующихся личностей являются так называемые «пиковые переживания». И мистический опыт, традиционно связываемый с религией, как раз отвечает этой потребности. Важно, что рассуждая об этом, Маслоу обусловил появление трансперсональной психологии, так как пришёл к выводу о необходимости выхода человеческого потенциала за рамки личности. Эта идея будет упомянута чуть ниже, в связи с основной темой этой статьи.

Другой взгляд на молитву и религию всегда имела теология, которая развивалась в большей степени в Европе, чем в США, с самого начала имела другой подход. Для европейца, в том числе и для католиков, и для православных европейцев, религия и молитва традиционно связывались с особой формой постижения мира – с познанием Бога. Религиозная вера понимается здесь в большей степени как форма доступа, если угодно, к особого рода знанию, к знанию о Боге, которое именуется верой в Бога. Изучение религии и молитвы производилось здесь и в историческом аспекте, но наиболее важными оказались исследования в области феноменологии религии.

Как пишет М.А. Пылаев в [12, с. 45–58] «…попытки осмысления молитвы в феноменологии религии начала XX в. в трудах М. Шелера, Ф. Хайлера, Р. Отто отнюдь не исчерпали своей эвристической функции как в отношении истории религий, так и философии религии и теологии. Напротив, именно составлявшая ядро классической феноменологии религии проблема коммуникации со священным призвана связать эмпирические, компаративистские и философско-феноменологические исследования религии. Со времени выхода в свет в 1923 г. «Молитвы» Хайлера, профессора Марбургского университета, объединившего в себе историка религий европейского уровня, талантливого теолога и феноменолога религии, ученые, будь то религиоведы, философы или теологи, не осмеливаются вести речь о молитве одинаково профессионально на трех уровнях: эмпирически и компаративистско-религиоведческом, философском и теологическом».

Как бы ни звучало, на первый взгляд, понятие об эвристической функции теологии, именно этот вопрос оказывается в центре внимания нашего исследования. Дело в том, что как в работах европейских теологов, так и, скажем, в трансперсональной психологии Маслоу, и, конечно, в трансцендентализме, мы сталкиваемся с указаниями на то, что субъект неким образом имеет отношение к некоей области, которая выходит за рамки строгих «научных» представлений, и может быть именована по-разному – Бог, таинство, священное, «вещь в себе», нелокальность и т.п. И во всех этих ситуациях отношений с данной областью субъект вынужден прибегать к особого рода «методу», который позволяет не только прикоснуться, но и развивать своё знание этой области.

Весьма примечательно, что между теологией и трансцендентализмом, в этом смысле, имеет место существенное, но неочевидное отличие. Трансцендентализм подразумевает, что имеют место принципиально непознаваемые объекты, тогда как теология не ограничивает познание Бога. Прикоснуться к таинству, познавать Бога возможно, но для этого просто необходимо использовать особый метод, не научный, а религиозный, и суть познания заключается в получении особого опыта.

Такого рода рассуждения традиционно называют мистицизмом, чаще всего имея в виду, что они выходят за рамки научного познания. И мы, ни в коем случае, не стремимся обратиться здесь к мистицизму, однако, сложно не обратить внимание на то, что понятие о молитве, и вере вообще, оказывается тесно связано с теми онтологическими построениями каузального дуализма, которые были приведены в первой части статьи.

Дело в том, что перечисленные выше принципы, косвенно указывают

на то, что субъект всегда находится за пределами того онтологического измерения, которое он познаёт. При этом процесс познания, описанный в статье «Случайность и дуализм. Каузальный дуализм и плюрализм», заключается не в непосредственном принятии чего-либо, а в том, что изменение вероятности одних процессов (ментальных) косвенно влияет на изменение вероятности других процессов (нейронных). Иными словами, освоение действительности здесь описывается не как получение рационального знания и его применение, а как акт воли, в основе которого имеет место опыт веры. Возможна такая аллегория, что субъект вначале что-либо осознаёт (вера), и только после этого осознанное становится реальностью. Причём не только для него самого, но вообще становится в принципе реальным в силу осознания этого.

В этом смысле совершенно в новом свете может быть интерпретированы очень многие религиозные и иные акты, часто совершаемые человеком, но на примере молитвы это выглядит наиболее отчетливо. Хайлер, например, выделял примитивную молитву [13], в который нет почти ничего от религиозной традиции, кроме самого важного – внимания и мотивации. Имена богов и обстоятельства здесь совершенно произвольны, но речь прежде всего идёт о том, что путём примитивной молитвы субъект совершает некий акт – осознаёт цель своих намерений, делает что-то лежащее глубоко внутри, предметом для своего сознания, выносит на «свет» (Чалмерс) содержание своих чаяний.

На уровне гипотезы мы могли бы предположить следующее. Молитва в ее первобытном проявлении, как обращение к внутреннему собеседнику, или как пишут феноменологии религии, интенциональный акт, непосредственно предшествует осознанию некоей потребности и, следовательно, возможности ее реализовать, и делает молящегося субъекта чуть более осознанным. То есть молитва это акт сознания.

До сих пор наши представления о сознании имплицитно исходят из идеи о грехопадении. Из того, что переход от неосознанного состояния к осознанному связан с чувством «первородного» страха. То есть с резким выходом из состояния невинности, и переходом к страху и осознанности. На примере экзистенциальных мыслителей этот тезис очень убедительно был раскрыт в статье «Свобода как метафизический страх» П.П. Гайденко [14, с. 495]. Однако, современные теории сознания, такие как теория интегрированной информации (Тонини), современный панпсихизм и др. все больше склоняются к тому, что переход от бессознательного состояния к осознанному происходит плавно. И для индивидуального субъекта по мере его взросления, и в эволюционном смысле. В частности, нейробиология сегодня не сомневается в том, что сознание присуще млекопитающим, птицам и многим другим животным.

В этой связи, молитва как метод познания Бога или освоения действительности (что становится почти тождественными понятиями), открывается нам совершенно с иной стороны. Этот познавательный акт предстает нам как постижение своих границ и стремление к их расширению, как осознание и первый шаг к творчеству, к творческому осмыслению и преобразованию мира.

Такая постановка вопроса может оказаться неприемлемой для многих религиозных мыслителей, однако, сегодня мы все чаще слышим от священников, что люди молятся автоматически, без внимания, без должной душевной работы. И в этой связи, отцы церкви упрекают молящихся в том, что они не растут духовно и не развиваются. В этом смысле, возникает вопрос, каким именно образом молитва должна изменять человека. Не тем ли образом, что через внимание и осмысление она должна открывать человеку Бога и одновременно делать его сильнее, что для самого человека, несомненно, должно являться актом собственно духовного творчества.

Заключение

Когда и почему человек начал различать веру, опыт и разум? И почему вера была исключена из перечня человеческих средств познания мира, допустимых в науке? Эти вопросы настолько фундаментальны и обширны, что даже обсуждение перечня литературы по этому поводу заняло бы очень много места. Считается, что для научного познавательного процесса человеку нужно только два измерения – рациональное (разум) и чувственное (опыт). Однако, наиболее фундаментальные установки любого знания, предшествующие знанию, всегда носят аксиоматический характер, или проще говоря, принимаются «на веру», и только потом изучаются и проверяются.

Познавательное измерение веры всегда присутствовало и до сих пор имеет место в научных исследованиях, но носит как бы вспомогательный характер принятия первичной аксиоматики, на базе которой впоследствии строится здание научной теории. Затем, в рамках самой научной теории и ее применения, вера как познавательная форма не присутствует, и приобретает теряет свою актуальность до тех пор, пока не возникает необходимость в пересмотре базовых аксиом. Ведь фундаментальные начала любой науки, включая математику, (Теорема Геделя о неполноте) таким образом, изначально возникают в познавательном измерении веры.

Науки, которые сегодня добились наибольшего успеха, уже неоднократно меняли аксиоматику за свою историю. Это прежде всего математика и логика, геометрия и физикам и др. Однако, существуют и науки, где до сих пор нет общепринятых аксиом, как, например, в науке о сознании. Поэтому встает вопрос о природе веры исходных аксиом, и о том каковы должны быть правила задания этих аксиом. А следовательно, встает вопрос о научной стороне веры, и здесь мы сталкивается со следующей проблемой. А именно, в рамках какой дисциплины, какой парадигмы, следует говорить в вере в отношении аксиоматики научных теорий. Необходимо ли рассматривать эту проблему в рамках психологии, имея в виду психологические причины веры как убеждённости, или в рамках религии и религиозного опыта, подразумевая под «научной» верой некую разновидность веры вообще, или, может быть, в каком-то ином русле?

В этой статье мы стремились показать, что возможны такие эпистемологические построения, при которых оказывается больше познавательных измерений, чем принято считать. Что особенно важно, учитывая, что человек очень скоро уступит в отношении базовых познавательных измерений (опыт и разум) своим же созданиям. По мнению математика Брайана Дэйвиса мы находимся на пороге очередного эпистемологического кризиса: доказательства ряда теорем содержат сотни страниц сложнейшего текста и очень трудно проверяемы силами человека. Дэйвис предсказал, что: «К 2075 году многие области чистой математики будут построены на использовании теорем, доказательства которых не сможет полностью понять ни один из живущих на Земле математиков – ни в одиночку, ни коллективными усилиями» [15, с. 1350–1356], поэтому главным критерием верности новых результатов станет консенсус большого числа учёных.

Если верить предсказанию Дэйвиса, очень скоро человечество столкнется с ситуацией, когда получаемое компьютерами для нас знание, окажется почти не проверяемо. Поэтому познавательное измерение веры для нас приобретёт новое, гораздо более важное чем до сих пор, значение. В этой связи нам придётся изучать веру не как психологический феномен, а как необходимый факт научного прогресса.

Литература

1. Сафронов А.В. «Случайность и дуализм. Каузальный дуализм и плюрализм» // Миссия конфессий, том 9, часть 8, 2020.
2. Серл, Джон Открывая сознание заново. Перевод с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.

3. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory, New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.
4. Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review., Vol. 83, No. 4, 1974.
5. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. Antonio Damasio. New York: Harcourt, Brace, and Co., 1999.
6. Кравченко С.А. Наблюдатель. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skravchenko.ru/observer.htm (дата обращения: 18.01.2014).
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.
8. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. San Francisco: Chandler, 1972.
9. Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. – М.: Наука, 1973.
10. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. – М.: Высшая школа, 1989.
11. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1975.
12. Пылаев М.А. «Феноменология молитвы: примитивная молитва» // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия Вып. 2(22), 2008.
13. Heiler F. Das Gebet: Eine religionsgeschichtliche und religionspsychologische Untersuchung. München, 1921.
14. Гайденко П.П. – Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М., Республика, 1997.
15. Davies B. Whither mathematics? // Notices of the American Mathematical Society. Vol. 52, no.11, 2001.

METHOD OF COMPLETION OF REALITY AND CAUSAL DUALISM: PRAYER AS A METHOD

Safronov A.V.
Moscow State University M.V. Lomonosov

The article formally describes the method of completing reality, which was previously used to build an ontology of causal dualism and pluralism. The basic principles of the method are formulated. It is shown that this method is an organic continuation of the development of the systems theory, however, it goes beyond its limits, since it considers such objects that nowadays cannot be described by the concept of a system, and belong to non-systems. The article criticizes both reductionism and emergentism (holistic) approaches in the field of ontology of consciousness, since the mental properties of consciousness, firstly, do not reduce to low-level properties, and, secondly, do not receive a satisfactory description in terms of emergentism. This is due to the fact that mental properties are the properties of an observer who does not belong to the being (system) of the observed object, while emergent properties are always properties of the system. The article also examines how, in the light of the described method, the interpretation of known mental phenomena is changed by the example of the phenomenon of prayer. It is shown that prayer can be interpreted as a mental act of mastering reality and shaping consciousness.

Keywords: causal dualism, the method of completing reality, systems theory, emergentism, non-system, prayer, ontology of consciousness.

References

1. Safronov A.V. “Accident and dualism. Kausal Dualism and Pluralism “// Confession Mission, Volume 9, Part 8, 2020.
2. Sell, John opening consciousness anew. Translation from English. A.F. Gryznova. M.: Idea-Press, 2002.
3. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory, New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.
4. Nagel T. What is it Like to Be a Bat? // The Philosophical Review., Vol. 83, No. 4, 1974.
5. The Feeling Of What Happens: Body and Emotion in the Making Of Con-Sciouusness. Antonio Damasio. New York: Harcourt, BRACE, AND CO., 1999.
6. Kravchenko S.A. Observer. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.skravchenko.ru/observer.htm (date of handling: 01/18/2014).
7. Luman N. Social Systems. Sketch of general theory. – SPb.: Science, 2007.
8. Bateson G. Steps to An Ecology of Mind. San Francisco: Chandler, 1972.
9. Bertalanfi L. von. History and status of general system theory // SIS-Dark Studies. – M.: Science, 1973.

10. Reality F. I., Tarasenko F.P. Introduction to the system analysis. – M.: Higher School, 1989.
11. Engels F. Dialectics of Nature. M.: Policy, 1975.
12. Drulaev M.A. “Phenomenology of prayer: primitive prayer” // Bulletin of PSTGU I: theology. Philosophy Vol. 2 (22), 2008.
13. Heiler F. Das Gebet: Eine Religions Geschichtliche und Religion Sychologische Untersuchung. München, 1921.
14. Gaydenko P.P. – breakthrough to the transcendental. New ontology of the XX century. – M., Republic, 1997.
15. Davies B. Whither Mathematics? // Notices of the American Mathematical Society. Vol. 52, No. 11, 2001.

Представления о личности в творчестве русского мыслителя епископа Августина (Гуляницкого)

Сизинцев Павел Васильевич,
кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА
E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу представлений о личности в творчестве русского мыслителя епископа Августина (Гуляницкого) с психолого-персоналистическим осмыслением всех элементов его произведений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых им критериев). Важность объединения психологии и педагогики для совершенствования процессов обучения и воспитания детей была несомненна в среде как теоретиков, так и практических педагогов. Но суть проблемы состояла в ответе на то, какая собственно учебная психология требуется в школе, и в чем состоят границы возможностей экспериментов при обучении детей. От внедрения в психологические изыскания экспериментальной методологии ждали больших результатов и практических рекомендаций. Они способствовали установке определенной связи между чувствами человека, его знаниями и действиями. Психология епископом Августином (Гуляницким) рассматривалась в качестве учения о душе человека как сущности в связи с учением о природе. При этом ученым анализировалось также развитие учения об источниках содержания душевной жизни, этапы возникновения рационалистической и эмпирической психологий и провозглашалась зависимость психологии от метафизики. Учитывая принцип единства психической жизни личности человека, особое значение он уделял изучению эмоциональной сферы.

Ключевые слова: Личность, нравственность, философско-критический подход, человек, достоинство, психология, педагогика, обучение, воспитание, религия, мировоззрение.

Епископ Екатеринославский и Таганрогский Августин (Гуляницкий), был выпускником Полтавской (1859) духовной семинарии и Киевской (1863) духовной академии (далее – КДА). Будучи архимандритом, Августин (Гуляницкий), в качестве ректора Литовской духовной семинарии, написал «Руководство к основному богословию» (1876, 1904), которое было первым учебником российской духовно-академической школы по данной дисциплине. Его личностная терминология была представлена такими рассуждениями:

– «и среди других народов бывали личности не менее, чем еврейские вожди, развитые в умственном отношении, но мы не видим среди них монотеизма, каков библейский».
– «ветхозаветное учение о нравственной жизни человека [1]. Достоинство человеческой личности по законам Моисея и превосходство гражданских законов перед законодательствами древности».

Термин «личность» в приведенных текстовых фрагментах означает идентификацию личности как социального субъекта, человека-вождя. Но также и просто личность как духовно-социальное проявление человека как равноправного члена социума, обладающего достоинством и ведущего добродетельно-нравственный образ жизни. Причем, такое поведение требовалось уже ветхозаветными заповедями и общественными установками. Воля при этом понималась как инструмент реализованной свободы в потенции бытия, выражающий желание преодоления человеком возникающих перед ним жизненных проблем, своеобразной «жаждой свободы» в границах разума. Она включает в себя совокупность готовности и уверенности, решительности и сосредоточенности. В определенной степени воля представляет собой синтез состояний воображаемой

цели как желанного итога, самосознательного ее выбора, фиксированного удерживания внимания и действий на достижении цели. Воля способствует духовному прорыву в самопознании через действия человека метафизического характера. Желаемое, как следствие, достигается в реальности человека, и должное вместе с сущим приводится в единое целое: личностью переживается сопричастность в одной и той же сфере желаемого, долженствующего и наличествующего в действительности бытия. Самоотдача человека, собственно и предусматривает жертву во имя того, чего пока еще нет, или во имя идеала, которого в данный момент еще нет, но он обязательно будет, придет, случится, объявится. Ибо побуждение веры и надежды человека так или иначе выводит в практическую плоскость действия и поступки, соединяя должное и реальное.

– «древние гражданские законодательства (Ликурга и др.) имеют в виду достижение благоустройства государства, а не вопрос о высшем нравственном значении человеческой личности, смотря на человека как на общественное животное и орудие в руках государства для достижения его целей».
– следует «обращаясь к нравственной природе человека, упорядочить внешнюю жизнь его, сообразно с назначением, которое, по ветхозаветной религии, в том, чтобы он во всех делах, по отношению к обществу, государству и себе самому, сообразовал свою волю с волей Бога, и его законом».

Термин «личность» в данном контексте постепенно расширяет свои значения и смыслы и начинает означать высшее нравственное состояние самосознания человека. В этом состоянии человек сам осознает себя в качестве не просто исполнителя общественных обязанностей (Платон) или социальным животным (Аристотель), а живым сознательным носителем образа Божия, понимая гражданскую и нравственную ответственность за свои действия и поступки. Показано, что свободно-разумная персона-личность, управляет поведением и нравственно-телесной природой человека, приводит в порядок его мысли и речи, желания и поведение. А главное – личность как проявление образа Божия в человеке постоянно напоминает ему о Боге и спасении. Личность усиливает процесс очеловечивания естественного развития, влекущего индивидуальность от самоидентификации с этносом, профессионально-политическим сообществом до единства со всем человечеством. Речь идет не о религиозном смысле термина (вочеловечение в Господе Иисусе Христе), а об эволюционном. Ибо рожденному человеку в человеческой среде неизбежно предстоит пройти нелегкий процесс вочеловечения в течение длительного собственного существования, дабы реально создать себя как человека в акте-действии личностных пути и самоопределенности. Еще в труде XV века Дж. Пико де Мирандолы «О достоинстве человека» (1486) была отмечено множество перспективных способов реализации в жизнедеятельности уникальной самобытности человека в его «изначальной неопределенности. «Принял Бог человека как творение неопределенного образа и поставив его в центр мира, сказал – не даем тебе, Адам, ни определенного места, чтобы место, лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и личному решению… ты можешь переродится в низшие, неразумные существа, а можешь по велению своей души и в высшие божественные». Именно благодаря своему свободному выбору человек существует или в качестве разумного животного или в качестве высокоморального духовного существа. Которое фактически само-сотворяет себя в процессе жизни, производя собственную личность из исходного душевно-телесного состояния, призванного ветхозаветно «плодиться и размножаться».

– важна «мысль о высоком нравственном достоинстве человеческой личности: самой в себе, независимо от внешних условий быта».

– «человек может быть слабым, с недостатками, бесполезным обществу, однако, как образ Божий и духовно-нравственное существо, он сохраняет достоинство личности, которое обязаны признавать [2] и другие люди: «не злословь глухого; пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему: бойся Господа Бога твоего» (Лев. 19. 14.).

Здесь понятие «личность» тесно связывается с достоинством человека, которое есть морально-нравственное свойство, означающее уважение и самоуважение человека в отношении его внутренней ценности, соответствия своему социальному и духовному предназначению. Необходимо отметить, что в настоящее время достоинство означает состояние внутреннего благородства, вне зависимости от социального происхождения человека и его положения в обществе. Человек есть личность, он уникален сам по себе (И. Кант), с присущей ему индивидуальностью и свободой, творческим талантом и разумом, верой и достоинством, которое не отчуждаемо и непередаваемо. Более того, – человек стремится к состоянию святости, обретению святыни, вне расположенной к земному бытию, но укореняющей человека в духовном бытии, вырывающей его в область трансцендентного через глубоко личностный опыт апофатического переживания. Это тем более значимо, что в своей коллективной массе человек склонен постоянно упрощать жизнь и рисовать самому себе соблазнительно-утопические гипотезы возможного продолжения собственного бытия. Эти возможные варианты продолжения жизни выглядят заманчиво простыми, ибо они примитивны и мнимо ясны. Но сущность, как прозорливо замечал Л. Витгенштейн, ярко выражена именно в грамматике, определяющей даже многозначность значения слова «свобода»:

- «свобода от … »,
- «свобода в …»,
- «свобода для …»

Теологию Л. Витгенштейн считал простой грамматикой, охватывающей высшие и боговдохновенные закономерности мышления, предписанные языку в форме аксиом, не подлежащих никакому обсуждению. Ибо, по его мнению, под грамматикой следует понимать не то, что люди думают, а то, чем они думают, когда они говорят. И даже более того – грамматика означает то, что думает через нас, как бессознательная составляющая человеческого мышления. В эту сферу бытия, лежащую «по ту сторону добра и зла, предметности языка и мышления» и пытается проникнуть философия. Она отталкивается в своих рассуждениях от структуры данного языка. Приоритет существительных, к примеру, преобразует субстанцию воспринимаемого мира в предметную совокупность идеальных понятий или материальных вещей, душевных феноменов или физических реакций. Ту же функцию понимания и образного восприятия исполняют и служебные слова. Попытка преодолеть языковый барьер в общении сложностью мысли и эмоциональной насыщенностью вызывает пресловутый «надрыв» у персонажей литературных произведений Ф.М. Достоевского. Поведение «подпольного человека» и дворянина Н.А. Ставрогина, отставного поручика Дмитрия Карамазова, бывшего капитана Снегирева и политического «вождя» Петра Верховенского диктуется их внутренними вывертами. Их эпатажность и юродство, цинизм и абсурдность поступков, отрицающие разумную выгоду и приличие добродетели, совмещены практически у каждого субъекта в его личности.

– «в язычестве человеческая личность оценивалась не сама по себе и в себе, а по полезности для государства и внешним условиям: национальность, пол, возраст, происхождение, богатство или бедность. Платон и Аристотель, признавали рабство необходимым нормальным явлением».
– «христианство дало учение о нравственном достоинстве личности. В Ветхом Завете человек был отчужден от Бога, виновен пред Ним,

возбуждал гнев Божий (Еф. 2. 3.). Люди были рабами Иеговы (Пс. 77. 70.). В Новом Завете человек стал сыном, наследником Бога, причастником божественного естества (1 Ин. 3. 1; Гал. 4. 7; 2 Петр. 1. 4; 1 Кор. 6. 19; Еф. 2. 19.)».

Применение понятия «личность» в данных случаях касается социального статуса человека и его права на свободу и достоинство совести, веру в богообщение и богоуподобление, взаимную межличностную любовь между Богом и человеком. Ибо Господь, согласно вероучению христиан, является бесконечной любовью (1 Ин. 4. 16.), олицетворяя бесконечную полноту духовной жизни. Цель же научного исследования человека человеком состоит в том, чтобы «собрать, систематизировать и изучить все, что касается жизни в разных возрастах и во всех отношениях, охватывая все стороны развития, как телесную, так и духовную» [3, 421]. Христианство предложило людям не просто принципиально иное отношение к самим себе, но и «образ жизни, ориентированный на духовное развитие человека, гармонию личности человека и его природы, духа и тела, биосферы и ноосферы». Этот новый образ жизни включает «философско-религиозные, мистические практики, поиски целостности и единства, медитации и психофизические трансформации, интеграцию всех уровней бытия и сознания» [8, 454–455]. Ибо «вера в Бога – это постоянное стремление к невозможному. Ее этика ситуативная, личностная» [7, 385–386].

– «только на любви может созидаться благо отдельных личностей и целых обществ, и ее недоставало в древнем языческом мире, напрасно старавшемся умиротворить свою жизнь и явления, которые порождались борьбою личных эгоистических стремлений с интересами общего блага и мира».
– «Логос не божественная личность, а божественная способность мышления и творчества, посредством которой Бог образует внутри себя идеи вещей и затем творит мир чувств. Логос не имеет общего с Мессией и назван у Филона совокупностью, местом идей, орудием, или органом творения, слугою Бога, называется и связью мира, законом, на который все опирается».

В периоды, «когда мир рушится, когда человек оказывается один, подставлен всем ветрам» максимально проявляется личностное начало в человеке, он спрашивает себя «Кто я? Зачем я?». Здесь требуется ответ Бога, а не абстрактные идеи. Особенно когда гибнет «семья, традиционная мораль и религия, связи между людьми» [6, 275]. Между тем религиозные чувства владыкой Августином (Гуляницким) виделись как естественные, космическомистические. А их проявление понималось «как свидетельство духовной зрелости» человека. И «знак того, что он стремится к реализации высших ценностей. Это ведет человека к более полному обнаружению собственного потенциала», укреплению «представлений о высшей Личности» [5, 433].

– в людях «соединены в одну личность две, в высшей степени различные природы – материальная и духовная, что непонятно, как и соединение духа божественного с духом человеческим в таинстве воплощения» [2].
– «Христос имеет бесчисленных последователей, но ни одного соперника» в совершенствах, ибо «многие личности – гордость христианского человечества, но все их заслуги сводятся к Иисусу, Который их первообраз».

Данное во фрагментах описание личности человека выявляет его душевнотелесную структуру, двойственность его материально-духовной природной сущности. При этом рационалистами-дарвинистами описание евангельского образа Иисуса Христа приписывается гениальному творчеству какой-либо личности из апостолов или же народной фантазии, которая в нем якобы воплотила идеалы лучших представлений о человеке своего времени. Однако,

по мнению владыки Августина (Гуляницкого) вымысел такого рода недоступен никакой гениальной личности, или народному творчеству. Ибо в создаваемых гениальным воображением людях типично дается несколько черт из идеала человека. И еще ни один поэт не создал цельного типа совершенного человека вообще, как идеала для людей на все времена.

– «совсем иное есть личность Иисуса Христа, как она изображается в евангелиях. Во Христе мы имели нравственно-совершенную личность, живой идеал».
– «с христианства стало признаваться достоинство и право человеческой личности, самой по себе, а не по преимуществам образования, общественного положения, национальности и т.д. Это высокое понятие христианства о человеке благотворным образом отражается на взаимных отношениях между людьми в семейных, общественных, государственных и международных».

В данном дискурсе Иисус Христос не просто именуется личностью, изображаемой еще в евангельских текстах, но живым идеалом во плоти, нравственно-совершенным примером для любого человека. Под идеальным воздействием изменения в духовности человека «ведут к идее преображения во Христе как наступления причастия к Божественной природе, обожения» [4, 505]. Ибо немыслимо предположить, что безличные силы механических движений бесконечно разнообразили себя в своих действиях, то сокращая, то расширяя, меняя направления, поступая не просто многоразлично, но самостоятельно и разумно. Поскольку это говорит о свойствах самоопределяемости и разума.

– «Ф. Шлейермахер различал вдохновение ветхозаветных пророков от вдохновенных писаний новозаветных апостолов. А под именем Духа Святого, разумея не божественную личность, а силу, внутренне свойственную любому члену церкви, не разделенную от веры в Иисуса Христа, как богочеловека».
– «для того, чтобы войти в человеческое сознание и стать началом жизни, откровение Божие необходимо должно было явиться в форме человеческих понятий и в живом слове: иначе оно не было бы доступно пониманию человека» [2].

Понятие «личность» в данных примерах его использования имеет свой содержательный смысл в наименовании Божественного Лица –святого Духа единосущной Пресвятой Троицы Отца, Сына и Святого Духа. А основное личностное понятие «сознание» в свою очередь получает свойства восприятия божественного Откровения в виде библейских текстов, богообщения и их понимания. Рассматривая иные религии по сравнению с христианством владыка Августин (Гуляницкий) отмечал их принципиальные различия в понимании и представлениях о личности и Бога и человека. Он указывал:

– «язычество останавливается на человеке и боготворит его способности, силы и стремления. Это натурализм субъективный, или антропоморфизм. Здесь божество из слепой силы природы вырождается в силу разумную, существо живое, но конечное и ограниченное, как и сам человек».
– «история народов, и предания о личностях – героях сливались в народных мифологиях до безраздельности, разнообразнейшим образом» [2].
– «жизнь духа, по индийскому воззрению, должна быть жизнью без личных обнаружений и психических проявлений, ибо такова и жизнь самого божества. Из такого взгляда вышел аскетизм индийский, проповедовавший отсутствие личной жизни в человеке, убийство душевных проявлений, и сопровождавшийся физическим самоумерщвлением».

Представления о личности в языческих религиях, как показывает анализ их понимания в данных фрагментах, не выходили за границы личности, воспринимаемой у язычников исключительно в применении к человеку. Чело-

век личностно проявлен в своем героизме или политическом лидерстве, а божество или принимало вид животного, или священной вещи или безличной, хотя и единичной силы, скрывающейся в пустоте, в бестелесности, в идеях.

– «в древней Индии целью нравственного совершенства поставлялось уничтожение личного бытия – слияние с Брамою, погружение во всеобщую сущность бытия; буддизм обезличивает человека, поставляя идеалом жизни нирвану – бытие, лишенное представлений о жизненных проявлениях».
– «зороастрийская религия в сущности есть тот же натурализм, или пантеизм, только прикрытый дуализмом. Она представляет собою попытку отрешиться от представления о Божестве, как бессодержательной мертвой сущности, в которую погружается и исчезает человеческая личность» [2].
– «эта религия нравственною задачею человека выставляет не самовольное прекращение и уничтожение личной жизни человека, как это делают индийские религии, но борьбу со злом, чтобы злое царство не взяло перевеса над добрым».

Личность в данных рассуждениях соотносится с понятием «личное бытие», поскольку сама по себе в религиозном смысле является центром эгоизма и страстей и объектом конечного уничтожения собственным человеческим сознанием. Ей суждено раствориться в пространстве Божества и исчезнуть в состоянии нирваны или полного самозабвения себя навсегда человеком. Таким образом, общий характер рассуждений владыки Августина (Гуляницкого) сводится к тому, что ни одна религия мира не имеет настолько выраженного личностного характера, как это есть в христианстве и конкретно в православии. В этом вероучении личностью является Сам Бог в проявлениях трех его Божественных Лиц – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Из личностности Бога логически истекает и личностность созданного по образу Божию человека. Он представляет собой разумно-свободного индивидуума с уникальным самосознанием.

Литература

1. Августин (Гуляницкий), архим, Сборник слов, поучений, бесед, речей и кратких благочестивых размышлений. – Вильно: Типография И. Блюмовича,1893. – 294 с.
2. Августин (Гуляницкий), архим, Руководство к основному богословию. – М: Университетская типография, 1904. – 348 с.
3. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. – М: Академический проект, 2018. – 587 с.
4. Лаут Э. прот. Современные православные мыслители: от «Добротолюбия» до нашего времени. – М: Паломник, 2020. – 620 с.
5. Психология религии в России XIX – начала XX века: коллективная монография. – М: ПСТГУ, 2019. – 536 с.
6. Рябов П.В. Экзистенциализм. Возраст зрелости. –М: Панглосс, 2019. – 368 с.
7. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. –М: Панглосс, 2019. – 463 с.
8. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. – СПб: Алетейя, 2020. – 544 с.

IDEAS ABOUT THE INDIVIDUAL IN THE WORK OF THE RUSSIAN THINKER BISHOP AUGUSTINE (GULYANITSKY)

Sizintsev P.V.
Graduate of the graduate school of MPDA

The article is devoted to the analysis of the ideas about the personality in the work of the Russian thinker Bishop Augustine (Gulyanitsky) with a psychological and personality understanding of all the elements of his works (taking into account the sources involved, the considered tendencies of thinking, and the evaluation of the criteria used by him). The importance of combining psychology and pedagogy for improving the processes of teaching and raising children was undeniable among both theorists and practical teachers. However, the essence of the

problem was the answer to what kind of educational psychology is required in school, and what are the limits of the possibilities of experiments in teaching children. Great results and practical recommendations were expected from the introduction of experimental methodology into psychological research. They helped to establish a certain connection between a person's feelings, knowledge and actions. Psychology was considered by Bishop Augustine (Gulyanitsky) as a teaching about the human soul as an entity in connection with the teaching about nature. At the same time, scientists also analyzed the development of the doctrine of the sources of the content of mental life, the stages of the emergence of rationalistic and empirical psychology, and proclaimed the dependence of psychology on metaphysics. Taking into account the principle of unity of the mental life of the individual, he paid special attention to the study of the emotional sphere.

Keywords: Personality, morality, philosophical and critical approach, person, dignity, psychology, pedagogy, education, religion, worldview.

References

1. Augustine (Gulyanitsky), archim, Collection of words, teachings, conversations, speeches and short pious reflections. – Vilno: Printing house of I. Blumovich, 1893. – 294 p.
2. Augustine (Gulyanitsky), Archimandrite, Guide to Basic Theology. – M: University Printing House, 1904. – 348 p.
3. Zhdan A.N. History of Psychology: from Antiquity to the Present. – M: Academic project, 2018. – 587 p.
4. Louth E. prot. Contemporary Orthodox thinkers: from "Philanthropy" to our time. – M: Pilgrim, 2020. – 620 p.
5. Psychology of religion in Russia XIX – early XX century: a collective monograph. – M: PSTGU, 2019. – 536 p.
6. Ryabov P.V. Existentialism. Age of maturity. – M: Pangloss, 2019. – 368 p.
7. Ryabov P.V. Existentialism. Formation period. – M: Pangloss, 2019. – 463 p.
8. Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. – SPb: Aleteya, 2020. – 544 p.

Окультуренные формы физической активности как средство формирования приватной зоны личности

Чернышев Виктор Петрович,
канд. пед. наук, профессор, ЗТ РФ,
зав. кафедрой ФКиС ФГБОУ ВО ТО
E-mail: chernyshov_vp@mail.ru

Хабарова Ольга Леонидовна,
Канд. пед. наук., доцент,
каф. ФКиС ФГБОУ ВО ТОГУ г. Хабаровск
E-mail: smirnova_lelya@mail.ru

Белкина Наталья Васильевна,
Канд. пед. наук, доцент, каф. ФКиС, ФГБОУ ВО ТОГУ
E-mail: belkina.natalia@gmail.ru

Бачурина Юлия Владимировна,
старший преподаватель каф. ФКиС, ФГБОУ ВО ТОГУ
E-mail: bachurinay@mail.ru

Покусаева Наталья Владимировна,
старший преподаватель каф. ФКиС, ФГБОУ ВО ТОГУ
E-mail: pokysaeva.d177@gmail.com

В статье сделана попытка обоснования существования человеческого тела, как равноценного субъекта осуществления жизнедеятельности. Показано, что физическая, природная сущность человека нуждается в особом внимании со стороны разума. Рефлексивная процедура эксплицирует латентные процессы саморазвития индивида до статуса личности. Телесность современного человека есть серьезная проблема для самого человека, требующего к себе особого подхода. Предлагаемый в статье вопрос решается через конструирование особого рода диалогового пространства, в котором индивид может услышать и расшифровать сигналы тела. Осмысленное и грамотное поведение человека в отношении собственного телесного субстрата в современных условиях необходимый вектор развития личности.

Ключевые слова. Телесность. Диалоговое пространство. Рефлексивная процедура. Язык тела. Физическое и личностное саморазвитие.

«Никогда не переставай лепить свою статую» этот афоризм Плотина сегодня выглядит достаточно тривиально. Хотя в этом кратком суждении заложена очень простая и, одновременно, очень глубокая мысль, подчеркивающая абсолютную задачу человеческого существа. Более того, этот афоризм отсылает человека к самому себе не как к субъекту жизнедеятельности, а как к задаче, вечной задаче быть. Современный человек стал для себя самого не только задачей задач, он стал для себя серьезной проблемой. Человек по сути всегда был проблемой для себя, но когда в его мировосприятии существовали внешние ориентиры, образцы или каноны, он частично снимал эту проблему, перенося часть ответственности на внешний контур. Современность практически уничтожила любой авторитет внешнего и, таким образом, оставила человека перед бездной наедине с самим собой. «Идентичность» человеческого существа стала доминирующим вектором поиска точки опоры в меняющемся мире. Широкий поиск идентичности идет по всем возможным направлениям мысли. Для неравного себе самому человека этот поиск суть надежда найти путь преодоления расколотости, заброшенности и отчужденности себя в мире. Не остается в стороне поиска и такая специфическая отрасль культуры и знания как физическая культура [5]. Естественная, природная, физическая активность человека с одной стороны жестко детерминирована законами природы, с другой стороны эта активность давно стала культурным феноменом, в различные эпохи использующимся для оформления личностного начала в человеке. Предметом рассуждения о феномене физической культуры, таким образом, в данной статье является мысль, что физическая активность человека есть средство создания вокруг себя некоторой мембраны, осуществля-

ющей функцию своеобразного фильтра внешних потоков информации. Такая мембрана создается исключительно самим индивидом для формирования пространственно-временной зоны пустоты, в которой процессы жизнедеятельности резко замедляются и буквально приостанавливаются. На самом деле это совсем не пустота, это пространство максимально плотно занято человеческой природностью, без которой сущность человека не может быть полной и самодостаточной. Господствующая в истории последние триста лет т.н. «картезианская» парадигма, предполагающая жесткое разделение души и тела, поставила в очередной раз человеческую природную ипостась в подчиненную и прикладную позицию. «Когитальный» субъект максимально твердо ориентирован в мире на прояснение своего мыслительного аппарата, как главного средства осуществления задачи человека как задачи для себя самого. Телесность при этом рассматривается как досадная помеха на пути самоосуществления духа. Несмотря на непрекращающийся вал критики положений философии Декарта, подчиненная роль телесности в составе целостного бытия человеческой жизни остается важным индикатором осознания себя в мире для каждого из живущих. Попытки умаления плоти людьми доходят в разных культурах до совершенно не мыслемых форм. Восточные практики аскетизма тому подтверждение. Европейская традиция взаимоотношений души и тела также имеет богатую историческую канву, по разному проявляющуюся в различных культурных матрицах в различные эпохи. В некоторые периоды жизни того или иного сообщества именно телесность и физическая развитость становится самым востребованным продуктом природы и культуры, позволяющим людям буквально выживать в окружающем мире [4]. Чаще всего призыв к человеческому телу происходит в авторитарных обществах, нуждающихся в крепких и здоровых индивидах для осуществления своих программ мироустройства. Демократические режимы, в свою очередь, склонны предоставлять человеку значительно большую свободу в выборе индивидуальной траектории развития телесности. Более того, и это особенно актуально для современной эпохи, человеческое тело рассматривается не как помеха, а как естественный и очень емкий ресурс целостного развития личности. Об этой стороне дела рассуждал в своих фундаментальных работах французский философ второй половины XIX века и первой половины XX века А. Бергсон [1], по праву относящийся к направлению мысли названной «Философия жизни», этот мыслитель рассуждал о материальных предметах как об обладающих зачатками сознания феноменах. Бергсон считал, что человек мыслит всем телом, и его природная составляющая участвует в процессе самосозидания личности в полной мере. На наш взгляд, в такой посылке есть прозрение современности, связанное с организацией в картине мира каждого индивида особого пространства, в котором помещенное туда физическое тело выступает не как потребитель жизни, а как ее созидатель. Скорее эта интуиция не есть изобретение последних десятилетий, это возвращение к античным идеалам относительно участия телесности в созидании гармоничного мира человеческого существа. В таком контексте постановки проблемы, то есть допущения возможности участия тела человека как реального участника осуществления полноценного процесса жизнедеятельности, возникает вопрос о необходимости конструирования диалогового пространства, в котором и ум человека, и его интеллект, и телесная субстанция будут реально взаимодействовать на равных условиях. Только в таком пространстве диалога возможно упразднение границы между человеческой душой и телом, снятие пресловутой дуальной оппозиции. Мы предполагаем, что именно такое пространство рождается в тот момент, когда индивид осуществляет непосредственное мышечное усилие для перемещения себя в определенном направлении. В быту подобное усилие осуществляется авто-

матически, без какой-либо рефлексивной процедуры со стороны сознания человека, но никогда не равный самому себе человек не производит массу двигательных локомоций, не имеющих часто чисто практического смысла. Жизнь требует от человека конструирования таких движений, которые выходят за привычные рамки природной необходимости. Физическая активность вещи, обладающей зачатками сознания, приводит саму вещь к процедуре осознания своего существования в виде добавления предиката «само», то есть естественным результатом наличия сознания является обращение его на самого себя и возникновения самосознания. По мнению современного немецкого мыслителя Гумбрехта [2] в момент максимального мышечного напряжения у индивида отключаются как механизмы памяти, так и механизмы предвосхищения будущего. Другими словами, настоящее становится растянутым и полновесным элементом бытия. Даже если такое состояние длится лишь мгновение, это мгновение становится по настоящему целостным элементом жизни человека. Слитность всех атрибутов человеческого бытия в целостность, переживание этой целостности как полноты существования является для человека некоторой точкой отсчета, точкой жизни, на которую человек может опереться в самоосуществлении. Даже кратковременное пребывание человека наедине с самим собой оставляет в его памяти острое желание испытать это состояние вновь и вновь. В связи с этим, необходимым аспектом существования человека, является выработанная тысячелетиями практика упорядочивания физических проявлений в определенную, воспроизводимую структуру. Уместно вспомнить эпизод из «Иллиады» Гомера, когда на поминках своего друга Потрокла, Ахилл устраивает спортивные состязания по всем правилам. Этот пример важен для нас как свидетельство особой миссии физических упражнений для заполнения душевных пробоин людей, получивших их в результате переживания горя. В самом деле, только что вышедшие из кровавой бойни люди, становятся участниками состязаний, в которых им необходимо максимально проявить свою природную сущность, что по сути не логично. Правила соревнований, обговоренные заранее, ограничивают возможности своеволия атлетов, вводя их в определенные культурно оформленные рамки. Этот пример свидетельствует о том, что человеческие существа знают о плодотворной роли мышечных усилий и используют это знание в практической жизни. По Бергсону только осознанно проявляемое усилие может стать для человека свидетельством его движения в пространстве и времени, проявляемое усилие не нуждается в какой-либо верификации, оно само достоверно по сути. В обыденной жизни человек участвует всей полнотой своей физической и духовной организации, но большая часть жизненных усилий не осмысляется им как осуществление полноты бытия [3]. Поэтому вероятно, люди стали «окультуривать» естественные проявления самости, для создания культурного пространства номинации арефактов, то есть искусственных предметов, образующих сложный универсум бытия. Использование в практической жизни искусственно сконструированных видов физической активности есть по сути создание особой зоны жизни специфических артефактических элементов. Конструирование такой искусственной зоны приватности и наполнение ее физическими, природными проявлениями, превращенными в культурные практики, по сути важный аспект жизненности человека как такового. Культурная организация традиционных общественных укладов в меньшей степени нуждается в искусственном оформлении физических проявлений индивида, бытовая жизнь сельских тружеников наполнена максимально плотно взаимодействием природной субстанции человека с другими природными факторами. Для городского жителя, особенно это актуально для современности, дефицит физических напряжений стал насущной проблемой. Возможно именно поэтому современные соци-

альные исследователи отмечают скачкообразный рост интереса людей к возможностям организации в процессе жизнедеятельности искусственных зон или пауз наполняемых простыми видами физической активности. Спорт в современном мире, особенно после второй мировой войны, стал по истине массовым увлечение огромного числа людей. Профессиональный спорт, призванный демонстрировать предельные возможности человеческого организма, используя последние достижения практически всех смежных научных дисциплин, превратился по сути в глобальный социальный феномен. Приобщенность в том или ином виде к практикам спорта для современного человека реальная данность. Но для подавляющего большинства достижения элитных спортсменов не есть образец для подражания, скорее это вид эстетического и вкусового переживания отстраненной сущности. Тогда как самостоятельные занятия физическими упражнениями производят в человеческом существе принципиально иные виды сознательного оформления жизнеустройста. Главной проблемой гармоничного мироустройства индивида, на наш взгляд, является его неумение выстроить диалог с собственной физической сущностью, неумение «услышать» и понять обращение телесной субстанции к разуму. На самом деле это совсем не банальная проблема, ее разрешение лежит в плоскости полновесной самоидентификации личности. Прошедший год оказался своего рода лакмусовой бумажкой для нашего вопроса. Пандемия вынудила людей по иному обустраивать свою жизнь в условиях раздельного существования. В этот период со всей ясностью выявились огрехи отечественного образования по физической культуре, оказалось, что подавляющее большинство студентов, то есть молодых людей, не готовы самостоятельно конструировать траекторию развития своего телесного субстрата. Знаний о функционировании тела, полученных в школе и вузе оказалось не достаточно для построения рациональной программы физической активности. Это свидетельство лишний раз подчеркивает остроту поднятого в статье вопроса. Диалог с собственным телом ведется индивидом на иных, отличных от привычных, основаниях. Умение прояснять эти основания для построения на их базе полноценной программы развития не только природного естества, но и личностного начала в целом ближайшая задача образования по физической культуре [6]. При этом если для молодых людей данная проблема на столь очевидна, то для представителей более старшего поколения она актуализируется перманентно. Если в процессе получения образования человек не получил навыков диалогового общения с собственной физической субстанцией, есть опасность в ходе дальнейшей жизни буквально пройти мимо себя и не встретить этот важнейший элемент бытия. В таком случае человек рискует стать если не рабом, то как минимум заложником своей природной организации и всю жизнь обслуживать прихоти тела. Мирное и комфортное существование человека во всей полноте природного и духовного существа возможно только при проявлении особого рода усилия, связанного сформированием «окультуренного» пространства, в котором все модусы бытия получают не просто равные права на существование, но и осуществляются во всей полноте своей данности.

Литература

1. Бергсон, Анри. Творческая эволюция. Материя и память.: Пер. С фр. – Мн..: Харвест, 1999. – 1408 с. (Классическая философская мысль).
2. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / пер. с англ. В. Фещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 176 с.
3. Запесоцкий А.С. Образование: Философия, культурология, политика / А.С. Запесоцкий. – М.: Наука, 2003. – 456 с.
4. Лубышева, Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью /

Л.И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 6. – С. 10–15.
5. Николаев Ю.М. Теоретико-методические основы физической культуры: Автореф. Дис. …д-ра педагогич. Наук. – Спб., 1998.
6. Современные проблемы наук о физической культуре и спорте. Философия спорта / В.И. Столяров, А.А. Передельский, М.М. Башаева. – М.: Советский спорт, 2015. 464 с.

CULTIVATED FORMS OF PHYSICAL ACTIVITY AS A MEANS OF FORMING A PRIVATE ZONE OF THE PERSONALITY

Chernyshev V.P., Khabarova O.L., Belkina N.V., Bachurina Yu.V., Pokusaeva N.V.
FGBOU IN PNU

The article makes an attempt to substantiate the existence of the human body as an equivalent subject of life. It is shown that the physical, natural essence of a person needs special attention from the mind. The reflexive procedure explicates the latent processes of self-development of an individual to the status of a personality. The physicality of a modern person is a serious problem for the person himself, who requires a special approach to himself. The issue proposed in the article is solved through the construction of a special kind of dialogue space in which an individual can hear and decipher body signals. Meaningful and competent human behavior in relation to his own bodily substrate in modern conditions is a necessary vector of personality development.

Keywords: physicality. Dialogue space. Reflective procedure. Language of the body. Physical and personal self-development.

References

1. Bergson, Henri. Creative evolution. Matter and Memory: Per. From fr. – Mn.: Harvest, 1999. – 1408 p. (Classical philosophical thought).
2. Gumbrecht H.W. Praise to the beauty of sport / trans. from English V. Feschenko. – M.: New literary review, 2009. – 176 p.
3. Zapesotsky A.S. Education: Philosophy, cultural studies, politics / A.S. Zapesotsky. – M.: Nauka, 2003. – 456 p.
4. Lubysheva, L.I. Modern value potential of physical culture and sport and ways of its development by society and personality / LI Lubysheva // Theory and practice of physical culture. – 1997. – No. 6. – S. 10–15.
5. Nikolaev Yu.M. Theoretical and methodological foundations of physical culture: Atoref. Dis. … Dr. pedagog. Science. – SPb., 1998.
6. Modern problems of the sciences of physical culture and sports. Philosophy of sport / V.I. Stolyarov, A.A. Peredelskiy, M.M. Bashaeva. – M.: Soviet sport, 2015.464 p.

Проблематика социальной деструктивности в философской мысли второй половины XX в.

Беломыцев Арсений Анатольевич,
заместитель начальника отдела профилактики экстремизма Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями, Федеральное агентство по делам национальностей
E-mail: abelomycev@mail.ru

В данной статье последовательно раскрывается история философской рефлексии представлений о социальной деструктивности в рамках эксплицитного этапа, охватывающего период со второй половины XX в. до настоящего времени. Устанавливается качественное изменение представлений о разрушительном в трудах представителей Франкфуртской школы, осуществивших переход от эвристического аналитизма Нового времени к поэтапному синтезу полученных результатов. Особое внимание уделяется более позднему перемещению доминантных факторов деструктивности из публичной сферы в частную, а также релевантным отечественным исследованиям, направленным на преодоление ограниченности специальных теорий социальной деструктивности. В выводах автор намечает перспективные направления исследования феномена социальной деструкции, концептуальное развитие которых призвано содействовать выработке практических мер по снижению интенсивности энтропийных процессов в современном российском обществе.

Ключевые слова: деструктивность, социальная деструкция, деструктивные процессы, социальная архаизация.

Формирование проблематики, связанной с явлением деструктивности, происходит в течение длительного периода, в целом совпадающего с историей развития европейской философской традиции. В течение синкретического этапа рефлексии «разрушительного» (включающего период от зарождения западной философской мысли до времени создания трудов основателя немецкой классической философии И. Канта) представления о зле, ненависти, вражде, разрухе, страхе изначально предстают в неразделенном единстве, что почти сразу приводит к многочисленным попыткам вычленения отдельных аспектов данного явления. В итоге происходит дифференциация космического, общественного и этического планов рассмотрения деструктивного начала, в общем смысле именуемого «злом» (понятие деструкции применительно к синкретическому периоду может использоваться лишь ретроспективно). Характерным отличием данного этапа от последующего, аналитического, является неопределенность практических установок преодоления «разрушительного», связанная с общепринятой трансцендентностью исследуемого объекта, а также эвристической недостаточностью характерного для рассматриваемой эпохи синтетизма.

Импульс, заданный учением И. Канта, приводит к революционным изменениям не только в теории познания – «коперниканский переворот» происходит и в отношении рефлексии «деструктивного»: представления об онтологическом зле приобретают однозначную «посюсторонность», социально-психологический ракурс рассмотрения деструкции выступает на авансцену философского анализа. Разностороннее развитие данной проблематики в трудах В. Дильтея, Г. Зиммеля, М. Вебера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю во второй половине XX в. приводит

к экспликации понятия деструктивности, в рамках которой, в духе, заданном еще античными мыслителями, выделяются эпистемологические ракурсы исследования данной проблематики с позиций естественных и социально-психологических наук.

Теоретическое оформление понятия «деструктивность» происходит под влиянием фрейдистской теории девиантного поведения в первой трети XX века; введение в философский дискурс самого термина «деструкция» отчасти обусловлено выходом в свет «Бытия и времени» М. Хайдеггера. Рассмотрение же социального плана рефлексии «разрушительного» (собственно социальной деструктивности) в качестве самодостаточного, обособленного от сугубо психоаналитических смыслов объекта, начинается позднее. Большинство современных исследователей (С.Е. Вершинин, Г.А. Борисова, Н.В. Цойлик и др.) сходится во мнении, что впервые за последовательную разработку проблематики социальной деструкции, первоначально не прибегая к ее понятийной экспликации, принимаются представители Франкфуртской школы социальной критики – М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм.

В работах старших представителей Франкфуртской школы (М. Хоркхаймера, Т. Адорно) не встречается четко артикулированной концепции социальной деструкции. Вместе с тем значительное внимание франкфуртцев приковано к анализу причин и истоков тоталитаризма. Критика любых форм авторитаризма, а также потребность в анализе сопутствующих феноменов выводит проблематику социальной деструкции на первый план.

В философских трудах М. Хоркхаймера и Т. Адорно тоталитарная деструктивность связывается с идеей европейского Просвещения, с тем, что позже Ю. Хабермас назовет «проектом модерна». Философами утверждается однозначно негативная оценка данной эпохи: «Безудержное саморазрушение Просвещения вынуждает мышление избавить себя даже от последних остатков простодушной доверчивости по отношению к обычаям и тенденциям эпохи и ее духа» [1]. При этом периодизация Просвещения трактуется представителями Франкфуртской школы расширительно – эпоха берет начало приблизительно в XVII в. в связи с утверждением классического эмпиризма и рационализма в европейской философии.

Корень социальной деструкции усматривается франкфуртцами в непреходящем насилии над природой, что является результатом субъективации человеческого разума. Под субъективным разумом М. Хоркхаймер понимает установку сознания, нацеленную на приспособление к отчуждению между субъектом и объектом, а также к процессу овеществления в обществе [2, С. 198]. Процессы субъективации, а затем формализации разума приводят к деструктивному антагонизму самости и природы (как внешней по отношению к человеку, так внутренней, представляющей царство инстинктов). Тоталитарные усилия по покорению природы низводят человеческое «Я» до состояния орудия, средства подавления. В эпоху Просвещения разум достигает пика своей инструментальности, а достигаемый с его помощью тоталитарный принцип господства становится «идолом, в жертву которому приносится все» [2, С. 122]. Так, история покорения природы оказалась также историей подчинения человека человеку.

В совместной работе «Диалектика Просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно утверждают относительность разрушительных процессов на уровне социальных объединений, находящих свое выражение в ухудшении функционирования субъекта или группы. Г.А Борисова справедливо акцентирует внимание на фиксации функционального аспекта в парадигме франкфуртцев, что позволяет говорить о явлении деструкции «как об имманентном свойстве любой социальной системы, которое способствует общественному обновлению и является необходимым для движения истории» [3].

Феномен социальной деструкции в философии М. Хоркхаймера и Т. Адорно предстает универсальным элементом любой динамики социума. Человек, рационально доминируя над природой, сам становится инструментом подчинения, причем данная тенденция, по мнению мыслителей, достигает своего пика при коллективизации, довлеющем преобладании интересов общественной сферы, почти полностью находящихся под влиянием бюрократической государственной системы.

Философы пессимистично настроены насчет возможности преодоления социальной деструкции. Среди возможных средств снижения энтропии в обществе они упоминают продуктивное (в духе «самосознательной» ностальгии В. Беньямина) использование исторического опыта – однако в отрицающей прошлое парадигме Просвещения это оказывается невозможно. Единственно подходящий путь преодоления разрушительных процессов в обществе – путь личного творчества, при котором раскрытие креативного потенциала и внутренней духовной свободы призваны способствовать творческому освобождению человека. Создание эстетической реальности призвано противостоять обществу потребления, критика которого в работах франкфуртцев также занимает центральное значение.

Таким образом, в трудах М. Хоркхаймера и Т. Адорно после более чем двухсотлетнего аналитического периода рефлексии «разрушительного» мы встречаем одну из первых попыток синтеза трех исторически сложившихся планов деструкции. Принцип субъективной самости вступает в противоборство в трех связанных направлениях – против природы (как окружающей, так и человеческой), против других людей (социума), и, наконец, против собственных побуждений (как подавление бессознательного со стороны «Сверх – Я»). Данные направления органично наследуют заданную античностью и эволюционировавшую на протяжении истории парадигму осмысления деструктивности.

В творчестве следующих представителей Франкфуртской школы – Г. Маркузе и Э. Фромма – акцент в большей мере сдвигается в пользу рассмотрения деструкции на уровне человеческого микрокосма. Свою задачу они видят в раскрытии социального содержания психологических категорий и понятий.

Г. Маркузе в работах «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества», продолжая традицию своих коллег по Франкфуртскому институту, погружается в социальную проблематику современной ему эпохи, склонной «к тоталитарности даже там, где она не произвела на свет тоталитарных государств» [4, С. 9]. Философ творчески переосмысливает концепции марксизма и фрейдизма, сосредотачиваясь в итоге на анализе человеческого фактора, рассмотрении разрушительных явлений в индивидуально-психологическом срезе.

В результате анализа проявлений деструкции Г. Маркузе выделяет две ее основные формы, первая из которых находит выражение на примере выродившегося в тоталитарную систему западного индустриального общества, чьей опорой выступают скрытые формы рабства. Другая форма деструкции, по мнению философа, представляет собой трансформирующий потенциал общества, способствующий его историческому изменению (здесь мы встречаем параллели с рассмотренной выше «Диалектикой Просвещения»).

Так, в терминах «Эроса и цивилизации», цивилизация в рамках своего развития осуществляет «репрессию», при нарастании которой в обществе повышается интенсивность проявлений деструкции (так, например, «прибавочная» репрессивность может выражаться в нарастании агрессии, находящей свое итоговое выражение в насилии). В рамках этого процесса, по мысли Г. Маркузе, происходит социальное забывание индивидуальности – здесь мыслитель фиксирует социально-психологический источник деструкции.

В области экономики деструкция определяется слившимися процессами технологического производства и деструкции (в традиционном обществе, напротив, эти процессы отделены и разведены). При этом главный фактор деструктивности локализуется философом в политической сфере – политика имманентно содержит разрушительный потенциал, выступая катализатором социальной энтропии.

Вместе с тем, по мнению мыслителя, именно политизация концепции позволит в перспективе создать действенную антидеструктивную стратегию, смысл которой так же, как и у авторов «Диалектики Просвещения», заключается в поощрении творчества. Важными составляющими этой стратегии являются развитие многомерности индивидов, а также поддержание и воспроизводство независимой исторической и социальной памяти. Г. Маркузе видит будущее постиндустриальное (посттехнологическое) общество эстетическим, причем в отношении самой возможности построения такого общества он настроен более оптимистично, чем М. Хоркхаймер и Т. Адорно.

Аксиологическая оценка социальной деструкции у Г. Маркузе является нейтральной – деструкция выступает универсальным свойством как природы, так и человеческой действительности. На уровне социума негативные явления оказываются в прямой зависимости от баланса производительных процессов (в рамках индустриальной цивилизации равновесие оказывается смещено в сторону деструктивности) [4, С. 44]. Деструктивность, по мнению философа, неотъемлема и необходима – динамика продуктивного и разрушительного начал составляют полноту мира. Здесь читаются фрейдистские мотивы – деструктивность («влечение к смерти») необходима в качестве стимула к созиданию и творчеству.

В работах Э. Фромма возникает полноценная теория социальной деструктивности. Фактически отождествляя понятия «деструктивности и «жестокости», мыслитель понимает под ними «специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия)» [5, С. 18].

Социальная деструкция в трудах Э. Фромма предстает как процесс деградации и регресса социума, к которому привела и в ходе которого укоренилась деструктивность. Деструкция, наряду с творчеством, выполняет функцию самоопределения (если нет созидания – следует ждать разрушения). При этом деструкция исторически и социально целесообразна – в ситуации «ущербного» существования наличие деструктивных элементов может способствовать ощущению целостности и полноты человеческой жизни. Кроме того, деструктивность выступает своеобразной формой социализации индивида, являясь своего рода механизмом растворения в обществе, забывания своей индивидуальности.

В современном обществе массового потребления уже само взаимодействие людей, детерминированное «вещизмом», приводит к изолированности и одиночеству индивида. Разрыв социальных связей и вызванное им чувство опустошенности и бессмысленности бытия приводит в конечном итоге к распаду социальных институтов, а также аутодеструкции человека.

По мысли Э. Фромма, в обществе, в котором личность не является ценностью, где происходит «забывание» индивидуальности, с необходимостью утверждаются тенденции к деструктивности. Под влиянием деструкции происходит превращение человека в вещь, а сами вещи становятся определяющим фактором человеческой (само-)идентификации. Феномен всеобщего овеществления обуславливает желание «властвовать, мучить и унижать других людей». В итоге деструктивность становится «составной частью целостной характеристики общества, а не отдельной чертой поведения изолированного индивида» [5, С. 148].

Средством сдерживания деструкции, по Фромму, выступает жизнелю-

бие («биофилия») [5, С. 315] – необходимое дополнение к творческой активности (выступающей locus communis у франкфуртцев).

Таким образом, представителям Франкфуртской школы удалось убедительно показать постепенное становление деструктивности как родовой черты человека, оказавшегося жертвой своей истории, апогеем которой явился тотально деструктивный проект Просвещения. Практические выводы франкфуртцев не утрачивают своей актуальности и сегодня, например, при реализации мер, направленных на формирование поликультурной ориентации личности, раскрытие ее творческого потенциала с целью сдерживания энтропийных процессов в социокультурной сфере.

Однако нельзя игнорировать коренные изменения в положения индивида, трансформировавшегося в результате вступления в свои права эпохи постмодерна, поставившей под сомнение прежнюю ценностную парадигму. Вопросы мироощущения человека, его тотальной неустроенности в современном мире становятся одним из значимых элементов многогранных социально-философских теорий, выдвинутых З. Бауманом.

По мысли З. Баумана, сама эпоха модернити, провозгласившая когда-то возможность конечного избавления от лишений и невзгод, является деструкцией ко всему процессу общественного развития – предполагается, что состояние социума на любом этапе может быть пересмотрено как неприемлемо тяжелое, что и приводит к череде деструкций. Период «прочной современности» (под которым мыслитель понимает исторический промежуток с конца XIX в. по приблизительно 60-е гг. XX в., характеризующийся утверждением индустриализации, интенсивной урбанизацией, а также развитием институтов государства и гражданского общества), по мнению З. Баумана, был отмечен творческим подъемом лишь в силу бытовавшей уверенности в незыблемости общественных институтов и отношений.

Если деструкцией считать бессмысленную, лишенную цели агрессию (являющуюся дополнением к реакции торможения), то к ней, по мнению мыслителя, приводят двусмысленность и неопределенность существования в эпоху «текучей современности» [6], берущей свое начало в 1960-х гг. и продолжающейся по сей день.

Мыслитель умело сочетает рассмотрение проблем на макро- (наступление этапов модернити) и микроуровне (субъективным чувством неопределенности и бессилия). Механизм разрушительных процессов, по Бауману, развертывается в следующей последовательности.

Эпоха модернити признает за людьми способность быть хозяевами своей жизни (раньше социальные выступления были направлены на возвращение прежнего положения дел, ниспосланного свыше; теперь же любое положение может быть оспорено как несправедливое). Модернити обещает всеобщее счастье и освобождение от лишений; провозглашенная свобода (в хозяйственном плане самостоятельность) людей должна сделать их хозяевами своей жизни. При этом право и всеми признанная обязанность действовать принадлежит государству (высшему воплощению самоуправляемого человека), на которое отныне возлагается большая ответственность. Тут же начинаются злоупотребления со стороны государства, и одновременно становится ясно, что человек не готов к принятию ответственности за внезапную свободу.

После краха тоталитарных режимов XX в. постепенно пропадает вера в спасительную миссию общества. Национальные правительства позволяют подданным играть в свои игры под собственную (этих людей) ответственность и внушают им, что такой порядок вещей является естественным. Посредством субъективации рисков, порождаемых отдельными институтами и обществом в целом, упрочивается состояние дерегулированности, происходит институционализация всеобщей неуверенности.

При этом, если социальная критика представителей Франкфуртской школы была направлена, прежде всего, на недопущение утраты свободы, предотвращение развития тоталитарных тенденций в обществе, то З. Бауман концентрирует внимание на радикальном изменении ситуации в эпоху «текучей современности». Отныне, по мнению мыслителя, главной задачей критической теории является «защита исчезающей публичной сферы» [7, С. 95]. Общественное более не противостоит частному, которое отныне «захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей» [7, С. 95].

По мысли З. Баумана, в эпоху «текучей современности людям был присвоен статус «индивидов de jure» независимо от того, являются ли они «индивидами de facto». Вне зависимости от того, имеют ли индивиды ресурсы и необходимую самодостаточность для решения задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения, новая эпоха делает решение этих задач сугубой обязанностью каждого. Многие люди «индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации» [7, С. 94]. Государства с радостью передают большинство своих прежних функций в частные руки, оставляя за собой лишь право на разграничение между легитимным и нелегитимным насилием (которое, по З. Бауману, Левиафан также стремительно утрачивает [8]). В результате «жизнь конкретного человека становится биографическим решением системных противоречий» [7, С. 6].

Таким образом, страх перед тоталитаризмом, недопустимость возвращения которого выступала центральной темой творчества франкфуртской школы, уходит в прошлое вместе с эпохой «твердой» модернити. Причина деструктивных процессов в современном обществе, по мнению З. Баумана, заключается в индивидуализации проблем субъекта, заключающейся во всем большем ослабевании интереса к общим делам, а также сокращении полномочий и ослабление роли национальных государств.

Торможение или бессмысленная агрессия выступают реакцией на двусмысленность и неопределенность «текучей современности». Обособленность оказывается врагом общности; индивидуализированное общество подталкивает индивида к мысли, что коллективные, согласованные действия не несут никакой пользы, что свою жизнь можно построить самостоятельно. В результате личное и общественное позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом. Таким образом, кризис гражданской идентичности проистекает из ощущения, что отсутствуют механизмы обеспечения эффективных долгосрочных коллективных действий, а также способы возрождения подобных механизмов или создания новых.

По мнению Баумана, без совместных действий (чьим непременным условием является наличие взаимных обязательств) нельзя ни понять, ни устранить истинные причины тревоги и беспокойства (вызывающие торможение-агрессию и, следовательно, деструкцию). Практикуемые альтернативные способы дать свободу чувству тревоги (такие, как борьба без правил на работе, с партнерами, самоутверждение за счет членов семьи, насилие по отношению к соседям, уличный вандализм) лишь усугубляют и усиливают чувство тревоги.

Итак, ключ к решению проблемы социальной деструктивности, по мысли З. Баумана, заключается в устранении причин, обусловливающих беспомощность существующих институтов коллективных политических действий.

Изыскания отечественного ученого А. Ахиезера, разработавшего оригинальную теорию архаизации современного общества, оказались значительно шире рассмотрения собственно

деструктивных процессов. Ценность данной концепции обуславливается привлечением А. Ахиезером в качестве эмпирической основы исследования масштабного материала отечественной истории, а также близости анализируемых процессов актуальным явлениям в социокультурной сфере современного российского общества.

Концепция архаизации современного российского общества А.С. Ахиезера направлена на раскрытие сущности архаизации и выработку эффективного механизма противодействия энтропийным процессам в обществе.

Согласно положениям данной концепции, общество отвечает на кризисные ситуации либо выработкой инновационных механизмов ее преодоления (или «интерпретации», в понятийном аппарате А.С. Ахиезера), либо путем возврата к ценностям, чья эффективность оправдала себя в прошлом (путем «экстраполяции»). Результатом экстраполяции, т.е. «следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей» является архаизация общества. Архаизация выступает как попытка «полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности». По мысли А.С. Ахиезера, архаизация всегда предстает в смешанном с исторически более поздними достижениями виде и «может нести разрушительные последствия, масштабы которых могут расти при усложнении общества». Таким образом, архаизация общества включает в себя явление социальной деструкции.

В истории России волны архаизации вызывались, прежде всего, попытками социально-экономических преобразований (так, по мысли Ахиезера, отмена крепостного права привела к «инверсионным» событиям революции, и, в конечном итоге, вернула общество к крепостничеству сначала в виде военного коммунизма, позднее – в форме сталинского тоталитаризма). Столкновение архаизации со стремлением к реформам, прогрессу вызывает конфронтацию, раскол общества.

По мнению А.С. Ахиезера, единственный способ противодействия негативным явлениям, связанным с архаизацией, заключается в развитии «диалогизации как системы определенных отношений, а также (суб)культуры, зависящее от развития соответствующих институтов, от особенности расколотых элементов общества принимать общие решения» [9, С. 97]. Неразвитость диалога неизбежно формирует питательную среду для утверждения архаики, противостоящей иным формам культуры, прежде всего, ориентированным на прогресс.

Системным противодействием деструктивным процессам, сопутствующим архаизации, по мнению А.С. Ахиезера, может выступать формирование национальных интересов. Структура национальных интересов является иерархизированной и с необходимостью включает в себя систему институтов, связанных с институциализацией множества локальных интересов. Именно система, связанная с соподчинённостью интересов, по мнению мыслителя, оказывается важным «бастионом» на пути разрушительных волн архаизации. Немалое значение в успехе противодействия архаизации имеет развитие интеллектуального мышления, выступающее необходимым условием для выхода за рамки эмоциональных отношений, характерных для догосударственной архаики, через применение рационализированных абстракций, таких как «государство», «общество», «право», «деньги» и т.п. [9, С. 98] Лишь преодоление, оттеснение мифологических паттернов из фокуса общественного сознания, укрепление ценностей гражданского общества, секуляризация и рационализация культуры, развитие утилитаризма способно снизить уровень дезорганизации в обществе.

Основной путь достижения данных целей, по А.С. Ахиезеру, заключается

в укреплении «срединной культуры» – новых элементов культуры, несводимых к ее старым полюсам, выраженным в идеалах локализма и авторитаризма. «Способность формировать срединную культуру – показатель меры развития медиации и в то же время уровня развития культуры» [10].

Рассмотрение опыта зарубежных и отечественных исследователей является необходимым условием построения и дальнейшего развития теорий, адекватных деструктивным вызовам современности. Усилия исследователей могут быть признаны продуктивными лишь в том случае, если теоретическое развитие будет опережать и предвосхищать возрастание объема эмпирического материала, т.е. когда она с некоторой вероятностью сможет предсказывать появление новых фактов. С учетом скорости развёртывания этнокультурных процессов, в том числе деструктивных, в российском обществе, задачи построения и практического применения подобных теорий на основе существующего опыта приобретают приоритетное значение.

В трудах М. Хоркхаймера и Т. Адорно после более чем двухсотлетнего аналитического периода рефлексии деструкции мы встречаем первые попытки синтетического осмысления ее различных аспектов. В философии франкфуртцев эти планы оформляются как природный (включающий социально-биологический аспект), социально-психологический, социально-экономический. Методология Хоркхаймера и Адорно завершает эвристически необходимый круг осмысления деструкции – от синкретической нерасчлененности к аналитическому разложению и, наконец, к синтезу полученных результатов. Мысль завершает круг от неразделенного синкретизма к операционализированному синтетизму, изменившись при этом качественно – эксплицитный период развития представлений о деструктивном становится синтетическим par excellence.

В работах З. Баумана критика тоталитаризма Франкфуртской школы сменщается критикой современного индивидуализированного общества, в рамках которого опасения франкфуртцев оборачиваются своей противоположностью – теперь уже публичная сфера требует создания эффективной стратегии защиты от окончательной деконструкции.

Продуктивными являются исследования, направленные на осмысление предложенного А.С. Ахиезером подхода на философском уровне, а также применение выработанных положений в современных условиях. Преимущество концепции А.С. Ахиезера заключается в заложенном потенциале синтеза достижений специальных теорий социальной деструктивности, в рамках которых детально разработаны оба полюса общественного противостояния, так или иначе находящие свое выражение в примате коллективного / индивидуального.

При этом будет весьма поверхностным является расхожее утверждение о том, что усилия представителей Франкфуртской школы были направлены целиком на борьбу с идеей общественного как противоположности частных интересов как таковых. Напротив, по мысли франкфуртцев, индивидуализация не должна стать уходом от дел государства – освободить индивида можно лишь путем избавления общества от атомизации, которая, по мысли франкфуртцев, является одной из тревожных предпосылок тоталитаризма.

Немаловажно отметить также и тот факт, что процессы архаизации, описанные А.С. Ахиезером, наиболее ярко проявляют себя в этноконфессиональной сфере, фундаментальные основы которой формировались в глубоко архаичный период развития человечества. На сегодняшний день проблематика, связанная с нарастанием проявлений социальной деструктивности в этноконфессиональной сфере российского общества, имеет выраженную региональную специфику. Ч.К. Ламажаа и М.Ш. Абдулаева отмечают, что данные процессы наиболее ярко проявляют себя в регионах Северо-

Кавказского и Сибирского федеральных округов [11].

В данных регионах социальная деструкция приобретает ряд специфических черт, к числу которых следует отнести процессы радикализации на национальной и религиозной почве, актуализацию территориальных споров между субъектами, подмену системы светских органов власти традиционными и религиозными формами судопроизводства, мифологизацию и идеологизацию отдельных (в том числе, трагических) страниц истории.

Задача выработки эффективных стратегий противодействия перечисленным процессов подразумевает критическую работу с теоретическим наследием. Выводы, включающие осознанную линию критики полюсов общественного и частного, соборного и авторитарного, и направленные на развитие медиационной общественной культуры, ведут к снятию противоположностей как на уровне культуры общественного сознания, так и на практике, выступая основой механизма совершенствования соответствующих социальных отношений. Перспективной видится разработка синтетической теории деструктивности, способной преодолеть ограниченность специальных концепций.

С учетом практических наработок, элементы складывающейся теории архаизации при дальнейшем развитии могут выступать в качестве основы для формирования программно-нормативных документов, направленных на преодоление деструктивных процессов в современном российском обществе и, прежде всего, в его этноконфессиональной сфере.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М. – СПб.: 1997. С. 9.
2. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: «Канон+», 2011.
3. Борисова Г.А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2007. С. 13
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
6. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. СС. 32–41.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
8. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 34.
9. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. Том IV № 1. СПб.: 2011. С. 97.
10. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. С. 67.
11. Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. № 3, 2014. С. 69.

PROBLEMS OF SOCIAL DESTRUCTIVENESS IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Belomytsev A.A.
Federal Agency for Ethnic Affairs.

This article consistently reveals the history of philosophical reflection on ideas about social destructiveness within the framework of an explicit stage, covering the period from the second half XX century until now. The author establishes a qualitative change in the ideas about the destructive in the works of the representatives of the Frankfurt School, who made the transition from the heuristic analyticism of the New Age to the stage-by-stage synthesis of the results. Special attention is paid to the later shift of dominant factors of destructiveness from the public sphere to the private one, as well as to relevant domestic studies aimed at overcoming the limitations of special theories of social destructiveness. In the conclusions, the author out-

lines promising areas of research into the phenomenon of social destruction, the conceptual development of which is intended to contribute to the development of practical measures to reduce the intensity of entropic processes in modern Russian society.

Keywords: destructiveness, social destruction, destructive processes, social archaization.

References

1. Horkheimer M., Adorno T. Dialectics of Enlightenment. M. – SPb.: 1997. S. 9.
2. Horkheimer M. Eclipse of the mind. To the criticism of the instrumental mind. M.: "Canon +", 2011.
3. Borisova G.A. The concept of social destruction of the Frankfurt School. Abstract of a dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Ekaterinburg, 2007, p. 13
4. Marcuse G. Eros and civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society. M.: AST, 2003.
5. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow: Republic, 1994.
6. Bauman Z. Fluid modernity. SPb.: Peter, 2008. S. 32–41.
7. Bauman Z. Individualized society. M.: Logos, 2005.
8. Bauman Z. Retrotopia. Moscow: VTsIOM, 2019, p. 34.
9. Akhiezer A.S. Archaization as a category of social sciences (on the experience of Russia) // Journal of Sociology and Social Anthropology. Volume IV No. 1. SPb.: 2011. S. 97.
10. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience: (socio-cultural dynamics of Russia). Novosibirsk: Sib. Chronograph, 1997, p. 67.
11. Lamazhaa Ch.K., Abdulaeva M. Sh. Archaization and neo-traditionalism: Russian regional forms // Knowledge. Understanding. Skill. No. 3, 2014. P. 69.

Динамическая онтология: проблема предмета и метода исследования

Данилова Марина Ивановна,
доктор философских наук, заведующий кафедрой философии «Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина»
E-mail: Danilova.m@kubsau.ru

Васильева Анна Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии «Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина»
E-mail: vasanne83@gmail.com

Кобякова Ирина Иннокентиевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии «Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина»
E-mail: philos09@mail.ru

В современных условиях развития знания классическая онтология не может реализовать свои основные задачи, поэтому необходимо выявить насколько возможно существование онтологии. Альтернативой может стать динамическая онтология, рассматривающая бытие с точки зрения «событийности», наполненности ситуациями, как процесс и развитие. Динамическая онтология – это онтология События. Оно является одним из способов описания динамических процессов. Последнее в обнаруживает в цепочке своей причины действие субъекта. Любое фиксированное явление – система, ситуация, событие – определяется соотношением внутренних и внешних факторов, но решающее значение имеет точка отсчета, то есть позиция исследователя. Становление и само существование субъекта напрямую зависит от факта События, понимание чего может стать методологическим основанием для исследования сущности субъекта. В целом, динамическая онтология должна получить статус междисциплинарного знания только с условием точного определения ее целей и задач, методов и принципов исследования.

Ключевые слова: онтология События, динамические процессы, субъект, ситуационный подход, интернализм, экстернализм, развитие и становление.

В современном философском знании онтология не имеет приоритетного значения. В античной традиции онтология и гносеология были целостной структурой. Однако в эпоху Модерна онтология и гносеология, сохраняя глубокие связи, стали рассматриваться в качестве самостоятельных, в определенной степени, разделов. Онтология стала рассматриваться в качестве дисциплинарного элемента философской науки об общих первопринципах бытия, сущности явлений, которая отвлекается от конкретного содержания явлений и конкретных интересов субъекта. В течение нескольких тысячелетий существования философии можно выделить онтологию Единого, когда человек видит себя частью бесконечного Космоса и в качестве первопринципа мыслит то, что, будучи чем-то конкретным, может стать «всем». Второй из известных тип онтологии – онтология Творения, когда сотворение мира высшим существом, Творцом, является отправной точкой любых рассуждений и приводит к выводам о неизменности и разной степени совершенства каждого сотворенного существа. С развитием науки Нового времени возникает онтология Субъекта: активный, радикально отстраненный от мира субъект противопоставлен миру однородному, измеримому, пассивному. Разум субъекта чужд миру и выполняет роль судьи, он описывает, анализирует, обобщает.[1] Эти варианты классической онтологии на сегодня перестали устраивать исследователей в связи с достижениями постнеклассической науки XX века. Значительным толчком к новому мышлению послужило развитие такого раздела физики как квантовая механика. Современные физики работают с понятиями неопределенности, нелинейности, вероятности, зависимости от иного, что естественным образом приводит к новым представлениям о первопринципах, на-

рушает логические построения классической онтологии. По сути, последняя находится в глубоком кризисе. Поэтому сформировались онтологи-и – множество направлений «около»-онтологического исследования на базе различных наук, различных проблем. На первый план вышли вопросы динамической онтологии, преимуществами которой является возможность моделировать множество концепций по поводу одного исследуемого объекта или одну концепцию множеством разных способов; взаимоотношения объекта и субъекта, взаимосвязи и отношения между объектами моделируются с помощью мягкой онтологии, где функциональность объектов, признаков, отношений можно изменять. Впервые великий немецкий математик К. Гаусс ещё в 1829 г. поставил вопрос, не соответствовало ли бы обобщающему духу науки рассматривать статику системы как частный и исключительный случай ее непрестанного движения.[8, 153] Но и сегодня ещё не сформирована система взглядов для описания динамических процессов целостных образований в той степени, чтобы они стали убедительными для научного сообщества и применялись в рассуждениях автоматически. Однако принципы динамической онтологии потенциально присутствовали уже в новоевропейской парадигме, предполагающей необходимость рассмотрения бытия не с точки зрения метафизического подхода, а с точки зрения принципа развития объектов мира, мышления. Аспекты динамического подхода можно проследить в математических изысканиях новоевропейцев. Гегелевская диалектика яркий пример реализации принципа динамизма.

Одним из способов обсуждения динамических процессов является онтология События, основное положение которой – «быть это (всякий раз) быть иным». Выделяется Событие как некая динамическая целостность в данный момент времени в данных обстоятельствах. Вопрос стоит не о том, как мир устроен, а о том, как он изменяется. Бытие всякий раз рождается заново. Такая позиция базируется в антропологической доминанте современной культуры, в том числе и науки, признающей роль субъекта в процессе познания. Это «заставляет говорить о субъекте иначе, чем того требует субстанциальная онтология. Получается, что субъект не существует помимо действия. Лишь момент действия обнаруживает субъективность, т.е. субъект существует только в деле. Таким образом, мы, кажется, подходим вплотную к интерпретации субъективности в постнеклассической научной парадигме. Описанный нами субъект действительно создает самого себя в своей формополагающей деятельности» [2]. Ж. Делез, интерпретируя Лейбница, именно так понимает значение понятия сингулярности: она противопоставляется не универсалиям, а ординарностям – там, где есть факт события, меняющего обстоятельства, ординарность становится сингулярностью (появляется возможность говорить об ординарности как сингулярности), только тогда есть смысл говорить о субъекте.[3] Субъект, не существуя вне действия, выступает как проблема динамической онтологии, предполагающей действие в качестве основы структуры бытия.

Способность постнеклассической науки обсуждать динамические процессы в развитии и становлении предоставляет для исследователей широкие возможности, но и ставит методологические вопросы. Достоинством является то, что стало возможным обсуждать предметы и явления живой природы с точки зрения холизма (целостности) и органицизма, где органическое целое определяет всю жизнедеятельность организма, и привычное деление на материальное и идеальное не является необходимым. Принципы органицизма – всеобщности жизни, целостности, естественности, гармонии, деятельностного подхода к исследованию природно-социального организма [4], – могут также быть отнесены к динамической онтологии. Следовало бы добавить важнейший принцип направленности, так как ненаправленными природ-

ные процессы не бывают; обсуждение направленности цельных природных образований (биологических систем) дает новые возможности в интерпретации жизнедеятельности изучаемых объектов с холистской точки зрения, а также может быть применим динамической онтологией. В попытках обсуждения проблемы «процесса» возникло множество новых подходов.

Первая мысль, которой открывается известная книга А. Ухтомского: «В высшей степени заманчиво свести всю психическую жизнь к одному элементу, из которого бы слагались различные ее явления, подобно тому, как все числа одного и того же ряда слагаются из одной и той же единицы. К тому же и стремление к отысканию такого элемента вполне законно. Этим стремлением жила человеческая мысль во все времена, а со времен Декарта оно провозглашено догматом всего последующего научного течения, которым мы живем до сих пор».[8, 16]. Самое очевидное, что есть в природе, что нужно рассматривать – индивид, среда и взаимоотношение между ними, между индивидами и между средами тоже. Поэтому, на наш взгляд, проблемы динамической онтологии неотделимы от вопросов о сущности субъекта, социальных и культурологических процессов.

Системно-динамический подход вносил свои коррективы в традиционный «объективный» взгляд классической философии, где лишенный характеристик субъект изучает и описывает окружающий мир. На сегодня весьма распространенным остается традиционный взгляд на человека как на недифференцированный элемент социальной действительности, что и создает впечатление полной неопределенности человеческого бытия. Социологическому взгляду на человека мы обязаны наивной редукцией в его определении в качестве простого объекта, обладающего определенным набором не противоречащих друг другу качеств. Здесь имеет место рационализация (в известной степени насильственная) представлений, направленная на нивелирование качеств с известной со времен Ницше уловкой «чтобы не требовалось тут ничего познавать». Системно-динамический подход вносит коррективы в традиционные представления о неопределенности человеческого бытия, позволяет представить с антропологической точки зрения человека в качестве цельной системы, поведение которой ненаправленным не может быть по определению.

Формирование любой системы и взаимодействие динамических систем определяются несколькими факторами 1) принцип Ле Шателье –Брауна – система стремится к сохранению своей целостности при всех обстоятельствах 2) взаимодействие может происходить только между совозможными системами, они конвергируют между собой с образованием инварианта; эти процессы уже формируют обстоятельства жизни и избирают подходящие для их развития условия окружающей среды; 3) с несовозможными (неинтегрируемыми) системами возможна только дивергенция (Анри Пуанкаре математически доказал, что большинство систем являются неинтегрируемыми), однако, 4) важное правило: внутри данного не-взаимодействия жесткого противостояния нет, каждая система и конгломерат систем «озабочены» своим оптимумом по линии наименьшего сопротивления и уходят в комфортные для них ниши. То, что обычно в рассуждениях теоретиков опускается – многообразие возможностей, направлений, ниш для развития и становления пластичных, способных к адаптации, систем, их способности к формированию условий среды, но и невмешательство, «равнодушие» к развитию других систем, что и создает несравненное многообразие мира и море возможностей для всего, способного к развитию; 5) устойчивый принцип – интегрируемые или совозможные системы взаимодействуют по резонансному типу, поддерживая и усиливая действия друг друга. Взаимоотношения систем создают направленность и определенность формирования и среды, и бытия человека. Лейб-

ниц по этому поводу восклицал: «Как будто бы в природе может существовать что-то неопределённое!» [5, 156]. Отсутствие неопределенности в вопросах естественных наук упрощает задачу исследователей: единственным приоритетом является наличие направления в сторону саморазвития и самореализации любого исследуемого объекта, начиная с генов-регуляторов, переключателей (уже химические реакции являются носителями информации, то есть влияют на протекание процессов); развитие идет некими путями по сложному ландшафту, и в местах, где возможен выбор, есть «стрелки», которые определят, в каком направлении пойдет движение. То, что выглядит как развитие с внешней, экстенсиональной точки зрения (с общеизвестными фазами – рост, интенсивное накопление качеств, гомеостатическая фаза системной оптимальности, и перенасыщение структуры с последующей стагнацией), с точки зрения внутренней является моментом становления и события, и субъекта. Но системного подхода в новых условиях исследования динамических процессов оказывается недостаточно; интерес представляет вышеназванная онтология События, которая позволяет акцентировать внимание на динамических моментах бытия, говорить об изменчивости, о процессах, а не о сущностях. Вопрос о том, что считать Событием, всегда открыт, потому что при достаточной точности средств измерения любое изменение можно рассматривать как скачок, катастрофу, то есть событие (Р. Том, автор «Теории катастроф»), и равно возможно эти изменения игнорировать (принцип непрерывности Лейбница), если для задач исследователя они не имеют значения.

Замечательный русский физиолог А.А. Ухтомский, автор термина «хронотоп», имел и духовное, и естественнонаучное образование, а также широкую научную эрудицию, он искал по возможности точные универсальные точки отсчета для целого сущего: «Если вообще существует безотносительная, инвариантная величина, то это интервал в хронотопе, интервал между событиями».[8, С. 70] Мировой хронотоп образуется из связей между сущими, каждое событие зависит от всех предыдущих и предопределяет последующие. Поиски «интервала между событиями» приведут нас к необходимости определять, что есть событие, что каждый раз потребует апелляции к субъективности. Установка новой онтологии – исходить из факта события, внутри которого формируется субъект, который всякий раз является иным и вне события не определяется. Чтобы создать «карту события», процесс формирования события должен рассматриваться одновременно с точки зрения интернализма и с точки зрения экстернализма. То, что выглядит как развитие с внешней, экстенсиональной точки зрения, с точки зрения внутренней является моментом становления и события, и субъекта.

Внутри каждой онтологии есть непреодолимое противоречие, таким противоречием для онтологии События (быть всякий раз иным) является таковое между ним, Событием, и становлением инварианта: сущность процесса становления неизвестна, занимать исследователя должна не она, а процесс изменения – это призыв к неэлементалистской (исключения аналитики) методике исследования целостных образований. Но «как показывает история философии и науки, в действительности нет чистых примеров аналитического подхода, свободного от системного (с первичной целостностью по отношению к частям), и наоборот, системного подхода, в котором бы не были задействованы аналитические принципы». [7]

Профессор Казанского университета Н.М. Солодухо выстраивает свой поиск «минимального элемента, из которого все возникает» от «загадочного, начального» Ничто, Небытия «как реальности несуществования». Отсюда возникает Бытие, реально существующее, форма проявления которого – Нечто. Бытие он видит как границу, как переход от небытия-до-бытия к небытию-после-бытия (то и другое близко к понятию «онтологической пу-

стоты» в восточной философии), которое проявляется в качестве ситуации (а в пространстве – цепи ситуаций), которая post factum оценивается как событие (со-бытие) бытия. Из этой логически выверенной цепочки вырастает «Манифест ситуационного движения» [7], где ситуационность противопоставляется системности. Н.М. Солодухо выделяет следующие отличительные признаки ситуации: динамичность сменяемых состояний, факторная равнозначность с перемежающейся детерминацией, малая предсказуемость в выдвижении доминирующего фактора. Отсюда ситуационное понимание мира характеризуется мобильностью, случайностью, размытостью границ, относительностью и поливариантностью, плюралистичностью. В некотором смысле ситуационность противостоит системности, последняя выражает устойчивость, стабильность, структурированность, граничность, явную дифференцированность, определенность. [8] Систему можно также рассматривать как частный случай, устойчивую, стабильную, определенную ситуацию. Еще в 2005 году автор предвидел необходимость замены центров системного исследования центрами ситуационного исследования. Сверхзадачами ситуационного подхода являются 1) научиться управлять ситуациями; 2) находить свое место в ситуации, которой не удается управлять; 3) создавать ситуации. В этом смысле информационное поле представляется идеальным местом для манипуляций и создания ситуаций.

При этом и систему, и ситуацию Н.М. Солодухо рассматривает как реализацию онтологической потенциальности, и только соотношение внутренней и внешней ситуации «позволяет выявить событие как таковое и соотнести его с другими событиями», что очень напоминает классическую аристотелевскую последовательность: «бытие в возможности» (потенциальность), актуальное бытие (в данном случае ситуация) и «бытие в завершенности» (событие). Так или иначе, вне субъективности, без «внутренней ситуации», факта события не возникнет, всегда в оценке любой ситуации имеет значение авторский взгляд, вопрос ставит человек, поэтому «отвлекаться от конкретных интересов субъекта» в любой системе координат, при любых онтологических построениях вряд ли получится.

Основное требование культурной ситуации современности, «зов бытия» по Хайдеггеру, потребность и необходимость для всех людей жить вместе не как случайность или вопрос выбора, а нормальное ежедневное состояние. Отсюда амбивалентность задачи становления. Интенсионально (интернализм) сохранение сущности и своих интересов в самоопределении, что потенциально бесконечно, а извне (экстенсионально) необходима адаптация и деэссенциализация. Динамические аспекты бытия, изменчивость мира доступны для исследования ровно в той степени, в какой это необходимо человеку. Вопросы собственного становления каждому человеку приходится решать заново.

Динамическая онтология, таким образом, как реализация современных потребностей развития знания, предполагает нелинейность процессов, отсутствие измерения целевого значения через понятия прогресса и регресса, так как развитие может рассматриваться только с точки зрения его неравновесности и перманентной динамики. В связи с этим, данный раздел онтологии предполагает использование системного подхода, опирающегося на принципы цели, двойственности, множественности, целостности, сложности, историзма. Однако само понятие системы в динамической онтологии должно соотноситься с понятием ситуации. По сути, именно ситуация и есть система, которая подвергается анализу. Ситуация как индивидуальный феномен и есть Событие. Оно является основной категорией динамической онтологии. Категория «событие» демонстрирует главную задачу данного вида онтологии – исследование принципов изменения бытия. Действие – есть изменение. Кроме того, действие еще и при-

чина изменения. Субъект, е существуя вне Действия. Может быть рассмотрен и как причина определенного события, и как структурный элемент Ситуации, которая может рассматриваться и как Событие, и как совокупность Событий. Однако для динамической онтологии, для определения ее дисциплинарной значимости в системе знания важную роль играет вопрос более определенной демаркации от классической онтологии, а также необходимо определить роли гуманитарного, естественно научного и других факторов, чтобы не было обычного дубляжа, клона уже известного вида знания.

Литература

1. Бакеева Е.В. Введение в онтологию: образы мира в европейской философии: курс лекций/ Е.В. Бакеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2014. – 388 с.
2. Гутнер Г.Б. Субъект как энергия // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 502.
3. Делёз. Жиль Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.
4. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М.: Academia. 2007. – 292 с.
5. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4-х тт.. Т. 3. М.: «Мысль». 734 с.
6. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
7. Плотников В.В. Концептуальный анализ как методологическое основание «философии процесса» 2019 г. КубГАУ
8. Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 8. – С. 87–88.
9. Солодухо Н.М. Ситуационность бытия: концептуальные принципы. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012 г. Т. 154 кн. 1.

DYNAMIC ONTOLOGY: THE PROBLEM OF THE SUBJECT AND METHOD OF RESEARCH

Danilova M.I., Vasilyeva A.S., Kobyakova I.I.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina

In modern conditions of the development of knowledge, classical ontology cannot realize its main tasks, therefore, it is necessary to identify as far as possible the existence of an ontology. An alternative can be a dynamic ontology that considers being from the point of view of “eventfulness”, fullness of situations, as a process and development. A dynamic ontology is an Event ontology. It is one of the ways to describe dynamic processes. The latter reveals in its chain of causality the action of the subject. Any fixed phenomenon – a system, a situation, an event – is determined by the ratio of internal and external factors, but the starting point, that is, the position of the researcher, is of decisive importance. The formation and very existence of the subject directly depends on the fact of the Event, the understanding of which can become a methodological basis for studying the essence of the subject. In general, a dynamic ontology should receive the status of interdisciplinary knowledge only with the condition of accurately defining its goals and objectives, methods and principles of research.

Keywords: Event ontology, dynamic processes, subject, situational approach, internalism, externalism, development and formation.

References

1. Bakeeva EV Introduction to ontology: images of the world in European philosophy: a course of lectures / EV Bakeeva. Bakeeva. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2014. – 388 p.
2. Gutner GB Subject as energy // Synergetic paradigm. Cognitive and communicative strategies of modern scientific knowledge. M., 2004.S. 502.
3. Deleuze. Gilles Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87. – M.: Ad Marginem Press, 2015. – 376 p.
4. Masloboeva OD Russian organicism and cosmism of the 19th-20th centuries: evolution and relevance. M.: Academia. 2007. – 292 p.
5. Leibniz G.V. Works: in 4 vol. T. 3. M.: “Mysl” – 734 p.

6. Ukhtomsky A.A. Dominant. Articles of different years. 1887–1939. – SPb.: Peter, 2002. – 448 p.
7. Plotnikov V.V. Conceptual analysis as a methodological basis of the “philosophy of the process” 2019 KubSAU
8. Solodukho NM Manifesto of situational movement // Fundamental research. – 2005. – No. 8. – S. 87–88.
9. Solodukho NM Situational nature of being: conceptual principles. Scientific notes of Kazan University. Series Humanities. 2012 T. 154 kn. one.

Концептуализация сущности представлений о социальной безопасности регионов российско-китайского приграничья в отечественном научном дискурсе

Гаврилова Юлия Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
julia.voitsuk@yandex.ru

Кононов Сергей Викторович,
кандидат философских наук, старший преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
kononov7744@yandex.ru

Шевченко Михаил Сергеевич,
магистрант кафедры философии, Забайкальский государственный университет
shevchenko@mail.ru

Целью исследования является концептуализация сущности представлений о социальной безопасности регионов российско-китайского приграничья в отечественном научном дискурсе, посвященном российско-китайскому взаимодействию. Новизна статьи заключается в фиксации противоречий между концепцией, согласно которой любые действия китайцев рассматриваются, как угроза российскому обществу, и концепцией, согласно которой влияние Китая способствует развитию социальной инфраструктуры приграничных регионов. Автор впервые обращает внимание на то, что одним из факторов социальной безопасности российско-китайского приграничья, является содержание исследовательских концепций, которые формируют образы «угрозы Китая», либо образы «равноправного взаимодействия» с Китаем. Результатом статьи является предложение модели исследований социальной безопасности российско-китайского приграничья, где бы учитывалась динамика влияния факторов угрозы, факторов конструктивного взаимодействия, и фактора информационного влияния Китая.

Ключевые слова: социальная безопасность, приграничный регион, российско-китайское приграничье, «угроза Китая», российско-китайское взаимодействие.

Введение

Актуальность. Актуальность анализа проблем социальной безопасности российских территорий в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, находящихся в непосредственной близости границы с Китаем проявилась в связи с необходимостью осмысления процессов, являющихся следствием интенсификации политического, экономического и социального взаимодействия между Россией и Китаем в XXI в. Как уверены многие исследователи, эти регионы, развиваются в рамках особого социального пространства, отличающегося своими характеристиками, а также возможными угрозами российскому обществу и государству. Несмотря на то, что в настоящее время проблема социальной безопасности российско-китайского приграничья остается практически не исследованной, в исследовательской литературе накоплен значительный массив данных, указывающих на рост межрегиональных связей в российско-китайском приграничье. Первой задачей является выявление аспектов социальной безопасности в описаниях российско-китайского взаимодействия в XVII–XIX вв. Второй задачей является описание и анализ аспектов социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XX вв. Третьей задачей является проведение анализа существующих в отечественной литературе точек зрения на социальную безопасность в приграничных регионах России и Китая в XXI вв.

В качестве метода исследования в статье использованы: сравнительно исторический анализ, раскрывающий элементы социальной безопасности в описаниях XVII–XIX вв.; концептуализация представлений о социальной безопасности приграничных с Китаем реги-

онов в исследованиях советского периода; систематизация и факторный анализ социальной безопасности проводимые на примере исследований XXI в. Теоретической базой исследования являются положения концепции В. Бузана и В. Вейвера [13], Д. Фоусета [14], Дж. Ньюмана [16], позволяющие синтезировать аспекты концепции социальной безопасности и теоретические положения регионалистики. Практическая значимость работы заключается в раскрытии практического значения предлагаемой автором методологии исследований социальной безопасности российско-китайского приграничья, которая заключается в проведении фиксации и анализе системы факторов, условий и последствий развития этого региона, что будет способствовать выявлению наиболее актуальных закономерностей развития российско-китайского приграничья.

Степень исследованности. Аспекты проблемы социальной безопасности регионов в зоне российско-китайского взаимодействия описывается в контексте концепции «китайской угрозы» такими авторами, как А.С. Давыдов, А.А. Шаравин, А.А. Храмчихин, В.Г. Гельбрас и др. Положения концепции, позитивно оценивающей влияние Китая на российские регионы, защищают такие авторы, как С.Н. Гончаров, В. Кашин, Н.А. Самойлов, В.И. Дятлов, В.С. Мясников, В.Г. Дацышен, А. Маслов, М.Л. Титаренко, С.Л. Тихвинский, А.Г. Ларин, В.Л. Ларин и др. В рамках этой концепции, развитие социальной сферы приграничных Китаю российских территорий раскрывается в трудах Н.А. Абрамовой, В.С. Морозовой, Т.Е. Бейдиной, Т.Н. Кучинской, М. Бергера, Ю.Г. Благодер, А.П. Забияко, А.В. Жукова, А.В. Лукина и др. Вместе с этим тема социальной безопасности приграничья России и Китая пока не оформилась в особое научное направление.

Аспекты социальной безопасности в описаниях российско-китайского взаимодействия в XVII–XIX вв.

Существенным аспектом описаний российско-китайского взаимодействия в приграничных с Китаем регионах, авторами которых в XVII в.были представители первых посольств, такие как И. Петлин, Ф.И. Байков, И.С. Перфильев, С. Аблин, И. Милованов, Н. Спафарий было описание угроз со стороны этого государства. Кроме этого, значимую роль в формировании негативного мнения о влиянии Китая были военнопленные, попавшие в Китай не по своей воле, такие как П. Хмелев. С другой стороны, одновременно с негативными отзывами и Китае в России проявилась и противоположная тенденция, согласно которой китайское влияние положительно влияет на развитие российского общества. Существенный вклад в складывание представлений о влиянии Китая на социальное пространство прилегающих территорий в это время внесли представители немецкой академической науки, такие как И. Идес и А. Бранд, задачей которых было выяснение положения дел с ратификацией Нерчинского договора. Они оставили, отличающиеся объективным научным подходом исторические и этнографические описания, посвященные приграничной к Китаю территории [3].

В XVIII в. интерес к проблемам угроз и безопасности на границе с Китаем продолжал во многом удовлетворяться отчётами послов, таких как С.Л. Владиславич-Рагузинский, описывавших бурные события на Востоке. С другой стороны в это время интерес к проблемам приграничных территорий оказался подвержен влиянию формирующейся российской науки, представитель которой М.В. Ломоносов, исследуя аспекты российской истории, проявлял значительный научный интерес к Китаю и его народу, который он представлял, в качестве великой азиатской державы [4].

В XIX в. проблемы безопасности на китайской границе продолжали волновать российское общество, так как в этом регионе развернулось полномасштабное противостояние с маньчжурской империей Цин. В этот период было опубликовано множество исследований, содержащих негативные оценки влияния Китая на Россию и без-

опасность российского общества. Среди них заметными продолжали быть негативные отзывы и прогнозы. В частности, отрицательную оценку социального развития Китая, и, следовательно, его влияния на окружающее социальное пространство давал В. Белинский, считавший китайцев народов лжецов и лицемеров. Апокалиптические пророчества о нашествии полудиких китайцев публиковали В. Соловьев, С.М. Соловьев, Н.М. Пржевальский [5].

На наш взгляд причиной распространения негативных оценок влияния Китая на российское общество в этот период была необходимость анализа последствий недавнего присоединения к России обширных территорий Восточной Сибири, Приамурья и Дальнего Востока, которое осмысливалось как позитивный процесс. В то же время, неизбежное противостояние с китайским государством, понималось как объективный факт, преодоление которого виделось в организации системы защиты от угрозы, которую несло с собой все связанное с Китаем. Китай, в трудах П.В. Шумахера, Н. Макеева, А.В. Кирхнера оценивался, как военный противник. Такие авторы, как Л.И. Шренк, А.Ю. Назаров, Н. Г., Матюнин, П.П. Шимкевич, И.П. Барсуков писали о китайском населении, как социальной угрозе, избежать которую поможет только выселение. Однако в то же время, формировалась и совершенно противоположная точка зрения, автором которой был Н.Я. Бичурин, которая указывала на необычайное историческое и культурное богатство этой страны, характеризующейся своеобразием социально-политической и экономической жизни [6].

Аспекты социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XX вв.

В начале XX в. Китай по прежнему воспринимался как угроза российскому обществу, чему способствовали локальные военные конфликты на российско-китайской границе. Они представляли собой наиболее актуальный предмет описаний, которым были посвящены работа В.В. Голубцова. Однако с конца XIX – начала XX вв. появлялось все больше научных работ, в которых авторы старались учитывать максимально полный набор информации о российско-китайском взаимодействии, что было основанием для публикаций, уделяющих внимание не только угрозам, но и позитивным сторонам влияния Китая. Обсуждение проблем социальной безопасности приграничных с Китаем регионов России было затрагивалось такими авторами, как И. Коростовец, В.В. Граве, С.П. Шликевич, анализировавших такие процессы как, китайская миграция и ее политическое и правовое обеспечение, участие китайцев в экономических процессах, протекавших на территории приграничных регионов [7].

В советский период российско-китайское взаимодействие в приграничном регионе описывалось с учетом внутриполитической конъюнктуры, что предполагало критику захватнических планов, как царского режима, так и манчьжурских властей, которую осуществляли такие авторы, как Б.А. Романов и В. Аварин [1]. Совершенно иной образ Китая и последствий его влияния на Россию был создан в это время в среде русских эмигрантов, таких как А. Ачаир, К. Батурин, Вс. Иванов, М. Колосов, А. Несмелов, которые проживая в Харбине, описывали Китай, как страну, сохранившую традиции и мудрость тысячелетий.

В течение 50–80-х гг. в советской историографии на волне возрождения патриотических настроений проводилась последовательная критика китайской имперской политики в дальневосточном регионе, а также китайской исторической школы, что можно проиллюстрировать трудами Е.П. Сычевского, П.И. Кабанова, Б.И. Ткаченко, Е.И. Нестеровой, задачей которых было обоснование защиты государственных интересов России и русского населения в приграничном регионе от имперских притязаний маньчжурских властей, использующих любые средства во имя антирусской борьбы. В частности, концеп-

цию, согласно которой Китай осуществлял политику, нацеленную на провоцирование приграничной напряженности и последующий захват российских территорий, защищала Н.М. Калюжная, занимавшаяся описанием маньчжурского фронта на рубеже XIX–XX вв. [9].

В 70–80 гг. XX в. исследования российско-китайского взаимодействия изменили свою однозначную направленность и стали включать в себя различные аспекты анализа социальной безопасности. Например, в контексте концепции, предполагающей возможность равноправного политического, экономического взаимодействия между китайской и российской сторонами, что проявилось в особом внимании уделяемом проблеме делимитации границы, которая обсуждалась в трудах Е.П. Бажанова, Е.Д. Безпрозванных, В.С. Мясникова, Н.В. Шепелевой, Г.Н. Романовой, А.А. Прохорова, М.И. Сладковского, Ф.В. Соловьева [12]. При этом, несмотря на то, что опубликованные этими авторами труды, содержат значительное описаний угроз со стороны Китая, непосредственно о социальной безопасности отечественные исследователи стали писать только после 90-х гг. XX в.

Тематика социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI вв.

В это время проблема социальной безопасности, описывается в контексте анализа истории российско-китайского взаимодействия в контексте двух противоположных точек зрения. Во-первых, ряд авторов обратился к теме российско-китайского взаимодействия в рамках которой был обоснован традиционный подход, согласно которому Китай объявлялся страной, строящей агрессивные планы в отношении приграничных российских территорий. Например, такие авторы, как А.С. Давыдов, А.А. Шаравин, А.А. Храмчихин, В.Г. Гельбрас [2] основывают свой подход на концепции, согласно которой китайские иммигранты представляют собой опасную угрозу, способную принести вред экономике. А также социальной жизни населения приграничных с Китаем регионов.

Этой точке зрения противостоит мнение исследователей, таких как С.Н. Гончаров, В. Кашин, Н.А. Самойлов, В.И. Дятлов, В.С. Мясников, В.Г. Дацышен, которые рассматривая причины напряженности между русскими и китайцами в контексте концепции, оценивают российско-китайское взаимодействие как взаимовыгодный процесс, включающий совместное обсуждение и поиск решение пограничных, военных, политических, экономических, культурных проблем. Данный подход обусловлен влиянием концепции диалога культур России и Китая, которая разрабатывалась на примере России и Китая в трудах А.В. Лукина, А. Маслова, М.Л. Титаренко, С.Л. Тихвинского, А.П. Забияко, А.Г. Ларина, В.Л. Ларина [10], отразивших разнообразные аспекты российско-китайского сотрудничества, а также мнение, согласно которому, действительной угрозой для социальной безопасности приграничных с Китаем регионов является кризис и тенденции дезинтеграции в рамках самого российского государства

Концепцию, которая раскрывает специфику китайского влияния на развитие социальной сферы приграничных российских территорий, развивает ряд современных исследователей российско-китайского взаимодействия, таких, как А.Д. Виноградов, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева, Э.Д. Пивоваровой, рассматривающих аспекты социального уровня экономических и политических отношений между этими странами. Проблемы, которые сопровождают процесс взаимодействия между Китаем и Россией в рамках региональной интеграции рассматриваются в работах Е.Б. Михайленко и А.В. Лукина [11]. Анализ факторов гармоничного развития социальной системы региона российско-китайского приграничья, включая аспекты социальной безопасности, проведен в работах В.А. Абрамова и Н.А. Абрамовой, Т.Н. Кучинской, В.С. Морозовой, Т.Е. Бейдиной, где выделяются социальные и культурные

факторы гармоничного развития социального пространства регионов, в контексте концепции «социальной гармонии» [15].

В связи с распространением точки зрения о том, что реальное китайское влияние не представляет значимой угрозы для социальной безопасности прилегающих российских территорий, среди российских исследователей стала разрабатываться постмодернистская концепция о том, что на формирование социальной безопасности среди приграничного населения оказывает влияние распространение целенаправленно сконструированной информации о Китае. Согласно этой концепции, формирование общественное мнение в отношении угроз со стороны Китая, является важнейшим фактором, оказывающим влияние на весь ход развития системы социальной безопасности [17]. Учитывая то, насколько подвержены массовые представления информационному влиянию их анализ стал представляться наиболее актуальным, в силу того, что, как правило, они не существуют вне целевых информационных практик различных субъектов социального действия не только в России и Китае, но и вне этих стран. Процессы формирования и распространения целенаправленно организованной и информации о Китае на территории приграничных регионов анализируются в трудах Е.И. Кычанова, Ю.Г. Благодер, А.В. Островского, А.В. Лукина [11]. Они указывают на наличие информационного воздействия, которому, как пишет В.Л. Ларин [10], подвержено население приграничных Китаю российских территорий. Согласие с этой точкой зрения выражается в публикациях Я.М. Бергера, П.Б. Каменнова, М.Ф. Кефели, А.Ф. Клименко, С.Г. Лузянина, О.В. Мигуновой, С.Л. Тихвинского, А.В. Жукова [8], где разрабатывается концепция складывания синофобской социальной обстановки под влиянием информации о «желтой угрозе».

В целом, необходимо отметить, что проблемы социальной безопасности в регионах российско-китайского приграничья представляют традиционное направление для российской социально-философской мысли, традиционно нацеленной на формирование комплексного знания о социальном развитии этих территорий, факторах развития системы безопасности жизнедеятельности, влиянии на эту систему глобализационных и региональных изменений. Проведенный анализ показал, что российские исследователи проблем российско-китайского взаимодействия в приграничных регионах выделяют в качестве ведущих факторов, такие как социально-экономическая интеграция, разрешение социальных проблем и противоречий в рамках российского социального пространства, формирование региональной идентичности и самосознания. Однако в рамках отечественных исследований пока отсутствует четкое понимание закономерностей складывания социальной безопасности региона российско-китайского приграничья, что делает актуальным социально-философское моделирование данного процесса с учетом представленных в исследовательской литературе факторов, позитивно или негативно влияющих, как на реальное становление социальной безопасности, так и на общественное сознание населения приграничных российско-китайских регионов.

Проведенный анализ показывает, что моделирование социальной безопасности приграничного российско-китайского региона должно отражать влияние таких объектных факторов, традиции сосуществования разных социальных групп в рамках регионального пространства; современные условия политического взаимодействия и экономической интеграции на уровне приграничного региона; уровень социального регулирования, включающего распределение социальных ресурсов и развитие уровня общественного благосостояния на уровне российских регионов. Вместе с этим оно зависит от распространенных в регионе благодаря современному информационному воздействию ценностей и представле-

ний, влияющих на формирование общественной оценки социальной безопасности.

Выводы

Несмотря на то, что социальная безопасности в регионах российско-китайского приграничья стала предметом исследований российских исследователей только в XXI в., публикации XVII–XIX в. содержат значительное количество описаний китайского влияния, признаваемого в качестве ведущего фактора формирования социальной безопасности этого региона. В этот период отечественные авторы давали разнонаправленные оценки социальной безопасности приграничных Китаю территорий, среди которых одна группа указывала преимущественно на негативные последствия российско-китайского взаимодействия, другая конструктивно подходила к анализу последствий российско-китайского взаимодействия для социальной безопасности регионов приграничья.

Причиной распространения негативных оценок влияния Китая на российское общество в XX вв. было противостояние с китайским государством, которое воспринималось как политический и экономический субъект, противостоящий присоединению к России обширных территорий Восточной Сибири, Приамурья и Дальнего Востока. Это противостояние понималось как объективный факт и его преодоление виделось в организации системы защиты от угрозы, которую несло с собой все связанное с Китаем.

Значительно большее внимание проблеме социальной безопасности уделяют современные исследователи, которые оценивают российско-китайское взаимодействие в контексте «алармистской» и «прагматической» концепции Однако противоречия между ними не позволяют однозначно решать вопросы сущности, складывания, функционирования и развития системы социальной безопасности приграничных с Китаем регионов. Поэтому перспективы дальнейшего исследования должны включать разработку системного анализа социальной безопасности приграничных с Китаем регионов России, включая рассмотрение системы факторов, условий и последствий развития российско-китайского взаимодействия, что позволит выявить общие закономерности развития общества в условиях регионализации; определить стратегию развития российского общества в условиях российско-китайского приграничья.

Литература

1. Аварин В. «Независимая» Манчжурия. Л.: Партиздат, 1934. 153 с.
2. Гельбрас В.Г. Китайская трудовая миграция в Россию: что она сулит нашей стране // Азия и Африка сегодня. 2016. № 5 (706). С. 50–54.
3. Жуков А.В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. … докт. филос.н.: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
4. Жуков А. В., Жукова А.А. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 1 (104). С. 120–128.
5. Жуков А. В., Жукова А.А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкальского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–1 (41). С. 54–58.
6. Жуков А. В., Жукова А.А., Власова К.Е. Возрождение национальной культуры и процессы миграции среди немцев в Забайкальском крае // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 87–96.
7. Жуков А.В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государствен-

ного университета. 2010. № 2 (59). С. 129–136.
8. Жуков А.В. Религиозная безопасность, как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4 (86). С. 66–71.
9. Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978. 363 с.
10. Ларин В. Л. «Китай – очень непростой партнер, который всегда знает и жестко отстаивает свои интересы», беседа с академиком РАН В.Л. Лариным // Запад – Восток – Россия 2019. Ежегодник. Москва, 2020. С. 9–12.
11. Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59.
12. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
13. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
14. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World. Abington: Routledge, 2016. Pp. 33–55.
15. Kononov, S. V., & Zhukov, A.V. The philosophy of security n the globalizing culture system. Journal of History Culture and Art Research. 2020. 9(3). Pp. 415–422.
16. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. Review of International Studies. 2016. 42 (5). Pp. 521–839.
17. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10003.

CONCEPTUALIZATION OF THE ESSENCE OF IDEAS ABOUT THE SOCIAL SECURITY OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER AREA IN THE DOMESTIC SCIENTIFIC DISCOURSE

Gavrilova Ju.V., Kononyon S.V., Shevchenko M.S.
Russian University of Economics G.V. Plekhanov, Far Eastern Higher Officer Command School named after Marshal Soviet Union K.K. Rokossovsky, Transbaikal State University

The purpose of the study is to conceptualize the essence of the ideas about the social security of the regions of the Russian-Chinese border in the domestic scientific discourse dedicated to Russian-Chinese interaction. The novelty of the article lies in fixing the contradictions between the concept, according to which any actions of the Chinese are considered by the threat to Russian society, and the concept, according to which China's influence contributes to the development of the social infrastructure of the border regions. The author first draws attention to the fact that one of the factors of social security of the Russian-Chinese border, is the content of research concepts that form images of the "threat of China" or the images of "equal interaction" with China. The result of the article is the proposal of the social security model of the Russian-Chinese border, where the dynamics of the influence of the threat factors, factors of constructive interaction, and the factors of the influence of China would be taken into account.

Keywords: Social security, border region, Russian-Chinese border, "Threat of China", Russian-Chinese interaction.

References

1. Avarine V. «Independent» manchuria. L.: Partisdat, 1934. 153 p.
2. Gelbras V.G. Chinese Labor Migration to Russia: What she promises our country // Asia and Africa today. 2016. No. 5 (706). P. 50–54.
3. Zhukov A.V. Religious myth-making in the ordinary religiousness of the population of the Baikal region: Diss. … dot. Form N.: 09.00.14. Chita, 2011. 372 p.
4. Zhukov A.V., Zhukova A.A. Factors of the reception of the Mythological images of China in the mentality of the population of Transbaikalia // Vestnik of the Trans-Baikal State University. 2014. No. 1 (104). P. 120–128.

5. Zhukov A. V., Zhukova A.A. The reasons and factors of the emergence and dissemination of the mythological images of China in the population of the Trans-Baikal Territory // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. № 3–1 (41). P. 54–58.
6. Zhukov A. V., Zhukova A.A., Vlasova K.E. Revival of National Culture and Migration Processes among Germans in the Trans-Baikal Territory // News of the Irkutsk State University. Series: Political Science, Religious Studies. 2015. T. 11. P. 87–96.
7. Zhukov A.V. Religiosity, subjectivism and design of the concepts of religious personality // Bulletin of the Chita State University. 2010. № 2 (59). P. 129–136.
8. Zhukov A.V. Religious safety, as a subject of scientific discourse in the post-Soviet Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2017. № 12–4 (86). P. 66–71.
9. Kalyuzhny N.M. The uprising of Egoani (1898–1901). M.: Science, 1978. 363 p.
10. Larin V. L. «China is a very difficult partner who always knows and harsh defends his interests,» the conversation with Academician RAS V.L. Larin // West – East – Russia 2019. Yearbook. Moscow, 2020. P. 9–12.
11. Lukin A.V. Russia and China in Big Eurasia //
18. Policy. Political research. 2020. No. 5. P. 46–59.
12. Solovyov F.V. Chinese waste in the Far East of Russia in the Epoch of Capitalism (1861–1917). M.: Nauka, 1989. 124 c.
13. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
14. Fawcett L. Regionalism by emulation: Considerations Across Time and Space // Interregionalism and The European Union. Post-Revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World. Abington: Routledge, 2016. PP. 33–55.
15. Kononov, S. V., & Zhukov, A.V. The Philosophy of Security N The Globalizing Culture System. Journal of History Culture and Art Research. 2020. 9 (3). PP. 415–422.
16. Nyman J. What Is the Value of Security? Contextualising THE Negative / Positive Debate. Review of International Studies. 2016. 42 (5). PP. 521–839.
17. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious Security of the Russian Federation as Reflection Object of the Philosophy and Religious Studies // Matec Web of Conferences. Electronic Edition. 2018. P. 10003.

Постгендеризм в парадигме трансгуманизма на примере идей экстропианства

Хвастунова Юлия Викторовна,
к. филос.н., доцент, кафедра права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет
E-mail: hvastunovoy@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение новейших тенденций в сфере социально–философского анализа гендерного вопроса в современном трансгуманизме, в частности видение постгендеризма в теории экстропианства. Одним из аспектов данной трансформации является модернизация его половой и гендерной идентичности. Трансчеловек и постчеловек откажутся от гендерной конкретики в сторону бесполости или всеполости. *Научная новизна* работы заключается в критическом анализе новейших мифологизированных моделей постгендеризма в экстропианстве. *В результате* исследования выявлена ориентированность трансгуманизма на поддержку существующих нетрадиционных моделей, но не с целью закрепления отстаиваемых прав и свобод меньшинств, а с целью преодоления их и переход в трансгендеризм на новой основе, где все личные вариации выбора гендерной идентификации будут сведены к нулю. По большей части такие (якобы) инновационные разработки базируются на старых околонаучных и оккультных представлениях. Признание трансгуманизму обеспечивают не столько собственные разработки (реальные высокотехнологические инновации) сколько совокупность гуманитарных методик преподнесения «трансгуманистического бренда», где реализуются Hi-Hume технологии по мифологизации сознания и популяризации идеологии трансгуманизма.

Ключевые слова: трансгуманизм; трансчеловек; постгендеризм; экстропианство; New Age.

В статье будут рассмотрены некоторые уже четко обозначившиеся тенденции и предлагаемые модели трансчеловека и постчеловека в контексте его гендерной идентификации. В трансгуманистической теории, а равно и на уровне практической реализации, моделей будущего «цифрового нейрообщества» особняком стоит вопрос пола и гендера. Идеологи время от времени пишут прогнозы относительно будущего гендерной идентификации постлюдей. У всех таких теорий наблюдается сращивание в одной точке–цели – абсолютная бесполость или всеполость (постгендеризм). Параллельно с собственным видением гендерной идентификации в обществе после эры Сингулярности, тема гендера, как на теоретико–научном, так и на политико–культурном уровнях активно используется трансгуманистами для поиска своих единомышленников, а также для апробации некоторых проектов в настоящем времени. Не случайно они активно поддерживают представителей ЛГБТ, биохакинг и «людей – киборгов», виртуальный секс, аватары, партнерство «человек–робот». В статье представлен анализ видения посгендеризма в направлении трансгуманизма – экстропианстве, последнее наиболее ярко представлено в работах Макса Мора (Макс О›Коннор) и Наташи Вита-Мор (Нэнси Кларк). ***Актуальность*** заявленной темы определяется необходимостью критического анализа идей трансгуманизма и отдельных его направлений, имеющих серьезное лобби в западном обществе, на уровне политических программ и проектов, внедряемых в различные сообщества, преимущественно активные и влиятельные, по всему миру. Для выполнения цели выделим следующие ***задачи*** исследования: 1) дать определение базисных методологических принципов трансгуманизма, в том числе на предмет его гендерной идентификации; 2) выделить

представления о трансчеловеке в экстропианстве; 3) критически проанализировать мифологизированные модели будущего постгендерного трансчеловека, в том числе на предмет его духовной сущности.

Теоретической базой статьи являются работы в области трансгуманизма В.А. Кутырева, Р. Курцвейла, Н. Бострома, М. Мора, Н. Вита-Мор [7; 5–6; 1; 11–13; 15]. Исследования гендера в киберреальности и новой этике Д. Кирби [10], вопросы гендерной идентификации в новом цифровом обществе М. Мор и Н Вита-Мор [11–13; 15]. Оккультные и гностические корни современной культуры Э. Дэвис, Д. Кирби [4; 10].

Методы исследования. В статье используются компаративистский метод, анализ документов (интервью, выступления с лекциями Н. Вита-Мор, анализ работ) [8; 12; 15]. Методологический подход к рассмотрению гендерной темы может носить критический метасоциальный характер, поскольку с точки зрения социальной философии данный уровень гендерных проблем и их решение в трансгуманизме становится очевидным.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью изучения и объективного понимания трансгуманизма, поскольку последний реализуется не только на уровне теории, но и в первую очередь на уровне активных проектов, финансируемых как государствами, например США, так и отдельными влиятельными фондами и НКО. Важно понимать, какое будущее, возможно, нас ожидает, и какие тенденции будут реализоваться в отношении человека, радикальная модификация человека, на всех уровнях включая, половой и гендерный формат его сущности.

Еще в XX в. философы и социологи, в частности Э. Гидденс, четко отмечали, что процессы в западном обществе и в том числе на уровне межличностных отношений, где осуществляются реальные и мысленные эксперименты с интимностью, полом и гендером, способны «оказать разрушительное воздействие на современные институты как целое» [2, с. 32].

Гуру трансгуманизма Р. Курцвейл в интервью журналу «Плейбой» высказался о гендерной идентификации в цифровом формате. В качестве методологической и технической основы будущего сознания трансчеловека предлагается некий синтезированный общий субстрат, посредством постоянной связи, включенности в единую сеть всех людей через нейротехнологии, наноботы и т.п. «…наноботы… соединят наш неокортекс с искусственным неокортексом, который представляет собой Всемирную сеть, глобальное файлохранилище. … Пары смогут обменяться телами – чтобы ощутить то, что чувствует партнер. … В виртуальной реальности тебе не обязательно иметь то же тело, что и в обычной жизни. … вы сможете предоставить любимому человеку усовершенствованную версию себя …мы изменим свое понимание о том, что значит быть самим собой» [6].

Некоторые пояснение по вопросам гендера. Согласно гендерной социологии, пол – это биологическая данность, а гендер – культурно–социальная обусловленность. В современной западной культуре и науке постоянно стимулируются условия для формирования четкой привычки экспериментировать, менять свой пол, гендерную идентификацию. Для молодежи они эффективно внедряются через художественную культуру (кино, аниме, музыку) и через компьютерные игры. В трансгуманистической парадигме понятия «гендер» и «пол» размываются. Если с середины XX в. пол – это биологические особенности, а гендер – социальные характеристики человека, то в случае создания трансчеловека и постчеловека произойдет глубокая трансформация, например с помощью генной инженерии, когнитивистики, нейрофизиологии и такие эксперименты, способствующие смешению, утрате четкой идентификации создадут множество проблем. Так если в современной культуре гендер может меняться под воздействием

убеждений, моды, депрессии, хирургической операции, то помноженный на глубокое генетическое и технологическое научное вмешательство гендер (+ пол) спровоцирует создание мутантов–гибридов или сущностей с неясной и непрогнозируемой природой.

В статье будет сосредоточено внимание на конкретном направлении трансгуманизма – экстропианстве, которое продвигает идеи преодоления смерти и болезней, а также возможности ожидания технологий воскрешения посредством крионической заморозки. Центр движения представляет пара: Макс Мор и Наташа Вита-Мор, последняя, посещала с лекцией Россию, как трансгуманистка и дизайнер, известна по проектированию «Primo Posthuman» (Первый постчеловек), разрабатывающая концепцию «brand new human, человек 2.0». В настоящее время Н. Вита-Мор работает в качестве приглашенного исследователя в «Медицина 21 века» (21st Century Medicine (21CM)) – американской компании криобиологических исследований, также работала в Университете Сингулярности, является членом Института по этике и новым технологиям. Выступая в России, она провозгласила: «…Я…хотела узнать, как получить долговечное (durable) тело… Мы больше не будем существовать в биосфере, мы эволюционируем в киберпространство. Мы получим человеко-машинный интерфейс. … Вы можете получить любое тело, какое только захотите. …Человек получит морфологическую свободу (morphological freedom). …Этот совершенно новый человек (brand new human) – пол, возраст не будут иметь значения, важна только личность» [8].

Методологическая основа трансчеловека и постгендеризма. Анализируя многочисленные трактовки трансчеловека в работах идеологов трансгуманизма, следует подчеркнуть, его (трансчеловека) переходный характер, так у Наташи Вита-Мор проект называется «Человек 2.0», а значит, будет 3.0, 4.0 и т.п. Утверждается, что это необходимо для более мягкого или вообще возможного сохранения человеческого вида в будущем. Все чаще подчеркивается, что обычному человеку не выжить в новых условиях. Он не конкурентоспособен по сравнению с цифровыми сущностями и обременен старой моделью этики, которую срочно нужно менять на новые пластичные принципы. Согласно теории Р. Курцвейла, Н. Бострома, М. Мора и Н. Вита-Мор в основе понимания развития мира, общества и человека должна быть положена теория эволюции или точнее теория управляемой эволюции (у экстропианцев «открытая эволюция»), которая реализуется по принципам экспоненциальных скачков. Технологии и в частности цифровые технологии являются ее венцом и должны привести к резкому переходу в эру Сингулярности. Поскольку всё подлежит трансформации, то согласно настоящей логике дигитальной философии трансгуманисты мыслят человека в виде конструкта и/или дизайнеровского проекта. Человек отныне должен не рождаться и воспитываться, а проектироваться, так Н. Вита-Мор создала теорию и постоянно ее корректирует – «Человек 2.0». Рабочим инструментом такой глубокой коррекции должны стать регенеративные технологии и программы конвергенции НБИК технологий. В настоящее время трансгуманизму мешают некоторые силы и обстоятельства. Это, прежде всего болезни, а также невежество и предрассудки, оформленные в догмы. Вышеперечисленное необходимо преодолеть. В качестве новой этики, ее методологического основания предлагается принять установку морфологической свободы «morphological freedom», термин был предложен Максом Мором и А. Сандбергом [см. 11]. Н. Вита-Мор обращается к данному понятию «морфологическая свобода» с 2008 года [см. 8; 12, с. 126] для обоснования «правового» подхода, который в будущем будет гарантировать трансформированным сущностям их права. Морфологическая свобода означает право, как изменять себя, свое тело, так и право оставлять его неизменным исходя из собственных жела-

ний и предпочтений. Морфологическая свобода также усиливается принципом проактивности (он означает предпочтительность риска, инноваций в случаи выбора между ним и принципом предосторожности). Здесь сразу же возникают вопросы, что такое это «я» в состоянии трансчеловека и насколько «мои желания» действительно мои, в силу мощного давления, идеологии и изначальной генетической модификации детей (генная инженерия, нанотехнологии, загрузка сознания) в таком будущем? Уже в теоретических опусах трансгуманисты настаивают на постгендеризме, отсюда «право на коррекцию пола или репродуктивные права» становятся не актуальными или заранее заданными в четком направлении.

Постгендеризм в экстропианстве. Сам язык изложения идей открывает подлинные цели трансгуманизма, их неприятие базисных составляющих человеческой реальности: смерти, жизни, настоящей человеческой природы и традиционных ценностей. Н. Вита-Мор разрабатывает приемлемый дизайн трансчеловека, поясняя «…я сосредотачиваюсь на том, что я называю регенеративным существованием…означает регенерацию клеток, которые в противном случае поддались бы болезни и умерли. Благодаря…использованию биотехнологических методов, таких как терапия стволовыми клетками и другие приложения науки и техники… Будущее должно быть рассмотрено и исследовано с помощью трансдисциплинарного подхода и практики открытой эволюции. При объединении этих методов становится очевидным, что концепция проектирования будущего человека не только правдоподобна, но и будет пользоваться большим спросом примерно в 2025 году. …Десять лет назад я разработала прототип будущего Human 2.0, который был задуман путем оценки потенциала новых технологий, особенно технологий NBIC… Лучшая система безопасности на ближайшие несколько десятилетий – это крионика, которая для человека 2.0 будет социально признана приемлемой альтернативой смерти…» [15, с. 3]. У экстропианцев нет по–настоящему новых идей, даже названия не новы, а лишь повторяют общую тенденцию цифровизации (2.0, 3.0 или 3+ или 3++ и т.п.) и интерпретацию открытых и «гипотетических» технологий. Предполагается программа конвергенции НБИК технологий через иммерсивные технологии – создать «совершенное» бесполое существо, по сути, гибрид. Трансгуманисты лукавят о том, что без тела в цифровой виртуальной реальности будет комфортно и хорошо, всегда нужен носитель, и более того, нас заманивают в систему компьютер–мозг как расширение для нас, а реально – это сужение человека до ограниченной машины.

«В моделируемых средах «Человек 2.0» будет жить бок о бок с синтетическими интеллектуальными агентами. Это взаимодействие не только переопределит человеческие черты индивидуальности… крионика станет мейнстримом, как только социальная инженерия…приведет общество к принятию возможности экстремального продления жизни как…жизнеспособное решение жить дольше» [15, с. 7–8]. Кто эти интеллектуальные агенты? Уже сейчас не вызывает энтузиазма требование приспосабливаться и подчиняться воле программистов, алгоритмам программы, но если сюда безапелляционно включатся некие агенты, то например в гендерно–половом плане человек должен будет реагировать/ контактировать с синтетическими агентами, а последние могут иметь в разы большую степень агрессивности, назойливости, извращенности. Такой, по сути, кошмар, как феномен виртуального иммерсивного инфернального насилия монстрами и гибридами станет новой реальностью для транслюдей.

М. Мор и Н. Вита Мор пишут «Новая форма для человечества подразумевает очень фундаментальный разрыв с основанным на ДНК определением homo sapiens. … Рост трансгендеризма предоставляет социобиологам доказательства нового вида. Важной частью сигнатуры большинства видов является

характерно гендерно-диморфное поведение их представителей. Однако благодаря культуре и технологиям люди оставляют эти гендерные диморфные модели поведения позади, поскольку они начинают ценить безграничную уникальность своей половой идентичности. По мере того как наше творчество расцветает, мы превращаемся из homo sapiens в persona creatus. Величайшая катапульта для человечества в новый вид лежит как раз за горизонтом событий трансгендеризма. Основываясь на нашей быстро ускоряющейся способности наполнять программное обеспечение человеческой личностью, автономией и самосознанием, движение "трансгуманистов" присоединилось к трансгендеристам, призывая к запуску persona creatus. Основная трансгуманистическая концепция заключается в том, что человеку не нужно иметь плотское тело… Человечность находится в уме, так же как и половая идентичность. По мере того как программное обеспечение становится все более способным мыслить, действовать и чувствовать как человек, к нему следует относиться как к человеку и приветствовать как члена технологического вида persona creatus. …новые цифровые люди могут быть созданы путем объединения некоторых наших программ с некоторыми программами нашего партнера. Вуаля, есть плодовитое потомство, и вид persona creatus жив… Таким образом, свобода пола-это врата к свободе формы и к взрыву человеческого потенциала. Сначала приходит осознание того, что мы не ограничены нашей анатомией. Затем приходит осознание того, что мы вовсе не ограничены нашей анатомией» [12, с. 459–460].

«Аватары – это чисто программные конструкции …Аватар, чье программное обеспечение и связанная с ним база данных были в значительной степени копией основных воспоминаний и мыслей человека из плоти… Сексуальность Аватара – это ключевой мост от трансгендера к трансчеловеку. …половая идентичность безгранична в разнообразии и отделима от воспроизводства…человек без физической формы может мирно жить …*Разрыв связи* между полом и гениталиями открыл канал между личностью и формой. Как только мы осознаем, что наша сущностная сладость находится в нашем сознании, и что каждый из нас обладает уникальным потенциалом жизненного пути, не полностью привязанным к определенному телом маршруту, тогда быть трансчеловеком так же разумно, как быть трансгендером. Быть лучше, чем быть геномным» [12, с. 460–461]. Вышеприведенные фантазии полны логических несостыковок, наподобие «ощущать себя человеком», но не значит быть им. Такие детские аналогии, по принципу одушевления компьютера и переноса своих чувств на машину позволяют трансгуманистам выписывать фантастические сценарии. Даже у людей – трансгендеров, особенно тех, кто сделал операцию в подростковом возрасте много проблем, они вечные жертвы гормональных препаратов, психотерапии и т.п., а здесь пишется в розовых тонах об интимности и постгендеризме аватаров и программ.

Далее экстропиацы рассуждают о дальнейшей судьбе уже многочисленных цифровых копий–сущностей с различной степенью мутации или доли загруженного сознания реального человека. Они предлагают понятие «инстанциация» (Instantiation), т.е. реализация или реализованный экземпляр, созданный экземпляр или экземплярная реализация. «Какой экземпляр человека – это человек, а какой – кто-то другой? «Инстанциация» означает временную или постоянную форму, принятую бытием человека – его основными воспоминаниями, чувствами и способами мышления о жизни. …технология «загрузки разума» позволят дублировать себя вне тела. Этот дубликат (или трипликат …) самого себя – это новый экземпляр самого себя. …можно было бы устроить так, чтобы один или все ваши экземпляры регулярно синхронизировались так, чтобы переживания одного были переживаниями всех. В этом случае мы перейдем в трансчеловеческую область

«одного разума, многих форм (one mind, many forms)» [12, с. 461]. Это якобы гарантирует существование сознания после смерти тела и возможность получать удовольствие одновременно в разных формах и местах. Но такая раздвоенность (расстроенность и т.д.) также гарантирует умножение проблем, утроение боли, хаоса, а если случатся сбои с синхронизацией, например в случаи вируса, то возможна такая уже цифровая болезнь или смерть будет ничуть не легче физической смерти. Итог, очередной мифологизированный лозунг социальной инженерии постгендеризма – «Один ум, много форм», где путь трансгендеров как совокупность «одного ума многих мужчин и женщин» [12, с. 461].

Интересно, что в западном постмодернизме столько сделали ради искоренения понятий «субъект», «человек» из философских построений, чтобы в итоге заменить личность на «экземпляр/реализацию». Действительно это уже не личность и соответствующего пиетета ей ожидать не приходится. Но как реально гарантировать даже законодательно, а тем более генетически и виртуально такую обязательную установку? Никак! Здесь мифологизация просматривается на нескольких уровнях: 1. Экстропианская фантастическая футурология, которая не понимает настоящего реального положения дел в сфере ИИ, робототехники; 2. Незнание или специальное игнорирование (не говорят людям, встречается понятие «биомасса») о двойных стандартах и «благах» лишь для элиты за высокую цену и жертвенность остальных; 3. Понимания природы человека, в научном плане через редукцию – сведения всего человека к нейронной активности и якобы, если возможно 100% картографирование сканирования мозга, а значит, возможно, загрузить человека в сеть; 4. Гностическое, манихейское и оккультное понимание тела, телесности, сущности человека (гностицизм и технологическое либертарианство).

Далее идут рассуждения в пределах настоящего земного общества о будущем трансчеловека и его правах, где предлагается оставить это в сфере компетенции сертифицированных психологов, способных адекватно фиксировать наличие сознания у любой сущности. Если такой сертификат будет получен, то задокументированная сущность будет пользоваться всеми благами, недоступными обычным смертным!? Цифровой учет и власть таких специалистов или программ сертификации станет глобальной.

Признаком хорошего тона на Западе считается обращение к работам современных женщин–ученых и здесь можно сослаться на передовых исследовательниц вопросов гендера в русле постмодернизма и феминизма, например Рози Брайдотти, написавшую специальную работу по постчеловеку [14]. Один из вопросов, поставленных в книге – новые формы субъективности у постчеловека. Р. Брайдотти совершенно не случайно подчеркивает печальные следствия сложившейся ситуации в западном мире как доминирование «…антиинтеллектуализма … банальности корысти» [14, с. 4] Она также видит, что «…в постчеловеческом есть мрачный оттенок» [14, с. 5]. И действительно, если усматривается «мрачность» уже сейчас, что же ожидает в процессе реализации? Все трансгуманистические поверхностные идеологизированные построения она обозначает как «трансгуманистический бред трансцендентности» [14, с. 197]. Ее позиция «Постчеловеческий кочевой субъект материалистичен и виталистичен, воплощен и встроен – он прочно находится где-то, согласно радикальной имманентности «политики местоположения»» [14, с. 188].

Мифологизированные модели постгендерного трансчеловека и его духовные основания. Все эти сверхновые технологические проекты основываются на старых оккультно–алхимических идеях, так постгендеризм уходит корнями в представления о гермафродитах и андрогинах. Макс Мор и Наташа Вита-Мор тяготеют в духовном плане к идеям сатанизма и оккультизма.

Поэтому не следует понимать их слова буквально или односложно. Типичная оккультная двойная подача информации (для профанов и посвященных) работает здесь на всех направлениях. Так если Н. Вита-Мор говорит о свете и свободе, вспоминаются «Принципы экстропии» М. Мора, где он четко отсылает к источнику света – Люциферу [13].

В недавней статье Поликарпова Е.В. упоминает о книге Э. Дэвиса, «раскрывающей архетипическую связь между современной информационной парадигмой и мифологией гностицизма. …Э. Дэвис показал, как сам язык информационного общества формирует и трансформирует различные аспекты современной духовной жизни, как расширение границ термина «информация» придает ему «мистический ореол бестелесности» [4, с. 120] и как оторванная от своего материального носителя абстрактная информация «стала… фетишем и логосом одновременно» [Там же]. Становление информационной парадигмы в гуманитарных науках приводит к формированию картины «бестелесного “я”», в которой идентичность интерпретируется «как паттерн информации» [Там же, с. 130], что не только возвращает к манихейскому и гностическому дуализму духа и материи, но и открывает путь идеям трансгуманизма (перенесение сознания в компьютер, киборгизация и т.п.)» [9, с. 194]. Но человек – это целое и единое, таинственное существо, его нельзя расщеплять как конструктор и складывать, как пазл, это уже будет не человек, а робот, куски мертвой плоти и убитого или расщепленного духа или хаотичного сознания.

Также такую четкую связь современной культуры и трансгуманизма (активно осваивающего цифровые просторы культуры), подчеркивает Д. Кирби, специально разработав термин «оккультура». Occulture – это современная культура, слитая с оккультизмом на уровне массового сознания и репрезентаций, включающая в себя «альтернативное целительство, астрологию, употребление наркотиков, нео-шаманизм, технопаганизм, уфологию, поклонение демонам и экодуховность, среди многих других практик и идеологий» [10, с.13].

Выводы. Итак, в ходе исследования выявлена ориентированность трансгуманизма на поддержку существующих нетрадиционных моделей «меньшинств», но не с целью закрепления отстаиваемых прав и свобод, а с целью преодоления их и перехода в трансгендеризм на новой основе, где все личные вариации выбора гендерной идентификации будут сведены к нулю. Если реализуется схема «Один ум, много форм» как путь трансгендеров в постгендеризм, когда якобы возникнет вынужденная адаптация к нескольким полам и, в конечном счете, к нескольким формам в отдельных индивидуумах, то никакого личного пространства ни у кого не останется. Отсюда все «заботы» о правах и удовольствиях трансгуманистов также предстают несбыточными и бредовыми. По большей части такие (якобы) инновационные разработки базируются на старых околонаучных и оккультных представлениях и практиках. Так и анализ биографии, опубликованных работ, бизнеса эстропианцев и косвенные данные о поддерживаемых программах однозначно подчеркивают яркий идеологический воинствующий формат – долой традиционные ценности, мировые религии, национальные государства, гетеросексуальность, стариков и больных. Да здравствует, человек–адрогин, гермафродит, максимально раскрепощенный и в конечном итоге бесполый, бездетный сверхчеловек. М. Мор и Н. Вита-Мор – это давние популяризаторы оккультно–гностических идей, помноженных на научный эволюционизм и иммортологию.

Итак, что ожидает человека? Превращение в артефакт, алгоритм, файл, программу в мире виртуальной реальности без тела и четкой идентификации? Человек будет не рождаться, а воспроизводиться под конкретным товарным знаком или фирменной маркой, радикальная перемена стратификации

общества будет обеспечена, поэтому уже сейчас Н. Вита-Мор разрабатывает дизайн тела трансчеловека. Сформируются все более четкие критерии, а те, кто станет их разрабатывать и оценивать создадут анклав «нейробиовласти», станут высшим институтом новой этики и стандартов модификации человека. Человек естественный, со свойствами изначального пола, старения, произвольного спонтанного рождения будет однозначно в эстетических критериях оценен как уродливый и ущербный. Рост популярности трансгуманизму и экстропианству обеспечивают не столько собственные разработки (реальные высокотехнологические инновации, например технология воскрешения умершего или переход в бесполое состояние) сколько совокупность гуманитарных методик преподнесения «трансгуманистического бренда» в массовой культуре, именно здесь мы видим реальную работу Hi-Hume технологий (социальной инженерии). Они представляют собой уникальное сочетание социогуманитарных технологий, способных воздействовать на сознание и менять поведение, мотивацию человека. Другими словами, современный уровень манипулятивных технологий, спрятанных за красивым названием «Hi-Hume» «нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им» [3, с.52]. Одним из таких трендовых направлений становится продвижение программ конвергенции НБИК технологий. Когда гуманитарная концепция подкрепляется информационной и нейрофизиологической составляющими. В эру интернета, цифровизации и айфонов Hi-Hume реализуются быстрее и масштабнее. На методологическом уровне глубоко проработал и показал гностические основы культуры Э. Дэвис в концепции техногнозиса, а Д. Кирби ввела специальный термин для современной культуры «оккультура», занимаясь преимущественно анализом религиозности в цифровой среде и современной массовой культуре. Российский философ Поликарпова Е.В. справедливо подчеркивает, что такие методологические основания неминуемо приводят к утверждению, в том числе трансгуманизма. Другими словами идеология трансгуманизма и постгендеризма строится на все тех же старых оккультных гностических идеях. Возвращаясь к теме посгендеризма, именно в оккультных системах прошлого активно разрабатывалась и подвергалась эксперименту половая и гендерная стороны человеческой природы. Демонические боги и духи, как правило, имеют амбивалентную природу гермафродита, а их служители активно играли роль полового партнера, причем как в традиционном смысле, так и в не свойственной себе роли (жрец исполнял роль возлюбленной). Теперь такие явления переходят из закрытой эзотерической сферы в публичную и массово внедряются и популяризируются посредством кино, мультипликации, музыки, компьютерных игр. Ээзотеризм стал платформой для ряда трансгуманистический «инноваций». Экстропианство активно поддерживает современные тенденции совершенствования человека в сторону постгендеризма. Современные российские философы подчеркивают такое явление как мифологизация сознания, в контексте нашей темы необходимо говорить о тотальной мифологизации пола и гендера, которую активно осуществляют трансгуманисты и экстропианство в частности. Необходимо и дальше, применяя критический анализ, изучать предлагаемые альтернативы радикальной трансформации человека, выявлять «фантастические» абсурдные и губительные проекты, а также подлинные цели и смыслы в «двойных и туманных» построениях трансгуманистов.

Литература

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности / Перевод с английского. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.

3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003.
4. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитонова. Екатеринбург: Ультра; Культура, 2008. 480 с.
5. Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы [Электронный ресурс] / пер. с англ. Т. Мосолова. URL: https://www.rulit.me/books/evolyuciya-razuma-read-450786–1.html (дата обращения: 12.06.2018).
6. Курцвейл Р.: Люди смогут обмениваться телами и жить вечно [Электронный ресурс] / Сайт журнала Плейбой 17.09.2016 URL: https://playboyrussia.com/chtivo/dzhozef-gordon-levitt-ya-dolgo-dumal-o-nedostatkakh-onanizma-7274/(дата обращения: 23.12.2020).
7. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с. – (Серия «Тела мысли»).
8. Научно-популярный сатанизм. Под видом помощи людям с ограниченными возможностями Секспросвет и пропаганда извращений/ сайт Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/07/06/nauchnopopulyarnyj_satanizm/(дата обращения: 20.02.2021).
9. Поликарпова Е.В. Цифровизация образования: миф многозадачности // Манускрипт Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 197–203. ISSN 2618–9690. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.36
10. Kirby D. Fantasy and Belief: Alternative Religions, Popular Narratives and Digital Cultures. . L.: Equinox, 2013. 194 p.
11. More M. Technological Self-Transformation: Expanding Personal Extropy (Extropy #10, vol. 4, no. 2) (англ.): journal. – 1993.
12. More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition. Published May 6th 2013 by John Wiley & Sons (first published February 28th 2013) ISBN 1118334310 (ISBN13: 9781118334317) 460 p.
13. More M. In praise of the Devil [Электронный ресурс] // Libertarian Aliance. Atheist Notes. 1991. № 3. URL: http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf (дата обращения: 07.02.2021).
14. Rosi Braidotti The Posthuman. Polity Press, 65 Bridge Street Cambridge CB2 1UR, UK Polity Press, 2013. 229 p.
15. Vita-More N. Designing Human 2.0 – Regenerative Existence Article in Artifact ·September 2008 Artifact 2 (3–4) pp.145–152. DOI: 10.1080/17493460802028542

POSTGENDERISM IN THE PARADIGM OF TRANSHUMANISM ON THE EXAMPLE OF THE IDEAS OF EXTROPIANISM

Khvastunova Ju.V.
Gorno-Altaisk State University

The purpose of the article is to consider the latest trends in the field of socio-philosophical analysis of the gender issue in modern transhumanism, in particular, the vision of postgenderism in the theory of extropianism. One of the aspects of this transformation is the modernization of his gender and gender identity. Transhuman and posthuman will abandon gender specificity towards sexlessness or all-sexuality. The scientific novelty of the work lies in the critical analysis of the latest mythologized models of postgenderism in extropianism. As a result of the study, the orientation of transhumanism was revealed to support existing non-traditional models, but not with the aim of consolidating the defended rights and freedoms of minorities, but with the aim of overcoming them and the transition to transgenderism on a new basis, where all personal variations in the choice of gender identification will be reduced to zero. For the most part, such (supposedly) innovative developments are based on old pseudoscientific and occult concepts. Recognition of transhumanism is provid-

ed not so much by our own developments (real high-tech innovations) as by a set of humanitarian methods of presenting a "transhumanist brand", where Hi-Hume technologies are implemented to mythologize consciousness and popularize the ideology of transhumanism.

Keywords: transhumanism; transhuman; postgenderism; extropianism; New Age.

Reference

1. Bostrom N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / per. from English S. Filina. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p.
2. Giddens E. Transformation of intimacy / Translated from English. – SPb.: Peter, 2004. – 208 p.
3. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. SPb.: Rech, 2003.
4. Davis E. Technognosis: myth, magic and mysticism in the information age / per. from English S. Kormiltseva, E. Bachinina, V. Kharitonova. Yekaterinburg: Ultra; Culture, 2008.480 p.
5. Kurzweil R. Evolution of reason. How to expand the capabilities of our mind will allow us to solve many world problems [Electronic resource] / per. from English T. Mosolova. URL: https://www.rulit.me/books/evolyuciya-razuma-read-450786–1.html (date accessed: 12.06.2018).
6. Kurzweil R. People will be able to exchange bodies and live forever [Electronic resource] / Site of Playboy magazine 09/17/2016 URL: https://playboyrussia.com/chtivo/dzhozef-gordon-levitt-ya-dolgo-dumal-o- nedostatkakh-onanizma-7274 / (reference date: 12.23.2020).
7. Kutyrev V.A. The last kissing. Man as a tradition. – SPb.: Aleteya, 2015. – 312 p. – (Series "Bodies of Thought").
8. Popular science Satanism. Under the guise of helping people with disabilities Sexprosvet and propaganda of perversions / site Russian folk line [Electronic resource]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/07/06/nauchnopopulyarnyj_satanizm/ (date of access: 20.02.2021).
9. Polikarpova E.V. Digitalization of education: the myth of multitasking // Manuscript Tambov: Certificate, 2020. Volume 13. Issue 10. P. 197–203. ISSN 2618–9690. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.36
10. Kirby D. Fantasy and Belief: Alternative Religions, Popular Narratives and Digital Cultures.. L.: Equinox, 2013. 194 p.
11. More M. Technological Self-Transformation: Expanding Personal Extropy (Extropy #10, vol. 4, no. 2) (англ.): journal. – 1993.
12. More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition. Published May 6th 2013 by John Wiley & Sons (first published February 28th 2013) ISBN 1118334310 (ISBN13: 9781118334317) 460 p.
13. More M. In praise of the Devil [Электронный ресурс] // Libertarian Aliance. Atheist Notes. 1991. № 3. URL: http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf (дата обращения: 07.02.2021).
14. Rosi Braidotti The Posthuman. Polity Press, 65 Bridge Street Cambridge CB2 1UR, UK Polity Press, 2013. 229 p.
15. Vita-More N. Designing Human 2.0 – Regenerative Existence Article in Artifact ·September 2008 Artifact 2 (3–4) pp.145–152. DOI: 10.1080/17493460802028542

Феномен китайской «полуурбанизации» и его влияние на сельское образование

Чжан Цзе,
аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: galya66888@mail.ru

Особенности урбанизации в Китае обусловлены ее поздним началом и стремительным развитием, что привело к появлению феномена «полуурбанизации». В рамках статьи рассмотрена национальная специфика китайской «полуурбанизации», выявлено ее влияние на сельское образование. Эмпирическое исследование основано на применении метода социального опроса, участие в котором приняли сельские китайские жители. В статье делается вывод о том, что урбанизация играет важную роль в формировании образовательной среды. Она ведет к потоку обучающихся от периферии к основной городской культуре, в результате чего учениками осваиваются ее ценности, что обладает определенной полезностью для дальнейшего развития урбанизации в стране, помогая более легко адаптироваться к условиям городской среды. Тем не менее, происходит утрата детьми сельскохозяйственных навыков и опыта их родителей, что приводит к социальной трансформации современного общества.

Ключевые слова: урбанизация, полуурбанизация, проблемы, сельское образование, Китай.

Нобелевский лауреат по экономике Стиглиц однажды сказал, что «в XXI веке произойдут два основных события, которые повлияют на прогресс человечества: одно – это новая технологическая революция, а другое – урбанизация Китая» [11, с. 36]. Урбанизационные процессы в Китае начались поздно, развивались стремительными темпами и, помимо положительного эффекта, также принесли множество проблем, которые в значительной степени отличаются от проблем урбанизации развитых стран.

Урбанизация Китая привлекает внимание исследователей всего мира, оказывая влияние на человеческий прогресс, по двум основным причинам – ее высокая скорость и масштабность. С 1949 по 1978 гг. темпы урбанизации в Китае росли очень медленно, увеличившись всего с 10,6% до 17,9%. Затем страна вступила на путь реформ и открытости. Правительство осознало необходимость развития урбанизации в стране, что привело к мгновенному увеличению темпов ее роста. По состоянию на начало 2020 г., уровень урбанизации в Китае составлял 60,6%. Данные исследования Глобального института McKinsey [10] показывают, что к 2025 г. около 1 млрд китайцев будут жить в городах. К тому времени в Китае будет около 221 крупных городов с населением более 1 млн чел., в том числе 23 крупных города с населением более 5 млн чел. В настоящее время в Европе всего 35 городов аналогичного размера. Эксперты предсказывают, что Китай вступил в золотой период ускорения процесса урбанизации, отмечая, что к 2030 г. сельское население Китая сократится более чем на треть, а уровень урбанизации достигнет 70% [4].

В декабре 2013 г. прошла Центральная рабочая конференция по вопросам урбанизации, и построение «ориентированной на человека урбанизации»

было преобразовано в национальную стратегию развития [1]. Данное решение можно считать началом нового периода развития урбанизации в Китае. В этих условиях решение проблем негативного влияния урбанизации на состояние социальной среды городов и сел стало еще более актуальным.

Многие исследователи отмечают значительное влияние урбанизации на образование. Так, по мнению Ху Цзюньшэна и Ли Ци, урбанизация оказывает двойственное влияние на образование в сельских населенных пунктах. С одной стороны, она нарушает существующий порядок образования в сельской местности, а с другой стороны, создает возможности для корректировки давно несбалансированной структуры образования между городом и деревней [6, с. 33].

Анализ научной литературы и статистических данных урбанизации в Китае позволяет обнаружить, что для нее характерно развитие феномена «полуурбанизации». Еще в 2006 г. социолог Ван Чунгуан попытался использовать концепцию «полуурбанизации» для анализа социальной интеграции сельских мигрантов в городах. По его мнению, «полуурбанизация» – это промежуточное состояние урбанизации между возвращением в сельскую местность и полной урбанизацией. Оно проявляется в дезинтеграции социальной жизни [3].

Многие исследователи считают, что концепция «полуурбанизации» лучше всего описывает и резюмирует истинное состояние урбанизации в Китае. Для рассмотрения сущности процессов «полуурбанизации» необходимо обратиться к исследованию, проведенному известным социологом К. Поланьи во второй половине прошлого столетия. Согласно его результатам, в истории человечества имеет место две наиболее важные трансформации – от традиционного общества к чистому рыночному, от чистого рыночного общества к регулируемому. В Китае чистое рыночное общество пережило два процесса отделения и внедрения, при этом продолжительность данного процесса была беспрецедентно короткой за всю историю человечества. По мнению К. Поланьи, большую часть исторического времени «либо экономика встроена в социальные отношения, либо социальные отношения встроены в экономическую систему» (Цит. по [5]). Независимое существование чистого рынка неизбежно нанесет определенный ущерб социальной системе и даже культурной системе, а также нанесет ущерб социальной и системной интеграции.

Размышляя о процессе экономической реформы и социальной трансформации Китая, а также об отношениях между сельскими мигрантами и городским обществом на основе теории Поланьи, можно обнаружить, что за последние 40 лет реформ и открытости сельское население Китая, въезжающее в город, всегда считалось чистым трудовым ресурсом, рабочие могли получить неформальную занятость на городском вторичном рынке труда и имели ограниченное участие в городском разделении труда. Существовали определенные трудности с выходом на основной рынок труда, что было обусловлено сложностью подключения к городским социальным, институциональным и культурным системам и интеграции с ними. Исходя из этой идеи, Ван Чунгуан объяснил три составляющих концепции «полуурбанизации»: первое – это несоответствие между различными системами города, которое в основном проявляется в несоответствии между рыночной системой и обществом в Китае; второе – отсутствие баланса между ними, то есть социальное несоответствие проявляется в несовместимости, изолированности и отчужденности между людьми в разных городах на практическом уровне; третье – психологическая изоляция и дискриминация [3]. Это понимание эквивалентно теории Поланьи.

Состояние «полуурбанизации» – это урбанизации, которая не является нормой для развития страны, и его негативное влияние на трансформацию и изменения китайского общества многогранно [7, с. 105]. Из-за разделения домохо-

зяйств и неоднозначности трудящихся-мигрантов в городах трудно гарантировать соблюдение основных прав граждан, права граждан не могут быть разделены: дети трудящихся-мигрантов подвергаются географической дискриминации, а также институциональным барьерам при поступлении в школу [2, с. 86]. По этой причине эта «полуурбанизация» препятствует здоровому развитию урбанизации в стране, оказывая негативное влияние на состояние образования в стране.

Сельское образование, развивающееся в процессе урбанизации, обычно состоит из трех элементов, которые нацелены на разные образовательные цели и категории учащихся:

– старшее поколение рабочих-мигрантов, которые принимают участие в основном в профессионально-техническом обучении для повторного трудоустройства;
– новое поколение рабочих-мигрантов, которые проходят обучение особенностям адаптации к городской жизни, приобретая новые трудовые навыки, а также осваивая стандарты этикета и поведения, принятые в городском обществе;
– третье – базовое образование для сельских учащихся.

Фундаментальной проблемой социального развития является устранение разрыва между городской и сельской местностью. Урбанизация в действительности является революцией, направленной на устранение барьеров между городскими и сельскими районами с точки зрения культурных ценностей. По мнению Ли Цяна, для Китая самая большая проблема заключается в том, как включить сельские районы в процесс модернизации, а не позволить городской цивилизации быть поглощенной сельской культурой [5, с. 23]. Рассмотрим более подробно, какое влияние урбанизация оказывает на базовое образование в сельских районах.

Урбанизация дает возможность для равноправия в сельском и городском образовании. Тем не менее, на сегодняшний день проблема несбалансированности городского и сельского образования продолжает сохранятся, проявляясь в разнице учебного оборудования, среды обучения, качестве педагогического состава образовательных учреждений. По мнению исследователей, эта несправедливость в образовании городов и сельских территорий сформировала две модели – «локализацию» и «урбанизацию».

«Модель локализации» утверждает, что сельское образование должно быть основано на обслуживании сельского строительства. Учебная программа и все учебные процессы должны быть тесно связаны с сельской реальностью, основаны на местных производственных и жизненных потребностях и развивать практические таланты с последовательным обучением и применением в сельских предприятиях и агропромышленности. От Дао Синчжи, Лян Шумина, Янь Янчу до Мао Цзэдуна, а затем и до сегодняшних теоретических кругов образования [9], этот вид теории образования наследовался непрерывно и всегда занимал доминирующее положение. Среди этих революционеров, политиков и теоретиков образования сельские школы первыми развивают таланты для сельского строительства, что вполне оправдано. Поэтому большинство из них придерживаются идеала ведения хорошего сельского образования на базе деревни.

«Модель урбанизации» утверждает, что, исходя из принципа справедливости, сельское образование должно позволять учащимся получать такие же знания, как и получают городские дети, принимать более развитую городскую культуру и воплощать недискриминацию. В контексте урбанизации необходимо делать упор на «сельскохозяйственное образование», а не на местное образование, чтобы помочь учащимся адаптироваться к будущей городской жизни.

В практике общеобразовательных учреждений Китая можно наблюдать, что стремительно развивающийся процесс урбанизации нарушил существу-

ющий порядок сельского образования. В нем произошли беспрецедентные изменения, которые заключаются в потере большого числа учащихся и студентов. Главное противоречие заключается не в том, чему учить и как учить, а в том, кого учат и есть ли ученики, которых нужно учить. В настоящее время большинство учеников направляются в школы в округах и городах, поэтому многие сельские школы опустели. Поэтому согласно «модели урбанизации» основной фронт сельского образования должен постепенно перемещаться из отдаленных и отсталых деревень в центральные или уездные города. Такая «урбанизация» в первую очередь касается въезда в город сельских школьников.

На наш взгляд, «модель урбанизации» соответствует общему пути и потоку сельского населения в город в процессе урбанизации, поэтому она может быть полезна для содействия сбалансированному развитию городского и сельского образования и достижению их баланса.

Для выявления влияния урбанизации на сельское образование, в рамках статьи было проведено эмпирическое исследование, основанное на использовании метода социологического опроса, инструментом которого стала структурированная анкета. Генеральная совокупность исследования представлена сельским населением Китая в возрасте 15–64 лет, и составила 599,39 млн. Выборка была рассчитана как отношение доверительного интервала, взятого в квадрате, умноженного на процент интересующих ответов и на разность единицы и процента, к квадрату доверительного интервала. С учетом доверительной вероятности 95% и доверительного интервала 5%, размер выборки составил 384 чел. Опрос проходил в период с 10 марта по 10 апреля 2021 г. на платформе wjx.com. В ходе опроса были получены следующие основные результаты:

– 55,7% респондентов полагают, что урбанизация способствует сокращению образовательных учреждений в селах;
– 75,3% опрошенных отметили, что урбанизация оказала влияние на образование членов их семей;
– по мнению 24,2% респондентов это влияние является негативным, 71,9% полагают, что влияние урбанизации положительное;
– в 79,2% семей, дети которых получили образование в школах соседних городов и округов, род занятий детей отличается от профессии родителей;
– 6,8% респондентов ответили, что их дети, после обучения в городской школе, вернулись в деревню и занялись делом их родителей.

Эмпирическое исследование показало, что сельское население видит положительным влияние урбанизации на развитие образования в селах, несмотря на то, что более половины опрошенных отметили сокращение образовательных учреждений в деревнях. Опыт китайских семей позволяет выявить, что в 8 из 10 семей профессия детей, обучившихся в городских и окружных школах, отличается от профессии родителей. Лишь незначительная часть учеников возвращается в села и продолжает заниматься занятием своих родителей.

Таким образом, значимость образовательной урбанизации заключается в том, что она не может изменить прошлое, но с ее помощью можно изменить будущее, изменив образовательную среду. Поток студентов из сельской местности в город означает движение от периферии к основной городской культуре, обществу и образованию. Результатом станет революционный сдвиг в способе передачи образования от поколения к поколению – это переход от традиции к современности. Его возможная отрицательная сторона заключается в том, что отъезд детей сельчан приводит к утрате их родителями сельскохозяйственных навыков, опыта, ценностей и другого содержания сельскохозяйственного образования при передаче

из поколения в поколение; но его самым большим преимуществом является то, что социальные изменения в культуре воспроизводства, будущая профессиональная идентичность и социальная принадлежность детей сельчан полностью воспроизводятся из поколения в поколение, независимо от «чужого» имени и «семейного происхождения».

В целом, ожидается, что урбанизация образования приведет к перемещению социальных профессий и классов. В определенной степени это может объяснить причину, по которой у сельчан больше терпимости и одобрения по отношению к феномену упадка сельских школ и процветающему потоку учеников из сельских школ в город, меньше жалоб и сопротивления. Одна из возможных логических гипотез состоит в том, что социальная мобильность может увеличить культурный и социальный капитал сельских детей, тем самым изменив условия их выживания и развития и внеся вклад в совершенствование социальной среды в Китае. В связи с этим, перспективы исследования влияния урбанизации на образования в Китае связаны с выявлением степени значимости фактора урбанизации для качества образовательной среды, а также поиска направлений преодоления негативного его влияния для достижения баланса городского и сельского образования.

Литература

1. В Пекине прошла конференция по вопросам центральной урбанизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.12371.cn/2013/12/15/ARTI1387057117696375.shtml (дата обращения 07.04.2021).
2. Ван Жунмин. Бедственное положение и меры противодействия «полуурбанизации» трудовых мигрантов в новой экономической ситуации // Реформы и открытость. – 2019. – № 4. – С. 85–86.
3. Ван Чунгуан. Эмпирический анализ проблемы «полуурбанизации», с которой сталкивается мигрирующее сельское население в Китае [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sociology2010.cass.cn/cate/1304.htm (дата обращения 12.04. .2021).
4. Ли Цзиньлей. Инвестиционная синяя книга: население малых и крупных городов Китая к 2030 году превысит 1 миллиард [Электронный ресурс] // China News Network. – Режим доступа: http://www.chinanews.com/gn./2013–04–244759316.shtml (дата обращения 01.04.2021).
5. Ли Цян. Активная и пассивная урбанизация // Дайджест Синьхуа. – 2014. – № 4. – С. 23–24.
6. Ху Цзюньшэн, Ли Ци. «Полуурбанизация» с китайскими особенностями и ее влияние на сельское образование // Журнал Университета Яньань (издание по общественным наукам). – 2020. – № 4. – С. 33–41.
7. Хуан Пэнцзинь. «Полуурбанизация» и сельская модель «ближайшей урбанизации» // Управленческие исследования. – 2019. – № 5. – С. 105–113.
8. Чжан Цзе. Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие Китая: корреляционно-регрессионный анализ // Социология. – 2020. – № 5. – С. 344–349.
9. Чэнь Минсин, Е Чао, Лу Дадао. Изучение и построение теоретической коннотации новой урбанизации с китайской спецификой // Acta Geographica Sinica. – 2019. – № 4. – С. 19–33.
10. China and the world Full report June 2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/china/china%20and%20the%20world%20inside%20the%20dynamics%20of%20a%20changing%20relationship/mgi-china-and-the-world-full-report-june-2019-vf.ashx (дата обращения 07.04.2021)
11. Stiglitz J. Globalization and its discontents / J. Stiglitz. – Great Britain: Allen Lane The Penguin Press, 2000. – 320 p.

CHINESE SEMI-URBANIZATION'S PHENOMENON AND ITS IMPACT ON RURAL EDUCATION

Zhang Jie
Moscow State University M.V. Lomonosov

Features of urbanization in China are due to its late onset and rapid development, which led to the emergence of the phenomenon of "semi-urbanization". Within the framework of the article, the national specificity of the Chinese "half-urbanization" is considered, its influence on rural education is revealed. The empirical study is based on a social survey method, in which rural Chinese people participated. The article concludes that urbanization plays an important role in the formation of the educational environment. It leads to a flow of students from the periphery to the main urban culture, as a result of which students master its values, which has a certain usefulness for the further development of urbanization in the country, helping to more easily adapt to the conditions of the urban environment. Nevertheless, children are losing agricultural skills and the experience of their parents, which leads to the social transformation of modern society.

Keywords: urbanization, semi-urbanization, problems, rural education, China.

References

1. The Central Urbanization Work Conference was held in Beijing [Electronic source]. – Access mode: http://news.12371.cn/2013/12/15/ARTI1387057117696375.shtml (date of access 07.04.2021).
2. Wang Rongming. The plight and countermeasures of migrant workers' "semi-urbanization" under the new economic situation // Reform and opening up. – 2019. – No. 4. – P. 85–86.
3. Wang Chunguang. An Empirical Analysis of the "Semi-Urbanization" Problem Faced by the Floating Rural Population in China [Electronic source]. – Access mode: http://www.sociology2010.cass.cn/cate/1304.htm (date of access 12.04.2021).
4. Li Jinlei. Investment Blue Book: China's urban and urban population will exceed 1 billion by 2030 [Electronic source] // China News Network. – Access mode: http://www.chinanews.com/gn./2013–04–244759316.shtml (date of access 01.04.2021).
5. Li Qiang. Active Urbanization and Passive Urbanization // Xinhua Digest. – 2014. – No. 4. P. 23–24.
6. Hu Junsheng, Li Qi. "Semi-urbanization" with Chinese characteristics and its impact on rural education // Journal of Yan'an University (Social Science Edition). – 2020. – No. 4. – P. 33–41.
7. Huang Pengjin. "Half City, Half Country" and Farmers' Nearby Urbanization Model // Governance Research. – 2019. – No. 5. – P. 105–113.
8. Zhang Jie. The impact of urbanization on the socio-economic development of China: correlation and regression analysis // Sociology. – 2020. – No. 5. – P. 344–349.
9. Chen Mingxing, Ye Chao, Lu Dadao, et al. Cognition and construction of the theoretical connotation of new urbanization with Chinese characteristics // Acta Geographica Sinica. – 2019. – No. 4. P. 19–33.
10. China and the world Full report June 2019 [Electronic source] // Access mode: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/china/china%20and%20the%20world%20inside%20the%20dynamics%20of%20a%20changing%20relationship/mgi-china-and-the-world-full-report-june-2019-vf.ashx (date of access 07.04.2021)
11. Stiglitz J. Globalization and its discontents / J. Stiglitz. – Great Britain: Allen Lane The Penguin Press, 2000. – 320 p.

Философско-религиозные концепции профилактики наркомании в социальном пространстве современного человека

Емельянова Елена Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
E-mail: eev-rusinovo@yandex.ru

Силенков Виктор Иванович
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Университет ФСИН России
E-mail: silenkov61@gmail.com

Шабанов Лев Викторович
доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического института Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: lev.shabanov@mail.ru

В статье предпринимается попытка рассмотрения причин феномена наркотизации общества с позиции социально-философского (транс-объективный) и религиозного (интерсубъективный) подходов. Анализируются последние социологические работы и традиционные социально-философские взгляды через антропологический кризис современности, делается вывод о психоделическом тренде, направленном на эскапизм, который распространяет психо- и наркозависимости в том числе и в местах лишения свободы через проблематику парадоксальности Бытия, которая может быть снята через феномен личностной осознанности. Обращаясь к социологии девиантного поведения, можно увидеть как движение от наркотизации с помощью методов личностного роста, так и уход от наркотиков в религию. Рассматривая религиозные концепции (в данном случае, христианство и ислам), делается вывод о возможности формирования метафизического базисного элемента мировоззрения и поведения через социально-значимое групповое давление общины, что связано с внутренней амбивалентной связью с Богом, как с абсолютным главой объединения, и общиной, значимость которой понимается гораздо выше любой субъективной зависимости. Делается вывод о необходимости создания метода формирования мировоззренческих и поведенческих идеалов противостояния «наркофилософии» как социальной вирусной программе.

Ключевые слова: онтология социального, наркомания, наркофилософия, осужденные, философия человека, православное мировоззрение, исламская нравственность.

В последние годы количество научных публикаций, посвященных изучению изменённых состояний сознания в различных аспектах и проявлениях растёт пропорционально изданиям как художественной литературы, так аудио-, видеопродукции, воспевающих психоделическое воздействие на личность и связанные с этим глубокие и «интересные» переживания. При этом демонстративную озабоченность в обществе вызывает скорее расширение спектра употребляемых наркотических веществ (замена традиционных каннабиноидов на синтетические (спайсы) и психостимуляторы (соли)), а не последствия психоделического воздействия на молодёжь в виде аудио- и видео- элементов парадоксальной фантастики, где буквально навязываются неадекватные стили поведения, конфликты с реальностью и разнообразные формы эскапизма, спасающие индивидуализированного потребителя от проблем. Развитие научного и общественного (гражданского) интереса к феномену эскапизма, как возможного нормального поведения, неадекватно нарастанию количества проблем, связанных с расширением базы наркозависимых граждан и роста мотивирующих наркотизацию элементов в системе массовой коммуникации для различных слоёв общества.

Не обошла эта проблема и места лишения свободы. Одной из тенденций, наблюдаемых в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы (УИС) является рост количества осужденных за преступления, связанные с незаконным приобретением и распространением наркотических веществ. Число совершенных уголовно-наказуемых деяний данного вида на сегодня превышает число имущественных преступлений, которые всегда занимали верхние позиции в статистике преступлений. Так, доля лиц, отбывающих наказания за преступления имущественной направленности (кражи, грабежи, разбои) в 2020 г. оставила 22,1% (107 654 человека), в то время как доля лиц, находящихся в местах лишения свободы за незаконный оборот наркотических веществ – 24,7% (120 100 человек) [11].

Следует отметить, что значительная часть осужденных, привлекаемых к ответственности по ст. 228, 229, 230, 234 УК РФ это люди молодого возраста, нередко сами склонные к употреблению наркотических веществ, пристрастие к которым у них сложилось в подростковом и юношеском возрасте. Очевидно, что задачи государственной антинаркотической политики, изложенные в программном документе «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» [6] не могут быть выполнены только посредством констатации существующей проблемы или ее мониторинга на разных уровнях гражданского и пенитенциарного контроля. Любая деятельность по профилактике наркомании должна базироваться на поиске механизмов причинно-следственного комплекса, детерминирующего наркозависимое поведение. Знание таких механизмов позволяет обозначить и определить направления внутреннего и внешнего воздействия на личность, адекватные генезису ее наркотической вовлеченности, разработать организационные, воспитательные решения, реализация которых позволит ограничить или предотвратить распространение этого явления.

Попытки объяснения причин роста особой привлекательности аттрактора наркотизации личности обычно предпринимаются в аспектах психологических, социальных или специально-педагогических теорий, что в современном мире виртуализации атомизированного индивида, включенного в фантастические миры видео-, аудио- и арт содержания, является не продуктивным. Во-первых, мода на виртуальность и игрофикацию жизни в принципе находится за пределами психологической (с точки зрения нормы) или педагогической (с позиции воспитания) социализации личности. Это трансовые программы, которые работают по типу вовлечения одинокого человека в сек-

ту через отключение внутренней рациональной критики собственного восприятия мира. В настоящее время можно выделить несколько укрупнённых теоретических концепций, пытающихся концептуально объяснить причины этого феномена, их можно объединить в транс-объективный подход. Ввиду того, что ни один из них не является исчерпывающим и убедительным, обращение к ним *представляется* возможным с точки зрения расширения спектра представлений о методе для поиска адекватных способов и путей реагирования. Через эклектическое рассмотрение психологических школ (всё полезное собираем и изучаем), можно рассматривать объективные процессы, как своеобразное различения давления на общество некой агрессивной среды. А, выделив факторы этой среды, как объективные, т.е. не зависящие от конкретного человека, можно говорить о включении в работу по профилактике наркокультуры всех полезных элементов актуализации личностной осознанности.

В наиболее обобщенном виде получить адекватный ответ на вопрос о глубинных причинах наркотизации общества предпринимался философской наукой со второй половины XIX в. В данном случае философия выступает с позиции трансцендентного взгляда на проблему человеческого, как личности, включенной в социальное пространство массового действия. Экзистенциальная философия, рассматривающая человека сквозь призму существования как бытийной характеристики разумного организма, выводит суть проблемы из самого факта Бытия личности, как фрустрирующей рефлексии, осознающей не-актуальность и не-логичность собственного существования. Таким образом, парадоксальность и сомнения в разумности реального – становятся истоками наркотизации, что так же тесно связано с отчуждением человека от традиционных ценностей и отходом от традиционной, свойственной человеку холистическому, ментальности. Именно дефицитарность личности, её неограниченное традиционным обществом стремление к всё возрастающему потреблению (в том числе и новых психоэмоциональных ощущений), становится тем мостиком, за которым находится тяжёлая наркозависимость, и который приводит потребителя в «чудесную страну» посредством современной массовой поп-культуры.

При этом на протяжении многих поколений люди не просто жили в рамках жёстких законов традиционного общества, осознавая свою принадлежность к общине, но и ощущали смысл своего существования через исторические корни – родовые, племенные, национальные, разворачивая тандемы поколений внутри созданного предками мифологического, архетипического, духовно-религиозного базиса, – того коллективного бессознательного, знаки и символы которого были понятны и разделялись всеми членами сообщества [12, с. 89–93].

Традиционные институты, от которых человек находился в абсолютной зависимости, формировали психологические механизмы поддержания стабильности его реакций на происходящие изменения, сохраняли устойчивость и преемственность знаний, умений и навыков. Люди общины объединялись в своеобразные автаркии, гарантирующие защищенность для всех, нужность для каждого, востребованность регуляции включения сферы общественного в сферу личного, обеспечивая защиту от возможных пороков (вплоть до абсолютного табу или изгнания не уважающего традицию индивида за пределы общины). Такой гомеостазис порождал объективную зависимость отдельно взятого человека от своей общины, которая им воспринималась как большое человеческое тело (макрочеловека), в котором себя он видел, как орган этого тела.

С переходом в индустриальное, постиндустриальное технократическое общество личность приобрела большую независимость, новую рациональность (отчуждение себя от малого общества) и свободу существова-

ния от старого мира (атомизация себя в обществе большом). Однако эта кажущаяся свобода, особенно в условиях современной глобализации, привела к потере индивидуальности в безликой массе окружающих, у человека отчетливо стали проявляться эмоциональная опустошенность, обеднение чувств, состояние беспомощности, возникли разнообразные психологические проблемы, которые зачастую личность не в состоянии решить самостоятельно. Такой перманентный гетеростаз, нарушение социального равновесия, привёл и к нарушению равновесия психического. Разрыв с духовным началом предыдущих поколений привел к тому, что человек оказался брошен на произвол судьбы, переживая одиночество индивида в толпе таких же одиноких, потерянных и лишённых корней индивидов [14, с. 5].

Немецкий философ и психолог Э. Фромм, изучая состояние общества середины XX в., отмечал, что современный человек «не приобрел свободы в смысле реализации … его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода… изолировала его …, и человек оказался перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости каждого» [10, с. 11].

Не все люди могут «стоически преодолевать издержки свободы, спутницей которой неизбежно является … неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие перспективы и др. Осознавая свое бессилие, человек стремится защитить себя с помощью алкоголя, курения, наркомании, токсикомании» [4, с. 261], – т.е., выбирает новую зависимость. В полной мере это высказывание можно экстраполировать на осужденных, склонных к употреблению наркотических веществ. В социальном аспекте обобщённый портрет современного осужденного можно охарактеризовать как человека, потерявшего социальные ориентиры, заблудившегося в системе социальных отношений. Внутренняя дезорганизация такого человека направлена на поиск гомеостаза за счёт быстрого и проверенного препарата, который способен в прямом смысле отключить болезненную личность от любых проблем.

Сегодня с позиции философии можно выделить три основания наркомании; все они вызваны онтологическим кризисом, стремительно развивающимся в современном социуме, составной частью которого, надо заметить, объективно выступают современные исправительные учреждения, где отбывают наказание лица, уже сделавшие осознанный выбор в пользу этой самой «зависимости» [5, с. 308].

Первое основание – экзистенциальное: «распад личности», которая, включив в собственную «Я-концепцию» психоделический background, видит своё наказание в виде запрета возможности употребления стимулирующих средств – а значит, потерю собственно личностных характеристик, а точнее отказ от собственного «Я». Подобная рационализация неизбежно ведет выводу о временной потере смысла жизни, размывая и без того зыбкие личностные идеалы и центрируя их на цели «освободиться и снова продолжить».

Наиболее ярко эта позиция представлена в работах В. Франкла, который отмечал: «человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Если первое происходит на сцене (театр абсурда!), то последнее – в хмельных грезах, в особенности вызванных с помощью ЛСД» [8, с. 38]. Здесь проявляется интер-субъективный подход, в котором подчёркивается, что потерей своего места в обществе, одинокий человек теряет свои внутренние основания и срывается в субъективистские миры эгоцентрических переживаний от либертарианства до солипсизма. В первом случае, эскапизм человека проявляется во внешних структурах поведения: скандалы, эпатаж, демонстративность перверсий и т.п. – то, что Франкл называл «театром абсурда»,

а Ги Дебор – обществом спектакля, в котором даже социальный протест – есть всего лишь часть представления. Во втором случае, эскапизм превращается в зависимость. Однако, если мы находимся в поле интер-субъективного подхода, то получаем третью точку – это пересечение линии социального демонстративного поведения и внутриличностной зависимости, которые представляются в виде талантливого искусства, блокбастеров, музыкальных клипов – «герои» этих виртуальных пространств ведут свои Ю-туб каналы, смотрят на потенциальных фолловеров с обложек глянцевых журналов, превращают свои и чужие жизни в ад ради «лайков» и «донатов». А вырванные из коллективного контекста индивиды таким образом получают суррогатные смыслы жизни, способные отвлечь их от бессмысленности собственного невероятно скучного бытия.

Ещё бы, тот же Э. Фромм, говоря о скуке, как о «страшной муке», подчёркивал, что «многие люди умудряются найти ей компенсацию, сознательно стремясь в суете сует. …когда же после окончания работы возникает угроза осознания своей скуки, они находят десятки способов, чтобы этого не допустить: это выпивка, телеэкран, автомобиль, вечеринки, секс и даже наркотики» [9, с. 269].

Второе основание, социально-антропологическое, связано с происходящей «деконструкцией познания человека» при которой происходит разрушение стереотипа оценки мира (рефлексия), оценки поведения окружающих (зеркальное восприятие), а значит и невозможность адекватного включения этих обстоятельств в новый контекст, в котором он или абсолютно субъективен в суждениях, или воспринимает реальность как ещё одну часть виртуального мира.

Возникающее противоречие человек решает, обращаясь к компенсирующим ощущение диссонанса средствам. С точки зрения концепции виртуального человека, индивид, осознав свое бессилие в обществе и видя будущее в мрачном, негативном цвете, бежит от реальности. В том числе путем создания иллюзорных (радио, телевиденье, кино, интернет и др.) или физиологических удовольствий (наркотизация), культивируя вредные поведенческие привычки. Внутри концепций трансобъективного подхода уже отмечалась диалектическая связь между поиском индивидом гомеостатического рая, спокойного и предсказуемо безмятежного, и массой атомизированных индивидов, постоянно находящихся в гетеростатическом стрессе бесконечных изменений, которые преподносятся сегодня как благие завоевания цивилизации. То есть атомизированный человек сам формирует массовый запрос на появление рынка психоактивной продукции, способной «вернуть его в рай» гомеостаза, при этом же этот атомизированный человек выступает квалифицированным, «продвинутым» потребителем прогресса и благ цивилизации.

Третье основание – аксиологическое: неизбежное изменения базовых ценностей в сознании человека, связанное с насаждаемым, как норма, индивидуализмом (*свобода от*) и демонстративным гедонизмом (*свобода для*). Удовольствие и личная свобода, неразрывно связанные с жизнью рода, общины, полиса, но её фактическая ценность постоянно изменяется благодаря так называемому «ценностному плюрализму», когда общественная система ценностей перестала предъявлять, пропагандировать и требовать безусловного соблюдения абсолютных и незыблемых норм. Общественные институты, которые в прошлом формировали для человека модель правильного поведения, «больше не представляют человеку абсолютных образцов или моделей, следование которым гарантировало бы «успешную жизнь». Человек вынужден сам выбирать ту систему ценностей, норм, критериев оценки, на которую будет опираться при выборе дальнейших действий» [6, с. 314].

Русский философ Н.О. Лосский отмечает, что «всё разнообразие человеческого поведения может быть сведено,

согласно учению гедонизма, к одному источнику, именно к стремлению достигать удовольствия и избегать страдания. Удовольствие, утверждают гедонисты, есть единственное состояние, ценное и желательное само по себе» [6, с. 313].

Близкий подход, объясняющий причины наркомании и наркотизации общества, содержится в религиозно-философских воззрениях на бытие современного человека. Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровской Климент в своем выступлении на Всероссийской конференции «Национальная сфера ответственности: власть, церковь, бизнес, общество – против наркомании» пишет следующее. Главная причина употребления наркотиков – «духовная опустошенность и нравственная беспринципность. Произошла подмена вечных ценностей ценностями временными, преходящими, которые не могут удовлетворить человеческую личность особенно в юности, когда человек находится в поисках идеалов и склонен к максимализму» [7].

Однако антигедонистическая позиция Православия, предполагает определённую самовластность личности и борьбу с искушениями «один на один» – но именно здесь духовный подвиг происходит за пределами общины. Поэтому, в аналогичной проблематике, мы можем увидеть важную отличительную черту в исламской парадигме объяснения наркотической зависимости, где, например существует категоричный запрет на употребление спиртного (Коран, 5: 90–91). Несмотря на то, что в Коране и Сунне Пророка нет прямого указания на запрет наркотиков, большинство богословов придерживаются мнения, что священные тексты и не должны содержать такие подробности. «Они устанавливают общие принципы и нормы, в которые входят тысячи частностей» [1, с. 13]. Интер-субъективный подход, заявленный выше, позволяет оценить религиозные практики с позиции места человека во всей структуре мироздания, хотя определённые группы мистических сект не запрещают и даже поощряют употребление наркотиков (гностики, ассасины), всё-таки основной пласт мировых религий категоричен в этом вопросе.

Богословы Ислама, толкуя священные тексты, исходят из понимания того, что всё то, что затуманивает разум человека или водит его в ненормальное состояние, относится к запретному (харам) [2]. Это широкое понятие включает не только алкоголь, но и все психоактивные вещества, изменяющие сознание человека. Похожий подход принят и в старообрядческих православных общинах, где к психоактивным веществам причисляют и кофе.

Провозглашая харам на одурманивающие вещества и признавая их употребление грехом, исламские школы по-разному объясняют его истоки. В основе исламской нравственности находится понимание необходимости неукоснительного следования нормам и предписаниям, заданным Всевышним, отступление от которых или их невыполнение рассматривается как неподчинение всеобъемлющему высшему закону мироздания и объявляется безусловным грехом. При этом за человеком признается ситуация фатальности (предопределённости) жизненных событий. Значит, выбирая действия, границы которых строго не определены, правоверный должен исходить из существующих традиций и ритуалов, чтобы понять, может ли «запретное» оказаться «дозволенным» и наоборот. В частности, средневековый террористический орден ассасинов (гашишистов) использовал наркотизацию как средство подчинения себе адептов и неофитов, готовых ради обретения видений рая, идти на любые преступления. И хотя в традиционном обществе, выбор действий (даже употребление наркотических веществ), совершаемых человеком, могут регулироваться силой или слабостью веры, интерпретацией священных книг или соблюдением локальных норм (Шариат в Исламе, Синтагма в Православии и т.д.) – В рамках транс-объективного

подхода можно отследить, как развитие коллективного сознания (менталитета) даже в традиционных обществах всегда оставалось в плену рационализации девиантных исключений (орфические и оргиастические культы античности, суфийские секты средневековья, деноминации в западном христианстве в Новое время и т.д.).

В соответствии с этим судьба человека и его поступки предопределены Всевышним ещё до рождения, и значит, употребляя наркотики, человек может быть по факту выполняет свою миссию. «Мусульманин больше, чем приверженец другой религии, верит в предопределенность судьбы. И если кому-то суждено страдать от наркотической зависимости или быть гонимым за выращивание мака (или уличную торговлю наркотиками) – таков предписанный свыше жизненный путь. Каждому своё: один ловит рыбу – другой её ест» [3, с. 242]. Социологические концепции в рамках транс-объективного подхода ясно показывают, насколько сильна в этих суждениях объективная экономическая (т.е. внерелигиозная) составляющая. С одной стороны, необходимо поддерживать себя и свою семью, чтобы обеспечивать достаточный уровень жизни, но, с другой стороны, община не потерпит людей, которые живут откровенно хуже среднего показателя или сильно лучше его. Поэтому и в религиозных схемах традиционного общества мы увидим те же три основания: экзистенциальное (только вместо опасности «распада личности», здесь присутствует страх распада общины); социально-антропологическое (в данном контексте рассматривается позиция «свой – чужой») и аксиологическое основание, которое связано с возможностями раскаяния за преступления и искупление его посредством исправления помыслов, нравов и действий.

Представленный краткий анализ дает основание констатировать, что философские и религиозные концепции в объяснении причин наркомании представляют собой важные методологические подходы в деятельности по предупреждению и преодолению этого социального явления. При этом, философское знание, стремясь к работе с объективными обстоятельствами существования человека, концентрируется на проблемах онтологического понимания сущности свободы как социально-антропологической ценности личности – т.е. стремится активировать в индивиде субъекта, ответственного перед собой (микрокосмосом) и перед обществом (макрочеловеком) за своё проживание в мире как реальных, так и виртуальных пространств – т.е. транс-объективно [13].

Религиозный концепт, в рамках описанной темы, также позволяет говорить о возможности профилактики наркомании, но уже в контексте жизнестойкости традиционного общества, управляемого с небес волей Абсолюта и регулируемого на земле общинными законами, направляющими родовые линии в русло широкого потока человечества, где индивидуальная субъектность индивида (с его личными желаниями или противлением) не важна (интерсубъективность общины всё равно окажется сильнее отверженного индивида).

Отсюда и равное сопротивление любым новациям, рождающим спорные возможности «выхода за пределы» доступного чувственному опыту человека, как способные через индивидуализм разрушить общину, так и привести человека к потере связи с Вседержительностью вселенского Абсолюта, отдав себя на съедение бесам виртуальных пространств, разверзающих врата ада (вполне реального для верующего человека). Эти выводы вполне могут помочь сформировать метод обоснования мировоззренчески-нормативных и поведенчески-нормированных идеалов, противостояния и «наркокультуре» (как части продвижения более объемлющей субкультуры, объективно транслирующей в социум девиантные образцы), и «наркофилософии» (как мейнстриму современной глобальной коммуникационной повестке субъективного понимания эскапизма). Это в свою

очередь поможет расширить не только средства мониторинга (как предупреждения), но и формы борьбы с этим злом, в том числе в местах лишения свободы.

Литература

1. Ислам о пороках современного общества. Сост. И.П. Гаджиев. – Махачкала: Издательство «Ихлас», 2007. – 100 с.
2. Кардави Ю. Дозволенное и запрещенное в исламе. Издательство: УММА, 2007. – 156 с.
3. Назаралиев Ж. Избавь и прости. Записки врача-нарколога о встречах с полицией, наркодельцами, больными, медиками, политиками на пяти континентах. М–СПб: «Медицинская пресса», 2001. – 344 с.
4. Никитин Ю.А. Философские аспекты причины наркомании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. – С. 261–264.
5. Никитин Ю.А. Наркомания как философская проблема. Вестник ТОГУ (Вестник Тихоокеанского государственного университета), 2012. № 2(25). – С. 307–316.
6. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 09.06.2010 N 690 (ред. от 23.02.2018).
7. Проблема наркомании с позиции православного мировоззрения [Электронный документ] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/60112.html (дата обращения 18.12.2020).
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс. 1990. – 368 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. – 672с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фром; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571 с.
11. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/ statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20lK/ (дата обращения: 18.12.2020).
12. Шабанов Л.В. Педагогическое пространство соотносимости мышления реципиента и языка коммуникатора // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2020. № 12. 187 с. (Педагогические, психологические и философские науки). – С. 89–93.
13. Шабанов Л.В., Дьячков А.А. Познавательная субъектность: психологический взгляд на эпистемологический анализ деятельно-преобразующего способа бытия // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 5. URL: https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN520.pdf (доступ свободный)
14. Progoff I. The Death and Rebirth of Psychology. New York, 1956. P. 5 (в контексте работы Ю.А. Никитина, 2008)

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS CONCEPTS OF PREVENTION OF DRUG ADDICTION IN THE SOCIAL SPACE OF THE MODERN HUMAN

Emelyanova E.V., Silenkov V.I., Shabanov L.V.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; University of the Federal Penitentiary Service of Russia; Federal State Institution of Higher Education «Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation»

The article attempts to consider the causes of drug addiction from the point of view of philosophy and religion. It is justified that any activity to prevent the use of narcotic substances, to determine its effective forms and methods should be based on the search for mechanisms of the cause-investigation complex that determines drug-dependent behavior. Philosophical views on the causes of drug addiction caused by the anthropological crisis spreading its impact on places of deprivation of liberty. Religious and philosophical views on the causes of drug addiction, established in Christianity and Muslims,

are considered. It is concluded that modern concepts are important in explaining the causes of drug addiction from the point of view of its formation and prevention, in substantiating the worldview and behavior opposing modern drug culture and drug philosophy.

Keywords: drug addiction, causes of drug addiction, prevention of drug addiction, Orthodox worldview, Islamic morality.

References

1. Islam about the vices of modern society). Comp. I.P. Gadzhiev. – Makhachkala: Publishing house “Ikhlas” («Ихлас»), 2007. – 100 p.
2. Kardavi Yu. What is allowed and forbidden in Islam). Publishing house: UMMA, 2007–156 p.
3. Nazaraliev Zh. (Deliver and forgive. Notes of a narcologist about meetings with the police, drug dealers, patients, doctors, politicians on five continents). M-SPb: “Medical press”, 2001. – 344 p.
4. Nikitin Yu. A. / Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta of Herzen. 2008. – pp. 261–264.
5. Nikitin Yu. A. (Drug addiction as a philosophical problem). Bulletin of the TOSU 2012. № 2(25). – P. 307–316.
6. (On the approval of the Strategy of the State Anti-drug Policy of the Russian Federation until 2020). Decree of the President of the Russian Federation of 09.06.2010 N 690 (ed. of 23.02.2018).
7. The problem of drug addiction from the standpoint of the Orthodox worldview [Electronic document] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/60112.html (accessed 18.12.2020).
8. Frankl V. (Man in search of Meaning): Collection: Trans. from English and German. / General ed. by L. Ya. Gozman and D.A. Leontiev; vst. st. D.A. Leontiev. – M.: Progress. 1990–368 p.
9. Fromm E. (The Anatomy of Human Destructiveness). M., 1998. – 672s.
10. Fromm E (Flight from freedom. A man for himself) / Erich Fromm; translated from English-MOSCOW: AST: AST MOSCOW, 2006. – 571 p.
11. (Characteristics of persons held in correctional colonies for adults). URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistics/Xarka%20lic%20sodergahixsya% 20v%20IK/ (accessed: 18.12.2020).
12. Shabanov L. V. (Pedagogical space of correlation of the recipient’s thinking and the communicator’s language) / Scientific opinion: scientific journal / St. Petersburg University Consortium. SPb., 2020. No. 12. 187 p. (Pedagogical, psychological and philosophical sciences). – pp. 89–93.
13. Shabanov L. V., Dyachkov A.A. (Cognitive subjectivity: a psychological view of the epistemological analysis of the activity-transforming way of being) // The world of science. Pedagogy and Psychology, 2020 No. 5. Address: https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN520.pdf
14. Progoff I. Death and the rebirth of psychology. New York, 1956. P. 5.

Журналистика в социальных учениях российских просветителей: историко-социологический аспект

Шеремет Александр Николаевич,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и общегуманитарных дисциплин АНО «Высшая школа сценических искусств» (Театральная школа Константина Райкина)
E-mail: 201071sh@gmail.com

Дискуссии вокруг языка газет и журналов наметили перспективы и заложили традиции социолингвистических исследований средств массовой информации. Принципиальным моментом для современных социологов является указание на связь языка издания с его тематикой и направленностью, с характером аудитории, с языковыми картинами мира читателей и авторов. Социальные обследования читателей своих изданий, предпринятые Миллером, Рейхелем и позже Новиковым, положили начало прикладным исследованиям аудитории, ставшим со временем неотъемлемым атрибутом редакционной журналистской практики. По сей день многие подобные обследования так и не попали в поле зрения институциональной социологии, хотя некоторые из них могли и еще могут значительно обогатить теорию, историю и методологию науки.
В статье рассматриваются истоки отечественной социальной мысли о журналистике. Показано, что попытки теоретического анализа зарождающегося института средств массовой информации, предпринятые российскими просветителями, содержат в себе основные направления современной социологии журналистики.

Ключевые слова: социология журналистики, журналистика, просвещение, история социологии, социальные учения

Теоретико-методологическая ситуация в современной российской социологии в целом и в социологии журналистики в частности складывается под воздействием набора самых разнообразных факторов. Она определяется составом и структурой исследовательского сообщества, характером господствующих концепций и парадигм, функционированием и изменениями самого объекта изучения, культурно-историческими особенностями и т.д. Изучая и оценивая ситуацию в той или иной отрасли социологического знания, нельзя оставлять без внимания ее истоки, первые шаги социальных мыслителей в данном конкретном направлении – вполне возможно, что они помогут прояснить многое из происходящего и наблюдаемого сегодня.

Истоки современной социологии, как и любой другой общественной науки, мы находим у просветителей, философов и социалистов-утопистов XVIII–XIX веков: Монтескье, Руссо, Вольтер, Сен-Симон во Франции; Бэкон, Локк, Беркли, Юм в Англии; Кант, Лессинг, Гердер в Германии; и т.д. В России Просвещение традиционно связывают с именами Ломоносова, Татищева, Сумарокова, Новикова, Фонвизина, Радищева и др.

В данном случае речь идет пока еще не о социологии, призванной исследовать реальную совместную жизнь людей, а о социальных учениях, изображающих, как правило, идеальное общество. Выдающиеся социальные мыслители прошлого, «досоциологической эпохи», основывались на собственных впечатлениях и умозрительных выводах, на учениях своих предшественников. В отличие от них «настоящие» современные социологи занимаются систематическим исследованием общества на основе соответствующей теории, методологии и методики.

Было бы ошибочным утверждение о том, что социальные учения появи-

лись лишь в эпоху Просвещения. Они ведут свою историю, по крайней мере, еще с рассуждений об устройстве общества и государства Платона, Аристотеля, а позднее – Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Томаса Мора и др. Но лишь в эпоху Просвещения в этих учениях появляются элементы подлинно социологического знания. Именно в этот исторический период происходит то, что одни называют переходом от традиционного общества к индустриальному, другие – становлением буржуазного общества, третьи – модернизацией, и т.д. Совместная жизнь людей меняется кардинальным образом во всех сферах: появляется машинное производство, резко активизируются процессы урбанизации, политика выходит за пределы монарших дворов, зарождаются средства массовой информации. Столь бурные изменения обусловили повышенный интерес и пристальное внимание к происходящему со стороны наиболее «просвещенной» части населения – праотцов современной общественной науки.

В эпоху Просвещения происходит становление и развитие журналистики. Тогда же обнаруживаются и первые попытки описать это новое явление, объяснить его природу, роль и место в общественном устройстве, сформулировать требования к журналистам, издателям, текстам и читателям.

Российская журналистика зарождается в начале XVIII века, а точнее, 13 января 1703 года. В этот день по указу Петра I вышла в свет российская газета «Ведомости». Ее первый номер носил длинное название – «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском Государстве и в иных окрестных странах». Буквально с первых дней новый феномен общественной жизни попадает под пристальное внимание социальных мыслителей. И в те давние времена, и много позднее, да и сегодня в роли таких мыслителей раньше других выступают сами журналисты.

Один из первых российских журналистов Борис Волков уже в первые годы существования прессы размышлял о ее общественном назначении, об идеях общей пользы: «наши авизии почитаются за краткую следовательную историю и печатанию предаются для народной пользы и подноса высочайшим лицам».[1]

Герард Миллер в «Предуведомлении» к первому русскому журналу «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» предъявляет требования: новизны суждений, простоты и понятности изложения, разнообразия материалов, [2] размышляет о предназначении прессы в целом. Его идея «пользы и увеселения» читателя с помощью периодики, скорее всего, восходит к классификации наук, предложенной В.Н. Татищевым в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ». В соответствии с ней наряду с «полезными» науками (грамматика, риторика, физика, арифметика) есть и «щегольские или увеселяющие» (литература, поэзия, живопись, музыка). [3] С именем Миллера связаны также первые попытки эмпирического изучения читательской аудитории – он провел исследование подписчиков на «Ежемесячные сочинения». [4]

Особый вклад в самопознание российской журналистики эпохи Просвещения внес М.В. Ломоносов. Он выделяет ее как особый род деятельности и формулирует самые первые требования к журналистам: «Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля – для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти». [5] Ломоносов составил первый свод правил, которыми должен руководствоваться журналист. Он считает, что быть успешным в своей деятельности может журналист «ученый, проницательный, справедливый и скромный». Он должен уметь выявлять «новое и существенное» в сочинениях, освободиться от всяких предубеждений и предрассудков, особо

внимательно относиться к сочинениям, признанным «достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста». Журналист не должен «спешить с осуждением гипотез», «красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения», быть «высокого представления о своем превосходстве». [6]

Издатель Иоганн Рейхель («Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також и до коммерции принадлежащих вещах»), подобно Миллеру, изучает читательскую аудиторию и делает из этого выводы: «Краткость же седмичных листков и месячных сочинений нетерпеливым читателям не только сносною показалась, по причине разделения разных статей, но еще пременою и различностию материй великое удовольствие произвела, и охоту к чтению подкрепила и умножила». [7] И далее на основании изучения читателя рекомендует издателям публиковать «такие сочинения, которые не только удовольствие, но и пользу принести могут». [8]

Во второй половине XVIII века бурное развитие получает сатирическая пресса, зарождаются ее различные направления. В программных выступлениях журналов обосновываются противоположные идеи: активного вмешательства в жизнь и пассивного отношения к ней. Наиболее яркое воплощение это противоборство нашло в известной полемике Николая Новикова и Екатерины II. Во многом именно тогда определились перспективы развития русской журналистики и ее теоретического анализа. Оппоненты стремились и сформировать общественное мнение, и выступить его выразителями, о чем свидетельствуют их обращения к аудитории, а также публикация полемических писем от имени читателей. Возможно, уже здесь мы сталкиваемся с прообразом нынешней публичной социологии. [9]

Основными целями прессы Н.И. Новиков уже по традиции считал пользу и увеселение читателя. По его мнению, пользу обществу приносит печать, осуждающая пороки, причем не «в общем», а персонально: «Критика на лицо больше подействует, нежели как бы она написана на общий порок. Например, я много раз видал, что когда представляют на театре Скупого, тогда почти всякой скупой в театр смотреть ездит. Для чего же? для того, что он думает тогда о каком ни на есть другом скупяге, а себя, наверное, тогда и не вспомнит… Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного». [10]

Новиков не ограничивается рассуждениями о назначении печати и содержании текстов. Большое внимание уделяет он личности журналиста. В частности, выдвигает к ней определенные требования: «чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острой разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических, и наконец, истинное о вещах понятие». [11] Впрочем, Новиков не сводит деятельность журналиста лишь к распространению истинных знаний, предъявляя к нему требования критического изучения и даже исправления действительности.

В развитие рассуждений о назначении печати и об обязанностях журналиста Новиков обращается к проблеме читателя. Если до него ни Миллер, ни Рейхель, ни другие исследователи практически не учитывали социальной дифференциации читателей, то сам Новиков говорит об ориентации журнала на определенный круг единомышленников или, выражаясь современной терминологией, на определенную целевую аудиторию: «Ежели ты, любезный читатель, из числа любителей своего отечества; ежели ты небесполезный член его; ежели усердное твое о благе общем ревнование делает тебя достойным дражайшего имени сына отечества… для таких издаем труды свои и у таких в руках желаем их видеть». [11] Новиков ориентировался на разговорный язык не только и не столько «благородного»

сословия, сколько широкой читательской аудитории того времени: «доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, дотоле и в письменах не может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться». [12] Эта проблема, поставленная Новиковым еще два с половиной века назад, и сегодня находится в центре внимания социологии журналистики, социолингвистики, социологии языка.

Таким образом, Новиков затрагивает все три основные составляющие объекта современной социологии журналистики: сами издания и их материалы, журналистов и издателей, читательскую аудиторию. С полным правом можно говорить о целостной концепции печати Новикова.

Его концепция не нашла поддержки и понимания у оппонентов, в частности – у Екатерины II. Она разрабатывает свой вариант набора обязанностей и личных качеств, необходимых автору журнальных материалов. По мнению просвещенной Императрицы, журналист, критикуя действительность, не должен называть конкретных лиц: «не целить на особ, но единственно на пороки». [13]

Совершенно в духе эпохи Просвещения размышляет о журналистике Д.И. Фонвизин. В подзаголовок своему журналу «Друг честных людей, или Стародум» он ставит слова: «Периодическое издание, посвященное истине». [14] Как тут не вспомнить о газете известного французского просветителя Жан-Поля Марата «Друг народа» с эпиграфом «Посвятим жизнь истине». [15]

Фонвизин выявлял социальную обусловленность уровня и характера развития искусства, журналистики, риторики. В частности, он отмечал: «Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тирянина… истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться». [16]

Заметный вклад в формирование представлений о печати и журналистике внес Н.М. Карамзин. Рассуждая в русле устоявшейся формулы «полезное и приятное», известный литератор, журналист и историк тяготеет ко второй ее части. Карамзин ставит перед журналистом задачу воздействовать на чувства читателя, но при этом уже не говорит ни о поисках истины, ни о борьбе прессы с социальными проблемами и пороками. Речь идет исключительно о служении прекрасному, о воспитании в человеке добрых побуждений, о независимости искусства и журналистики, как его части, от политики.

А.Н. Радищев, напротив, сосредотачивается на «пользе», понимаемой им как поиск и распространение истины, как борьба с индивидуальными и общественными пороками. По поводу критики пороков и их носителей мысли Радищева созвучны позиции Новикова: «Личность в истине столь же дозволительна, как и самая истина». [17]

Еще задолго до известного высказывания В.И. Ленина Радищев, отзываясь об одном из лондонских изданий, отметил: «…несмотря на то, что он не более как газетчик, он мог бы найти почетное место среди историков своего времени». [18] Впрочем, и еще раньше, за несколько лет до этого И.Ф. Богданович в «Предуведомлении» к своему изданию «Собрание новостей» определил одну из главных его задач – составление «истории настоящего времени». [19]

Таким образом, XVIII век можно по праву считать периодом зарождения и становления российской журналистики и ее теоретического анализа. Характерной чертой этого этапа является совмещение в одном лице ролей журналистов, издателей, писателей и исследователей. Присущий Просвещению энциклопедизм обусловил широчайший спектр научной и практической деятельности просветителей. Ломоносов и многие другие его современники выступали одновременно специалистами в области естественных наук, гуманитарной и социальной мысли, литературы и искусства, государственной службы и т.д. Подобный синкретизм не ли-

шает нас возможности выявления сугубо социологического дискурса в многогранном творчестве российских просветителей.

Процесс развития и дифференциации теоретической мысли в области журналистики и прессы обуславливался политическими, экономическими, социальными, культурно-историческими факторами и, конечно же, личностными качествами исследователей, их мировоззрением и социальной принадлежностью. Наметившееся разнообразие теоретических взглядов было обращено к единому объекту – журналистике. Новый объект очень скоро обрел ясные контуры, собственное содержание и структуру. Внимание российских мыслителей эпохи Просвещения, как и сегодняшних социологов журналистики, привлекают, прежде всего, ее три основные составляющие: сами издания, журналисты и читатели.

Анализируя свои и чужие издания, исследователи касались вопросов периодичности, тематики, оперативности и языка материалов. Уже один из первых российских журналистов-переводчиков-редакторов Борис Волков в первой четверти XVIII века обращал внимание на проблему своевременности выхода в свет: «…мнится что 5 или 6 или больше Ведомостей в одной печати не понравятся и не почтутся за новости, но за какой-либо меморий ради гисториков». [1] Но в то же время он настаивал на печати уже устаревших номеров с целью обеспечения непрерывности и последовательности: «…надобно всем прошлогодским Ведомостям из печати выходить не умедля, хотя уже задними числами или задним числом; ибо есть в них много куриознаго и надобнаго, да к тому же надобно им на свет вытти для порядку и следства в них». [1]

Язык газет и журналов не столько изучался, сколько формулировались требования к нему, что вполне соответствует духу времени. Требования были обусловлены изначальной установкой их авторов относительно социального предназначения печати. Так, Карамзин в своих размышлениях о языке журнала ставил перед автором задачу изобразить мир собственных внутренних переживаний, не ориентируясь, как бы мы сказали сегодня, на языковую картину мира читателя. Другую цель – достоверно отразить реальность – ставили перед журналистами Новиков, Фонвизин, Радищев и другие представители «просветительского реализма». Отсюда – их выводы о необходимости вовлечения в журналистский язык народной, разговорной лексики. [20]

Социологичность дискуссий о языке СМИ заключается в том, что он предстает функционально зависимым от идеологической и концептуальной позиции, от целей и задач, стоящих перед автором и изданием, от характера читательской аудитории и т.д. Вместе с тем упомянутые мыслители отталкиваются не от изучения изданий и текстов, не от факторов их обусловивших, но от собственных умозрительных конструкций, устанавливая по своему усмотрению те или иные лингвистические и тематические императивы. Несмотря на всю умозрительность первых «досоциологических» концепций, именно просветители наметили проблематику и предвосхитили содержание будущего социологического анализа формы и содержания средств массовой информации.

В качестве первопроходца российской журналистики выступил сам Петр I. И уже вслед за ним роль журналиста стали примерять на себя ученые, философы, писатели и поэты, переводчики, чиновники и т.д. До появления и самой профессии, и профессионального сообщества журналистов было еще очень далеко. Тем не менее, ни один из российских просветителей не обошел вниманием проблему профессиональных и личностных качеств журналиста, автора. Круг журналистов и издателей был предельно узким. Следовательно, речь могла идти почти исключительно о самоописании и самоанализе.

Требования к журналистам исходили из представлений авторов о роли

и назначении печати. Так, в программных статьях сатирических журналов находят обоснование идеи и активного вмешательства в жизнь, и пассивного отношения к ней. Достаточно вспомнить известные дискуссии, развернувшиеся между Новиковым и Екатериной II, между Сумароковым и Херасковым. [21] В этих и других подобных случаях полемика развивалась в русле известной формулы «польза и увеселение». Отсюда вытекали и различные требования к журналисту. В одном случае – умение художественными средствами увлечь, «увеселить» публику, не особо заботясь поиском истины и правды. В другом – исследование действительности, поиск истины, борьба с пороками и недостатками.

Свои требования и своды правил для журналистов формулировали и публиковали Ломоносов, Новиков, Радищев и др. И здесь мы сталкиваемся с социальными учениями практически в чистом виде. Просветители еще не изучают реальную профессиональную деятельность журналистов (к тому же ее еще просто невозможно было выделить как самостоятельный объект познания), не пытаются описать и объяснить ее воздействием тех или иных факторов, а лишь формулируют требования к ним на основе собственного опыта и мировоззрения. Вместе с тем большую ценность для дальнейшего социологического изучения имеет сама по себе постановка проблемы профессиональных и личностных качеств журналиста, их формирования и влияния на эффективность прессы.

Отмеченные досоциологические подходы к изучению журналистов, характерные для социальных учений эпохи Просвещения, существуют и используются до сих пор. Наряду с масштабными подлинно социологическими исследованиями журналистов и их профессиональной деятельности [22] под видом социологии журналистики то и дело появляются всевозможные своды правил и кодексы, бесконечно далекие от реальной журналистской практики и никак с ней не связанные, порожденные как доктрины и манифесты теперь уже современных мыслителей.

Изучение читательской аудитории тех времен по понятным причинам еще нельзя назвать социологическими исследованиями. Точнее, вслед за Г.С. Батыгиным, назвать эти исследовательские практики социальными обследованиями. Упомянутые ранее социальные обследования читателей своих изданий, предпринятые Миллером, Рейхелем, Новиковым и др., еще очень далеки от современных социологических исследований аудитории СМИ. Без опоры на какую-либо методологию и методику, путем изучения имеющихся статистических данных и проведения спонтанных опросов первые российские «медиаисследователи» составляли свое представление о социально-демографическом портрете аудитории, об отношении к периодичности издания, об оценке читателями тех или иных материалов. Несмотря на очевидное несовершенство предпринятых социальных обследований аудитории, именно они максимально близко подошли к «настоящей» социологии, к изучению действительности вместо создания умозрительных императивных конструкций.

Зарождение теоретического знания о журналистике в России, включая его социологические аспекты, происходило в условиях распространения идей Просвещения, влияния европейской политической и философской мысли, противоборства реформаторства и консерватизма, бурного развития естественных и гуманитарных наук. Журналистику того времени еще крайне сложно выделить из других видов деятельности и форм общественного и специализированного сознания: науки, литературы и искусства, религии. Все это наложило свой отпечаток на уровень и характер развития общественной мысли о новом явлении. Несмотря на все разнообразие учений, объединяет их одна общая черта – формат социальной доктрины, что в полной мере следует сложившимся в то время императивам.

И все же рассмотренные нами воззрения было бы несправедливо оценивать исключительно как музейные экспонаты. Многое в них заложило перспективы дальнейшего изучения, сформировало исследовательскую проблематику и сохранило актуальность для современной социологии журналистики. В этом плане, прежде всего, следует обратить внимание на размышления о предназначении журналистики, ее социальных функциях, как принято это именовать сегодня. Рассмотренные нами ранее взгляды на содержание газет и журналов, на необходимые качества журналистов, на изучение читательской аудитории формировались в зависимости от того, какие социальные функции вменял журналистике и прессе тот или иной мыслитель. Напомним, что все дискуссии о предназначении печати велись в русле формулы «польза и увеселение». В той или иной интерпретации и терминологии «польза и увеселение» предстают практически в любой современной концепции социальных функций журналистики и средств массовой коммуникации.

Дискуссии вокруг языка газет и журналов наметили перспективы и заложили традиции социолингвистических исследований средств массовой информации. Принципиальным моментом для современных социологов является указание на связь языка издания с его тематикой и направленностью, с характером аудитории, с языковыми картинами мира читателей и авторов.

Социальные обследования читателей своих изданий, предпринятые Миллером, Рейхелем и позже Новиковым, положили начало прикладным исследованиям аудитории, ставшим со временем неотъемлемым атрибутом редакционной журналистской практики. По сей день многие подобные обследования так и не попали в поле зрения институциональной социологии, хотя некоторые из них могли и еще могут значительно обогатить теорию, историю и методологию науки.

Подводя итоги краткого экскурса в историю зарождения социальной мысли о журналистике, следует отметить. Российские просветители обозначили круг исследовательских проблем, актуальных вплоть до сегодняшнего дня, наметили возможные пути их решения, обогатили общественную мысль целым рядом концепций печати и исходящих из них требований к изданиям и журналистам, провели первые социальные обследования читателей газет и журналов. Тем самым были заложены основы социального, а в будущем и социологического изучения журналистики. Доктринальность, присущая концепциям и учениям просветителей, оказала заметное влияние на дальнейшее развитие научной мысли. В той или иной степени она была и остается характерной чертой для российской социологии журналистики на всем протяжении ее истории, не исключая современного этапа.

Знакомство с первыми российскими социальными учениями о журналистике дает основания полагать, что состояние, развитие и специфика современной социологии журналистики в России обусловлены особенностями ее зарождения, становления и развития. И с этой точки зрения, следующим важным этапом исследования представляется протосоциологический самоанализ российской журналистики в XIX – начале XX вв.

Литература

1. Балицкий Г.В. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908, с. 29
2. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, январь, с. 5–6
3. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. С предисловием и указателями Нила Попова. М., 1887, с. 76
4. Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. СПб., 1733, январь, с. 2–3
5. Ломоносов М.В. – Полн. собр. соч. в 10-ти т. М. – Л., 1938, т. 3, с. 218
6. Ломоносов М.В. – Полн. собр. соч. в 10-ти т. М. – Л., 1938, т. 3, с. 232

7. Собрание лучших сочинений. М., 1762, ч. 1, N 1, с. 1–2 (ненумер.)
8. Собрание лучших сочинений. М., 1762, ч. 1, N 1, с. 8 (ненумер.)
9. Майкл Буравой. За публичную социологию. http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf
10. Н.И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 242.
11. Сатирические журналы Н.И. Новикова. М. – Л., 1951. С. 252
12. Новиков Н.И. Избр. соч., с. 77.
13. Ужасть как я печален… – Всякая всячина. СПб., 1769, N 49, с. 134
14. Станько А.И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в – 60-е гг XIX в). – Издательство Ростовского университета, 1986, с. 44
15. Корконосенко С.Г. Социология журналистики. СПб.: Аспект-Пресс. 2004, с. 23
16. Фонвизин Д.И. Собр. соч. в 2-х т. М. – Л., 1959, т. 2, с. 64
17. Радищев А.Н. Полн. собр. соч. в 3-х т. М. – Л., 1938, т. 1, с. 334
18. Радищев А.Н. Полн. собр. соч. в 3-х т. М. – Л.,1952, т. 3, с. 523
19. Собрание новостей. СПб., 1775, сентябрь, с. 2–3 (ненумер.)
20. Горшков А.И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982, с. 185
21. М.Х. Письмо. – Полезное увеселение. М., 1761, N 1, с. 14
22. Российский журналист и журналистское образование [Текст]: (социологические исследования) / Л.Г. Свитич, А.А. Ширяева; под ред. Я.Н. Засурского. – М.: ВК, 2006.

JOURNALISM IN THE SOCIAL STUDIES OF THE RUSSIAN EDUCATORS: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT

Sheremet A.N.
ANO «Higher school of the Performing Arts» (Konstantin Raikin's theatre school)

Discussions around the language of newspapers and magazines have charted perspectives and established the tradition of sociolinguistic media research. A fundamental point for modern sociologists is an indication of the connection between the language of the publication and its subject matter and focus, with the character of the audience, with the linguistic pictures of the world of readers and authors. Social surveys of readers of their publications, undertaken by Miller, Reichel and later Novikov, laid the foundation for applied audience research, which eventually became an integral part of editorial journalistic practice. To this day, many such surveys have not come to the attention of institutional sociology, although some of them could and still can significantly enrich the theory, history and methodology of science.
The origins of the social thought about journalism is dealt with in the article. It is shown, that the theoretical analysis of the emerging institute of mass communication attempts made by russian educators, contents main directions of the modern sociology of the journalism.

Keywords: sociology of the journalism, journalism, enlightenment, history of the sociology, social studies

References

1. Balitskiy G.B the emergence of the period print in Russia. St. Petersburg, 1908, p.29
2. Monthly essays, for benefit and entertainment. St. Petersburg, 1755, January, p. 5–6
3. Tatishev V.N. Two fellas' conversation about the benefits of the science and colleges. With the Nil Popov's preface and pointers. Moscow, 1887, p. 76
4. Monthly historical, genealogical and geographical marks in Gazette. St. Petersburg, 1733, p. 2–3
5. Lomonosov M. V–Complete works in 10 volumes. Moscow-Leningrad, 1938, third volume, p. 218
6. Lomonosov M. V–Complete works in 10 volumes. Moscow-Leningrad, 1938, third volume, p. 232
7. Collection of the best works. Moscow, 1762, pt.1, N 1, p 1–2 (unnumbr.)
8. Collection of the best works. Moscow, 1762, pt.1, N 1, p 8 (unnumbr.)
9. Michael Buravoy. For the public sociology. http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf
10. N. I. Novikov and his contemporaries. Moscow, 1961. p. 242
11. N. I. Novikov's satirical journals. Moscow-Leningrad, 1951. p. 252
12. N. I. Novikov's selected works, p. 77
13. I'm horribly upset…- all sorts of things. St. Petersburg, 1769, N 49, p. 134
14. Stanko A.I. Development of the theoretical knowledge about period print in Russia

(XVIII c. –60s XIX c.). – Publishing house of the Rostov's university, 1986, p. 44
15. Korkonosenko S.G. Journalism sociology. St. Petersburg: aspect-press. 2004, p.23
16. Fonvisin D.I. Complete works in two volumes. Moscow-Leningrad, 1959, vol.2, p.64
17. Radishev A.N. Complete works in three volumes. Moscow-Leningrad, 1937, vol.1, p. 334
18. Radishev A.N. Complete works in three volumes. Moscow-Leningrad, 1937, vol.3, p. 523.
19. News collection. St. Petersburg, 1775, September, p. 2–3 (unnumbr.)
20. Gorshkov A.I. BeforePushkin prose's language. Moscow, 1982, p. 185
21. M. H. The letter. Useful entertainment. Moscow, 1761, N1, p. 14
22. Russian journalist and journalistic education [the text]: (sociological researches) / L.G. Svitich, A.A. Shiryayeva; under Y.N. Zasurskiy edit. – Moscow: VK, 2006.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Anosov S.S. Consolidation efficiency: social policy of the state 5
Kudrjavcev V.A., Grudina T.N. Religious determinants of social life: the sociological heritage of S.L. Frank and its applicability to modernity 21
Gribova K.L. Moscow – a global city: features of development and social problems..... 30
Gomtsyan O.A. Criminal subculture: specifics, reasons for attractiveness and influence on teenagers and young people..... 36
Kovaleva A.V. The Institute of the Family in modern Russian Society..... 41
Tamitskaya E.N., Tsyhonchik N.V. Risk factors of interethnic tension among the young people in the regions of the Russian Arctic 45
Shkurupei O.V. Social support for young people in a "Post-teen" world..... 54

EMPIRICAL STUDIES

Aradashev R.G. Peculiarities of Russians' Consciousness: Strategies for Perceiving the Future..... 60
Popova M.V. Modern Russian migrations from city to village 68
Volkov Yu.G., Gavrilov P.S. Foreign students in the educational space of Russian universities: problem field and potential of sociological research..... 75
Korkiya E.D. Social loneliness as an attribute of urbanist practices in the context of forced self-isolation 81
Polyushkevich O.A. Trust in a changing world..... 87
Hu Yue, Zuo Qi. Application of modern digital technologies to control coronavirus COVID-19 epidemic in China..... 93
Konobeyskaya A.V. Features of self-preservation behavior of students of technical specialties during the period of self-isolation (social research in the context of the COVID-19 pandemic)..... 101
Nagieva M.K., Salikhova L.B., Basirova K.K. Study of the electoral preferences of Dagestan youth, taking into account their material and social status in society..... 112
Polyakova N.V. The problem of the sacralization of power on «The basis of the social concept of the Russian Orthodox Church» 120
Pugatsky M.V., Romanova N.M. On the border states of the person and society in legal psychology and social construction 130
Khlopov O.A. Arctic Strategy of Russia and NATO: Possible Scenarios 136

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Konkov A.T., Bakunov A.V. Corporate social responsibility as a strategy to minimize risks in the activities of foreign oil and gas companies 146
Vodopetov S.A. Impact of the COVID-19 pandemic on the migration processe in the Russian Federation 153
Gallyamova E.M. Evidence-Based Public Policy: Opportunities and Limitations..... 158
Pogrebnoi D.N., Osipenko E.B. Theoretical and methodological foundations for the study of official behaviour in domestic scientific literature in the second half of the twentieth century 163
Filyasova Yu.A., Potemkin V.K. Social factors of university faculty perfectionism..... 169

SOCIOLOGY OF CULTURE

Mamaraev R.M., Lysenko Yu.M., Garunova N.N. Political culture of Dagestani youth and its electoral attitudes at the present stage of development..... 180
Yakimova S.I. Book of essays by Vs.N. Ivanova "Fires in the Fog: Thoughts on Russian Experience" (Harbin, 1932) in the context of the writer's work 188

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Izvekova T.F. The cognitive tradition of heraclitus: the main antique solution to the problem of faith and knowledge relationship 196
Safronov A.V. Method of completion of reality and causal dualism: prayer as a method..... 205

Sizintsev P.V. Ideas about the Individual in the Work of the Russian Thinker Bishop Augustine (Gulyanitsky) 216
Chernyshev V.P., Khabarova O.L., Belkina N.V., Bachurina Yu.V., Pokusaeva N.V. Cultivated forms of physical activity as a means of forming a private zone of the personality 223

SOCIAL PHILOSOPHY

Belomytsev A.A. Problems of social destructiveness in the philosophical thought of the second half of the XX century 228
Danilova M.I., Vasilyeva A.S., Kobyakova I.I. Dynamic ontology: the problem of the subject and method of research..... 238
Gavrilova Ju.V., Kononyon S.V., Shevchenko M.S. Conceptualization of the essence of ideas about the social security of the regions of the Russian-Chinese border area in the domestic scientific discourse..... 245
Khvastunova Ju.V. Postgenderism in the paradigm of transhumanism on the example of the ideas of extropianism..... 253
Zhang Jie. Chinese semi-urbanization's phenomenon and its impact on rural education 263
Emelyanova E.V., Silenkov V.I., Shabanov L.V. Philosophical and religious concepts of prevention of drug addiction in the social space of the modern human 269
Sheremet A.N. Journalism in the social studies of the russian educators: historical and sociological aspect..... 278